

Владимир Андриенко

Проклятие Кантакузенов

16+

Владимир Александрович Андриенко

Проклятие Кантакузенов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68748912

SelfPub; 2023

Аннотация

Рукопись о проклятии князей из знатного дома Кантакузен сделана чиновником сысского ведомства Волковым Степаном Андреевичем. Волков был назначен начальством вести следствие в знатном доме князя Антиоха Кантемира, который по отцу принадлежал к славному молдавскому роду Кантемиров, а по матери к роду князей Кантакузиных. А случилось тогда в означенном доме происшествие странное. Ведь были Кантакузины родом из Валахии и привезли с собой в Россию темные знания своих предков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	66
Глава 5	94
Глава 6	113
Глава 7	137
Глава 5	171
Глава 9	181
Глава 10	211
Глава 11	232
Глава 12	264
Глава 13	297
Глава 14	317
Глава 15	341
Глава 16	365
Глава 17	400
Глава 18	436
Глава 19	464
Глава 20	468
Глава 21	500
Глава 22	522
Глава 23	539

Владимир Андриенко

Проклятие Кантакузенов

Глава 1

Дело в вурдалаке.

Москва 1732 год. Сентябрь

1

Канцелярия Юстиц-коллегии в городе Москва.

Главный начальник канцелярии юстиц-коллегии статский советник¹ Иван Александрович Зотов получил повеление от графа Бирена, обер-камергера двора ея императорского величества Анны Иоанновны. Перед ним лежали листы, украшенные гербом Российской империи.

Иван Александрович поправил свои очки и покрутил дорогой перстень на указательном пальце. Так он всегда делал, когда волновался. Большой изумруд его успокаивал.

Юркий письмоводитель канцелярии коллежский регистратор² Дурново пожирал глазами начальство и ждал, когда

---

¹ *Статский советник – по Табели о рангах чин 6-го класса. Соответствовал бригадиру в армии или капитан-командору во флоте.

² *Коллежский регистратор – по Табели о рангах низший офицерский чин 14-го класса. Соответствовал корнету в кавалерии, прапорщику в армии, и мичману

статский советник, наконец, произнесет хоть слово.

– Дошло таки до матушки государыни, – произнес статский советник. – Слыш-ка, Порфирий Кузьмич.

– А иначе оно и быть не могло. Дело уж больно громкое, – проговорил Порфирий Кузьмич. – Связи с дьяволом! Науки тайные колдовские! Они в роду Кантакузенов завсегда были!

– Скажешь тоже!

– Иного и предположить не могу. Покойник из могилы своей вылез и живых беспокоить начал.

– Не нравится мне сие дело, Порфирий! Когда разбойники кого упокоили и ограбили, тогда все ясно. Когда некто слова ругательные о власти государственной сказал. То и понятно все. А здесь покойник озорует! Неужто я могу в сих делах толк понимать? Вот пусть бы Синод и расследовал!

– Да сам ведаешь, батюшка, кто во главе Синода стоит. Феофан Прокопович-то и сам с дьяволом на короткой ноге, – ответил Порфирий Кузьмич.

– А нам-то что прикажешь делать? – спросил начальник, который всегда, когда дело могло повредить его карьере, говорил «нам», а если дело пахло производством в следующий чин, то всегда говорил «я». – Дело приказано расследовать со всем тщанием. Вишь как! Так в сей бумаге и сказано, будь она неладна. И сие высочайшее повеление от самой государыни. Сам Бирен руку к документу приложил!

– Шутка-ли! – поддакнул письмоводитель статскому со-

ветнику.

– А мне вишь, действительного статского советника*³ обещали дать в этом году уже. А теперь что? Не быть мне превосходительством?

– Не сам сие дело расследовать станешь, сударь.

– Не сам. То верно! Но отвечаю за канцелярию я. А кому его доверить? Что присоветуешь, Порфирий Кузьмич? Кто сие дело возьмет на себя?

– Такой человек среди нашего брата есть, почтеннейший Иван Александрович.

– Кто? Ну, говори, кого прочишь в следователи?

– Надворного советника Степашку Волкова. Они-то в бумаге приказали назначить на это дельце лучшего следователя. А кто у нас лучше Волкова?

– Срочно пошли курьера в его дом. Пусть прибудет ко мне завтра же. Поутру чтобы.

– Будет исполнено!

Письмоводитель поклонился начальнику канцелярии и, пятясь задом, вышел из кабинета.

Статский советник же потер руки и стал снова перечитывать присланный приказ.

«В московскую контору Сената для перенаправления в московскую Юстиц-коллегию.

Из собственной канцелярии Ея Императорского Величе-

---

³. *Действительный статский советник – чин соответствующий генерал-лейтенанту.

ства, вседержавнейшей государыни Анны Иоанновны, сие дело в срочном порядке передано в Сенат для скорейшего и тщательного расследования.

Дошло до слуха самой государыни о происшествии в доме князя Антиоха Кантемира. Дело то слишком слухами непотребными по Москве отзовется.

Указала государыня императрица сии сведения расследовать и, ежели они подтвердятся, то виновных заарестовать для суда праведного.

Расследование учинить со всем тщанием и назначить к тому лучших сысканого ведомства чиновников. И слухи скверные по Москве пресечь незамедлительно!

Подписано

Граф Эрнест Иоганн Бирен».

***

Иван Александрович про сие дело слышал. Да и как не слышать, коли слуги в его собственном доме токмо про то и говорили. Принес таки проклятый Кантемир эту заразу на Москву. А ему теперь разбирай все это.

А можно ли тронуть князя Кантемира? Он матушке государыне верный человек. Не даст она сего князя на расправу. Эх! То ли дело было при государе Петре Алексеевиче.

Тогда состоял Иван Александрович Зотов фискалом. Многих на чистую воду вывел и тем государю угодить смог. Это он раскопал все мерзости Президента военной коллегии князя Александра Даниловича Меншикова. Он и пере-

дал все подробности императору. Тот на Данилыча осерчал, и собственноручно отходил его палкой по спине. Зотову же государь сказал:

– Верный ты человек, Зотов! Про твои заслуги стану помнить!

– Я слуга России, государь!

– Больше бы верных людей, Зотов! Сколь мало их у меня. Одни воры и тати вокруг!

– Дак я готов, государь, сие зло выметать из России. Жизни своей не пожалею.

– Не врешь? – строго спросил Петр.

– Как можно, государь.

И перевёл Пётр Великий его в Юстиц-коллегию. И уже быть бы Зотову генералом, но помер Петр Великий. А князь Меншиков при новой императрице Екатерине стал первым человеком в государстве. И он все Зотову припомнил.

– Что, Ивашка, – радовался тогда Меншиков. – Думал, списал Данилыча? А вот тебе! Теперь я тебя жрать стану! Не возрадуешься.

И сунул под нос Зотова дулю.

По приказу Меншикова его отправили из Петербурга в Москву. И карьера бывшего фискала замерла. Благо для него, что матушка Катерина Первая не просидела долго на троне российском. В 1727 году она скончалась. Место её занял мальчик-император Петр Второй, внук великого Петра. Но и при его особе Меншиков сохранил поначалу положе-

ние. Даже свою дочь за императора сосватал.

Думал Зотов тогда – пропала его головушка. Шутка ли, Меншиков – тесть императора. Все припомнит! И сидел Иван Александрович безвылазно в своем имении.

Но князя Долгорукие оттеснили Меншикова от трона и подложили под малолетнего императора собственную невесту Екатерину Долгорукую. И быть бы им в большой чести, но Петр Второй умер в 1730 году от оспы.

На трон вступила Анна Иоанновна. Дочь родного брата Петра Первого и соправителя его Ивана Пятого. И снова карьера Зотова пошла вверх. Его вернули на службу и восстановили в прежнем чине...

***

Первый рассказ о загадке в доме князя Кантемира.

В начале осени явился в дом князя Кантемира на Москве старик Войку из валахов. И был тот старик давним слугой рода Кантемиров. Его еще отец Антиоха князь Дмитрий Кантемир привез с собой в царствование государя Петра Алексеевича.

И жил старик в пожалованном Кантемирам имении подмосковном. И все уважали его, и сам князь с ним обращался как с равным. И вот недавно призвали старика Войку в Москву. Говорили, что старший брат Антиоха князь Константин Кантемир отправил его из имения за делом срочным. И дело то было особого свойства.

Помер в московском доме у князя Антиоха Кантемира хо-

лоп его Тишка. И было тому Тишке тридцать лет от роду. И никто про сего холопа даже не вспомнил бы. Мало ли на Москве помирали? Разбойнички ежедневно до десятка христианских душ забирали. Но тот холоп княжеский через три дня после того, как похоронили его, в дом князя явился.

Стряпуха Дарья видала его ночью.

Она на кухне возилась, ибо барин к следующему дню гостей ждал, и работы стряпухе было много. А та самая Дарья не могла знать про смерть Тишкину. Дом-то у Кантемиров большой и до кухни не все слухи доходили.

Вошел он в белой рубахе до колен, веревкой перепоясанный, в штанах также белых холщевых.

– Тишка? – спросила его Дарья. – С чего на ночь глядя? Али не спится?

Тот сказал только:

– Поесть дашь ли чего?

– Да вон хлеб перед тобой да добрый кусок свиного око-рока. Ешь коли охота.

Ничего не сказал Тишка и только схватил мяса кусок и зубами впился в него.

– Али голоден так? – усмехнулась Дарья. – Ныне барин хороший ужин для холопей задал. Али не насытился?

Тишка жевал.

– Всем вам много воли барин-то дал. Сытно живете.

Повариха продолжила работу. Она чистила рыбу. Холоп же насытился и ушел восвояси.

А на утро зашел на кухни конюх Иван.

– Нет ли чего похмелиться, Дарья? А то голова трещит.

– Что вам пусто было! Повалились. Одному жрать дай, иному выпить.

– Чего? Али уже был кто здесь до меня?

– Дак ночью Тишка заходил.

Иван опешил. Ведь схоронили Тишку два дня назад.

– Ты в своем уме, кума? – спросил конюх. – Какой Тишка?

– Знамо какой! – сказала толстуха. – Один Тишка у нас-то. Иного нет.

– Дак и я про то! Помер Тишка твой. Бобылем жил и помер бобылем!

– Чего? С чего это он помер? Али костью свиной подавился?

– Да кто его знает, отчего помер-то он? Дохтур чего-то проквкал, немчура поганая, да, поди, разбери чего. Вот два дни тому и схоронили его на кладбище за городскими воротами.

– Ты чего мелешь, старый? Кого схоронили? Да он ночью здесь был живой!

– Тишка?

– Тишка! Я говорю тебе!

Иван перекрестился и произнес:

– Спаси Христос!

– Ты чего это? – испугалась Дарья. – Али взаправду помер?

– Помер. Да Тишка тот в услужении был у старухи роду Кантакузенов.

– Дак молод Тишка-то для слуги старухи Кантакузен. Сколь ему лет-то? Он только народился на свет тогда.

– А про дядьку его Лукьяна-кузнеца позабыла?

– Чего Лукьян-то? – спросила Дарья.

– Знался он с нечистым. И через него старуха на Тишку навела проклятие.

– И чего?

– А того, что видать душу он свою запрода! Знаешь ли, что про Кантакузенов говорят?

– Свят, свят, – стала креститься стряпуха...

***

И, возможно, что все сочли бы стряпуху спятившей с ума, но дело на том не кончилось.

Через два дня снова Тишку на кухнях видели. На сей раз лакей барина Семен забрел туда ночью, дабы тайно вина испить из запасов барских. В полночь покойник явился в той же рубахе и снова попросил поесть.

Лакей наутро стал седым и с трудом ворочал языком. А через два дня после встречи с Тишкой помер. И поползи по Москве слухи о вурдалаке...

***

Какие-то люди вроде вскрыли могилу лакея и забили в его сердце осиноый кол. Так болтали. Хотя доподлинно про сие не знал никто. Просто в кабаках питухи обсуждали сие дело.

– То верно сделали, – говорил старик крестьянин. – Я был в молодые годы на Украине. И был среди казаков на Запорожье один казак по имени Иван с прозвищем Рваное ухо.

– И чего? – спросил его подвыпивший солдат-преображенец.

– А того, что тот казак и был вурдалаком!

– Брехня! – преображенец стукнул кулаком по столу.

– Да ты погоди! – успокоил солдата приказчик купеческий. – Пусть человек доскажет. Говори, старик.

– И тот казак был в плену в молодые годы. И ухо ему в Туретчине вурдалак порвал. И когда он помер, то сам стал вурдалаком. Я в те поры там неподалеку жил. И в селе Ракином некие запорожцы у вдовиц проживали на постое. И тот Иван Рваное ухо также. Но никто не знал, что сей Иван помер.

– Чего брешешь, старый? Как помер? – спросил преображенец.

– Говори толком, старче. Что значит, помер? – спросил приказчик.

– Дак горло надобно промочить. Поднеси водочки, милостивец.

– Дайте ему чарку!

Старик выпил поднесенную чарку водки и продолжил:

– Дак помер он, и погребли его на Запорожье. А он возьми и появись в Ракитном. Но там не знали, что сие есть мертвец, восставший из могилы.

– И что?

– А то, что пришел в то село еще один запорожец. Он и хоронил Ивана. И все рассказал. И после того Рваное ухо пропал. Но вдовица, с которой он жил внезапно померла. И также после того как схоронили её, вернулась в дом своей дочери старшей и просила есть!

– Так и в дому Кантемиров случилось! – закричал какой-то слуга. – Точно так и было.

– И лакей барский, что помер, мог вурдалком стать. Вот и вбили в сердце его острый кол. То первое дело!

Старик крестьянин подтвердил:

– Верно! Сие первое дело. Но лакей не первый, кто вурдалаком стал!

И снова старику стали наливать водку. Просили рассказывать дальше...

***

Князь Константин Кантемир, перед отъездом за границу, обеспокоился тем делом и прислал на Москву к брату старого Войку. Дескать, тот сможет помочь в сем деле. Ведь он из рода колдунов и знает, как нечисть разную приструнить.

Войку рассказывал:

– Преобразился в вурдалака после смерти один из Кантакузенов. И стал людей мучить.

– А кто есть вурдалак? – спросили у Войку.

Тот ответил:

– Вурдалак есть коровосос нечистый. Сие мертвец, выходящий из могилы, дабы живых мучить. Бывало вурдалаки

кровь пили из шеи жертв своих, иногда попросту душили людей. Те, кто стал жертвой вурдалака, иногда, могут и сами в него обратиться после смерти. И не имеют те вурдалаки привязанности к близким своим. Часто мучают они именно кровных родичей своих.

– А с чего именно родичей?

– Потому что не человек сие более. Нет в нем души христианской. Токмо тело осталось и искра жизненная в нем не от бога, но от дьявола...

2

Дом надворного советника Степана Андреевича Волкова.

Надворный советник Степан Волков был весьма удивлен приказом срочно явиться к начальнику канцелярии. Он угостил курьера рюмкой водки и тот сразу убрался восвояси, ибо беседовать долго с опальным надворным советником не хотел. Мало ли, как к нему начальство расположено.

Волков высокий и крепкий мужчина сорока лет вернулся в столовую, где пил кофе вместе со своей супругой Елизаветой Романовной.

Жена посмотрела на него и спросила:

– Что там, Степанушка? Они тебя выгнали со службы? Отставка? Наконец то.

– Нет, Лиза. Наоборот. Начальник канцелярии желает лично меня видеть и воздать мне по заслугам. Здесь так написано от его имени. Тон весьма милостивый. Я такого об-

ращения от своего начальника уже давно не удостаивался.

– Вот как? – Елизавета Романовна искренне удивилась. – С чего это ему так благоволить к тебе? Твой Иван Александрович и мизинцем не пошевелит, ежели ему сие выгоды не принесет.

– Ты права. Очевидно, дело у них появилось, и без меня, его им не решить.

– Бросил бы ты эту службу, Степушка. Что тебе в ней? Разве они способны оценить тебя. Сколько ты сделал для них? А где благодарность? Имение у нас, слава богу в порядке, дом в Москве. Чего тебе еще?

– Да не могу я без дела, Лиза. Думал, ежели выгонят, то уйду. Но тут сами зовут.

– То-то и подозрительно. Твой-то начальник канцелярии всегда тебя не жаловал. С чего это ему вдруг тебя хвалить? Они же спят и видят, как тебя спихнуть с места.

Елизавета Романовна была на 15 лет моложе своего мужа и была страстно в него влюблена. Высокий и крепкий мужчина сразу же покорила её при первой встрече и уже через три месяца они обручились, а затем скромно обвенчались в деревне.

Елизавета, женщина невысокого роста, стройная, с черными длинными волосами признавалась в свете красавицей. Больше того, она была довольно богата, по сравнению с мужем, у которого не было ни гроша. Она принесла ему недурное приданое в виде имения в 270 душ и московский боль-

шой дом. Волкова считали плохой партией для неё, и этот брак многих удивил. Но молодые, не смотря на злые языки, были счастливы.

Волков не сделал карьеры, не брал взяток, и не любил лебезить перед начальством. Он был, что называется, четный служака и искренне любил своё дело и был верен присяге.

– Лиза, я сколь раз тебе говорил, – Степан погладил жену по щеке. – Я служу не персонам, но своему отечеству. И у нас здесь есть немало честных людей, что интересы службы и интересы отечества ставят выше личных интересов. Но и разной сановной сволочи по нашим ведомствам сидит немало. И противостоять им почитаю долгом совести и чести своей.

– Погубят они тебя, Степушка. Не верю я вашему начальнику канцелярии. Нехороший он человек.

– Это мы еще посмотрим. А человечешко он и вправду темный, и скользкий. Ну, да и я не лыком шит. Посмотрим, что он мне скажет.

– Новый кафтан одень и камзол малиновый с позументом, Степанушка. Тот, что давеча тебе справили. А то ты все в мундире и в мундире старом...

3

Канцелярия Юстиц-коллегии в городе Москва.

На следующее утро Волков прибыл в канцелярию. На нем был малинового цвета камзол и такой же кафтан с серебряным позументом. Он скинул в передней в руки слуги плащ и бросил треуголку с плюмажем.

– Степан Андреевич! – слащавая улыбка письмоводителя Порфирия Кузьмича, показала Волкову, что его ждали. – Их высокоблагородие давно ждут вас. Вы припозднились.

– Я прибыл точно в указанное время. Здравствуй, Порфирий Кузьмич.

– Ин ладно, голубчик, Степан Андреевич! Идемте! Пора к делу приступать.

– А что за дело-то, Порфирий Кузьмич? Вы видно уже знаете, что стряслось, что я понадобился?

– Знаю. Бумага пришла и велено нам высочайшим указом произвести следствие по делу в доме князя Кантемира и назначить на него нашего лучшего чиновника по сыскному делу. А кто лучше вас?

– Высочайшим указом? – удивился Волков такой формуловке. – Высочайшим?

– Именно так, Степан Андреевич. Сама вседержавная и всемилостивейшая матушка государыня Анна повелела сие следствие учинить. А обер-камергер ея величества его светлость граф Бирен за сим делом станет надзирать. Ответственность велика. Вишь, куда закинуло. Особы высочайшие!

– Ответственности я не боюсь, Порфирий Кузьмич. Вам ведь ведомо про то, не так ли?

– Дак кто сомневается, Степан Андреевич. Кому сие дело и поручать окромя тебя. Ты честен и дело превыше всего ставишь.

– Недавно вы мне с начальником канцелярии иное говорили. Карамми всякими мне грозили. Али я чего не понимаю?

– Дак кто старое помянет, Степан Андреевич, тому глаз вон. Так в народе говорят. Чего прошлое ворошить? Было и было. Дело надобно делать.

– Странно мне слышать такое из уст твоих, Порфирий Кузьмич. Ну да ладно. Чего на свете не бывает.

Они вошли в кабинет начальника канцелярии, который сам встретил Волкова и приветственно с ним раскланялся.

– Все недоразумения между нам возникшие, считаю досадной ошибкой, Степан Андреевич, – произнес статский советник. – И не желаю более вспоминать об этом. Считаю, тебя лучшим по следственной части чиновником юстиц-коллегии. И уже написал представление и ходатайство в канцелярию Сената и о награждении тебя орденом.

–Благодарю за высокую оценку моих скромных трудов на благо отечества, Иван Александрович.

–Тебе поручается важное дело! Важнейшее! Ибо повеление об этом следствии исходит от самой императрицы Анны Иоанновны.

–Готов выполнить все повеления матушки государыни, восшествие на престол которой я приветствовал всем сердцем, – ответил Волков и его слова на этот раз были искренними.

–Вот и отлично! Дело сие касаето дома князя Антиоха Кантемира. Знаешь ли об этом?

–Кантемир роду весьма знатного. Но не знаю никакой вины за ним.

–Дак не в самом Кантемире дело, Степан Андреевич. Али не слыхал ничего, что в доме его происходит?

–Нет! Не до слухов мне, господин статский советник, – твердо ответил Волков. – Коли долг требует, то дело нужно разбирать, невзирая на чины.

– Дело страшное, сударь. Вот бумаги, что тебе следует почитать.

– Прочту, господин статский советник, – ответил Волков. – Велите сразу приступить?

– Да, Степан Андреевич, приступай не мешкая! Дел то сколь у нас! В городе свободных мещан и купцов грабят лихие люди. Разбойные ватаги по большим дорогам озоруют. А дел по отравителям сколь? Купец первой гильдии Лыткин вчерась помер и доктор полицейский сказал, отравили сердешного. Начали следствие. А по дуэлям сколь дел? Ведаешь ли? Вот тебе для примера. Также вчера отставной гвардии поручик Игнатъев, в трактире напившись, голову капитану Фролову проломил табуретом. Капитан от того помер, в поручик, сукин сын, говорит была честная дуэль.

– Я все понял, господин статский советник. И делом Кантемира займусь незамедлительно!

–Тебе будет дан в помощь коллежский асессор⁴ Иван Кар-

---

⁴ *Коллежский асессор – чин по Табели о рангах соответствующий чину майора.

лович Тарле, что недавно прислан в московское ведомство юстиц-коллегии.

– Я слышал про Тарле, – проговорил Волков. – Он имеет связи в самых высоких кругах. И мне странно, что он взялся за это дело.

– А мне и самому странно, – кивнул Иван Александрович. – Да только он сам сегодня утром попросил приписать его к сему делу.

– Сам просил?

– Сам, – ответил Зотов. – Я подумал, с чего ему в сие дело нос совать? Зачем? Но коли желает пусть делает. Мое дело сторона. Тарле ведь временно в наше ведомство переведен.

– Стало быть, коль свернет себе шею, то и отвечать не вам! – пошутил Степан.

– Отвечать не мне..., – статский советник осекся. – А ты, Степан Андреевич, неужто намерен возразить? Али приказ государыни тебе не в указ?

– Я все понял, господин статский советник. Могу идти?

– Иди, голубчик. Делай дело!

Волков взял бумаги и покинул своего начальника...

***

Волков вышел на улицу и уже хотел сесть в экипаж, который его дожидался, но к нему подошел молодой чиновник, высокого роста в плаще, из-под которого виднелся роскошный камзол. В руках он держал изящную трость, отделанную серебром. Это был Иван Карлович Тарле.

Он приподнял треуголку и слегка склонил голову.

– Честь имею представиться, господин надворный советник. Коллежский асессор Тарле, Иван Карлович. Приставлен к вам в помощники по делу князя Кантемира.

Волков понял, что Тарле ждал его здесь намеренно. Явно не терпелось сему чиновнику взяться за дело. С чего это такое рвение?

– Вы не рады мне как помощнику, сударь? – спросил Тарле.

– С чего же мне быть не раду, сударь? Слышал о вас, Иван Карлович, токмо хорошее.

– Простите великодушно, Степан Андреевич, но вижу я недовольство ваше. Может, скажете, в чем дело?

– Вы ждете прямого ответа?

– Да, – ответил Тарле. – Нам вместе работать.

– Не могу я понять, отчего вы сами захотели в сем деле участвовать?

– Охотно отвечу, Степан Андреевич. Я люблю запутанные и странные дела. Потому служу в сыскном ведомстве.

– Похвально коли так, сударь. К делу рвение имеете. Завтра жду вас.

– Я буду у вас, Степан Андреевич. А сегодня, нет ли каких поручений?

– Нет, Иван Карлович. Ныне надобно мне бумаги разобрать да в дому князя Кантемира побывать.

– Я могу с вами, Степан Андреевич.

– Ныне не стоит нам двоим в дом Кантемира соваться, Иван Карлович. Надобно все тихо сделать. Князь особа важная.

– Как скажете, сударь Степан Андреевич. Честь имею!
Они расстались, и Волков отправился в дом княжеский...

Глава 2

Колдовство в доме князя Кантемира

Москва 1732 год. Сентябрь.

1

Дом князя Антиоха Кантемира.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир был молод, но уже прославить имя свое сумел. Это он, еще будучи совсем юным, отправил прошение на имя государя императора Петра Алексеевича в коем сказал:

«Крайнее желание имею учиться, а склонность в себе усматриваю через латинский язык познать науки, а именно историю древнюю и новую, географию, юриспруденцию. Имею также и к математическим наукам не малую охоту...»

В 1730 году Антиох Кантемир перевел на российский язык трактат Фонтенеля «О множестве миров» и написал ряд популярных сатир, получивших признание в высшем свете.

Молодой аристократ был весьма умен, но не богат, хотя отец его сенатор князь Дмитрий многими милостями государя Петра Алексеевича обласкан был. Но, по закону о май-

оратах⁵, основное имущество наследовал старший брат Антиоха князь Константин. Антиох же мечтал поправить свое состояние благодаря женитьбе удачной. И нынешний скандал вокруг его имени был ему не надобен. Он на дочку первого богача князя Черкасского Варвару нацелился.

***

Высокий молодой человек с красивым лицом с чертами тонкими, встретил Волкова у самого порога. Был он одет по моде. Его сорочка пышно отделана кружевами, шейный платок был батистовый с модной черной лентою. Серый камзол князя расшит серебряной нитью.

– Господин Волков? – Антиох протянул руку Степану Андреевичу.

– Надворный советник Волков.

– Много наслышан про вас. И рад, что вам сие поручили.

– Рад знакомству, князь. Весьма польщен тем, что вы слышали про меня. Я персоне не великая.

– Про вас говорят на Москве. Не желаете ли откусать, чем бог послал?

– Благодарю вас, князь. Но недосуг! Дело ждет. Повеление самой государыни!

– Прошу вас, господин Волков, пожаловать в мой кабинет.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и расположи-

---

⁵ *Закон о майоратах – введен Петром Великим, который запретил дробить дворянские имения, и велел передавать все старшему сыну. Младшие дети дворян должны были жить службой. Вскоре после смерти Петра закон был отменен.

лись в роскошном и просторном кабинете молодого князя. В полумраке поблескивали в резных тяжелых шкафах позолоченные корешки книг, блестели серебряные подсвечники. На дальней стене висел большой портрет государя Петра Великого. Император был изображен в доспехах с Андреевской лентой через плечо.

– Сие изображение государя было подарено моему отцу, сударь, – сказал князь, проследив за взглядом чиновника.

– Государь здесь как живой, князь. Портрет хорош. И дом у вас неплох, ваше сиятельство. Сразу видно хозяина рачительного.

– Сей дом единственное мое наследство, господин Волков. Батюшке подарил его государь Петр Великий. Имение в две тысячи душ, еще один дом в Москве, и дом в Петербурге наследовал мой брат Константин. Вы ведь богаты, сударь?

– Нет, князь. Вы судите по моему костюму? – усмехнулся Волков. – Мол с чего вырядился чиновник юстиц-коллегии?

– Нет, нет, что вы.

– Сие платье ношу не часто, князь. Люблю военный мундир, знаете ли. И ношу мундир с гордостью. Пошил я его еще когда произвели меня в поручики 1-го Московского драгунского полка.

– Отменный полк, Степан Андреевич. По указу государя Петра Алексеевича сформирован. А про богатство я так спросил. Без умысла.

– Я владелец имения по моей жене. Поместье и дом в

Москве – её наследство.

– И я сударь, девушку хорошей фамилии приискивал. Невеста и роду хорошего и приданое принести должна. У меня долгов много, Степан Андреевич.

– Сие понятно, князь. Жена с приданым дело хорошее.

– Да вот эти дела много навредили мне. Да и в опалу при дворе попал я из-за того. Матушке государыне то сильно не по душе.

– Я пришел вам помочь, князь. Расскажите, что случилось у вас дома? Я немного ознакомился с делом, но хочу все узнать от вас.

– По Москве пошли слухи, сударь, что наш род занимается черным колдовством. Но хочу вас уверить...

Волков прервал князя:

– Не стоит, князь. Я не верю в магию черную.

– Не верите?

– Не верю, – еще раз заявил надворный советник. – Все сие страшные сказки для болтливых кумушек.

– Но вы верите в бога?

Волков перекрестился, достал нагрудный крест и показал Кантемиру.

– Ну, знаете ли, это не есть доказательство. Вера живет в сердце, господин Волков.

– Но вера не имеет отношения к сему делу, князь.

– Как знать, – загадочно произнес Антиох. – В моем доме произошли страшные события. Началось все с того, что мой

холоп Тишка, который помер, стал являться в мой дом.

– Кто сей Тишка? – уточнил Волков.

– Я сказал, что это мой холоп.

– Но кто он? Медник? Каретник? Кузнец? Откуда родом? Давно у вас в услужении?

– Тишка перешел ко мне от брата Константина Дмитриевича. Сей дом мне достался, а в слугах был недостаток. Вот мне мой старший брат и прислал нескольких холопов из имения.

– Тишка один из них?

– Да, Степан Андреевич. Его отец и мать служили Кантемирам. И Тишка стал слугой, как подросток. Братец его мне и отправил месяца три назад. Он чистил мои кафтаны. Подавал на стол. Выполнял обязанности посыльного. Да много всего.

– И что за человек был сей Тишка?

– Да малый добрый и спокойный. Исполнительный, расторопный. Не могу сказать о нем плохого слова.

– Отчего он умер?

– Чахотка, – ответил Кантемир. – Простыл и стал кашлять. И болезнь извела его. Братец знал, кого посылать! Знал, что от сего холопа в имении мало толка. Бери боже то, что нам негоже!

– Где схоронили Тишку?

– За городскими воротами на Веденском погосте, господин Волков. Но через три дня его снова видели. Стряпуха

моя увидела. Затем лакеи видели.

– А вы? – спросил Волков.

Антиох покачал головой. Он лично никого не видел.

– Значит все сие лишь со слов ваших холопей известно, князь?

– Да, сударь. Но не думаете же вы, что сие выдумки?

– В последнее время, князь, много чего на Москве происходит. Атаман Ванька Каин шалит. И не он ли к вашему Тишке касательство имеет? Ибо зело хитер сей атаман. Многие пакости придумывает.

– Слышал я про Каина, но не думаю, что к делу сему он касательство имеет. Не мог Тишка знать Ваньку Каина.

– А вот сие, вы, ваше сиятельство, наверное, знать не можете. Каин способен на многое. За ним и не такое водится.

– Но Каин вор, Степан Андреевич. А что красть в моем дому? Большого богатства здесь не найти. В стенах нет тайников с золотом и камнями. Нет у меня книг старинных дорогих с украшенными переплетами. Нет икон в драгоценных окладах. С чего Каину затевать такое дело в моем доме?

– В этом вы правы, князь. Но может быть Каину не золото надобно? Знаю одно – хитер сей вор изрядно.

– Прибыл из имения братца моего некий старик именем Войку. Называют его колдуном. Хотя он вполне безобидный. Не подумайте плохого, сударь. Извольте побеседовать с ним?

– Готов послушать его, – сказал Волков.

– Сейчас я прикажу его позвать...

***

В кабинет вошел пожилой, но еще крепкий мужик. Он был кожей черен как цыган и бороду имел черную окладистую. На нём добротный кафтан аглицкой шерсти без позументов и украшений. Опирался Войку на трость с набалдашником серебряным.

– Звали, батюшка Антиох Дмитрич?

– Проходи, Войку. Видеть тебя хотел, и говорить с тобой станет надворный советник, его благородие господин Волков. Чиновник сысского ведомства юстиц-коллегии.

Старик поклонился. Антиох усадил его в кресло напротив Волкова.

Старик немного «посверлил» своими жёсткими и колючими глазами Волкова и произнес:

– Вижу, не веришь в колдовство, барин? А зря. Я ведь валах родом. И еще покойного князя Дмитрия Кантемира от зла оберегал.

– Я во всем разобраться должен, старче. На то повеление от самой государыни имею.

– Дак, как разбираться станешь? Коли корня зла того не ведаешь? Тишка тот ранее в имени жил и там касательство имел к вурдалаку. И изловить сего Тишку, ой как тяжко будет. И многие беды он принести сможет.

– И что сие за беды? Поясни, старче.

– Мир наш, в котором мы живем ныне, есть мир сре-

динный, – сказал Войку. – Ибо находится он посредине. Но есть и нижний мир, который называется навь – откуда могут прийти в наш мир наваждения и духи. И слишком мало знаем мы о мире навии.

– И как умерший холоп к тому миру относится? – спросил Волков старика.

– Ты, сударь, слушать меня не желаешь. Я сказал тебе о навии, но ты словно не слышал меня. Снова про умершего холопа. Разве дело в холопе токмо?

– А в чем дело, старче? Ведь это мертвый холоп из могилы вынулся. Или нет?

– А ты послушай, сударь. Есть легенда о камне Алатырь. Небесный учитель сделал его Грюч камнем и из него родились светлые боги. Но после богов завладел камнем Великий черный змей, и родились из него темные силы и расползлись по миру демоны. Потому дело не в холопе, а в силах, что телом его завладели.

Волков усмехнулся и спросил:

– А кто свидетелем был смерти Тишкиной? Вы, князь?

– Нет, – ответил Антиох. – Знал я о хворости Тишкиной, и сказали мне, что помер он. Доктора ему вызывали. Но, ни тела его не видал сам, ни как хоронили не знаю.

– Ты ведаешь ли, старче? Видел смерть Тишкину? – Волков посмотрел на Войку.

Но и тот мертвым Тишку не видал. Он прибыл в Москву позже.

– Вот видите! – сказал Волков. – Никто из вас его мертвым не видал.

– Дак мне и видеть не надобно, барин! Я с тем уже сталкивался. Первый раз, когда молод был.

– Сталкивался с чем, старче? – спросил Волков.

– Дак коли человек при жизни муки от вурдалака претерпел, то и сам может им стать после смерти! И вот Тишку как раз вурдалак мучил. Смолоду мучил.

– Смолоду? – спросил князь Антиох. – Я про это не слыхал ничего.

– Дак, давно то было, барин, – ответил Войку. – Ты тогда в колыбели лежал. Но тогда в деревне вскрыли по приказу батюшки твоего могилу кузнеца да кол ему в сердце вбили и сожгли вместе с домовиной.

– Какого кузнеца? – спросил Волков.

– Кузнец Лукьян дядей тому Тишке приходился родным. И был он знаком с молодой девицей из дому Кантакузенов. Она твоей матери, князь, приходилась служанкой. И от Кантакузенов она тайную науку познала.

– И что? – спросил Антиох Кантемир.

– Потому я здесь, барин. Помогать вам стану.

– Помогать в чем? – спросил Волков.

– С нечистым бороться и тех, кто душу ему продал, найти помогу...

***

Вскоре Степан Волков спустился на кухни и переговорил

со стряпухой Дарьей и та ему все рассказала. Что де видала она Тишку собственными глазами.

– И ничего странного в нем не было? – спросил Волков.

– Дак помер Тишка-то. И после того как схоронили его и приходил он.

Стряпуха стала креститься и шептать молитвы.

– Стало быть, ты утверждаешь, Дарья, что покойника здесь видала?

– А то кого же? Коли схоронили его!

– И ты не испугалась, когда увидела ночью покойника, из могилы восставшего?

– Дак коли б я знала, барин! Я-то не знала, что Тишка помер!

– И ты приняла его за живого? Так? – допытывался Волков.

– Так.

– Но, стало быть, он выглядел словно живой?

– Про сие ничего не знаю, барин.

– Но ты же видала его.

– Видала, – согласилась стряпуха.

– Стало быть, можешь сказать, как выглядел Тишка?

– Дак ночь была, господин. Свечи не больно много света дают. Да и сколь свечей дали мне? Я ведь говорила управителю, давай больше свечей! А он чего? Говорит свечей жжем не по достатку. Да рази мне много надо? Сколь свечей...

Волков прервал стряпуху:

– Дарья, вернемся к Тишке. Хочу знать, как выглядел он, когда ты его встретила.

– Поди разбери, как выглядел, коли темно. Явился, поесть просил. Я дала мяса, да хлеба. Он поел да и был таков.

– Стало быть, Дарья, покойник мясо ел?

– Стало быть, ел. Я же говорю, барин. Ночью пришел, и поесть просил.

– Хорошо! А скажи мне, Дарья, ты того Тишку знала хорошо?

– Дак при доме служил он. Видала его.

– Но знала ли ты его? Видать можно и фельдмаршала Миниха.

– Я же говорю, что сей Тишка при доме барина служил. Я и знала его.

– Стало быть знала? Поведения какого сей Тишка был? – спросил надворный советник.

– Тихий был. Недаром Тишкой прозвали. Чтобы с глупостями какими – ни-ни. Не то, что конюхи! Иной раз конюх Семен зайдет на кухню, и давай руки свои распускать. Срамник.

– А водку пил ли?

– Семен? Да пьет как лошадь.

– Погоди, Дарья. Какой Семен?

– Конюх. Я же говорю, барин, конюх Семен, как зайдет на кухню...

– Дарья. Я про Тишку спрашиваю. Про того, кто помер.

– Тот Тишка тихий был.

– Это понятно. А водку пил ли Тишка?

Стряпуха ответила:

– Дак есть ли мужик, кто водки не пьет? Но Тишка допьяна не пил. Того за ним не водилось...

***

Затем имел Волков разговор с конюхом Иваном. Тот и хоронил Тишку самолично.

– Стало быть, ты и хоронил его?

– Я. Как дохтур-то сказал, что помер сердешный. Так и стали готовить его. Бабы-божедомки омыли тело, в новую рубаху и порты нарядили. А мужики его в домовину поклали. И я с лакеями схоронил его на погосте, за воротами городскими.

– И ты самолично забил домовину?

– А то как же! Забил гвоздями и сам гроб опускал в могилу. И крест ставил. Все честь по чести.

– И как тот Тишка мог после того в дом прийти?

– Дак ежели он душу нечистому запродавал. Как водится, и встал из могилы.

– Как водится? И часто у вас покойники из могил встают? – насмешливо спросил Волков.

– Да в первый раз такое, барин, – ответил Иван серьезно. – Но Тишка тот с валахами дружбу водил, от них нечисти и набрался. Да и дядя его Лукьян-кузнец знался с нечистым.

– А как доктора звали?

– Доктора? – не понял Иван.

– Того, что Тишку осматривал.

– Дак немец он, барин.

– Но звали его как?

– Дак нешто можно имена немцев то запомнить. Фамилия его такая... Такая...вроде «геенны огненной». Бесовская фамилия.

– Геенны?⁶

– Вроде адского пламени, барин.

– Де Генин? – догадался Волков.

– Точно, барин! Лекарь де Генин.

Волков более Ивана задерживать не стал. Лекаря этого он знал.

Князь Кантемир остановил его у двери и спросил:

– Вы уже покидаете мой дом, Степан Андреевич?

– Да.

– Дал вам что-то разговор со слугами?

– Мало, князь. Утверждают они, что видели покойного.

Иными словами мертвец покинул свою могилу. Но это по словам ваших слуг.

– И те слова уже по всей Москве гуляют, сударь. И вреда мне много приносят.

– Вот этим я и займусь. Хочу говорить с тем доктором, кто тело холопа видел мертвым. А это личность известная.

---

⁶ *Геенна огненная – долина к юго-западу от Иерусалима, является равнозначным словом «Ад».

– Доктор де Генин?

– Именно! Вы его хорошо знаете?

– Достаточно хорошо, Степан Андреевич. Он ведь часто бывал в моем доме.

– Вы дружны?

– Нет. Я его собственно почти никогда не звал, но мой дворецкий часто посылал именно к этому доктору, если что-то случалось с кем-нибудь из слуг.

– А почему именно к нему?

– Он помогает всем. Так говорят. Но я сам его не выбирал. Хотя не могу сказать ничего плохого о его медицинских талантах, Степан Андреевич.

– Я должен переговорить с доктором де Генином, князь. Но завтра утром я снова у вас.

– Буду ждать, Степан Андреевич...

***

2

Дом лекаря Шарля де Генина в городе Москве.

Большой каменный добротный дом лекаря был замечен издали. Богато жил лекарь франкского происхождения господин Шарль де Генин, которого именовали на Москве Карл Карлович. Имел он практику знатную и многие богачи его услугами пользовались. Лечил купцов и мещан, а не токмо дворян, и многих от смерти спас. Слава о нем шла добрая.

Содержал при себе не менее 10 душ в доме своем. Слуги русские на господина де Генина не нарадовались.

Волков и сам знал лекаря и даже был с ним в приятельских отношениях. Ибо Генин супругу его пользовал разными снадобьями заморскими. И Степану Андреевичу просто повезло, что осмотр Тишки проводил этот лекарь.

Генин обрадовался приходу Волкова.

– Есть с кем водки выпить! Рад тебе Степан Андреевич!

– Прости, сударь, но у меня дело срочное. Не до водки нынче.

– Тогда, может, наливочки откушать изволишь, сударь? У меня Парашка знатные наливочки ставить мастерица. Не откажи.

– Согласен, сударь. С превеликим удовольствием, – согласился Волков.

– Эй, Парашка! Подь сюда! – лекарь позвал молодую девку-горничную.

– Да батюшка-барин? – молодая дородная девица тут же появилась из-за дверей.

– Прикажи там наливки нам подать. И посуду серебряную да закусок. Гость дорогой прибыл к нам. Уважить нужно.

Девка убежала.

– Садись, сударь, Степан Андреевич. Неспроста, видать, прибыл ко мне? Так?

– Так, сударь, Карл Карлович – Волков опустился в удобное кресло. – По государеву делу к тебе.

– По государеву? Ко мне? – искренне удивился де Генин. – Неужто случилось чего?

– Я назначен вести следствие по делу в доме князя Антиоха Кантемира.

– Вот как! – вскричал де Генин. – Стало быть, дошло дело до государыни.

– И до графа Бирена!

– И что они узнали про это дело? Насколько поняли, что за штука здесь сокрыта?

– Ты про что, Карл Карлович?

– Можешь мне сказать, Степан Андреевич, что тебе выяснить поручено?

– Я только начал дело, Карл Карлович. И меня оно к тебе привело. Ты мне кое-что сможешь рассказать.

– Дело сие больно запутанное, Степан Андреевич. Ты про холопа того вызнать все желаешь. Тишкой звали сердешного.

– С него все и началось, Карл Карлович.

– Помер он от чахотки.

– Стало быть, Карл Карлович, ты ручаешься, что мертв был тот Тишка?

– Да, Степан Андреевич. За то поручиться могу. Но и того не отрицаю, что тот самый Тишка после смерти своей мог в дому Кантемира объявиться.

Волков был удивлен такому заявлению де Генина. Ведь лекаря знали, как безбожника, который в науку токмо верил.

– Как же так, Карл Карлович? Не могу понять тебя!

– Я ведь Степан Андреевич бывал в валашском замке рода Кантакузенов! И там слышал историю одну. Тебе будет по-

лезно знать. В деревушке, что стоит неподалеку от замка как-то помер старик. Но через два дня после похорон явился он ночью к своему сыну и просил дабы ему поесть дали. Старика накормили и он ушел. Но спустя неделю снова явился и сына его нашли наутро мертвым.

– Похоже на историю в доме Антиоха Кантемира.

– Его мать из Кантакузенов, Степан Андреевич! Еще бы было не похоже. И тогда в деревне, по которую я тебе говорил, померло больше ста человек. И токмо сожжение трупов, и ритуалы тайные помогли тогда остановить зло, которое вырвалось на свободу.

– Значит, веришь ты, сударь, что подобное могло произойти?

– Я ведь сказал тебе, Степан Андреевич.

– Но в чем причина, Карл Карлович? В чем причина воскрешения Тишки?

– Болезнь особая, Степан Андреевич!

– Болезнь? И что сие за болезнь, что покойников из могил поднимает?

– Ну, может, и не болезнь, Степан Андреевич. Это я так сказал про болезнь.

– Карл Карлович, ты врач и научными знаниями богат. А ныне про вурдалаков говоришь?

– Не сказал я ничего про вурдалаков Степан Андреевич. Это невежественные крестьяне так именуют сие явление. Что могут они понимать? Вот и видят во всем магию и бе-

совские силы.

– Но тогда что это? Пусть ты прав. Предположим. Но как ты можешь сие пояснить без бесовщины?

– Слышал ты, Степан, про «фараонов состав»?

– «Фараонов состав»? Нет, – признался Волков. Он никогда ранее не слышал про это.

– Это средство особенное, пришедшее к нам из глубины веков. Потому оно так и названо «фараонов состав». Хотя его называли и по-иному. «Яд роковой змеи». «Зелье Клеопатры» и еще много как. Есть сведения, что в роду Кантакузенов знали про сие средство. И я хочу побольше узнать про него.

– Но что это такое?

– Говорят средство тайное. То, что жизнь продлить способно. И здесь есть след того состава, Степан. Ведь что мне ведомо? Токмо слухи да рассказы. А я истину знать желаю, Степан Андреевич.

– Что сие значит? – Волков внимательно посмотрел на де Генина.

Доктор откинул ворот своей рубахи и показал Волкову шею.

– Вот здесь! – он указал пальцем. – Здесь у Тишки было два едва заметных следа.

– И что это за следы были?

– Вроде укуса змеинового. И боюсь здесь не в змее дело, Степан.

– А в чем, Карл Карлович? Поясни?

– «Фараонов состав» содержится в особом предмете. Каков он на вид я не могу знать. Но Тишку тем составом пользовали.

– Кто пользовал?

– Да кабы я знал, Степан Андреевич! Я с тобой тем делом заниматься стану, коль ты не против.

– А с чего мне быть против? У нас в сыскном все бегут от дела сего. Шишек токмо нажать можно, а более ничего.

– Дак мне, Степан, чинов ваших не надобно. Я давно понять хотел тайну рода Кантакузен. Рад, что тебе сие дело доверили.

– Со мной еще коллежский асессор Тарле Иван Карлович к тому делу назначен.

– Слышал про него, – ответил де Генин. – То человек добрый. Но скажи мне, Степан, что сам про сие думаешь?

– После следов на шее у Тишки на Ваньку Каина думаю.

– Каин? Разбойник? А он то здесь каким боком?

– Это не просто тать и вор, Карл Карлович. Это шельма известная. Я по делам проследил путь сего злодея. Сын крестьянский из села Иваново на Москву в 1718 году попал. Был он определен к барину майору Заславскому как слуга. Слышал про сие, Карл Карлович?

– Нет, Степан Андреевич. Расскажи!

– Дак майора Заславского обокрал сей Ванька да сбежал из дома. Майор в розыск подал и Ваньку поймали. И быть бы

ему биту на конюшне батогами, но сей вор хитер оказался. Он донос на барина подал.

– Вот как? – удивился де Генин...

***

История Ваньки Каина.

Высокий и сильный сын крестьянский Иван не дураком уродился. С малых лет понял он, что жизнь крестьянская трудна и не столь радостями богата. Видал он, как батя его спину гнул, и как по той спине плети гуляли. От того и напросился он на Москву в дом барский. Сумел угодить управляющему и тот отправил его к их природному господину, майору гвардии Алексею Заславскому.

Попав на Москву, пристрастился молодой слуга в трактире бывать «У Большого моста», где воровские людишки гуляли да подвигами своими похвалялись. Вот там и набрался молодой слуга мудрости житейской и сам решил к гулящим людям пристать.

Знал Ванька, что барин его при войсковой кассе состоит и ворует оттуда безбожно. И решил он взять то, что барином украдено. Взял золото да сбежал.

Но майор был ушлый и Ваньку через два дня поймали. Был он доставлен в допросную, и собирались его бить батогами нещадно и барину выдать головой.

– Я государево дело скажу! – заорал тогда Ванька. – Государево дело знаю!

И те слова пойманного холопа услышал фискал⁷ господин Нестеров.

– Стоп! – сказал он. – Подать сюда того холопа!

И Ваньку перед очи Нестерова поставили.

– Говоришь, что государево дело ведаешь? Так?

– Так, ваше благородие! – ответил Ванька.

– Коли солжешь, быть тебе на плахе! Мое слово крепкое!

– Не лгу, ваше благородие! Знаю государево дело! На майора Заславского знаю! И показать могу!

И выдал Ванька своего барина и про все его дела рассказал. Майора за караул взяли и в допросную направили. А Ванька вольную получил и вышел с награждением в пять рублёв серебром. Так он и получил прозвище Каин...

***

3

Трактир «У Большого моста».

В трактире было тепло, пахло щами, мочеными яблоками да грибами сушеными.

Статный парень в красной рубахе перепоясанной кушаком сидел за столом с десятком собутыльников и пил хлеб-

---

⁷ Фиска́л – должность, учреждённая Петром Великим. В последнем из параграфов указа, данного 2 марта 1711 года Сенату, говорится: «учинить фискалов по всяким делам, а как быть им прищется известие». Через 3 дня, 5 марта, новым указом повелевалось учредить должность обер-фискала; он должен был иметь тайный надсмотр над всеми делами; ему надлежало следить за тем, не учинялся ли где-либо неправый суд, не совершалось ли незаконного «в сборе казны и прочего».

ное вино (водку), заедая его пирогами и да блинами с икрой. То и был знаменитый Ванька по прозвищу Каин.

Михайло Голубев бывший солдат, ныне дезертир и вор, хвастал, что де нет силы которая его хитрость преломит.

– А все отчего сие? – говорил Голубев. – Талисман заветный имею! Вот и везет!

– Брешешь! – выкрикнул один из собутыльников.

– Брешу? – вскричал бывший солдат. – Дак нет же! Я сбег из полка и никто не поймал меня! То раз!

Солдат стал загибать пальцы.

– Затем, когда всех наших в трактире взяли, кто спасся? Я токмо один! То два! И послух* (*Послух – доносчик) на меня не показал на допросе! Во как! То три!

Каин токмо ухмылялся похвальбе солдата. Ему ещё ничего не пришлось пережить, а он дурак накликает беду на свою голову. Сам Ванька многое испытал. Били его плетьюми год назад и потом на раны порох сыпали и жгли.

Того Каин вовек не забудет. Той пытки никто не выдержит.

– Да погодите вы! – прекратил спор бывший каретник Кузьма. – Слыхали, чего на Москве говорят?

Все посмотрели на него.

– А говорят, что, дескать, вурдалак в доме Кантемиров!

– Брехня!

– А вот и не брехня! – стал доказывать Кузьма – Дело до царицы уже дошло!

– Иди ты!

– Дошло! Про сие точно знаю. И повелела царица то дело расследовать со всем тщанием.

– И чего?

– А того, что назначили Волкова Степана!

– Волкова? Не брешешь? – спросил Каин.

– А чего мне брехать? У меня знакомец в доме у Кантемира. И сегодня Волков в дому у князя был! Во как!

Ванька задумался. Волков слишком ему не нравился. И не сребролюбив и честен. Будь все такие на государевой службе, давно его голова на плахе бы скатилась.

– А может просто так Волков к Кантемиру заехал?

Каретник Кузьма возмутился.

– Да с чего Волкову, сыскного ведомства чиновнику, посещать князя? Не дружны они чай.

– А ты откуда знаешь, кто у князя Кантемира в друзьях? – спросил Каин.

– А вишь знаю! Не бывал ранее никогда в дому у князя Степан Волков. Не бывал! А ныне приехал? С чего? Повеление есть дело расследовать! С того и прибыл!

– С вурдалаком только свяжись, – сказал кто-то.

– Осиновый кол надобно для вурдалака! То первое дело. Но коли кола не вогнали, то жди беды.

– Она уже пришла.

Каин усмехнулся и сказал:

– Кому беда, а кому мать родна...

Глава 3

Смерть в доме Кантемира.

Москва 1732 год. Сентябрь.

1

Москва.

Дом надворного советника Степана Андреевича Волкова.

Надворный советник Степан Волков был поднят с постели рано утром специальным курьером. Это был посланный из дома Кантемиров. Волков накинул халат и вышел в гостиную, где его ждали.

– Доброго тебе утра, барин! Я от Антиоха Дмитрича!

– С чего это в такую рань? Али приключилось чего?

– Да, барин. В самую точку. Приключилось. Стряпуха Дарья померла.

– Как померла? Я только вчера говорил с ней. Здоровая и крепкая баба. Кровь с молоком.

– Вчера была здоровая и крепкая. А нынче померла сердешная. Барин наш князь Антиох упредить тебя велел.

Степана новость не обрадовала. События стали развиваться слишком стремительно. Если так и далее пойдет, то дела ему не завершить. Волков знал, с какой скоростью распространяются слухи на Москве. И знал он, как любит импера-

трица послушать такие байки. Как скоро ей донесут о новой смерти в доме Кантемира? Нельзя чтобы про сие узнали в городе!

Он спросил слугу:

– Что в доме князя? Многие ли про смерть Дарьи знают?

– Пока мало кто знает. Князь приказал холопам, что труп нашли, молчать! Князинька наш крут бывает и потому никто не пикнет. В его дому не забалуешь.

– Верно князь сделал! Шум нам нынче без надобности. Я собираюсь и еду в дом князя.

– Князь и повозку прислал, барин Степан Андреевич.

– Я быстро соберусь. А ты жди здесь. Водку пьешь ли?

– Пью, барин.

– Тебе вынесут!

Степан вернулся в спальню. Елизавета Романовна спросила его:

– Что случилось, Степанушка?

– Мне пора ехать, Лиза.

– Ехать?

– Да, по делам службы вызывают. Дело безотлагательное!

Волков стал одеваться. Он не любил когда его одевали лакеи. Всегда ворчал, что де медленно и неуклюже делают.

– Слуг бы позвал, Степанушка, – сказала жена.

– Нет. Я чай и сам не безрукий.

Он стал рыться в ларе. Искал платье* (*платье – здесь одежда не зависимо от пола).

Все было на месте, сложено аккуратно и пахло лавандою.

Степан надел на этот раз свой старый мундир. Это была военная форма 1-го Московского драгунского полка. Белая рубаша, короткий красного цвета камзол, вокруг шеи черный галстук, синий кафтан с позументом, высокие сапоги-ботфорты, кожаные перчатки-краги, треугольная шляпа.

– Отчего в старом, Степушка, – посетовала жена. – Зачем новое платье для тебя шили?

– Лиза, у меня дело тайное! Не до нарядов.

– А кто прибыл за тобой? Курьер из канцелярии?

– Нет. Посланный из дома Кантемиров.

– От Кантемира? А что случилось?

– Ничего страшного, Лиза. Незачем тебе своей головки тем забивать.

Он оделся, поцеловал жену и покинул покои. Спустился в гостиную, но там княжеского слуги не оказалось.

– А где он? – спросил Волков слугу Хрисанфа.

– Чего? – не понял его слуга.

– Я спрашиваю, где посланный из дома Кантемиров? Тот, кому ты водку принес!

Волков указал на графин на подносе и рюмку.

– Дак, они выпили и во дворе дожидаются у самого экипажу, что за вами прислали, барин.

Волков взял плащ из рук слуги и поспешил вниз. Его действительно ждал во дворе экипаж с гербами Кантемиров на дверцах, запряженный четверкой коней черной масти...

***

Елизавета Романовна слышала, как карета укатила с подворья. Её муж отбыл по делам. Она не любила вставать с постели рано и снова решила вернуться ко сну.

– Не время спать, красавица, – услышала она незнакомый голос.

Женщина вздрогнула как от удара плети.

– Кто здесь?

– Я, – был ответ.

Она увидела старика, который сидел в темном углу в кресле и смотрел на неё.

– Кто здесь? – снова спросила она.

– Не стоит тебе беспокоиться, красавица. Я пришел к тебе не со злом.

– Но кто ты?

– Войку.

– Войку?

– Это мое имя. Муж твой в дом Кантемиров отъехал. А я упредить тебя остался.

– Упредить? – Елизавета Романовна закрывшись одеялом, забила в угол кровати.

– Да ты не бойся меня, касатушка. Я с добром пришел.

– С добром? Не могу понять тебя, старче. Зачем ты в мои покои проник? Степан знает ли про сие?

– Не знает ничего твой Степан, касатушка. А я упредить тебя пришел. Ибо может статься, что более времени не будет

для сего. Дело о смертях в доме Кантемира поручено мужу твоему.

– Но я не знаю ничего про службу Степана Андреевича. Он не любит, коли я в дела его лезу.

– Тут дело трудное, касатушка. Снова вурдалака призвала старуха Кантакузен.

– Какого вурдалака?

– Али тебе про сие ничего неведомо? – спросил старик.

– Что могу я знать? Степан ничего не сказал мне. Не любит он посвящать меня в свои дела. Так скажи, что знаешь про вурдалака?

– Вурдалак или навия из могилы к жизни возвернулся. Не принял его нижний мир и навия снова среди живых. Так уже не раз бывало и тебе про сие хорошо известно, красавица.

О навиях она читала в книгах. Книга древних сказаний была в библиотеке её отца. И там был рассказ о навии, который прибыл на берега Днепра в стольный град Киев из Константинополя.

– Но разве не сказки сие? – спросила она. – Было это еще во времена, когда народ русский не знал Христа.

– Ты давно прочитала сию сказку, красавица. Но запала она в твою душу.

Елизавете Романовне стало страшно от этих слов старика.

– Она на тебя нацелилась, касатушка. Про сие помни.

– Кто? Про кого молвишь, старче?

– Старуха Кантакузен!

– Старуха Кантакузен? – переспросила Елизавета Романовна.

– Или не помнишь сего имени, красавица?

– Откуда мне знать его?

– Она древнего рода и колдуны в этом роду водились. И взяла Кассандра все пороки Кантакузенов и черном деле колдовства преуспела.

– Но я не знаю Кассандру Кантакузен, старик. Слыхала о ней. Но токмо то, что в свете болтали. Мы лично не знакомы.

– Ой ли, касатушка? Ты дочь своего отца. Али перепутал чего? Ты знаешь, кто такая Кассандра Кантакузен. Кантакузены и Кантемиры дома знатные и знаменитые. Помнишь дочь князя Константина Кантемира?

– Не могу понять тебя.

– Я пришел тебе помочь, женка! Помочь. Беду отвести хочу. А ты противишься помощи моей.

– Я не понимаю тебя, старик? Я не знаю ничего ни про Кассандру Кантакузен ни про дочь Константина Кантемира!

– А ты вспомни! Мне надобно, чтобы ты вспомнила!

– Как могу я вспомнить то, чего не знаю?

– Помнишь о Воде жизни?

– Вода жизни?

– По латыни она зовется «Аква витае».

– В переводе с латинского «аква» это «вода». «Аква витае» или «вода жизни». Но что это такое? Я не знаю.

– Знаешь.

– Не знаю!

– Кому и знать, как не тебе, красавица.

Дальше Елизавета Романовна ничего не слышала. Она снова заснула и проснулась в холодном поту, спустя несколько часов. В спальне никого не было!

***

2

Москва.

В доме Кантемира.

Волков и де Генин.

По дороге Степан Андреевич приказал заехать в дом доктора де Генина. Тело умершей так внезапно стряпухи стоило осмотреть. И кто сие сделает лучше Карла Карловича?

Доктор, уговаривать себя не заставил, сразу собрался и поехал с чиновником. Де Генин уже в карете сам повязал свой галстук и застегнул камзол черного бархата с серебром.

– Велел бы слугам помочь, Карл Карлович.

– Спехом все делал. Слуги больно нерасторопны, Степан Андреевич.

– Я и сам всегда без посторонней помощи одеваюсь. Не как наши баре знатные, что и пуговицы не застегнут.

– Сие пустое. Скажи мне, что думаешь про дело, Степан Андреевич?

– А чего думать, Карл Карлович? Тело посмотрим и думать станем. Пока ничего сказать не могу. Но вчера эта стряпуха вполне здорова была. И помирать точно не собиралась.

– Это и странно, сударь, – сказал доктор. – Но и без тела понятно, что дело громкое будет.

– Карл Карлович, шум нам не нужен.

– Степан Андреевич, такое дело без шума не пройдет. Знаешь, что болтать станут? Уже три покойника.

– С чего это три? – спросил Степан доктора.

– Тишка первый. Второй барский лакей именем Семен. И ныне Дарья. Три получается.

Волкова удивила такая осведомленность доктора. Он ему про Семена ничего не рассказывал. Хотя слухи могли прийти и без его рассказа.

– Лакей Семен был глубокий старик, Карл Карлович. И в его смерти ничего странного нет. Не стал бы я это связывать.

– А я слышал, что он молодой.

– Слышал откуда?

– Дак моя Парашка сию новость с базара приволокла. И слугам сразу разболтала.

Степану это не понравилось еще больше. Похоже, кто-то способствовал распространению слухов о делах в доме Кантемира. По слухам Тишка приходил и скоро жди тех двоих. И они «придут» и обыватели станут чесать языки и «множится» станут мертвяки, из могил поднятые.

– Коли народишко станет болтать, то скажут, что некто пробудил нечисть. Теперь токмо молитвой уже не отделаешься, Степан Андреевич. Тебе ведь твоя страна более знакома чем мне.

– Толпа легко может и самосуд учинить. Наши холопы они до поры тихие. Но коли втемяшат им в башку мысли вздорные, то жди беды.

Экипаж въехал в ворота барского особняка Кантемиров. Сам князь Антиох вышел встречать надворного советника.

– Степан Андреевич! Давно жду вас!

Волков видел обеспокоенность молодого Кантемира. Дело в его доме осложнялось. Сам Антиох распахнул дверцу кареты, словно слуга, и откинул ступеньку.

– Прошу вас!

– Я сразу прибыл, ваша светлость. И доктора привез!

– Доктора?

Де Генин вышел из экипажа вслед за чиновником сыскного ведомства.

– Здравствуйте, князь!

– Ах, это вы! Здравствуйте, доктор! Рад вам. У нас такое горе. Такое горе... Я не знаю, что делать.

– Слухи из дому не поползут? – спросил Волков.

– Я пока все сделал тайно. Знают лишь два лакея и Войку. Он у тела умершей неотступно дежурит.

– Иные не знают?

– Вроде нет. Но как могу я за то поручиться, Степан Андреевич?

– И то верно, князь. Всем рта не заткнуть. Все одно узнают и болтать станут. Такой народишко...

***

Они спустились в подвал дома, где среди факелов чадящих стояла домовина (гроб) на каменных тумбах. И там было тело стряпухи. Рядом сидел старик Войку.

Увидев вошедших, он поднялся и приветствовал их.

— Они разбудили Зло, барин! Видал что произошло? Вот оно мертвое тело и оно свидетельство того, что Зло существует!

— «Они разбудили» ты сказал? Кто они? — спросил Волков.

— Ежели бы знать все о тьме, то не стали бы бояться её. Одначе мало мы знаем и потому нам страшно! Вурдалак скоро может появиться и в твоём доме, барин. Вот что я скажу тебе. Не просто так все это.

— В моем доме?

— А ты думал, что тебя сие минует?

— Но мой дом и моя жена не имеют отношения к сему делу, старик!

Войку ответил:

— Коли ты, господин Волков, за сие дело взялся, то и отношение оно имеет до тебя самое прямое! Думаешь просто так оно? Нет. Коли навия объявился, то снова и снова приходиться станеть. Нижний мир нами не познан. Что знаешь ты о нем? И вот князь ничего не знает. И доктор не знает нижнего мира.

— Нижний мир? — спросил де Генин.

— Али не слышал? — спросил Войку. — Существуют высший мир, средний мир — где живем мы, и нижний мир — где живут духи умерших. И вот сия стряпуха отошла в нижний мир.

Но скоро она вернется оттуда.

– С чего ты взял это? – спросил Кантемир.

Войку указал на тело в домовине:

– Смотрите!

Волков приблизился к телу. Стряпуха была обряжена в новое платье и руки её были сложены на груди. Лицо её было бледным и казалось, что это обычное лицо мертвой женщины. Но было в нем нечто такое, что заставило Волкова содрогнуться.

Доктор де Генин смело подошел к телу и прикоснулся ко лбу мертвой женщины.

– Она мертва!

– Но вы посмотрите на губы! – вскричал Кантемир.

Они были у покойной какого-то неестественно красного цвета.

– Как такое может быть? – снова спросил князь.

– Что я могу сказать? Эта женщина умерла. На ее шее, – палец де Генина указал на пятна, – есть следы удушения. Это сразу бросается в глаза!

– А никто и не отрицает того! – сказал Войку. – Её задушили! Но это сделал не живой человек и к ответу его не притянешь.

– А вот сие что? – доктор указал на два едва заметных пореза на шее у стряпухи.

Волков присмотрелся, но ничего не заметил.

– Ничего не видишь, Степан Андреевич?

–Нет. А что?

–Порезы на шее.

Степан присмотрелся внимательнее и увидел их. Де Генин пояснил:

– Точно такие же следы я видел на шее у Тишки. А след удушения надобен дабы сии два пореза скрыть.

–И кому это понадобилось? – спросил князь Антиох.

–А вот это и есть вопрос, на который стоит ответить, князь.

Антиох посмотрел на своего слугу. Войку сказал:

–Её задушил навия. В том могу поручиться. Так оно и делалось в прежние годы. Я сего повидал на своем веку. Навия чаще всего свои жертвы именно душил. Явился стряпухе Дарье мертвец. И вот спустя несколько дней она помирает внезапно. И на шее у неё следы.

Князь посмотрел на Генина:

–Я просвещённый человек, доктор. Но мне кажется все сие странным! Она мертва!

Де Генин ответил:

–Тогда остается одно! Нужно вскрыть могилу Тишки!

Князь Антиох замахал руками:

– Зачем?

– Проверить есть ли там его тело.

Степан возразил:

– Вы сошли с ума, доктор! Нас за такое привлекут к синодальному суду.

Но Войку вдруг согласился с де Генином.

– Вскрыть могилу надобно! Ежели Тишка вурдалак, без того никак нельзя. Надобно сие сделать!

Степан задумался. Возможно, что доктор предложил лучшее решение. Проверить могилу стоило, хоть для того, чтобы отвести все слухи о вурдалаке.

– Я согласен!

– Согласны? – спросил князь.

– Да. Это стоит сделать!

– Но что скажут власти? – Кантемир посмотрел на Волкова.

Тот ответил:

– Ничего хорошего они не скажут. Все сделаем тайно.

– Тайно? – переспросил князь.

– Можно слухами напугать людей, и они пару дней на тот погост ночью не сунутся, – предложил старик Войку.

– Туда и так никто не ходит по ночам! – сказал Волков.

– Но для верности стоит распустить слух о том, что там неладное! Можно сие сделать быстро? – де Генин спросил Волкова.

– Да. Это не столь трудно...

***

3

Москва.

В доме графа Дугласа. Снова Ванька Каин.

Ванька переделся в кафтан сержанта гвардии семенов-

ского полка и никем не узнанный отправился в дом к графу Фердинанду фон Дугласу, своему тайному покровителю.

О графе на Москве слава ходила недобрая. Да и не был он человеком приличным. Службу свою Дуглас начал в армии короля Карла XII, ибо имения его, в Лифляндии и Эстляндии, тогда были на землях шведской короны. Но царь Петр отобрал Лифляндию у шведов, и пришлось Дугласу наниматься в русскую службу.

При императрице Екатерине Первой Фердинанд фон Дуглас стал генерал-губернатором Эстляндии. Граф так издевался над своими солдатами, что заслужил их ненависть и его трижды пытались убить из засады, ибо жалобы на поступки сего вельможи мало волновали правительство Российской империи. Сам Петр Великий мало ценил российского мужика. Сколько их сложило головы на строительстве верфей корабельных? А сколь народишка полегло в гнилых болотах при возведении северной столицы? Многие тысячи заплатили жизнями за петровские реформы.

Затем Петр умер, и новой императрице Екатерине было совсем не до забот о народе. Она думала лишь о праздниках, балах, охотах. Развлекалась с любовниками и пила вино. Благо правление этой бывшей солдатской девки Екатерины долго не продлилось.

Когда во главе Верховного тайного совета империи стал князь Дмитрий Голицын, на жалобы про жестокость Дугласа обратили внимание. И со службы его, наконец, турнули.

Ныне Дуглас был при дворе императрицы Анны и хотел втереться в доверие к графу Бирену. И именно он, Дуглас, некогда вытащил шею Ваньки Каина из петли. Он понял, что этот парень может ему пригодиться.

Граф в эти часы упражнялся со шпагой и встретил Каина в фехтовальном зале.

– С чем пришел? – спросил он, отбросив клинок.

– Дело срочное, ваше сиятельство.

– Говори!

– Слух пошел по Москве, что дескать на погосте одном мертвяки из могил выходят по ночам!

– Что за ерунда? – вскричал Дуглас. – Как смел ты меня этим беспокоить? Это сказки для старух!

– Нет, граф, – настаивал Ванька. – Не байки сие старушечьи. Много на Москве слухов ходит, а сии не просто так разнеслись. Я знаю.

– Говори толком! – приказал Дуглас.

– Про дело в доме Кантемира слышал ли, ваше сиятельство?

– Что-то слышал.

– Так вот сие дело поручено со всем тщанием расследовать надворному советнику Волкову. И дело то сам граф Бирен разобрать велел!

– Бирен?

Дуглас понял, что Ванька пришел по делу. Коли здесь особы высокие замешаны, то выгода может быть от сего.

– И я разузнал, что людишки Волкова слухи про погост разнесли. И зачем сие? Смекаешь? Дак для того чтобы зевак от погоста отвадить.

– И мне что с того?

– Они ночью на погост сунутся. Чиновник сыскного ведомства! Чуешь что за дело, граф?

Дуглас согласился. Каин прав! С того дела можно ждать навару доброго.

– Так что скажешь, барин?

– Ночью, если ты и прав, и ежели сунутся си люди на погост, мы им мешать не станем.

– Как скажешь, барин.

– Надо подумать про сие! Надо крепко подумать...

***

4

Москва.

В доме Кантемира. Лекарь де Генин. Ночь.

Степан Андреевич Волков отправился в канцелярию. В доме у Кантемира он оставил доктора де Генина. Возвращаться к князю надворный советник уже не собирался. Пусть доктор занимается поиском колдовских чар, раз ему сие нравится.

А де Генин решил в ночное время понаблюдать за мертвым телом стряпухи.

Он обратился к старику Войку:

– Хочь посмотреть за телом нынешней ночью. Ведь хоро-

нить стряпуху ранее, чем через три дня не станут?

– Не станут. Но нынче ночью опасно подле тела находиться, барин. Я закрою двери в подвал, где стоит домовина. И наложу печати тайные. Она оттуда нынче не выберется. В доме у князя все будет спокойно.

– Стало быть, ты считаешь, что она станет вурдалаком?

– Станет! – уверенно заявил старик.

– А если нет?

Войку усмехнулся:

– Я много сих существ видал. Смолоду насмотрелся.

– Тогда я должен сие видеть!

– От какого христианину следует держаться подалее, – сказал Войку. – Ибо кто знает, что сейчас спит внутри сего мертвого тела?

– Не стоит меня пугать мертвыми телами. Я изучил множество мертвых тел. Ибо для врача сие необходимо.

– Ты, барин, с темными силами играть желаешь?

– Нет. Я желаю познать истину, старик.

– Стало быть, останешься здесь? – спросил Войку.

– Останусь при теле. Рядом с тобой, старик.

Войку неохотно согласился.

– Быть, по-твоему. Но за двери нам выхода не будет, барин. Про сие помни. Как войдем, за нами закроют и печати наложат. И так до утра!

– Согласен!

– Смотри барин. Ты не стар еще и тебе есть чего терять!

А я старик.

– Я готов.

– Но слова мои не дошли до тебя? Тебя сие не пугает?

– Мне от сего еще интереснее дело это.

– Никто не любит, когда любопытные нос суют в дела тайные, сударь.

– Все зависит от того, кто это. Люди или духи?

– Духи, суть существа потустороннего мира, который нами не познан. Мир поделен на свет и тьму. И ныне ты согласился окунуться именно во тьму.

– Я готов. Пути познания истины не бывают легкими.

– Но сие не есть истина. Сие тайны недоступные для человеков, барин.

– Сии тайны недоступны, пока их не раскрыли. Этим я и собираюсь ныне заняться, Войку. Ибо, как можно познать истину? Смотреть своими глазами.

– Но даже если тебе, барин, дадут все посмотреть, то дадут ли рассказать сие кому-либо? Вот вопрос.

– Вот и проверим.

– Я предупредил тебя, барин. И коли желание имеешь голову в пасть диавола сунуть, то сие твое дело.

Лекаря де Генина было трудно напугать. Страсть к непознанному была в нем сильнее даже страха смерти...

Глава 4

По следу мертвеца.

Москва 1732 год. Сентябрь.

1

Питейный дом в городе Москве. Иван Тарле.

Человек в широком не по плечу армяке и шапке, надвинутой на глаза, появился в питейный дом и сел далеко в темный угол. Не хотел человек, дабы его опознали. Такие всегда так делали.

Слуга спросил, чего подать гостю. Тот заказал водки и велел позвать к столу одного из пьяниц.

– Того малого ко мне пригласи.

– Того? Худого? С красным носом?

– Того самого. Пусть сядет со мной.

– Да, денег нет у него. Сколь ден в долг пьет.

Человек кинул на стол рубль серебром.

– Я заплачу за все.

– Как прикажешь.

Слуга схватил монету, попробовал на зуб и ушел.

Вскоре двое завели разговор за дальним столом в темном углу.

– Звал меня, человече? – спросил худой мужик в рванине дядьку в армяке.

Тот молча наполнил его стакан водкой. Худой выпил залпом, крикнул и понюхал свой рукав.

– Али не признал меня? – спросил мужик в армяке.

– Дак темно здесь, дядя.

Тот поднял шапку на мгновение. Затем снова надвинул.

– Свят! Свят! – перекрестился худой. – Ты...

– Тише! Без имен! Признал и ладно!

– Давно не видал тебя.

– Не был я на Москве долго. Но ныне пришла пора. Дело есть до тебя срочное.

– Дак мне во как денежки надобны. Я всё что угодно! – сказал худой. – Коли порешить кого, то я завсегда...

– Тихо. Никого кончать не надобно. Дело иного рода.

– Говори.

– Скоро заявится сюда некий чиновник. Коллежский асессор Тарле. Станет спрашивать за нашего знакомца общего Тишку.

– Про Тишку?

– Про того самого Тишку, что в доме Кантемира куролесил. И коего ты упустил.

– Дак, разве то моя вина? Поди поймай его! Коли он...

– Хватит. Я не хочу ворошить прошлое. Что было – то было! Ныне о будущем думать надобно. Заявится сюда чиновник именем Иван Тарле. Запомнил?

– Да. И далее что?

– Ты именем Тишки назваться должен.

– Всего-то?

– Скажешь, что ты есть беглый холоп князя Кантемира Тишка.

– И сколь заплатишь за сие?

– Скажешь чиновнику то, что я тебе велю, и получишь сто рублей серебром.

– Сколь? – худой подумал, что ослышался.

– Сто рублей!

– Скажу все, что велишь...

***

Коллежский ассессор Иван Карлович Тарле получил от на-дворного советника Волкова задание, поболее разузнать все про холопа умершего Тишку.

Тарле справился, в каких питейных домах бывал сей холоп. Оказалось, хаживал он постоянно в один дом, где пи-ли разные темные личности, с законом состоявшие в плохих отношениях. Местный целовальник (трактирщик) мало об-ращал внимания на всякие условности. Лишь бы денежки платили.

Тарле зашел в трактир под видом случайного посетителя, и целовальник сразу же подошел к нему. Это был большого роста детина с плоским лицом, до самых глаз заросшим гу-стой черной бородой.

– Чего изволите, барин? – спросил он. – Есть уха боярская с шафраном, есть куры...

– Про человечка одного мне надобно кое-что узнать.

– Кто таков? Коли бывает здесь, то скажу все, чего знаю про него.

– Сие некий Тишка. Холоп барина Кантемира.

– Тот Тишка, что в бегах?

– Ты про что? В каких бегах? Помер Тишка-то!

– Помер?

– Помер. Но мне знать надобно с кем бывал он здесь.

– Дак он здесь сидит, барин.

– Здесь? – удивился чиновник сыскного ведомства.

– Вот тот долговязый парень. Вишь в дальнем углу?

– Тот?

– Он самый, барин. Тишка из дома Кантемиров! Ух и рожа богопротивная. Настоящий разбойник. И пьет в последнее время много. Ранее за ним сего не водилось. Местные питухи (пьяницы) бают сбег он от барина своего! Во как!

– Сбег говоришь? Ладно!

– Прикажешь позвать его? А то, как напьется Тишка, то давай куражиться. Но сейчас денег у него не густо.

– Мне от него пьяного толку нет. Поди скажи ему чтобы немедля вышел на улицу и подошел к моему экипажу. Быстро. Скажи, что в накладе не останется и денег в карманах прибавится.

– Скажу, барин. А выпить не хош ли чего? Куда торопиться? Тебя здесь никто не беспокоит.

– Не нынче. Времени нет. А это тебе, – Тарле бросил на стол рубль серебром, поднялся и пошел к выходу.

Хозяин схватил монету и по привычке попробовал её на зуб. Много в последнее время было недельного серебра на Москве. Рубль был настоящий...

***

Через минуту молодой худой мужичек к красным носом вывалился из трактира и запахнул худой поношенный армяк. Он осмотрелся и, увидев экипаж, пошел к нему.

– Ты, барин, видеть меня хотел, что ли? – его левый глаз хитро прищурился.

Тарле еще раз отметил про себя, что рожа-то у Тишки истинно разбойничья. Такой мать родную зарежет и не поморщится. Но вслух он только спросил:

– Тишка? Так тебя кличут?

– Он самый.

– Дело есть до тебя, Тишка. Ты мне поможешь, а я помогу тебе, и обоим нам будет хорошо.

– Так говори, чего надобно.

– Ты холоп барина Кантемира? Я хочу знать. Не для худа твоего, но для добра. Если скажешь все, что в доме барина твоего случилось, десять рублей серебром. А если чего важного вспомнишь, то и более отвалю.

– Не врешь?

– Мое слово крепко. Итак, ты можешь мне что-то об этом рассказать?

– Много чего могу. Где изволишь слушать, барин?

– Садись в карету. Поедем со мной и приказ. Там все и

расскажешь. Да ты не бойся, ничего тебе не грозит. И деньги получишь. Мое слово крепко.

Тишка почесал голову и сел в экипаж. Ехать ему куда не хотелось, но уж больно хорошие денежки посулил барин, а у него в кармане были лишь две полушки.

– Не поехал бы с тобой ни в жизнь, но верный человек на тебя указал. А мне через него еще никакой пакости не было. Я, барин, много чего про Кантемиров знаю. С молодых лет при их доме состою.

– Ты с чего это в бега надумал податься? – спросил Тарле.

– Дак смерть мне была в дому Кантемиров. И ничего иного ждать не приходилось. Вот и решил свой живот спасти. Взял грех на душу. Сбег от барина.

– А что там в дому Кантемиров? – продолжал допытываться Тарле.

– Я сказал, что смерть ждала меня.

– Это я понял. Но откуда она грозила тебе, Тишка?

– Кто? – хитро спросил мужик.

– Ты, парень, дураком не прикидывайся. Я вашу породу знаю.

– Дак чего говорить-то?

– Кто грозил тебе в доме Кантемиров, что ты решился пуститься в бега?

– Вурдалак в их дому объявился. Вот и весь сказ! И мне иного хода не было окромя как в бега.

– Вурдалак?

– Кровосос мне жизни не оставил бы.

– Но коли сыщут тебя? За то, что убежал от барина батоги тебя ждут!

– Батоги не смерть, барин.

– Ладно, Тишка. Сейчас на место приедем, и все покажешь без утайки господину надворному советнику Волкову.

– Волкову? Это который по сыскному-то делу?

– Волков не тронет тебя. Я слово дворянское даю тебе в том. Расскажешь, все чего знаешь, и катись с деньгами во-свояси.

– А не обманешь? – снова спросил Тишка. – Пытать не учнешь ли в сыскной части?

– Я уже дал тебе слово дворянина. Сказал, что не будет пытки и ничего плохого не будет. Нам дела до тебя нет никакого. Нам про вурдалака знать все надо.

***

2

Канцелярия Юстиц-коллегии в городе Москва.

Ровно через час Тарле втолкнул Тишку в кабинет, где сидел Волков, занимаясь чтением бумаг.

– Вот вам, Степан Андреевич, презент.

Надворный советник поднял голову и с недоумением стал разглядывать мужика.

– Не иначе разбойника поймал, Иван Карлович, – спросил он. – Такого человечешку за одну рожу в остроге держать.

– Сие Тишка из дому Кантемиров!

– Что? – Волков вскочил со стула. – Тишка? Холоп князя Антиоха?

– Он самый! Беглый холоп, Степан Андреевич.

– Вот как? – Волков оживился. – Значит ты живой?

Тишка удивился и осенил себя крестным знаменем.

– Живой я, ваше высокоблагородие. Как истин бог живой.

– А в доме барина твоего давно похоронили тебя. Знаешь ли про сие?

– Не слышал про то, барин. Да и в бегах я. Прячусь более. Кабы не выдал кто. Народишко-то какой ныне? За полушку продадут. А на беглых сыск ведут. Сам, поди, знаешь.

– А как давно ты в бегах? – спросил Волков.

– Дак почитай месяца три, ваше благородие.

– Три? Странно сие! Сыска по сему делу нет. И все в дому говорят, что де исправно служил Тишка барину, да помер от чахотки.

– Чудно сие, барин, – ответил Тишка.

– Чудно. А ты про это не слышал?

– Дак в бегах я. Более молчал про то кто я и откуда. А про дом Кантемиров не спрашивал.

– Стало быть, не знал ты, что вместо тебя в доме иной человек под твоим именем служит? – спросил Волков.

– Дак откудава мне знать про то, барин? Я сбег и про то не ведал.

– А имени не сменил? – спросил Волков.

– Имени? А чего менять-то? Мало ли Тихонов на свете

бродит? В одной Москве с тыщу, а то и более.

– А скажи мне, Тишка, с чего ты сбежал? Али барин обижал тебя?

– На барина жаловаться грех. Ничего худого не скажу. А сбежал от нечистой силы.

– Подробнее, – потребовал Волков.

– Дак вурдалак-то появился.

– Вурдалак?

– Еще в старом доме в деревне, до того как я Москву то попал. Ночью в мою каморку постучал некто. Я-то поначалу не знал кто это. Темно было, и думал я, что один из слуг пришел ко мне. Тако бывало. Лакеи захаживали и вместиях мы вино пили. Но в тот раз все по-иному повернулось.

– Ты дело говори! – прервал холопа Волков. – Мне недосуг слушать про твоих лакеев и винопитие!

– Я и говорю дело, ваше благородие! Постучали в каморку мою. Я спросил через двери, кто пришел. И мне был ответ голосом тонким. Баба ответила! Я что сие думал служанка Марфа. Давно она глянулась мне, барин.

***

Тишка услышал голос Марфы.

– Впусти меня, – просила она.

– Марфа?

– Впусти меня, Тихон. Пришла я сама к тебе. Ты хотел, чтобы я пришла! – был ответ.

Тишка уже положил ладонь на засов, но одернул руку. По-

думал, откуда Марфа про сие знать может? Не говорил ведь он никому, что глянулась ему девка-краса.

И снова в двери тихо постучали.

– Открой мне, Тихон.

– А с чего ты пришла ко мне? – спросил он.

– Ты сам позвал меня, – был ответ.

– Врешь. Никогда не звал я тебя...

***

Тарле подумал, что холоп вздумал шутить с ними.

– Ты смеяться посмел над нами?

Тишка замахал руками:

– Дак сами хотели знать, с чего я сбег от моего барина! Я и рассказываю все без утайки! А вы сердиться вздумали!

Волков попросил Тарле успокоиться и приказал Тишке продолжать.

– Говори далее.

– Дак не пустил я девку к себе.

– С чего так? – спросил Тарле. – Она глянулась тебе. Отчего не пустил?

– Дак в доме, где жила старуха Кантакузен, многие про сие знали. Вурдалак может любой облик принять, и любым голосом говорить. Но сам войти к тебе он не может. Надобно ему позволение дать. А как дал, то тут тебе и конец пришел.

– И что? – Волкова стал раздражать Тишка. Все из него тянуть надобно.

– Дак не пустил я девку.

– И ты так девки испугался? – спросил Тарле. – Так испугался, что сбег от барина?

– Дак кабы девка! Сила бесовская, а не девка, барин. Вурдалак то был, а не девка! Хотя голосом он Марфиным говорил. Вот те крест, не вру! Наутро поговорил я с лакеем старым. И то сказал мне, что коли пришел за мной вурдалак, то в покое не оставит.

– А ты?

– Я и решил сбежать! – вскричал Тишка. – Молод еще, чтобы помирать. Лакей барский сказал, что де мне надлежит бежать, коли жить желаю.

– А как зовут сего лакея?

– Михалычем звали его.

– Звали? – спросил Тарле.

– Дак помер он с месяц назад. А мне, после того, как приходил ко мне вурдалак, на другой день вышел приказ на Москву собираться в дом князя Антиоха Дмитрича! Я рад был велению тому, так хотел съехать. Но Михалыч сказал, что и там меня вурдалак достанет и единое спасения для меня – уйти из дому Кантемиров.

– И ты ушел?

– Я сбег!

– И что в дому барина твоего Антиоха Кантемира деется не знаешь?

– Не знаю, барин.

– Странно все это. Весьма странно, – задумчиво пробормо-

мотал Волков.

***

После ухода Тишки Волков спросил Тарле:

– Что скажешь, Иван Карлович?

– О словах сего холопа? Если и врет, то врет умело. Придаться не к чему.

– В этом ты прав. Все у него складно получается. И сбегать ему слуга Михалыч посоветовал. И вурдалака он испугался. Но вот проверить его слова нельзя. Михалыч сей помер и ничего нам не расскажет.

– Но Кантемир может его опознать.

– Князь Антиох? Нет, Иван Карлович. Антиох до приезда Тишки из имения никогда не видел его. Он любого в своем доме бы принял. Могут его опознать в деревне, но что это нам даст? Если его просто использовали, то он никуда нас не приведет.

– Слишком сложно все, Степан Андреевич. Если Тишку подменить хотели, то отчего настоящего просто не убрать? Зачем оставлять его живым?

Волков и сам думал про это.

Тарле продолжил:

– Хоть я и нашел его чисто случайно. Допустим, что мне просто повезло. Но те, кто заменил его иным человеком, могли предполагать подобный исход.

– Ты прав. Убить холопа было для них много удобнее и безопаснее. Но это если у них не было более на него планов.

А если были?

– Холоп этот ума малого. Какой с него толк? – спросил Тарле.

– Возможно, он только простаком прикидывается.

– Брось, Степан Андреевич.

– Посмотрим, Иван Карлович...

***

3

Дом Степана Волкова в городе Москва.

На следующее утро Тарле выдернул Степана из постели.

Слуга имел приказ тотчас будить надворного советника, коли возникнет надобность служебная.

– Барин! Прибыл чиновник из канцелярии!

– Кто? – спросил Степан.

– Да как сказал, что по служебной надобности...

– Кто прибыл?

– Назвался Иван Карлович!

– Сейчас выйду! Проводи в мой кабинет!

– Слушаюсь!

Волков встал с кровати. Елизавета Романовна также проснулась.

– Что случилось?

– Ничего, душа моя. Это ко мне прибыл чиновник юстиц-коллегии.

– С чего так рано, Степанушка? Что за надобность такая?

– Ты спи, Лиза. Я выйду к нему.

Волков надел халат, и отправился в кабинет. Там его уже ждал Иван Карлович. На лице коллежского асессора была растерянность. Степан понял, что дело, которое они вели, снова осложнилось.

– Что случилось, Иван Карлович? С чего такая спешка? Уж не пожар ли на Москве?

– Хуже! – выдохнул Тарле. – Тишка убит нынешней ночью!

– Как это убит? Что значит убит?!

– Прирезали сердешного у трактира. Нашли его целовальник со слугами. Убийство! Но у того трактира то дело частое.

– Вот же не повезло, так не повезло! – вскричал Волков. – Ограбили?

– Как водится, Степан Андреевич!

– А кто такими разбоями занимается нынче?

– Дьяк Гусев, – ответил Тарле.

– Гусев? Знаю такого. Человек хороший и честный...

***

4

Москва.

В доме князя Кантемира.

В дороге Волков думал о том, что могло произойти. Ведь не сказал Тишка им вчера ничего важного. Нес околесицу про вурдалака. Сбежал от барина от того, что некто в его двери скребся. И подумал Тишка, что сие был мертвец, который желал его смерти. И сам Тишка ныне мертвяк. Спро-

силь более некого.

Но дело не в вурдалаке! Выходит, что один Тишка из дома Кантемиров сбежал, а на его месте иной обретался? А стало, некто хотел произвести сию замену! И есть вопрос – зачем? Кому сие понадобилось?

Сам князь Антиох холопа сего получил из имения. Как он выглядел, он не знал. Но ведь не одного его из имения прислали. Стоило иных холопей спросить и выведать все, что они о Тишке знали...

****

Степан Андреевич прибыл в дом Кантемира и сразу понял, что и там снова неладное. Лица лакеев бледные и были они напуганы изрядно. Привратник ему ничего не сказал, а лишь поклонился поясно и пропустил в дом.

Слуги толпились у покоев князя.

– Что здесь произошло? – спросил Волков.

– Дак беда, барин! – сказал лакей Кантемира. – Истинно беда!

– Оно так, – поддержал лакея дворецкий.

– Где его сиятельство? – спросил он у дворецкого.

– Вот там они, – дворецкий указал на кресло в кабинете. –

Они ждут вас, барин.

Степан вошел в кабинет и приблизился к креслу.

– Князь!

Тот поднял голову.

– Степан Андреевич! Беда, Степан Андреевич!

– Что случилось?

– Снова тайны, Степан Андреевич! И снова я ничего не могу в том понять. Доктор де Генин и Войку ума лишились.

– Как же это понимать ваши слова, князь? Как это ума лишились?

– Они ночью с покойницей в подвале были. А наутро мы их нашли лежавшими у гроба стряпухи Дарьи. Понемногу привели в чувство, но они не узнают никого.

– А что с телом? – спросил Волков.

– Тела нет, Степан Андреевич, – ответил Кантемир.

– Как нет?

– А так. Мы вошли и увидели тела де Генина и Войку. Но рядом с ними не было никого. Гроб был пуст! Но двери были закрыты и выйти оттуда никто не мог. Куда же она делась, Степан Андреевич?

– Я сам желаю подвал осмотреть.

– Вы решитесь пойти туда? – спросил князь.

– Решусь. Пусть меня срочно проводят туда.

– Иван! Проводи барина в подвал! – отдал приказ князь

Антиох.

– Чего?

– Барина в подвал проводи! Немедля!

Слуга поклонился и попросил Волкова следовать за собой.

Подвалы в доме Кантемира были большие. Но та часть, где стоял гроб с телом, была отделена от остальных прохо-

дом с двумя дверями из досок дубовых, окованных железом. Волков осмотрел их внимательно. Сломать такую дверь можно лишь вдесятером.

Он осмотрел засовы.

– На ночь их задвигали? – спросил он слугу.

– А то как же, барин! Сам Войку приказал, как только войдут они, двери закрыть и засовы задвинуть. И до утра не отодвигать.

– Здесь никого ночью не было?

– Дак боятся слуги, барин. Никого сюда не заставишь зайти. Стряпуха-то не сама померла! Во как! Токмо с утра, когда силы бесовские отступили и петухи пропели, мы решились отпереть двери. И там такое.

– Открывай! – приказал Волков.

– Вы барин того...

– Открывай! – еще раз отдал приказ чиновник тоном возражений не терпящим.

Слуга загремел ключами. Двери отворились. Волков схватил факел со стены и вошел внутрь. Трепещущий свет разогнал тьму. Волков подошел к иному факелу на стене и зажег его. Затем еще и еще один.

На больших каменных тумбах стол гроб из простых сосновых досок сколоченный. В нем было скомканное покрывало. Тела внутри не было.

Степан стал внимательно осматривать домовину. Но ничего странного не нашел. Словно сама покойница ожила и

встала со своего последнего ложа.

–Иван! – позвал Волков.

Слуга со страхом вошел.

–Чего изволите, ваше благородие?

–Заходи смелее. Здесь нет никого. Кроме нас с тобой разумеется.

–Боязно, барин. Ой, как боязно!

– Иного выхода отсюда нет?

– Нет, барин. И стены толстенные. Никак отсель не выйти. Никак.

– Но стряпуха-то куда-то делась?

– Дак неужто есть для мертвяка преграда, барин? Ни стены, ни тверди земные не остановят его.

–Дак ведь не дух стряпухи пропал, а тело оной. И тело не могло вот так просто раствориться в воздухе!

Но слуга твердил свое:

– Токмо слово божие – спасение от сей напасти. Старуха-то Кантакузен давно в могиле! И сие её проделки, барин! Коли она и старика Войку одолела. А он в науке колдовской знался.

Волков понял, что ничего от слуги не добьется. Он отпустил Ивана восвояси и сам стал осматривать подвал. Простукал своей тростью стены, исследовал полы. Но и намек на тайный ход не было...

***

Затем Степан Андреевич пожелал опросить тех слуг, ко-

которые совместно с Тишкой прибыли из имения в Москву. Это были каретник Яков сорока лет, девушка Глаша 14-ти лет, и молодой парень Иван 17-ти лет.

Яков был небольшого роста мужичонка с сизым носом пьяницы. Волкову сразу стало понятно, отчего отдал каретника князь Константин Кантемир в дом брата своего Антиоха.

– Ты, стало быть, Яков? – спросил Волков.

– Точно так, ваше благородие!

– Ты не ори сильно, Яков. Я не глухой. И прибыл ты из деревни в Москву?

– По приказу прибыл, ваше благородие. Барин мой его сиятельство князь Константин повелел мне...

– Я знаю, почему ты прибыл в Москву, Яков. Про это мне говорить не нужно. Мне нужно знать иное. Ты хорошо знал Тишку?

– Тишку?

– Холопа барского, что вместе с вами прибыл в Москву.

– Про того Тишку стало знать хотите? Он мне был знаком мало. Видал пару раз. Да и молод он для моего знакомца, барин.

– Значит, ты его не знал?

– Нет, барин. Дак ведь в имении у князя Константина народу много.

– А ехал Тишка с вами?

– С нами? – переспросил Яков.

– Я спросил тебя, как вы добирались до Москвы?

– Да я, барин, отдельно ехал. Меня с харчевым обозом ранее всех отправили. Я ведь каретных дел мастер. А князю Антиоху Дмитричу как раз каретник занадобился. Вот я и поехал. А иные холопы уже после сюда приехали.

Волков подарил Якову рубль и отпустил...

***

Глаша была испуганной глупой девочкой. Ничего от неё Волков добиться не смог. Тишку она не знала и про вурдалаков никогда не слышала. Она и слова такого не ведала. При упоминании о нечистой силе начинала креститься и призывать святых угодников. Волков и её одарил рублем и отпустил...

***

Молодой слуга Иван оказался разговорчивее.

–Я Тишку ранее не знал. Дак много людей в имении Константина Дмитрича. А познакомились мы, когда на Москву ехали.

–И что он говорил тебе?

–Много чего, барин. Но разве упомнишь?

–А ты вспомни, Иван. За то от меня награду получишь.

Иван поморщил лоб и сказал:

–Ехали мы, значит, в телеге. Я за возницу был. Мне управитель и бумаги вручил отпускные на меня, Тишку и на Глашку. Я лошадей честь по чести проверил в имении. И Глашку сам на телегу посадил. Она боялась всего.

– А Тишка?

– Того я в пути подобрал. Мне сказал управитель Тит Ипатьч, что де станет нас он ждать у околицы. Так там он и стоял.

– И ты его до той поры не видал?

– Нет. Я просил он ли есть Тишка? Он ответил, что так и есть. Сел в телегу и мы поехали на Москву. Но в бумаге, что дал мне управитель, наши приметы были точно описаны.

– И как ехал Тишка на Москву? С охотой? – спросил Волков.

– Не жаловался. А чего жаловаться? На Москве чай лучше, чем в деревне. Я и сам с охотой ехал. Только Глашка дура боялась.

– Но что он говорил?

– Говорил, что не женатый он. Я ему сказал, что надоть жениться. А он мне ответил, что коли барин прикажет, то он и оженится. Но девку лучше на Москве искать. С тем я согласился. На кой она нужна дура деревенская?

– А про вурдалаков ничего он тебе не говорил?

– Про вурдалаков? Нет. Такого разговора между нами не было, – сказал Иван. – Только был сей Тишка слабый. Лицом бледный.

– Слабый? Может, болен был?

– А кто его ведает? Но силушкой его бог обидел. Не то, что меня. Я, барин, подковы, могу гнуть. Девкам такие как я глянутся.

– А Тишка не жаловался тебе на болезни?

– Говорил, вроде, что его из-за слабости телесной отправили из имения. Какой с него работник? Он меня тогда спросил, с чего меня барин на Москву отдал? Я ответил, что строптив не в меру. Розгами меня учили учили, да ничего не вышло.

Волков пожаловал Ивану три рубля серебром и отпустил. Тот поклонился и много благодарил чиновника за щедрость...

***

5

Анненгоф.

Резиденция императрицы.

Болтушка⁸, фрейлина ея императорского величества Шаргородская, умела выведывать новости. Она знала, как любит царица послушать сплетни. К утреннему приему появилась она в покоях Анны Ивановны. Хотела сия девица первой про все государыне поведать.

Шаргородская внимательно посмотрела на других болтушек. Не знает ли из них кто сию новость? Но те спокойно переговаривались между собой, ожидая утреннего выхода императрицы. Стало не знают ничего.

Камер-лакей вышел в приемную. Все замерли, ожидая его

---

⁸ Болтушка – при императрице Анне Ивановне состоял целый штат так называемых болтушек. Они первыми узнавали новости и докладывали императрице. Эти фрейлины заменяли Анне газеты.

слова. Тот громко заявил, стукнув посохом по паркету:

–Ея императорское величество, государыня Анна ждет фрейлин, дабы могли они развлечь ея величество своими рассказами во время утреннего кофею!

Анна только поднялась с постели и одела халат. Куаферы уже работали над волосами императрицы. Анна пила утренний кофе. В будуар императрицы вошел вперед фрейлин обер-камергер двора граф Бирен.

– Здравствуй, матушка! – он поклонился Анне.

– Ты уже здесь, друг мой? Рада видеть. Скажу тебе, что ныне спала плохо. Никто из докторов помочь не смог. Не подействовали их снадобья мерзкие.

– Дак и я не спал, Анхен. Все сны плохие донимали.

– Надобно призвать Блюментроста, пусть какую свою микстуру мне пропишет! А ныне, может, что весёлое мне расскажут? Чего нового в столицей моей, девки? – спросила Анна фрейлин.

Шаргородская вышла вперед и заговорила:

–Ныне ночью в дому у Кантемира снова нечистый побывал, матушка-государыня. И тот нечистый тело мертвое помог забрать из дома. И те новости слуги вынесли и были напуганы изрядно!

Анна поменялась в лице. Она любила сплетни, но вурдаки в доме Кантемира пугали её. Не такую новость хотела она услышать.

– Ты что сказала, дура? – спросила царица Шаргородскую.

– В доме князя Кантемира вурдалак озорует, матушка-государыня.

– Снова вурдалак! И когда сие кончится? – гневно сказала Анна. – Друг мой!

Анна обратилась в Бирену.

– Друг мой, или ты не передал мое повеление? Велела я сыскной коллегии сие дело выяснить.

Бирен поклонился царице и сказал:

– Передал, государыня.

– Тогда отчего сие? Что болтает сия дура о доме Кантемира?

– Сие надобно выяснить, ваше величество, – официально ответил Бирен. – Но расследование уже начато, государыня. В том я осведомлен.

– Я велела сии слухи по Москве прекратить. Но они ходят. Словно и не было приказа моего! Девка! Говори, что слыхала!

Шаргородская испугалась гневному голосу царицы и стала молоть вздор. Бирен прервал её:

– Хватит! Ты дело говори!

– Я и говорю, ваше сиятельство, мертвое тело пропало.

– Чье тело? – спросил Бирен.

– Тело служанки, что на кухнях у Кантемиров была. Она померла сия служанка, и тело её отнесли в подвал и положили в гроб. Но утром тела в гробу не было.

– А куда оно делось? – спросила Анна.

– Никто не знает, матушка-царица, – ответила Шаргородская. – Но известно, что лекарь Генин ума лишился.

Бирен не понял при чем здесь де Генин.

– Де Генин? – переспросил он.

– Он, ваше сиятельство, – сказала Шаргородская.

– Но де Генин при чем? Дело было в доме Кантемиров?

– Да, ваше сиятельство.

– Но как туда попал де Генин? – спросил Бирен.

– Он, говорят, сидел у тела служанки.

Бирен повернулся к императрице и сказал:

– Я все выясню, государыня. И сделаю доклад обстоятельный.

– Выясни, друг мой. А то сия дура мало что толком говорит...

***

6

Снова в доме Кантемира.

Степан вернулся в комнату князя Антиоха Дмитриевича. Тот сидел в кресле бледный как стена.

– Что-то еще случилось? – спросил Волков.

– Письмо!

– Письмо? – не понял Волков.

– Принесли письмо. Только что! Письмо от обер-камергера графа Бирена!

– Он графа?

– Сам Бирен по воле императрицы желает все выяснить.

– Но дело только начато.

– А тело пропало! Дарьи нет, Степан Андреевич.

– Бирен уже об этом знает? – удивился Волков.

– И я также был удивлен, Степан Андреевич. Ведь времени то прошло мало, а царица и Бирен уже обо всем знают и письмо прислали из дворца! Он вас видеть желает.

– Граф Бирен? – удивился Волков.

– Вас ждут во дворце, Степан Андреевич. Завтра в полдень надлежит вам, господин надворный советник, прибыть к его светлости в его покои в Анненгоф. Так указано в письме.

– Придется быть. Хотя дел много, Антиох Дмитриевич. Надобно стряпуху вашу сыскать! Надобно лакеев опросить в дому вашем.

– Мой дом – ваш дом, Степан Андреевич. Делайте что надлежит.

– Спасибо, князь. И могу вам сказать, что вчера коллежский асессор Тарле отыскал вашего Тишку.

– Что? – Антиох побледнел. – Как отыскал?

– А вот так. Объявился ваш Тишка среди беглых татей. И насколько я сам могу судить – он был вполне живой.

– Погодите, Степан Андреевич. Вы про кого молвите? Про моего холопа умершего Тишку?

– Про него.

– И вы его видали вчера?

– Видал и говорил с ним. Но сегодня утром стало извест-

но, что Тишка помер.

– Ничего не могу понять, Степан Андреевич. Голова кругом идет.

– Коллежский ассессор Тарле отыскал вашего холопа. Назвался он Тишкой и сообщил что в бегах давно пребывает.

– Что это значит? – спросил князь.

– Некий человек назвался вашим холопом беглым по имени Тишка, князь.

– Степан Андреевич, но разве Тишка был беглым?

– Тот человек признался, что это так. Но ныне утром зарезали его у трактира.

– Ничего не могу понять! Степан Андреевич! – взмолился Кантемир. – Помогите мне! Богом прошу, помогите! Дело страшное!

Волков посмотрел на князя и сказал:

– Я еду в разбойный приказ!

– Моя карета к вашим услугам, Степан Андреевич. И лучшие лошади коих имею.

– Спасибо, ваше сиятельство. После разбирательства в приказе я буду у вас, князь. Никого из дома не выпускать!

Кантемир заверил Волкова, что отдаст все необходимые приказы.

– У вас есть неразговорчивые слуги, князь?

– Есть немой конюх Трофим, Степан Андреевич.

– Пусть он по надобности из дома выходит. А остальные в течение двух-трех дней покидать сии стены не могут! То

дело государственное!

– Все понял, Степан Андреевич. А что насчет погоста?

Будем сие дело делать, али как?

– Будем, князь! Возможно, пойдем нынче ночью.

– Нынче?

– Нынче и пойдем.

Волков развернулся и вышел из кабинета князя. Его ждал

Приказ разбойных дел...

Глава 5

Загадочные события.

1732 год. Сентябрь.

1

Разбойный приказ в городе Москва.

Приказ разбойных дел существовал на Москве давно, еще со времен Ивана Грозного. И ведал он делами по убийствам, грабежам, отравлениям, обманам и поиску татей, которые сии разбои учиняли. После указа государя Петра Алексеевича об образовании коллегий, появилась коллегия розыскных дел, которая и заменила собой приказ разбойный.

Но канцелярию с пыточным застенком до сих пор именовали «Разбойный приказ» по старинке. Так на Москве привыкли. А чиновника, что начальствовал здесь, именовали дьяком, хотя был он уже не дьяк, а коллежский советник.

Волков хорошо знал дьяка Лариона Гусева по многим делам. Был сей чиновник делу своему предан и честен, но слишком хорошо разбирался в конъюктурах московской жизни. От того его никто с места скovyрнуть и не мог. Гусев отлично выходил из разного рода затруднительных положений и приобрел много влиятельных друзей.

Степан был ниже чином по табели о рангах чем Гусев, но канцелярия юстиц-коллегии, где он служил, стояла над

разбойным приказом. Потому его встречали здесь как лицо начальственное.

Волков выпрыгнул из кареты и сразу увидел лежавшее во дворе тело, накрытое рогожей. Рядом стоял высокий детина-стражник с алебардой в руках.

– Где дьяк Гусев? – прокричал Степан Андреевич.

– В приказе, а где ж ему быть?

В этот момент выскочил из приказа сам Гусев, немолодой полноватый мужчина с козлиной бородкой и длинными усами.

– Доброго здоровья. Имею честь видеть надворного советника Волкова?

– А ты, Ларион Данилович, аль не признал меня? С чего так?

– Признал, Степан Андреевич, но кто знает, не загордел ли ты, и захочешь ли узнавать меня старика. Ведь в последний раз, когда мы виделись, ты надворным советником не был. А сейчас говорят, что и кавалером вскорости станешь.

– Я всегда уважал тебя, Ларион Данилыч. Есть разговор.

– Ладно, Степан, пойдем ко мне.

– Идем, Ларион Данилович.

В большой просторной горнице они уселись за большим столом, сплошь заваленным бумагами. Это были опросные листы.

– Ты, как всегда, завален работой, господин коллежский советник?

– Какой я советник, Степан. Дьяк Гусев. Так оно понятнее. Так меня здесь все зовут. А дел у меня хватает. Разбои на Москве токмо множатся. Хотел государь Петр Алексеевич извести их, но куда там! наших людишек так просто не переделать.

– В этом ты прав, дьяк.

– Тебе дали произвести следствие по делу Кантемира, Степан?

– Да, Ларион Данилович. Повеление расследовать его пришло от самого Бирена. А сие следует понимать, как приказ ея величества государыни императрицы Анны Иоанновны.

– Слышал о том. Ваш начальник канцелярии тебе специально-то дело сунул. Знает, кого можно подставить под топор. И как начало пошло?

– Да хуже некуда, – с горечью произнес Волков.

– Народ на Москве болтает, что де стал холоп княжий вурдалаком. Но не верится мне, что сие истина. Думаю байки. Но разве, то помешает слухам по Москве ползти?

– Эти слухи для меня хуже ножа, Ларион Данилович.

– А я тебе помогу в том, Степан Андреевич. Но расскажи мне в чем дело?

Волков рассказал о смерти холопа Тишки и спросил:

– Так ты думаешь, Ларион Данилович, Тишка убит без умысла?

– Кто знает, Степан? Резвый человек был этот Тихон!

Не люблю шибко резвых людишек. Они у меня всегда подозрение вызывают. Я много лет в разбойном, и много чего повидал. Эх, Степан. Жаль мне тебя.

– Да ты, Ларион Данилыч, дело говори.

– Всякую паскось тебе дают. Самое поганое для тебя твой начальник припасает! С чего он тебе это дело сунул?

– Дело загадочное. Сие как раз для меня будет. Да и высочайшее повеление сие расследовать имеется.

В двери постучали, вошел стражник.

– Чего тебе? – спросил дьяк.

– Посланный до господина Волкова, – сказал тот.

– Посланный? От кого?

– Из канцелярии Святейшего Синода! – сказал стражник.

– Началось! – Гусев посмотрел на Волкова. – Пропала твоя голова, Степан! Сам Феофан тем делом заинтересовался...

***

2

Дом Феофана Прокоповича, главы Священного Синода.

Степан Волков сразу поехал к Феофану. Сей визит никак отложить было нельзя. Коли зовет Прокопович в гости, то надобно бегом бежать, кабы владыка не обиделся.

Феофан был верным сподвижником Петра Великого и за эту верность государь назначил его вице-президентом Священного Синода. Был он жесток и к врагам жалости не имел. Много нехорошего про него говорили. Монашеская братия

даже болтала, что znalся Феофан с нечистой силой.

При новой государыне влияние Прокоповича упрочилось и Анна всегда выказывала ему свое расположение. Сам Волков лично знаком с ним не был и никогда такой чести как аудиенция у Феофана не удостоивался. Чин-то его был невелик. И вот ныне сам его призвал!

Келейник в черной рясе, не сказав ни слова, жестом велел надворному советнику следовать за собой. Степан пошел за ним через полутемный коридор. У кабинета вице-президента Синода Волкову велено было ждать...

***

Встретил глава Синода Волкова в роскошной палате среди икон в дорогих окладах. На нем черная раса, на шее массивный серебряный крест.

Феофан Прокопович был роста высокого, и тело имел худое и жилистое. На его лице, со щеками впалыми, двумя угольями горели глаза. Они словно пронзали насквозь, и потому было тяжело врать преосвященному.

Волков низко поклонился.

Преосвященный поднялся с кресла и подошел к нему.

– Ты есть Степан Волков? – спросил Феофан.

– Я, владыко.

– В сыскном Приказе службу несешь?

– Так точно, владыка. В канцелярии сыскного ведомства.

– Слышал про тебя, Степан! Много хорошего слышал. Не сребролюбив ты! И то хорошо!

– Я служу своему отечеству, владыко, – еще раз поклонился Волков.

– При государе Петре Алексеевиче службу начал?

– Да, владыка. Был призван в 1-й Московский драгунский полк и дослужился до поручика. Затем по талантам моим переведен был в сыскное ведомство. Там до сих пор и состою.

– Чинами не отмечен ты высокими, Степан. Лет тебе уже сорок, а ты в чиновниках Седьмого класса ходишь⁹. Твой начальник канцелярии не любит тебя?

– Нет, владыка.

– Про сие знаю. Зотов мне известен. Слишком шустрый человек. В доверие к Петру Алексеевичу быстро втерся. И далеко бы пошел, коли бы не помер государь.

– А он и сейчас далеко метит, владыко.

– Ну, сейчас время не то. Не для него сие время. Что скажешь про дело Кантемира?

Феофан указал Волкову на стул и тот сел.

– Дак я того дела пока и понять не успел, владыка. Только взялся за него и одни загадки.

– С тем и позвал тебя. Ведь Кантемир Дмитрий был верным слугой его величества Петра Алексеевича. Знающий был человек и образован зело! Иностранные языки знал, разбирался в математике, фортификации, архитектуре, музыке, философии. За то его Петр Великий и ценил. А Антиох Кан-

---

⁹ *По Табели о рангах 7 класс соответствовал подполковнику в армии, надворному советнику по гражданской службе.

темир в отца пошел.

– Сие верно, владыко. Зело умен князь Антиох. Того не отнять у него.

– До меня дошли слухи о вурдалаке и о проклятии Кантакузенов. Мои люди на Москве те слухи вредные глушат. Но сие лишь полумера, Степан! Нам надобно сие дело расследовать со всем тщанием.

– Мне такое повеление и было дано, владыка.

Феофан немного помолчал. Он смотрел на Волкова своими глазами угольями. Затем спросил:

– Что думаешь про сие дело? Только правду, Степан!

– В нечистую силу не сильно верю, владыко.

– А в бога веруешь ли? – строго спросил Прокопович.

Степан перекрестился.

– Но есть ли бог в сердце твоём, Степан?

Волкову хотелось спросить, а есть ли бог в его владыкинском сердце, но он не решился.

– Я в бога верую, святой отче. Но, думаю, в деле сем нечистый замешан, а люди. И люди сии такоже в церкви бывают.

– Думаешь, задумали они что? Но кто стоит за сим?

– Пока не знаю, владыка.

– А ведаешь ли, что мешать тебе станут? – строго спросил Феофан.

– Мне сие не в новость, владыко.

– Я тебе в сем деле опорой стану. Так что всегда моя рука

поддержит тебя, Степан! Про сие помни!

– Спасибо, владыко!

– Расскажи, что там произошло. Я желаю от тебя сие дело слушать.

– Дак с чего начать, владыко?

– А с самого начла.

– Началось все в дому князя Кантемира, владыко. Некий холоп князя Антиоха именем Тишка помер от чахотки. Дело плевое, мало ли помирает людишек на Москве? Но затем спустя два дня явился сей Тишка в дом после того как схоронили его.

– Ты со слугами Кантемира имел разговоры?

– Много говорил, владыко. Да толку от тех разговоров мало. Сам князь мертвого Тишку не видал. Но в дому переполошились все, и вызвал Антиох Дмитриевич из имения брата своего Константина некоего Войку, валаха старого, что в слугах у Кантемиров состоит.

–И тот Войку колдун? Так мне донесли.

–Того не ведаю, владыка. Но много чего тайного знает сей Войку. Не простой он мужик. Токмо он нынче не помощник мне, владыка.

– Отчего так? – спросил Феофан.

– Сегодня узнал я что Войку и лекарь де Генин, проведя ночь у тела покойницы в доме Кантемира, ума лишились.

– Вот как?

– Вдвоем они в подвале дома Кантемиров у тела были но-

чью. Померла стряпуха Кантемиров именем Дарья. Та самая, которая первой видела покойного Тишку.

– Со стряпухи ты допрос снял ли, Степан?

– Да, владыко. Но токмо не сказала она ничего важного.

– Не сказала, или ты не услышал, Степан?

– Много раз перебирал в уме слова её. Пришел Тишка и просил поест. Она дала ему кусок мяса. Он насытился и ушел.

– И затем померла сама стряпуха?

– Да, владыко. И той смерти я удивился. Здоровая и крепкая баба вдруг да и померла.

– Никто не знает своего часа, – сказал Феофан. – Когда Господь призовет, тогда и уходит человек.

– Выходит по слухам, что вурдалак призвал стряпуху, а не Господь. Чернь болтает, что мучимый вурдалаком и сам вурдалаком станет.

– Скажи мне, Степан, отчего лекарь в подвале у тела оказался?

– Того не знаю, владыка.

– Но де Генин с тобой приехал. Или не так?

– Так, владыко, но толком я не понял, чего хотел де Генин. У тела они вдвоем сидели и наутро нашли их у гроба. Оба что младенцы беспомощные. А тела в гробу не было. И где оно сейчас никто не ведает.

– Дело плохо! – сказал Феофан Прокопович. – Слухи непотребные пойдут по Москве. А чернь все равно болтать

будет. Про такое будет. Знаю я наших кабацких сидельцев. Такой народ.

– Я пока князя попросил, чтобы слуг попридержал, дабы слухи пресечь.

Прокопович усмехнулся:

– Али наших холопей не знаешь, Степан? На день-два удержишь и что с того? Затем все равно болтать станут. Хотя ты свое дело делай! Делай как надобно! Господь тебя не оставит милостью.

– Но и сие не все, владыка, – продолжил Волков. – Мне вчера холопа Тишку доставил в приказ Иван Тарле, коллежский асессор, которого мне в помощники определили.

– Погоди, – остановил Волкова Феофан. – Не возьму в толк, про кого говоришь?

– Дак про Тишку умершего. Про того самого с которого и началось все в доме Кантемира.

– И его доставили к тебе?

– Живого и здорового, владыка. Он сам из дома барина своего сбежал. Тарле обещал ему десять рублей, коли нам поможет.

– И верно сделал, Степан! Сей Тишка многое рассказать сможет.

– Уже не сможет, владыка.

Волков рассказал Феофану о том, что произошло ночью.

– Стало быть, Тишка помер? Странно все сие, Степан. Весьма странно.

– И я так думаю, владыко. Но не нечистая сила Тишку убрала. Здесь люди замешаны.

– Зело сие интересно. Мне про сие дело докладывать станешь!

– Да, владыко!

– Ступай пока! Иди и делай то, что должен!

Феофан протянул ему руку и Волков поцеловал её. Ауденция была окончена...

***

3

В городе.

Степан Волков и Иван Тарле.

Карета с родовыми гербами Кантемиров пробилась через Китай-город. Вдали была видна толпа, которая заполонила торговые ряды: каретный, седельный, иконный, суконный, красильный. Бойкие торговцы громко зазывали покупателей и показывали свой товар. Купцы в суконных кафтанах торговались и спорили до хрипоты.

Сновали между рядами бойкие торговцы пирожками. Они орали:

– А вот пироги горячи

Едят голодные подьячи!

Есть с луком и с перцем

Со свежим и горячим сердцем!

Продавец овощей надрывался:

– Огурцы из Нежина! Огурцы из Нежина! На губах хру-

стят нежно! Покупай!

Квасник не отставал от них:

– Квас малиновый! Подходи народ православный!

Народ толпился у государевых кабаков и питейных погребов. Празднично пели волюнки, трубили рога, гудели сопелки и гремели бубны. Сновали лихие люди и подыскивали богатые карманы и кушаки.

Скоморохи водили на цепи ученого медведя. И подле них толпились зеваки.

Ходили при крепкой охране купцы из Персии в диковинных цветных одеждах. Они предлагали дамасские клинки с богато украшенными золотом и самоцветами рукоятями.

Солдаты водили по рядам колодников, и сердобольные миряне подавали им, кто сколь может. Ведь на Руси правительство еще от Ивана Калиты не сильно тратилось на тех, кого бросили в острог. И потому острожников в железах за крепким караулом выводили на площади да на базары просить милостыню. Тем и питались, что подадут.

Тюремные сидельцы показывали прохожим свои раны от ожогов и вывихнутые на пытках кости. Им кидали медные деньги и давали продукты. Кто луковицу, кто каравай хлеба, кто огурцов, кто яблок. Ведь острог да сума общая беда. Кто от того был сохранен?

Жизнь клочотала за окнами кареты. А ему, Степану Волкову, было не до всей этой суеты. Он думал о деле Тишки.

«С чего все с дома Кантемиров началось? – задал Волков

сам себе вопрос. – Только от того что его мать из рода Кантакузен? Но что имеют против Кантакузенов? Род сей угас у нас на Москве. Женщина из их рода вышла замуж за князя Дмитрия Кантемира. Сей князь также помер. Ныне есть два сына его Константин и Антиох Кантемиры. И дочь у князя Дмитрия имеется – Мария Кантемир. Кто дело противу них начать мог? Будь они в чинах больших, тогда понятно».

Карета остановилась.

Степан удивился с чего бы это. Дверца отворилась, и он увидел Ивана Карловича Тарле.

– Степан Андреевич? Рад, что встретил тебя! Могу ехать с тобой, коли позволишь?

– Прошу, Иван Карлович.

Тарле заскочил в карту и бросил кучеру:

– Трогай!

Дверца захлопнулась.

– Ну что скажешь, Иван Карлович? Я вот только от Феофана еду.

– От Прокоповича? – удивился Тарле. – Неужто владыка про все уже знает?

– Знает! И дело то весьма важным почитает.

– А коли оно важное, то отчего его в Тайную канцелярию не передадут? Они теми делами заниматься должны.

Волков усмехнулся.

– Дак никто слухов не хочет, Иван Карлович. Дело тайное. И нам его разбирать надлежит. А пока в сем деле загадки

одни. Мы еще ничего не выяснили, а уже столь шуму наделали. И Тишка помер! Нынче ночью погост посетим с тобой и с князем. Надобно знать, кто в могиле Тишкиной лежит!

– Ночью? – спросил Тарле.

– Ночью. Не днем же.

– Но сие дело опасное, Степан Андреевич.

– И что? Как нам дело вести? Надобно знать, кто в могиле Тишкиной.

– А ежели вурдалак там, Степан Андреевич? Думали про сие?

– Оставь, Иван Карлович.

– Не скажу, что верю в это, но мысли разные в голову лезут. А вдруг? Ты слыхал про Кантакузенов, Степан Андреевич?

– И что с того? Не думаю, что нечистый с нами играет, Иван Карлович. Все сие дело рук человеческих. А не дает мне покоя Ванька Каин, атаман разбойный. Слишком все сие на его рук дело походит.

– Да с чего ты взял, Степан Андреевич? Где Ванька, а где Антиох Кантемир.

– Дак и Каин тот не прост, Иван Карлович. Он может в сговоре с кем-то состоять. Вот хоть возьми княжну Марию Кантемир? Она сестра князьям Константину и Антиоху. И была она княжна в любовной связи с государем Петром Алексеевичем.

– Но она нынче в Петербурге, Степан Андреевич.

– А вот сие и надобно нам прояснить, Иван Карлович. Слишком много вопросов в деле. Слишком много.

Тарле посмотрел на Волкова.

«А ведь правду про него говорят, – подумал он. – Одержимый. Про карьеру совсем не думает. Захватило его сие дело и готов он искать истину, не взирая ни на кого. Плевать ему на персоны».

– Мария Кантемир могла влиять на дворцовый политик, когда государь Петр Великий жив был, Степан Андреевич. Но ныне его уж семь лет как нет. Кто она теперь? Не фигура в партии дворцовой. Иное дело Бирен, Остерман, Левенвольде.

Волков пожал плечами. Что он мог сказать? Надобно думать...

***

4

В доме Кантемира.

До самого вечера сидели в кабинете князя Антиоха Степан Волков и Иван Тарле. Кантемир был с ними. Князь хотел понять, отчего сие случилось именно с ним и именно в такой момент.

По закону о майоратах основное состояние получил его старший брат. Но Антиох был умен, хорошо образован, знатен и красив. Он мог рассчитывать на хорошую партию и на то, что приданое будущей жены поправит его дела.

Так все и складывалось. Он нашел для себя невесту, дочь

первого богача князя Черкасского, и мог рассчитывать, что его ухаживания будут приняты благосклонно. Еще бы! Сама императрица хлопотала за него. А разве посмеет старый князь отказать государыне?

И вот случилось это дело с вурдалаком! И все разом заговорили о роде его матери! Кантакузены были весьма знатные господа и дом этот знали в Европах. Но сейчас всплыли весьма нежелательные сведения о черном колдовстве! И это пошатнуло положение дома Кантемиров в московском свете.

Волков отлично понимал Антиоха. Ведь сей юнец так хорошо начал. И вот все могло оборваться. Императрица могла сменить милость на гнев. Уж больно не любя была ей история о вурдалаках.

Кантемир сказал чиновникам:

– Я, господа, не могу знать всего, что в доме моем произошло. Я ведь веду жизнь светскую и мне все недосуг. А, сами ведаете, сколь всего на Москве произошло. Государь Петр Второй¹⁰ помер. Верховные министры стали за власть драться. Нового государя подбирали.

– Про сие нам всем ведомо, – сказал Тарле. – Время было тревожное, пока матушка государыня Анна на троне не утвердилась.

– И я про сие молвил, Иван Карлович. Я ведь больше при дворе обретался и в дому своем бывал токмо для ночи проведения. Чего в людской деялось, не вникал. А тут такое при-

---

¹⁰ Петр Второй – внук Петра Великого император в 1727-1730 гг. Умер от оспы.

ключилось.

– Что лекарь де Генин и Войку не пришли в себя? – спросил Волков.

– Нет пока, Степан Андреевич. Все словно дети малые. Ничего не помнят и ничего не понимают. Хотя приезжал к де Генину сам лейб-медик Блументрост¹¹. Посмотрел и поехал восвояси.

– Сам Блументрост? С чего такая честь де Генину?

– Думаю, что лейб-медик приехал по поручению самой императрицы. И совсем не врачевание было целью его. Новости повез государыне.

– И что он сказал? – спросил Волков.

– А ничего не сказал. Я ведь не могу самому Блументросту допрос учинять, Степан Андреевич.

Волков вздохнул. Слишком громким могло стать сие дело. Ох, и не ко времени шум-то. Не ко времени!

Кантемир развел руками и прочитал строки из своей сатиры:

*– Гордость, леность и богатство мудрость одолели,
Невежество знания место посело.*

*То под митрой гордиться, то в шитом платье ходит,
Оно за сукном красным сидит, и оно полки водит.
Наука же ободрана и в лоскутах шита.*

Из всех знатных домов с ругательством бита!

---

¹¹ Блументрост Лаврентий Лаврентьевич (1692-1755) – лейб-медик, первый президент Академии наук.

Степан стих похвалил:

– Вы это изрядно сказали, князь. Я вас как поэта почитаю. И с теми словами согласен. Но что делать коли всегда так у нас на Руси? Не нами сие придумано и не нами изменено будет. А дело делать надобно. И первым дело на погост пойдем.

– Пойдем? – возразил Кантемир. – Но надобно ли нам туда идти, Степан Андреевич?

– Могилу все равно нам вскрыть надобно, князь.

– Сие может повредить мне еще больше, Степан Андреевич. Мое положение при дворе и так стало шатким. А что будет, коли про сие узнают?

– Не узнают, князь. Мы переоденемся так, что никто не узнает.

– И нам нужно идти всем? – спросил Кантемир.

Волков ответил:

– Все пойдем. Вы, князь, я и Иван Карлович. Никого из слуг брать не следует.

– Оно понятно, Степан Андреевич, – кивнул Тарле. – Для чего нам лишние глаза и уши?

– Страшное дело, господа! – князь комкал в руке кружевной платок. – Обязательно нынче ночью?

– Да. Откладывать не надобно.

Кантемир спросил:

– Может водки приказать подать?

– А чего не приказать? Дело нас ждет многотрудное и опасное. Отчего водки не выпить? Велите, князь.

Кантемир отдал распоряжение. И вскоре в кабинете был накрыт стол. Водки и наливки быстро развеселили всех троих, и настроение заговорщиков значительно улучшилось...

Глава 6

Веденский погост.

1732 год. Сентябрь.

1

Ночь. Веденское кладбище.

Все трое оделись как солдаты отставные. Много таких вот инвалидных команд на погостах работало. За мзду малую брались они хоронить трупы безымянные. По утрам у государевых кабаков много таких находили. Кто от вина помер, кто замерз (в холодное время), кого ножиком задели. Целовальники не желали разбирательства и сговаривались с инвалидами. Те тайно сии трупы увозили и на погостах в безымянные могилы клали.

Волков со товарищи дождались темноты, и увидели, что сторожа накрепко заперлись в своем доме. Боялись нечистой силы. И потому сейчас сидели за стенами, увешанными оберегами.

Луна из-за туч пробивалась временами и освещала путь. Зажигать фонари Волков запретил.

– Иди, князь, показывай могилу.

Кантемир пошел вперед. За ним с лопатами и заступом шел Тарле. Замыкал шествие Волков. Он держал наготове пистолеты. Тарле снарядил их особыми серебряными пуля-

ми.

– Жуткое место, – прошептал Иван Карлович.

– Обычный погост, – сказал Волков. – Много людей схоронили в прошлые годы, когда оспа свирепствовала на Москве.

– Много про сие кладбище плохого болтают, – сказал князь.

– То бабкины сказки, князь. Ты человек образованный. Пиит* (*пиит – поэт). Тебе ли погостов бояться?

– Я неведомого опасаюсь, Степан Андреевич.

Луна вышла из-за туч и осветила длинные ряды крестов. На табличках были имена покойников, но много могил были безымянными. Не было у этих людей родственников, кто приходил поплакать у креста.

Князь точно указал могилу Тишки. На кресте было написано:

«Раб божий Тихон. Тридцати лет».

– Здесь!

– Двое копать станут, а один с пистолетами дежурить. Мало ли чего.

Первыми взялись за лопаты Тарле и Волков.

Закопали домовину Тишки не глубоко. Поленились холопы княжеские. И потому расчистили гроб быстро.

Волков выбросил лопаты из могилы и взял заступ.

– погоди, Степан Андреевич! – остановил его Антиох Кантемир.

– Чего тебе, князь? – Волков посмотрел на него.

– А коли он и вправду вурдалак? Надобно с осторожностью и опасением всяким сие делать! Иван Карлович! Доставай колья осиновые!

Тарле достал из мешка два заостренных кола.

– Приготовились! – усмехнулся Волков.

– А то как же, Степан Андреевич. Мало ли чего приключиться может. А кол осиновый – первое дело противу вурдалака. Говорили, что в валахии коли вурдалак начинает людей после смерти мучить – надобно его из могилы вытащить и кол ему осиновый в сердце вогнать. Затем голову отрубить и тело сжечь.

– Но это если он вурдалак! – сказал Волков. – Ежели признаки на нем будут вурдалака. Какие там признаки, князь?

Кантемир ответил:

– Лицо его румяно должно быть, а не как у покойника обычного. Волосы, ногти и борода отрасти должны, а жилы полны свежей кровью.

– Вот и поглядим сейчас.

Волков поддел крышку и открыл домовину.

Кантемир и Тарле вздрогнули и отступили на шаг. Но в гробу не было тела. Он был пуст!

– Вот вам и Тишка! – вскричал Волков. – Нет никого в этой домовине, князь. Это и надобно было мне узнать! Вот вам и пули серебряные и кол осиновый! Надобно могилу снова зарыть и все оставить, как было. А завтра всех холопей, кто в похоронах участие брал, в Приказ разбойный!

– Это еще зачем? – спросил князь.

Кантемиру было жалко своих. Хорошо он знал, как пропадали человеки в застенках страшного приказа. И кто ему слуг вернет? У него и так людей в доме не густо. Братец новых ему более не пришлет.

– Вам жалко слуг, князь? Я это понимаю.

– Можно допросить их в моем доме тайно, Степан Андреевич.

– Можно было, пока дело не стало столь громким, – поддержал Волкова Тарле.

– Именно так, князь. Вопросов больно много. Знали они, что хоронили пустой гроб? А если знали, то зачем хоронили? Кто их надоумил сие сделать? И где тело того умершего холопа, что Тишкой именовал себя?

Больше Степан ничего не сказал. Князь и Тарле не возражали. Они взялись за лопаты и стали зарывать могилу...

***

2

Застенки Приказа разбойного.

Слуга князя Антиоха Кантемира Иван, что при конюшнях состоял и два его помощника – крестьяне Сильвестр да Архип, которые припасы доставили из имения, был взят за караул.

Они Тишку хоронили, и, стало быть, им и ответ держать. В те поры пытка при допросе дело обычное, и допрашиваемый через то проходил. Время было такое.

Волков был при допросе вместе с Иваном Тарле.

Подьячий Зубило, высокий жилистый малый, спросил чиновника:

– Приступать велишь ли?

Волков отдал приказ начинать. Он знал, что Зубило знает свое дело хорошо. У этого подьячего все говорили на пытке. И при нем состояли заплечных дел мастер Роман, три его подручных, да два старика бобыля- костоправа.

– Только мне правду надобно знать! – предупредил Волков. – Не человек калечить, но способствовать истине!

Зубило ухмыльнулся. Он также знал этого чудного чиновника сыского ведомства. Покосился на ведро с вениками для огненной пытки и сказал:

– Да я не первый год при пытках в Приказе разбойном состою. Понимаю, что к чему! Посему ты, ваше благородие, не изволь сомневаться. Пытка она многих в ум приводит и истину открывает.

– На дыбе кто хош на себя облыжно (ложно) наклепает. Потому бить без оттяга. Кожу сим холопам не рвать! – приказал Волков.

– Как велишь, тако и сделаю! – ответил подьячий. – Но сумнительно, что от того говорить сии рабы божию начнут. Крепкие они. Я-то сразу вижу, кто говорить станет.

– Начинай! – прервал подьячего Волков.

Зубило кивнул палачам.

Заплечных дел мастера суетились вокруг. Он быстро при-

готовили все для пытки. С конюха Ивана стащили рубаху, и руки его связали позади веревкою. Затем дюжие молодцы по сигналу палача «Вздымай», подняли слугу вверх, и он повис на руках.

К его ногам привязали бревно, и все было готово к растягиванию тела. Кнутабоец палач Роман приготовили свой страшный инструмент.

Волков спросил Тарле:

– Готов писать, Иван Карлович?

– Готов, Степан Андреевич.

Коллежский ассессор вел записи допроса.

Волков начал:

– Ты конюх князя Кантемира Иван, Семенов сын?

– Так, барин. Я холоп князя Антиоха Дмитрича Кантемира.

– Ты получил повеление барина своего умершего холопа Тишку предать земле?

– Так, барин. И мне в помощники определили двух крестьян Сильвестра да Архипа.

– И что было далее? – спросил Волков.

– Да похоронили мы Тишку-то. Все как надобно сотворили.

– Стало быть, в гробу на погосте в могиле лежит умерший холоп? Так?

Волков смотрел на Ивана.

– Да! Так оно и есть, ежели Тишка с нечистым не знался.

Ведь люди сказывали, что вурдалак он.

– Сейчас не о сделках Тишки с нечистым разговор! Мне надобно знать, кого в могилу Тишки положили.

– Да Тишку, барин!

Волков кивнул подьячему Зубило.

Заскрипели блоки, и тело Ивана вытянулось. Палач с кнутом замахнулся и закричал:

– Берегись! Ожгу!

На теле Ивана появился рубец. Но это было не опасно. Волков щадил слугу и не применил к нему настоящей пытки на дыбе, когда осуждённого растягивали так, что от удара кнутом лопалась кожа, и руки выворачивало из суставов.

– Правду сказал! – закричал Иван. – Тишку хоронили! Какая вина на мне, ваше благородие? Скажи!

– Ты гроб забивал гвоздями? – спросил Волков.

– Я сам и забивал.

– И в гробу лежало мертвое тело Тишки?

– Истинно так!

– Но отчего тогда сего Тишку на днях споймали в кабаке живого и здорового? Как ты пояснишь сие, Иван?

– Не может того быть, барин! Тишка мертвый был! А коли он вурдалаком стал, то стало вышел из могилы!

– Так ты веришь в то, что Тишка стал вурдалаком?

– Дак коли его в молодые его годы вурдалак мучил, то и он стал вурдалаком. Сие всем ведомо, барин!

– Степан Андреевич! – вмешался Тарле. – Этак мы до ве-

вчера будем его мырратить! Надобно по-настоящему все делать!

– Как по-настоящему?

– Да как подьячий говорит. С такой пытки разве чего сей мужик скажет?

Волков кивнул Зубило. Тот ухмыльнулся и взялся за дело как следует. Тело снова натянулись, и палач стеганул кнутом по спине. Кожа лопнула, и Иван заорал от боли.

Зубило приказал бить еще. И от третьего удара Иван сник. Его окатили холодной водой из ведра.

– Ты, мил человек, – тихо прошептал Зубило на ухо Ивану, – начинай правду сказывать его благородию. Палач-то куда лишь гладил тебя. Не доводи до греха. Сказывай все как есть.

Иван заговорил:

– Не вели пытать, барин!

– Тогда говори все как есть! Мне правду знать надобно!

– А чего говорить то? – спросил мужик.

– Правду молви! – приказал Волков.

Зубило стал нашептывать:

– Вишь барин осерчал? Сие чиновник сыскного приказа.

Говори, как тело холопа продали.

Иван молчал. Снова заскрипели блоки и засвистел кнут. Мужик заорал.

– Скажу! – заорал он. – Все скажу!

Волков подал знак Зубило. Подручные палача ослабили

веревки.

– Мы не хоронили Тишку-то! – выпалил Иван.

– Не хоронили?

– Нет! Собирался я приказ барина моего исправно выполнить. Собирался. Но упросили меня не делать того самому. Явился человек один и сказал, что де сам Тишку похоронит.

– Что за человек? – спросил Волков.

– Дак кто его знает, барин? Подошел вечером накануне того дня как мы Тишку хоронить должны и сказал, что де сам все обладит. А нам дал по полтине на каждого, и мы в кабаке сидели.

– Но зачем он сделал сие?

– Дак, сказывал он, что де знает, как вурдалаков хоронить! А нам оно и лучше. Зачем нам сие? Мы все сделали, как он сказал. Утром он показал мне могилу Тишки, и я про все барину сказал, что де похоронили холопа честь по чести. Более ничего не ведаю, барин.

– А как выглядел тот человек?

– Который денег нам дал?

– Да.

– Дак мужик в армяке с бородой. Сказал, что от большого барина он пришел. Заплатил, и мы дело сладили.

– Стало быть, барин твой, князь Кантемир интересовался, где могила Тишки?

– Так, барин.

– А зачем ему сие? – спросил Волков.

– Дак много болтали про Тишку сего. Для порядку знать надобно.

«Возможно, – подумал Степан, – так оно и есть. Нам с Тарле могилу князь Кантемир показал. И сказал, что холопы ему сие место указали».

Волков обернулся к Тарле:

– Все ли записал, Иван Карлович?

– Все, Степан Андреевич!

Далее к розыску притянули крестьян Сильвестра да Архипа и они под пыткой показали тоже, что и Иван...

***

Степан Андреевич Волков отпустил Ивана Тарле в канцелярию сыскного ведомства, а сам поднялся к дьяку Гусеву. Он все ему рассказал.

– Вот так Ларион Данилович!

– Дело темное, Степан! И ничего путного тебе допрос не дал!

– Как не дал, Ларион Данилович?

– А что ты узнал? Что не хоронили они Тишку? И что с того? Кто заплатил холопам за сие? И ради чего все затеяли? На сии вопросы ответов не имеешь!

– Но они дали приметы того человечка.

– Приметы! – хохотнул Гусев. – Лицо круглое. Борода черная. Нос большой мясистый. Хороши приметы. В кабаках таких можно с полсотни насобирать. А времени у тебя мало! Тот, кто затеял сие, ждать не станет!

– Тогда скажи, Ларион Данилович, что сам думаешь?

– Под Кантемира некто копает! Не думал про сие, Степан Андреевич?

– Думаешь дело с вурдалаком затеяли нарочно, дабы тень на князя кинуть?

– Все на сие указывает, Степан. Сам подумай, знал некто, что императрица наша до слухов охоча. И слух ей про вурдалака и подкинул. И знал, сей некто, что императрица станет гневаться на Кантемира.

– Да кто такой Кантемир, Ларион Данилович?

– Не самый последний человек на Москве, Степан Андреевич.

– Он хоть и князь, но персона не шибко великая. При дворе нынешнем нет у него положения. Вот сестрица его Мария при императоре Петре Алексеевиче вес имела. Но более нет Петра! Кому копать под них?

– Дак Кантемир жениться желает. Не слыхал?

– Слыхал, и что с того?

– А кто невеста его?

– Вроде болтают, что это княжна Варвара Черкасская.

– Вот! А князинька Черкасский Алексей то Михайлович первый богач! Сорок тысяч душ крепостных! Сорок тысяч! Соляные варницы, да промыслы рыбные ему сотни тысяч рублей приносят! Да и по должности персона большая. Генерал-губернатор Сибирский. Не нам с тобой чета.

Степан задумался. А ведь и верно говорит Гусев. Канте-

мир Антиох частый гость в доме Черкасского на Тверской. А в том доме собирались сановники, дипломаты иностранные, частные гости из Вены, Лондона, Парижа.

– Думаешь, Ларион Данилович, в этом все дело?

– Дак кто знает, Степан Андреевич? Но проверить сие надобно.

– Но как мне в дом Черкасского попасть? Просто так туда не сунешься.

– Сие верно. Допросить его никто не даст. Разве что повеление будет у тебя именное от величества императорского.

– Дак я к Бирену зван, Ларион Данилович! Может он поспособствует?

– Бирен? Ежели, ему сие выгодно, то поспособствует. А ежели нет?

– Да он мне и поручил следствие.

– И что с того?

– Дак Бирену и нужен результат, Ларион Данилович. Ему слухи на Москве не надобны.

– А ежели наоборот, Степан Андреевич? Ежели сие самому Бирену и надобно. Он ведь немец, а не русский.

– И в чем выгода его?

– Дак кто знает, Степан Андреевич? Но ежели человек за этим делом стоит, то сие человек большой! Такой и подьячего мог подкупить и палачей.

– Подьячего?

– А ты не знал? У нас подьячий многое может. Да еще

такой как Зубило. Этот малый не столь прост. Ох, как хитёр, Степан Андреевич. Но дело свое хорошо знает.

– Ты хочешь сказать, Ларион Данилович, что Зубило берет посулы* (*посулы – взятки)?

– Да какой подьячий посулов не берет, Степан Андреевич? Сам посуди, кто в сем деле не без причины?

Волков был согласен с Гусевым. Где нейти мелкого чиновника, который посулов не брал? Таких по пальцам пересчитать можно на Москве.

– Ты сам посуди, Степан, коли персоны великие взятки берут тысячами, то отчего подьячему не взять десяток рублей?

– Но не думаю я, Ларион Данилович, что за этим стоит Бирен. Зачем ему Кантемир? Бирен летает ныне слишком высоко. Какое Бирену дело до Варвары Черкасской? Не сам же он метит в её мужья? Бирен женат. И жена его подруга императрицы.

Гусев при упоминании о горбатой и уродливой жене красавца Бирена засмеялся.

Бенингна Тротта фон Тройден была действительно некрасива, ибо лицо её были сильно испорчено оспою. Но она была весьма знатного рода и Бирону, дабы закрепиться при дворе Анны Ивановны, в бытность её герцогиней Курляндии, надобно было жениться на девице знатных кровей. Отец Бенингны барон Вильгельм фон Тройден совсем не желал такого зятя, как Бирен. Но герцогиня настояла на своем.

– Возможно, что Бирен действует не для себя, Степан Андреевич. Возможно, некто готовит для Варвары Черкасской иного мужа.

– Все сие токмо ради замужества княжны Варвары? – спросил Волков.

– Нет, но, возможно, что все сие ради денег её папаша...

***

4

В городе.

Заговор.

Подьячий Зубило у своего дома в тот день встретил человека неприметного. Был росту небольшого в поношенном плаще армейском и треуголке старой, свечным жиром заляпанной.

– Всё ли сделал как надобно? – спросил он подьячего.

– Всё. Все пыточные сказки* как надобно записаны (*пыточные сказки – показания).

– Не врешь ли?

– А с чего мне врать? Я дело знаю.

– Что показали холопы под пыткой?

– Рассказали, что тела не хоронили. Так оно и было на деле. Так и предполагалось, не выдержат холопы пытки на дыбе и языки развяжут.

– А они дали описание того, кто заплатил им?

Подьячий ответил:

– Рассказали. Куда им было деваться? Но приметы дали

такие, что никто того человека не найдет.

– Волков человек дотошный. Ему только ниточку дай, и он весь клубок сумеет распутать. Нельзя чтобы на княжеского сына они вышли.

– Да никто не выйдет на него. Все сделали чисто.

– Ты об сем деле язык держи за зубами!

– Я сие знаю хорошо. За то меня в Приказе разбойном и держат. Времена то ныне какие? Мошенники и воры кругом! Так-то!

– Тогда вот, – человек протянул Зубилу кошелек. – Здесь золотых рейхсталеров числом 50. Все твои. Но, коли соврал...

– Все верно. В том головой отвечаю, – сказал Зубило, принимая плату.

– Коли так прощай.

– Если чего занадобится – прошу! Мой дом известно где. И с чего мне дело не сделать, коли денежки платят исправно?

Человек не ответил и молча удалился. Зубило проводил его взглядом.

«Думает, барин, что не знаю, кто он такой. Но я не просто человек. Подьячий Приказа разбойных дел. Много лет сию службу правлю»...

***

5

Дом Волкова в Москве.

Елизавета Романовна Волкова, проводив гостей, сидела за

столом в кабинете мужа и читала книгу Христофора Эберта «Дискурсы политичные». Эту книгу прислали ей вчера от барона Шверина.

У них в дому книг было совсем мало. Степан Андреевич был занят своей работой, и читать не любил, как не любил рассуждать о книгах и художествах иных. Она знала, что муж мог часами говорить о мздоимцах (взяточниках) приказных, о крутых мерах государя Петра Алексеевича, коие он к мздоимцам применял. Мог Степан рассказать про отравителей и душегубов иных, про шайки разбойные на Москве, про лихих атаманов. Зато о книгах «Об истории славных царств» или «Описании войн, или же как к погибели и разорению всякие царства приходят» он даже не слыхивал.

У барона Шверина Елизавета Романовна подолгу болтала с женой барона о библиотеках и книгах. Сетовала она, что де мало библиотек на Москве и хвалила небольшую библиотеку барона. И ей часто присылали новые книги от Шверинов.

Степан в тот день домой не явился, хотя знал, что к ним с визитом будет Василий Никитич Татищев¹². Еще в полдень он присылал посыльного, что дело имеет важное и прийти никак не может.

Елизавета Романовна одна принимала важного гостя. А ведь Татищев не кто-нибудь, а сенатор империи Российской.

---

¹² Российский инженер-артиллерист, историк, географ, экономист и государственный деятель; автор первого капитального труда по русской истории – «Истории Российской», основатель Ставрополя (ныне Тольятти), Екатеринбурга и Перми. Один из основоположников русского источниковедения.

Но он интересовался, как ни странно, делом, которое вел Степан.

– Я что про сие знать могу, Василий Никитич? – сказала она. – Степан мне и не говорит ничего.

– Дело больно важное, Елизавета Романовна. Многие персоны великие сим делом интересуются.

– Степан и дома то не бывает, Василий Никитич. Вот и сегодня не пришел гостей почтить.

– Пустое, Елизавета Романовна. Пустое. Ведь сама государыня интересовалась, как идет следствие!

– Государыня? – удивилась Волкова.

– Мне сегодня про сие говорил обер-шталмейстер¹³ Рейнгольд Левенвольде¹⁴.

– Да неужто сама матушка-царица?

– Про сие дело важное никто не забывает и мужу твоему, Елизавета Романовна, важнейшее дело доверили.

– И много говорят о сем деле при дворе? – спросила она.

– Нет, – ответил Татищев. – Больше шепчутся. Не любит государыня про сие слушать. Ждет, что все скоро завершит-

---

¹³ Обер-шталмейстер – (буквально «старший начальник конюшни») должность (чин) в Русском царстве и Российской империи, с 24 января (4 февраля) 1722 года – придворный чин 3-го класса в Табели о рангах (в 1766 году был перемещён во 2-й класс табели).

¹⁴ Левенвольде Рейнгольд – фаворит Екатерины I, влиятельный придворный в правление Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, обер-гофмаршал, брат дипломатов Карла и Фридриха; все трое были возведены Екатериной I в графское достоинство.

ся.

– Но, если вам про сие говорил сам Левенвольде. Значит, немецкая знать весьма тем интересуется.

– Дак дело больно запутанное. У многих вызывает любопытство.

Елизавете было странно слышать такие речи от Татищева. Значит и вправду дело у мужа важное.

Она сказала:

– Неприятно мне, Василий Никитич, говорить такое, но мечтаю я, чтобы Степан Андреевич покинул службу.

– То ты, голубушка Елизавета Романовна. Степан Андреевич службой токмо и живет. Человек, преданный делу и чести, – сказал Татищев. – Немного знаю я таких в сыскном ведомстве. Не желают наши дворяне чести своей пятнать на такой службе. А муж твой это дело делает и все почитают его дворянином истинным.

– Много спокойнее мне было бы, если бы Степан службу оставил. Ведь ничего не дала ему служба честная, Василий Никитич. Чинами его мальчишки обскакали. Ведь службу он при Петре Алексеевиче начал. Сколь можно? Денег у меня, слава богу, хватит. Чего не жить-то?

– Степан Андреевич с тем разве согласится? – развел руками Татищев. – Терпи матушка, Елизавета Романовна.

– Дак дело то опасное? То, что доверили Степану Андреевичу?

– Важное весьма, Елизавета Романовна, – ответил Тати-

щев неопределенно.

И вот она проводила гостя. Служанка помогла ей раздеться и зажгла много свечей, как любила барыня.

В просторном халате Елизавета сидела за столом и читала.

Вдруг в комнате замигали огоньки свечей. Елизавета Романовна подняла голову. Не открылось ли окно? Но нет! Шторы не колыхались.

– Глаша! – позвала она девку. – Глаша!

Но никто не отозвался. Это было странно. Волковой стало страшно.

– Глашка!

Но девка не явилась на зов барыни как всегда, хотя была послушна и расторопна. Елизавета Романовна для того и выписала её из деревни в Москву.

«Где она ходит, мерзавка? Вот велю всыпать на конюшне розог, будет знать!»

Из темного угла, слабо освещенного вышел старик.

– Лаврушка? – удивилась барыня. – Ты как здесь?

Старик молчал. Волкова поняла, что это не Лаврушка.

– Кто ты? – спросила она.

– Тебе меня бояться не следует, барынька. Я Войку.

– Войку?

– Я слуга дома Кантемиров.

– Снова ты?

– Снова пришел, барынька.

– Но как ты попал сюда?

– Для меня нет дверей, барынька. Отныне нет. Дух мой уже отделился от тела.

– Что? – не могла понять Волкова. Старик говорил странно. – Сказал ты, что дух твой ныне свободен? Стало быть, ты умер?

– Почто сразу помер?

– Потому и нет для тебя дверей более. Ты сам это сказал.

– Не помер я еще. Дух мой не совсем от тела отделился и не перешел в нижний мир. Я все еще здесь в вашем мире людей.

– Зачем ты пришел ко мне?

– А к кому же мне идти, красавица? Моя дорожка к тебе.

Кто еще мне поможет?

– Что это значит, старик?

– Неужто, не поняла меня? Али токмо прикидываешься, что не поняла?

– Что тебе нужно? Скажи, наконец!

– Много книг прочла? – вдруг спросил старик и сам ответил. – Много! И много мудрости набралась из томов сих?

Елизавета молчала. О чем это он?

– Кассандра Кантакузен! Много чего странного было, когда она померла. Я сие сам видел. Еще был не так стар. А ныне помру вскорости, ежели ты не поможешь.

– Как я могу помочь тебе? Скажи!

Войку ответил:

– Кассандра Кантакузен. Мать нынешнего князя Антиоха

Кантемира.

– Я снова не поняла тебя, старик. Зачем ты снова назвал имя Кассандры?

– Вспомни!

– О чем? – спросила Волкова.

– Да про старуху Кантакузен. Про зелье фараоново.

– Я ничего не поняла, старик. Возможно, ты просто ошибся. О чем ты говоришь?

– О фараоновом составе!

– Я не знаю, что это такое.

– Фараоново зелье. Кому и знать как не тебе! Некогда Михаил Кантакузен, которого прозвали «Сын черта» или «Шайтан-оглу», был по приказу султана турецкого Мурада в земле Египетской. И после того, как вернулся Михаил, его и казнили в лето 1578-ое от Рождества Христова.

– Я впервые слышу про этого Михаила. Он кто такой?

– Предок Кассандры Кантакузен. И он тогда из земли египетской привез то самое фараоново зелье. И про сие зелье тебе, касатушка, известно. Вспомни!

– Но я не помню! Да и откуда я могу знать про него? Что это за зелье?

– Жизнь человеческую оно продлить способно! У нас в Валахии многие то зелье искали.

Елизавета Романовна подумала, что старик просто умалишенный. Он говорил об эликсире жизни. Она, как и многие, читающие и образованные люди, конечно, знала об August

potabile или о Золотом эликсире. Еще его называли «эликсир философов», главная тайна или «пятая сущность», познать которую стремились алхимики всей Европы.

– И ты пришел сюда за этим? Ты говоришь об эликсире философов? – спросила Волкова. – О великом эликсире? Я знаю, что его ищут алхимики уже несколько столетий! Но это пустая трата времени.

– Золотой напиток. Так называли его алхимики. Принятый во внутрь, в малых дозах, он исцеляет все болезни и молодит старое тело. И тебе сие хорошо известно!

– Мне?

– Тебе, красавица!

– Я знаю из книг, что золотой напиток или *Aurum potabile* пока не найден. Его еще не существует, если его получение вообще возможно. Пока его нет, старик. Я не смогу тебе помочь. Я не алхимик.

– Но на тебе испытали эликсир! Тот самый, что шайтан-оглу привез из Египта. Это эликсир Клеопатры-алхимика, та самая «пятая сущность», которая способна мне продлить жизнь.

– Я еще раз хочу сказать тебе, что подобных знаний у меня нет. Ты ошибся.

– Нет! Ты способна видеть души умерших. Ибо ты принимала «пятую сущность».

– Я не способна видеть ничего!

– Но меня ты видишь! Значит, она есть в тебе, в твоём

теле, красавица.

– Кто она?

– Капля «пятой сущности»! Но тебе надобно вспомнить...

***

Елизавета Романовна больше не слышала голоса. Она словно очнулась от сна.

«Что это было?» – подумала она.

В комнате более никого не было.

«Неужели я уснула над книгой и видела кошмар? Что говорил тот старик? И как он назвался? Какое имя он произнес? Войку! Войку из дома Кантемиров. И он сказал, что ищет эликсир философов».

Елизавета подошла к большому сундуку в дальнем углу комнаты и откинула крышку. Там были книги, которые остались от её отца и кое-какие вещи. Она нашла старинную книгу на латыни, посвященную алхимической науке. Конечно, она уже не раз читала это сочинение, но сейчас решила освежить воспоминания.

Она вернулась к свечам и открыла книгу. На первом листе было изображение андрогинна, человека наделенного внешними признаками, как мужчины, так и женщины. Их в древности считали предками людей, и о них говорил великий Платон в своем диалоге «Пир».

В главе первой упоминался маг Болос родом из Мендеса, которого считали одним из первых алхимиков. Здесь были его изречения из книги «Мистические вопросы физи-

ки» и некоторые заклинания. Болос утверждал, что материя непостоянна и легко может переходить из одной формы в иную. Потому он считал омоложение физического тела возможным. Так же говорил он о трансмутации золота.

В главе второй упоминалась Клеопатра-алхимик и её опыты. Все это подтверждалось трудами алхимика Зосима из Панополиса и арабского ученого ибн Хаяна.

Хаян говорил о философском камне, благодаря которому неблагородные металлы могут стать золотом. И главное, этот камень, способен продлить жизнь человеческую и, даже, подарить бессмертие...

Глава 7

Долг чиновника.

1732 год. Сентябрь-октябрь.

1

1732 год. Дворец Анненгоф. Покои графа Бирена.

На следующий день Волкова ждали во дворце, в Зимней резиденции императрицы всероссийской Анненгоф¹⁵.

Не часто его приглашали в столь высокие покои и баловали своим вниманием особы великие. А здесь сам фаворит императрицы, всесильный Эрнест Иоганн Бирен!

Хотя по знатности рода Волков мог с ним поспорить. Степан Андреевич был потомственный дворянин, хоть и бедный. Имение их давно в разор пошло и кроме чина и службы сам Волков ничего не имел. Благо женился удачно.

А Эрнест Иоганн был роду простого. Мать одного Бирена еловые шишки в лесу собирала. А он в 1730 году получил титул графа и по служебной лестнице взлетел до чиновника Второго класса¹⁶

Вот так Фортуна с людьми играет...

---

¹⁵ Анненгоф – летний и зимний дворцы, построенные для императрицы архитектором Ф.Б. Растрелли.

¹⁶ Чиновник Второго класса – по Табели о рангах 2 класс – генерал-аншеф, действительный тайный советник, обер-камергер.

***

Степан Волков, в новом платье¹⁷ и сапогах лакированных с пряжками серебряными, явился в приемную его светлости обер-камергера двора Ея императорского величества Анны Иоанновны.

Анна любила роскошь одежд и скудные костюмы, почитала оскорблением её высокой особы. Потому Волков был в красном камзоле с золотым позументом. Батистовый плат туго облегал его шею. В руках у него была трость черного дерева, серебром отделенная.

Бирен принял Волкова сразу и не заставил ждать.

– Sprechen Sie Deutsch¹⁸, Степан Андреевич? – спросил граф.

– Ich weiß, dass die deutsche Sprache. Aber ich bin nicht so gut¹⁹.

– Я тоже еще не слишком хорошо говорю по-русски, – усмехнулся граф. – Прошу вас садиться, Степан Андреевич.

Волков сел. Бирен устроился в кресле рядом с ним.

– Я знаю о деле, которое вам доверили, господин Волков. При дворе слишком много сие обсуждают. И сие дело, к неудовольствию матушки-государыни, дошло до иностранных дипломатов. А они отпишут своим монархам о дикости

---

¹⁷ Здесь имеется в виду одежда, платьем называли тогда как мужской так и женский костюм.

¹⁸ Вы говорите по-немецки?

¹⁹ Да я владею немецким, но не слишком хорошо.

российской.

– Я всеми силами, ваше сиятельство, тем слухам препятствовал. И холопы князя Кантемира сего выболтать не могли.

– Полноте, Степан Андреевич, – засмеялся Бирен. – Нет болтливее слуги, чем русский слуга.

– Ваша светлость, мною приказано из дому никого не выпускать. Хотя и сие не может быть большим препятствием для слухов. Но, возможно, некто иной все сие разносит.

– Иной? Вы о чем, Степан Андреевич? – спросил граф.

– Некто, не принадлежащий к слугам князя Кантемира.

– И кто же это, Степан Андреевич?

– Думаю, ваше сиятельство, сие тот, кому это выгодно и кто все сие затеял.

– Стало быть, вы, Степан Андреевич, не думаете, что сие последствия древнего проклятия? Ведь в Валахии и не на такое способны. Сему есть подтверждения.

– Возможно, ваша светлость. Но в этом случае иное мне видится.

– И что же?

– Некто задумал специально сии слухи по Москве распустить. Из-за умысла тайного.

– Вот про сей умысел, господин Волков матушка-царица и желает все узнать. Конечно, ежели такой умысел был.

– Пока у меня есть лишь предположения, ваша светлость.

– Но тело кухарки Кантемира просто исчезло, господин

Волков! Как произойти сие могло? Недавно государыне рассказала про сие её болтушка²⁰ Шаргородская.

– Удивительно мне, ваша светлость, как сие узнать могли?

Бирен засмеялся и сказал:

– Для меня сие также загадка, Степан Андреевич. Для меня Москва новый город. Наша Митава²¹ совсем не то. А болтушки императрицы за новости свои деньги получают. Они все узнать могут.

– Но из дома, после сего случая, никто окромя самого Антиоха Кантемира не выходил. Разве только немой слуга. Но что он мог рассказать? – недоумевал Волков.

– В России и немые говорят, господин Волков. Я вам говорил про сие. Хотя, возможно, и вы правы, что некто иной сии слухи разносит.

– Ваша светлость, могу я просить вас о милости?

– Что вы хотите? – спросил Бирен.

– Мне для следствия надобно попасть в дом князя Черкасского. Но он особа великая и потому мне будет сие трудно.

– В том я смогу вам помочь, Степан Андреевич. Я пого-

---

²⁰ Помимо шутов мужского пола при дворе Анны Иоанновны был целый штат шутих. И среди них были так называемые болтушки, коих набирали из девиц благородного происхождения. Специальные люди искали таких девиц везде. Как только узнают, что появилась где-то трещотка, болтавшая без умолку, то сразу требуют оную девицу во дворец. Болтушки заменяли Анне газету «Петербургские ведомости». Сама читать газету императрица не любила. Там все новости подавались сухо и неинтересно, а болтушки предавали сплети, до коих Анна была великая охотница.

²¹ Митава – столица герцогства Курляндского, откуда происходил Бирен.

ворю с князем и прикажу ему принять вас и во всем вам помогать!

– Благодарствую, ваша светлость!

– Но что есть такого в доме князя, про что вы хотите знать, Степан Андреевич?

– Князь Антиох Кантемир часто бывает в доме князя Черкасского.

– Про это всем ведомо, Степан Андреевич. Антиох Кантемир мечтает жениться на Варваре Черкасской.

– Возможно, что ниточка следствия к сему браку и приведет, ваша светлость.

– В дом Черкасского? Но зачем? – Бирен был удивлен словам Волкова.

– Князь богат, ваша светлость. А там, где богатства, там и преступления быть могут. Много с тем сталкивался я в жизни своей, ваша светлость.

– Возможно, вы правы, – согласился граф. – А возможно, что здесь иные силы действуют. Проклятия тайные и бесовщина разная.

– С тем в жизни своей никогда не сталкивался, ваша светлость.

– Все бывает в первый раз, Степан Андреевич.

– Это так, ваша светлость. Но здесь все больно мудроно закручено. Умный человек стоит за этим, но не бес.

– Бесы, они разве дураки? – с усмешкой спросил Бирен.

– Нет, ваша светлость. Но люди умнее. В том убедился

много раз. Вот холопа Тишку не бес пришиб – человек. И кто стоит за сим человеком? Кто надоумил его Тишку убить? Вот вопросы, ваша светлость.

– А коли сей Тишка не мертв? – спросил Бирен.

– Ныне мертвый, ваша светлость.

– Так и ранее про него такое говорили, Степан Андреевич. А его живого поймали. Даже не поймали, а сам Тишка к вам пришел. С чего вдруг, Степан Андреевич?

–Его привел Иван Карлович Тарле, ваша светлость. Не сам он пришел.

– Не сам? Но из Москвы он мог сбежать. А не сбежал. Сам Тарле на глаза попался. С чего? Есть ответы на сии вопросы, Степан Андреевич?

– Ваша светлость, отлично осведомлены о сем деле.

– Долг велит, Степан Андреевич. Да и интересное дело.

Бирен еще немного поговорил с Волковым и отпустил его, обещав помощь и поддержку...

***

2

Кабак «У бочки».

Среди кривых улочек Замоскворечья было легко затеряться. Царские приставы опасались сих мест, и лишний раз не пытались сюда соваться без крайней нужды. И потому здесь в кабаках до утра делили добычу и пили хлебное вино.

Ночами на улицы многие жители Замоскворечья и носа высунуть не решались. Сидели за крепкими заборами и с со-

дроганием слушали удалые разбойничьи пересвисты.

Здесь в кабаках да кружалах отсиживались после грабежей да разбоев ватаги гулящих атаманов: Максима-солдата, Романа-мельника, Петра Камчатки. Они в последнее время слишком засиделись в Москве и не убегали из города, как бывало ранее. Повлияла на то смута, которая была порождена верховниками²² после смерти императора Петра Второго...

***

Кабак «У бочки» был тем местом, где собирались люди из шайки Романа.

Сам Роман был в прошлом мельником, но повздорил со своим боярином и подался в бега, напустив на хоромы барские «красного петуха». Его поймали, били батогами и клеймили. Но Роман из острога ушел, сколотил ватагу и стал промышлять разбоем на Волге. Грабил купеческие суда, устраивал засады на пути хлебных караванов. Но большой удачи в том не снискал. Нового Стеньки Разина из него не получилось.

Последние три года он промышлял на Москве.

И вот сейчас его шайка обчистила палаты купца первой гильдии Томашева и взяла богатую добычу. При налете самого купца и его жену зарубили топорами. Слуги и работники вступаться за хозяина не стали – слишком купец был жаден и на руку тяжел...

---

²² Верховники – члены Верховного тайного совета империи.

***

Это он, Томашев, споймав на рынке вора на горячем, предлагал ему выбор:

– Ты мил человек али в острог пойдешь на дыбу, али мои три удара выдюжишь. Чего выбираешь?

Пойманный ярыга соглашался снести три удара. Не знал каковы кулаки у Томашева. С третьего удара мало кто не помирал.

А недавно приложил он по уху выюноша Терентия, который у него на погрузке дощаников²³ работал. Уронил Терентий куль муки в воду. И цена тому кулю была три алтына.

Купец, как всегда, давай куражиться.

– Нанес ты мне убыток, собачий сын! – орал он. – С такими работниками в разор пойду!

Старший артели за выюноша вступился:

– Чего глотку драть, хозяин? Парнишка-то молод еще. С артели те три алтына вычти, и позабудем про сие!

– Да башка твоя не стоит и одного алтына! – продолжал орать купец.

А затем возьми и стукни кулаком Терентия в ухо. Тот замертво и упал и изо рта его кровь пошла. Мужики к нему, а парнишка уже и помер.

– Ты чего сделал, убивец? – заорал артельный. – Дак выюнош сей единый сын у матери хворой.

– Так и быть, – купец потер руки. – Дам рупь его матери! А

---

²³ Дощаник – плоскодонное транспортное речное судно.

вы смотрите! Дабы добро хозяйское не пропадало! Полушка она рупь бережет! Вот как!

Пошли мужики в трактир после работы пить горькую. И там атаман Мельник все слышал.

– А вы чего же молчали? – спросил он мужиков.

– А мы чего? Наше дело мешки тягать. А подними на купца руку, чего тогда будет? Сей купец богатей известный. Кто его тронет? Он всякому подьячему²⁴ в лапу сунет. А мы люди бедные.

– Эх вы, сиволапые! – хохотнул атаман. – Всяк вас норовит да по загровку!

– А ты чего? Смел больно? – спросил артельный.

– Богатые говоришь платы у купца Томашева?

– Куда как богатые! Его торговля всем известная!

– Тебе известная?

– Да ты погоди! Сколь кулев муки по Волге гонят на астраханские склады! Спроси сколь пудов? И чье все это? Скажут в Астрахани – купца Томашева. А из Астрахани рыбку соленую на Москву везут, да арбузы астраханские. На чьих кораблях? На кораблях купца Томашева. С тех товаров большая денга идет в кошель купца. А ты спрашиваешь – богатые ли у сего купца палаты?

– Стало есть там и золото и серебро?

– И слуги с дубинами есть и собаки злые. Все есть у купца.

– Дубины, да ножи с топорами и мы в руках держать уме-

---

²⁴ *подьячий – мелкий чиновник, помощник дьяка.

ем.

Атаман подмигнул мужикам и был таков. В ту же ночь палаты купца запылали ясным пламенем...

***

«Лились рекой» в трактире вина. На широком столе стояли штофы с водкой да бутылки с винами фряжскими. Стол ломился от кушаний. Для девок гулящих Роман Мельник заказал три корзины с заедками сладкими разными.

Роман бросал на стол золотые и кричал в пьяном угаре:

– Я добрый сегодня! Все могу! Пей! Гуляй!

– За атамана! – орали разбойники.

– Любо!

– Многая лета атаману!

– С таким ходить любо!

В кабаке прибавилось народу. Безродные ярыги льстили Роману и кричали:

– Атаман! Удалой атаман! Выкати бочонок водки гданской!

– Эй! – кричал Роман. – Бочку водки!

И снова посыпались на стол золотые монеты.

Роман увидел рослого мужика и с гневом спросил его:

– А ты чего?

Атамана потянуло на драку.

Мужик не шелохнулся. Разбойнику то понравилось.

– Не боится! Видали? А меня завсегда боятся. На руку я тяжёлый.

Роман подошел к мужику.

– Кто таков? – спросил атаман.

– Человек божий, обшит кожей, – ответил тот.

– Беглый? – спросил атаман.

– С чего беглый? От своего боярина не бежал. Отпускную в город имею, – ответил мужик.

Роман сел рядом.

– А я своего боярина с красным петухом познакомил. И то знакомство боярину не по нраву пришлось. И захотел он меня поймать и ноздри мне рвать как татю. Но я не дался. Слышь?

Мужик угрюмо ответил:

– Знаю я таких.

– А мы здесь все такие. Бояр да бар режем. Коли бы вся Расея так-то делала, то не осталось бы извергов на земле нашей.

Мужик ответил:

– Я землепашец. Да канатный умелец. С того кормлюсь.

– И боярина кормишь? – спросил атаман.

– И боярина.

Роман налил мужику водки и велел:

– Выпей!

Мужик разом влил водку в глотку и даже не поморщился. Роману это понравилось, и он раздумал драться...

***

Письмоводитель канцелярии юстиц-коллегии Порфирий

Кузьмич с солдатами окружили трактир «У бочки». А навел солдат сюда сам Ванька Каин.

– Там они, Порфирий Кузьмич. Все там.

– Ай, и дело ты сладил, Иване! Ай, и сладил. За сие можно много чего получить. Деньги-то надобны.

– Но мои-то сто монет я получу, Порфирий Кузьмич?

– Дак коли добыча с ними, то и получишь. Не все почитай пропили сердешные.

– Токмо гулять начали. Не более как по штофу водки осушили, – сказал Каин.

И Порфирий подал знак команде начинать.

Солдаты и полицейские нижние чины ворвались в трактир. Прогремели выстрелы.

Любил Порфирий Кузьмич такие вот дела. Ведь наследников у купца нет никаких. И все его добро, что тати²⁵ пограбили можно смело половинить²⁶. Кто про сие дознается?

Все равно ведь разворуют и по ветру все пойдет. Отчего себе не урвать на бедность? Грешен был на сии дела господин Дурново Порфирий Кузьмич. Да кто не Руси богу не грешен, кто бабке не внук?

***

3

Канцелярия Юстиц-коллегии в городе Москва.

Волков сразу от Бирена поехал в канцелярию. Там его

---

²⁵ Тать – грабитель, злодей.

²⁶ Половинить – делить пополам.

ждал чиновник, которого он посылал делать выписки из церковных книг в имении Кантемиров.

– Коллежский секретарь Карпов, ваше благородие! – отчеканил высокий, гренадерского сложения молодец. – Был послан по вашему повелению в имение князя Константина Кантемира.

– Привез все, что было велено?

– Так точно! Вот списки крестьян. Сняты мною собственноручно с церковных книг, и удостоверены священником тамошней церкви отцом Михаилом.

– Показывай! – Волков сел за стол и предложил сесть Карпову.

– Мною были сделаны выписки, начиная от года 1702-го, – начал Карпов. – Тишка в оных книгах значится.

– Тихон, сын Антона, – прочитал Степан Андреевич. – Все точно! А родичи его?

– Дядька его Лукьян-кузнец. Стало быть, брат Антона.

Волков вспомнил, как старик Войку говорил: «Кузнец Лукьян дядей тому Тишке приходился родным. И был он знаком с молодой девицей из дому Кантакузенов... И от Кантакузенов она тайную науку познала».

– Стало быть, два брата Антон и Лукьян, – сказал Волков. – Все как и было сказано ранее.

– Точно так, ваше благородие, – подтвердил Карпов. – Но только, с сим Лукьяном не все чисто.

– Что это значит? – спросил Волков.

– Священник, как только я стал расспрашивать про кузнеца Лукьяна, путаться начал.

– А зачем сии расспросы, господин Карпов? Надобно было выяснить числился ли среди ревизских душ в имении князя Кантемира холоп именем Тишка. Ты сие выяснил и записи про сего Тишку имеются.

– Это так, Степан Андреевич. Но много слухов про того кузнеца ходит в древне. Я стал спрашивать, и оказалось, что слишком стар был сей Лукьян.

– Что значит стар? – Волков посмотрел на Карпова.

– Дак получается, по книгам, Степан Андреевич, что Лукьян был рожден в году 1656-ом. А брат его Антон в году 1687-ом.

– Сие весьма странно. Большая разница между братьями. Что удалось разузнать про сего кузнеца?

– Мало, Степан Андреевич.

– Ты же говорил, что о нем говорят в древне много, Петр Антипович. А теперь говоришь, что узнал мало.

– Это потому, что болтают много крестьяне разного вздра. Слов много, но доложить мне нечего. Из того что разумному человеку сказать можно.

– А что болтали крестьяне, Петр Антипович?

Карпов рассказал:

– Болтали, что сей кузнец нечистому душу свою продал еще в молодости, когда заманили его в одно тайное место. Называлось то место Ведьмина гать. Вроде была там в старые

времена заимка. Домик барский охотничий. Еще до Кантемиров сие было.

– До того, как прибыла Кассандра Кантакузен со своим мужем князем Дмитрием Кантемиром?

– Да. Еще до того как подарил государь Петр Алексеевич имение Кантемиру. Было на той заимке место силы древней. Так его называли крестьяне. Вроде еще в древние времена, до христианства, там располагалось капище богов языческих. И жрецы молились там грозному владыке мести Чернобогу.

– И потому эта заимка и приглянулась Кассандре Кантакузен?

– Именно так, Степан Андреевич. Она сие колдовское место сразу заметила. И Лукьян-кузнец в молодости пропал в Ведьминой гати, но затем вернулся. Вернулся, когда его живым никто не чаял увидеть.

– И что?

– Более выяснить мне ничего не удалось, Степан Андреевич. Перестали люди говорить со мной. Боятся. Сколь я ни просил, а ничего более добиться не смог. Да и приказа от вас мне в том разбираться не было.

– Кого боятся крестьяне? Барина?

– Нет, ваше благородие. Имение у князя Константина Кантемира богатое. Умеет он хозяйствовать, не то, что иные наши бары. Холопы на барина Константина Дмитриевича молиться готовы. Но вот священник сказал мне, что де опасное

дело в их приходе службу править. И передал тайно вот сие.

Карпов протянул Волкову старинную книгу, рукописную на пергаментных листах.

Волков увидел, что книга на латыни.

– И что сие?

– «История рода Кантакузен». Тайная история. Сия книга случайно попала в руки отца Михаила.

– Я латыни не ведаю.

– Как и я, ваше благородие.

– Надобно Ивану Карловичу Тарле сие передать, – Волков отложил книгу. – А как она к батюшке попала?

– Про сие он мне не сказал.

– Снова вопросы, Петр Антипович! Вопросы и вопросы. И нет ни конца, ни края. Чем более копаем, тем глубже сия яма. Книга по истории Кантакузенов. С чего это священнику деревенскому нам передавать её? Отчего все тайно делается?

– Того знать не могу, Степан Андреевич.

– Ладно. Пока оставим это, господин Карпов. Вернемся к особе холопа Тишки. У меня есть записи его примет. Вот приметы того Тишки, что в бегах был. Того самого что в кабаке упокоили.

Волков положил перед Карповым лист бумаги.

– А вот того Тишки, что от чахотки помер в московском доме Антиоха Кантемира.

Коллежский секретарь прочел оба листа и сказал:

– Весьма разные описания личности холопа, Степан Ан-

дреевич. Один хитрый, а иной простак.

– Именно! – сказал Степан. – И я сие заметил. Но хитрый у меня сомнений не вызвал бы. Сие весьма на холопа из знатного дома похоже. А вот простак особа весьма странная, Петр Антипович.

– И что здесь странного, Степан Андреевич? – спросил Карпов.

– Говорил я со слугами в доме Кантемира и получается, что сей Тишка ни с кем из них близко не сошелся. Вина не пил, с девками не заигрывал. С чего так?

– Можно предположить, что поведения сей холоп был трезвого.

– Да дело не в трезвости, Петр Антипович. Вот ты себя представь среди слуг дома Кантемиров. Ты сразу бы нашел о чем говорить с ними?

– Думаю не сразу, Степан Андреевич.

– Именно, Петр Антипович. Не сразу, ибо среда сия для тебя будет новая. Я думаю, что и наш Тишка оказался в новой для себя среде. Потому и вел себя так.

– Но тогда получается, что сей Тишка и не холоп вовсе?

– И я про сие подумал. Некто под именем холопа прибывшего из имения проникает в дома князя Антиоха. Сейчас я не ставлю вопроса, кто это был. Я хочу спросить, зачем кому-то становится слугой в доме князя Кантемира?

Карпов ответил:

– Он что-то искал.

– И я так подумал. Но что есть такого в доме князя Антиоха, чтобы идти на такие жертвы, Петр Антипович?

– В связи со всем сказанным, я еще одно подозрение имею, Степан Андреевич. Могу высказать?

– Говори, господин Карпов.

– Некоторые записи в книге в имении Архангельское от 1702 года были сделаны иной рукой. Я на то внимание обратил и священника спросил, отчего почерк иной. Отец Михаил ответил, что сего не знает. Это задолго до его назначения в приход было.

– Хочешь сказать, господин Карпов, что сии записи подделали?

– Возможно, Степан Андреевич, что старые записи в книге с пергамента соскоблили и затем сделали новые о рождении Тишки, – предположил Карпов.

– Значит, только записи про Тишку заменены?

– В том-то и дело, Степан Андреевич.

– Но зачем сие надобно?

Карпов не ответил. Что он мог знать?

Волков спрятал бумаги и сказал коллежскому секретарю:

– Ты, Петр Антипович, человек умный. Сие сразу видно. Не желаешь ли сим делом вместе со мной и господином Тарле заняться?

– Вести следствие совместно с вами?

– Да.

– Разрешит ли статский советник Зотов? Мне было велено

только один ваш приказ выполнить, Степан Андреевич.

– Я уговорю Зотова. Мне даны распоряжения от обер-камергера графа Бирена. А сие значит от её величества императрицы. Не откажет Зотов в моей просьбе. Но ты сам как, Петр Антипович? Без твоего согласия не бывать сему, господин коллежский секретарь.

– Я согласен, Степан Андреевич. Сие дело мне весьма интересным кажется.

– А если согласен, надобно тебе снова в Архангельское ехать, господин Карпов.

– Но я только оттуда, Степан Андреевич.

– Ты все верно сделал и все что потребно привез, Петр Антипович. Но надобно все более подробно у крестьян про Тишку сего разузнать и про его отца и дядю. Пусть отец Михаил тебе в том поможет.

– Понял, Степан Андреевич.

– Поедешь?

– Завтра же уеду в Архангельское. Вы только Зотова уговорите меня в ваше подчинение отдать.

– Добро, Петр Антипович. Пока иди и отдыхай.

Коллежский секретарь и надворный советник на том разговор завершили. Волков отправился к статскому советнику Ивану Александровичу за позволением придать его группе еще одно чиновника...

***

Дом Антиоха Кантемира.

Волков вернулся в княжеский дом.

Там царило уныние, словно стены этой добротной боярской усадьбы впитали в себя бесовские проклятия и предания старины. Сразу исчезли уют и тепло, исторгнутые отсюда «кровавыми призраками». Холопы Кантемиров не хотели в доме находиться, ибо страшно боялись вурдалаков.

– Степан Андреевич! – князь Антиох встретил Волкова у порога. – Степан Андреевич! Давно ждем тебя!

– Был во дворце у графа Бирена! Затем по делам был в канцелярии. Ранее прибыть не мог, князь. Что-то случилось?

– Да.

– И что на сей раз?

– Новая стряпуха Ирина, которая после смерти Дарьи назначена была, видела Дарью нынче ночью.

– Она жива? – спросил Волков.

– Ирина-то? Жива. Но напугана. Боюсь как бы и она ума не лишилась. Холопы боятся и двое сегодня в бега подались, Степан Андреевич.

– Это плохо! Нужно следить за холопами, князь.

– Как уследить? Не приставить же караул к каждому? Они боятся, Степан Андреевич. И они понесут новые слухи по Москве! Мало мне несчастий!

– Что Войку и де Генин?

– Карл Карлович домой отъехал.

– Ему стало легче? – удивился Волков.

– Да. Он пришел в себя.

– А отчего меня не дождался? – спросил Волков.

– Откуда мне знать, Степан Андреевич? Лекарь иноземный не мой слуга. Я его держать не мог. Да и расспросы ему учинять также. Он в себя пришел. Велел подать водки.

– И что?

– Выпил. Сказал, что совершенно ничего не помнит. Словно отшибло все. Затем поехал домой.

– А Войку?

– Только и того что дышит. Но совсем не говорит, Степан Андреевич.

– Вопросов становится все больше, князь. Сколько ни получаю сообщений, и все новые и новые вопросы. Словно нарочно некто все запутывает! Но мы станем говорить, князь. Мне все знать надобно.

– Да про что говорить, Степан Андреевич?

– Скажи мне, Антиох Дмитриевич, что за книга «История рода Кантакузен»?

– Про сию книгу я слышал. Говорили, что их даже существует несколько. И говорили, что привезла оные моя мать. Но зачем вам сие, Степан Андреевич?

– А сами вы читали их, Антиох Дмитриевич?

– Нет. Я человек просвещенный и интереса к таким книгам не имел никогда. Да и не скажу вам, Степан Андреевич, где нынче сыскать книги сии.

– А может быть такая книга в имении Архангельское,

КНЯЗЬ.

– Возможно, Степан Андреевич.

– А вас сии книги не интересуют совсем, князь?

– Нет. Я науками интересуюсь, а не сказками да легендами.

– И никогда даже не заглядывал в сии книги?

– Я же сказал, Степан Андреевич. До этого ли мне. Стряпуха новая Ирина помершую Дарью видала! Снова слухи поползут по Москве! И при дворе про сие узнают!

– Ладно, князь. Сейчас стану с той Ириной говорить. Что она там видала.

– Прикажу позвать, Степан Андреевич.

***

Новая стряпуха была молодая полная девка с круглым лицом и румяными щеками. Она поясно поклонилась Волкову.

– Садись, Ирина. В ногах правды нет, – сказал Степан Андреевич.

– Дак могу постоять, барин!

– Садись на стул. Нечего стоять. Я персона не больно великая.

Девка села и поправила передник на коленях.

– Скажи мне, Ирина, что видела ты.

– Дак страху натерпелась, барин. Все из рук ныне падает. Ночью нынче приходила ко мне Дарья-то. Лик белый, губы алые и кровью налитые. Я и обмерла.

– И откуда она взялась?

– Дак не знаю того, барин. Я грешница и конюх Артемка захаживает ко мне ночами.

Девка покраснела и опустила глаза.

– Мне нет дела до сего, Ирина. Про сие никому говорить не стану.

– Спасибо, барин.

– Ты далее сказывай.

– Дак помиловались мы с Артемом-то. И он ушел, а я ква-су испить захотела и на кухни спустилась. Взяла кувшин и отпила глоток. И тут она.

– Дарья?

– Дарья. Словно сквозь стену прошла. Лик белый. Глаза горят, и просит меня дать ей поесть.

– А ты?

– Я, барин, испугалась и ничего ответить не смогла. А она постояла да сгинула.

– Что значит сгинула?

– Да я глаза закрыла со страху. А как открыла, так и не было Дарьи-то. Ты попроси, барин, мово барина отпустить меня к деревне назад. Боязно мне.

– Не бойся, Ирина. Не бойся. Двери запирай на ночь.

– Дак рази поможет сие противу вурдалака? А коли она ко мне повадилась, то, стало, в покое не оставит.

– А ты в церковь сходи, Ирина. Может и поможет тебе.

– Схожу, барин. И свечу поставлю во спасение души! Но домой бы мне возвратиться. Что мне в сем городе?

– Про сие станешь с барином говорить. Я не господин тебе, Ирина...

***

Волков снова посетил Кантемира.

– Мыслю я так, Антиох Дмитриевич. Тишка ваш не просто «из гроба бежал».

– Не понял вас, Степан Андреевич.

– А чего здесь понимать? Вы сами, князь, часто говорили с этим Тишкой?

– Я больше приказы отдавал. Он был исполнителен и неглуп.

– А с чего вы взяли сие?

– Что, Степан Андреевич?

– С чего вы взяли, что Тишка был неглупым человеком.

Князь сразу ответил:

– А с того, что ему дважды повторять было не нужно. Все понимал сразу. Не как иным слугам по десятку раз повторить надобно. Хоть девку Ирину возьми. Глупа изрядно. А Тишка был расторопен и понятлив.

– Но сие не говорит про его ум, князь. Таких слуг на Москве много.

– Но слуги не говорят по-английски, Степан Андреевич.

– Что, князь? Тишка? По-английски?

– Я однажды читал английскую книгу и случайно отдал приказ Тишке по-английски.

– What did you tell him²⁷, князь? – спросил Волков по-английски.

Антиох ответил:

– «Take it»²⁸. Так я ему сказал.

– Did he fulfill your command²⁹?

– Yes. He did³⁰, – ответил Кантемир. – Он выполнил мою команду.

– И вам это не показалось странным, князь? Простой деревенский холоп понимает по-английски. Разве в вашем доме господу часто общались на этом языке?

– Совсем редко, Степан Андреевич. Я отдал приказ по-английски только из-за книги, которую читал.

– Но почему ваш слуга вас понял? Откуда он знает английский язык?

– На этот вопрос я не могу ответить, Степан Андреевич. Я, признаюсь, почти не обратил тогда на это внимания. Вот только сейчас вспомнил.

– Значит, сей Тишка нечто искал в вашем доме. И что это могло быть?

– Искал? А что здесь искать?

– Может ту самую книгу «История рода Кантакузен»? А может и еще что-то. Но на этот вопрос может ответ дать лишь

---

²⁷ Что вы ему сказали, князь? (англ).

²⁸ Возьми это. (англ),

²⁹ И он выполнил вашу команду? (англ).

³⁰ Да, выполнил. (англ).

сам «Тишка».

– Вы хотите сказать, сударь, что сей человек, был вовсе не мой слуга?

– Я ныне в этом уверен, князь. Сей человек проник к вам в дом с определенной целью. И если сейчас он не в гробу, то вполне может быть, что он жив. А это значит, что и Дарью вскорости сыщется.

– Но мы видели её мертвой. Степан Андреевич.

– А вот сие сомнительно, Антиох Дмитриевич. Ведь и Тишку видели мертвым.

– Я лично мертвым Тишку не видел, Степан Андреевич.

– Но почему гроб с телом Тишки оказался пуст? И его и Дарью де Генин осматривал, Антиох Дмитриевич.

– Но Дарью и мы с вами видели, Степан Андреевич.

– Мы не врачи, князь. Мы в сем деле немного понимаем. А Карл Карлович де Генин большую заинтересованность в сем деле проявил.

– Вы что сказать желаете, Степан Андреевич?

– Только то, что он тела смотрел и про их смерть сказал. Затем он вместе с Войку ума лишился. Но только Войку и до сих пор в себя не пришел, а де Генин уже домой отъехал.

– И что?

– А не навестить ли нам доктора, Антиох Дмитриевич?

– Нынче?

– А отчего же и не нынче? Справимся о здравии его!

***

Они отправились в карете князя к дому лекаря. Но дома господина де Генина не оказалось. Он вообще здесь после отъезда из дома Кантемира не появился. И ни один из слуг не знал, где находится барин...

***

– Странно все сие, князь. Странно! – сказал Волков.
– Де Генин пропал, Степан Андреевич.
– Или сбежал, Антиох Дмитриевич.
– Не думаю, что доктор виноват в чем-то.
– И я того думать не хочу, князь. У меня с Карлом Карловичем отношения приятельские. Но проверить все следует. Все больше в сем деле загадок, князь.

Кантемир кивнул. С тем он был согласен. Загадок хватало...

***

5

Дом Степана Волкова.

Степан Андреевич решил вернуться домой. Князь хотел отдать ему для сего свою карету, но Волков отказался. Он решил пройтись пешком по улицам Китай-города. Так он делал часто, когда сталкивался с интересным делом.

Здесь все изменилось за последние два десятка лет. После большого пожара 1712 года государь Петр Алексеевич повелел возводить дома из камня. И стали тогда строить новые строения по прямой линии, как значилось в царском указе. Но уже в следующем году сам монарх отменил свой же при-

каз. Строить из камня стали в первую очередь в Петербурге. В Москве все снова вернулось к стихийной застройке, и каменные палаты купцов соседствовали с деревянными домами чиновников.

Волкову нравились английские парки Демидова в сочетании со старинными хоромами заводчика. Особенно хорошо здесь было летом и чиновник юстиц-коллегии часто сживал в тени обвитой плющом беседки.

– С чего это Демидов решил строить так, словно на сто лет назад решил отправиться? – спросил однажды Волков у знакомого архитектора Павла Мичурина.

– Со странностями сей человек, Степан Андреевич. Желая, говорит, чтобы дом был особенный. Я ведь тогда Стрешневские палаты ставил. Вот те, что рядом стоят. И Демидов пожелал такой же сад с беседками, но вот дом сам нарисовал по старинному порядку. Я сказал, что более так не строят. Но Демидов богат и может позволить себя чудачества.

Волков сейчас, проходя мимо палат, вспомнил сей разговор.

«И где сейчас дружище Мичурин? Говорят в Петербурге. И слух был, что разбогател он изрядно. Хорошее дело в жизни выбрал – дарит красоту. И ему не без выгоды. А я вот никакой красоты не дарю. Все с людскими пороками дело имею».

Степан прошел в проулок и немного постоял у кованых

ворот дома Стрешнева.

«Неужели де Генин в сей истории замешан? Странностей в поведении его достаточно. Хотя если бы он все сие затеял, то не стал бы напрашиваться со мной в дом Кантемира. Интерес у него есть, но не он за этим стоит. Хотя могу ли знать сие наверняка? Мне сей доктор симпатичен, и я не хочу, видеть в нем врага. Но надобно все проверить».

Садовник увидев, незнакомого человека, вышел из своей каморки и побрел к нему.

– С кем имею честь? – спросил он. – Интерес имеете к парку, сударь?

– Нет, – ответил Волков. – Мысли плохие одолели, вот и решил постоять здесь.

– И барин мой Никита Михалыч Стрешнев сие всегда говорит. Здесь мол место особое.

Волков достал из кармана полтину и дал садовнику.

– Благодарствую, сударь.

Степан пошел дальше.

«Итак, доктор де Генин исчез, – думал он. – Тот, кто прятался под личиной холопа Тишки, также исчез. Его гроб пуст и понятно, что хоронили его пустым. Затем мне подставили второго Тишку, якобы беглого из дома Кантемиров. И этот второй был явный ложный след, который я должен был взять. А сие значит, что некто намерен направить меня по иному пути, который приведет в никуда. Сколько времени приходится тратить на холопа беглого. Что и говорить, мой тай-

ный враг достиг своего. Я запутался.

И при дворе странный интерес к сему делу. Персоны великие его обсуждают. С чего это? Какой у них интерес? Беднягу князя Кантемира выставили перед императрицей в дурном свете. Слухи о делах Кантемира сразу во дворец попадают. Как такое может быть? Князь окромя немого слуги никого из дома не выпускал. Бирен говорит, что наши слуги болтливы. Но здесь дело иное. Некто, кто хорошо знает о событиях в доме князя, и кто сам близок ко двору, сам сие и распространяет! Чего проще, шепнуть болтушке или шутихе новость, а она все императрице и выболтает.

Как там сказал граф Бирен – болтушка фрейлина Шаргородская? Вот с ней бы и поговорить. Откуда она узнала о происшествии с кухаркой в кантемировском доме? Кто рассказал ей? Вот бы кого допросить. Но сие не так легко. Шаргородская знатного рода и близка к императрице. А как Анна посмотрит на допрос ближней фрейлины? Да захочет ли Шаргородская быть откровенной со мной? Её к пытке не поставишь. И даже напугать пыткой нельзя.

Этак клубка мне не распутать. К фрейлинам я соваться не стану. Может из имени Архангельское куда ниточка и приведет. Карпов чиновник стоящий и все распутает. Да и книга «История Кантакузенев» может какой свет на дело прольет. Пусть Тарле почитает и расскажет, что там».

Вскоре Волков незаметно для себя дошёл до своего дома и отворил калитку.

И дома выскочил привратник.

– Барин!

– Иди в дом, старина. Я сам здесь управлюсь.

– Как можно, барин? Елизавета Романовна ругаться станут!

– Не станут!

– Барыня вас дожидаются. Многократно спросала про вас.

– Завтра говорить с ней стану. Ныне устал.

Волков вошел в дом и хотел пройти незаметно в кабинет, но к нему спустилась Елизавета Романовна. Она пожелала с ним говорить.

– Мне сейчас не до этого, Лиза. Слишком много дел.

– Но сие важно, Стёпушка!

– Хорошо, Лиза. Что там такого важного случилось?

– Старик Войку из дома Кантемиров, – сказала она.

– Старик? И до тебя дошли уже слухи?

Жена повторила:

– Слуга Кантемиров по имени Войку.

– Я знаю его. И с чего ты желаешь говорить про него, Лиза?

– Я видела его, Степан.

Волков искренне удивился.

– Видела? Где ты могла его видеть?

– В моей спальне в первый раз, и в твоём кабинете во второй раз.

– Что? – не поверил Степан жене.

– Я не шучу, Степан Андреевич.

– Ты сказала в спальне? Я не ослышался?

– Да, я так и сказала. Сей Войку оказался в нашей спальне!

– И когда сие было?

– Так в первый раз, когда прибыл за тобой слуга из дома Кантемиров, и ты спехом собрался и ушел. А он оказался в спальне нашей и сказал мне те слова странные про старуху Кантакузен.

– Что за слова? – спросил Степан жену.

– Он сказал, что пришел с добром. Сказал, что хочет предупредить.

– О чем?

– Он молвил, что снова призвала вурдалака старуха Кантакузен. Я спросила его, что за вурдалак? А он ответил, что тот, который из могилы вернулся.

– Но зачем он тебе про сие рассказал? Отчего не мне?!

– Я не знаю.

– И сие был старик Войку?

– Так он назвал себя.

– А второй раз? – спросил Степан. – Когда Войку приходил во второй раз?

– Когда тебя не было дома. Я читала новую книгу.

Елизавета рассказала Степану о втором визите колдуна. Волков все сопоставил и понял – случилось сие уже после того как Войку и де Генин потеряли память. Стало быть, по-

сле того как умершая стряпуха Дарья пропала.

– И он тебе сказал, что для него нет дверей, и дух его отделился от тела?

– Так и сказал, Степанушка. Ты веришь мне?

– Верю, Лиза.

– И он сказал, что «Снова вурдалака призвала старуха Кантакузен». И на меня нацелено острие. Но что сие значит, я не поняла.

– Значит, нет для него преград? – спросил Волков. – И если в первый раз я могу предположить, как он попал в дом, то второй раз все непонятно. Стоит слуг опросить.

– Это я уже сделала, Степан. Никто старика не видел. В дом его никто не пускал.

– А это не могло тебе показаться, Лиза?

– Сего не знаю, Степанушка.

– Странно все сие, Лиза. Хорошо, что все мне рассказала без утайки.

– Но что это такое, Степан? Чего мне ждать?

– Ничего страшного не произойдет, Лиза. Возможно, в книге есть ответы.

– В книге? В какой книге, Степан? – не поняла Волкова.

– Есть одна книга. Но, то дело касаемое моего следствия. Лиза.

– Оно и меня коснулось, Степан. Скажи мне, что сие за книга?

– Зачем это тебе, Лиза? Не забивай свою голову.

– Что это за книга, Степан? – настаивала жена.

– Чиновник Карпов мне нынче книгу одну отдал. «История рода Кантакузен».

– «История рода Кантакузен»?

– Да. Так она называется.

– И где он взял её? Тот чиновник, где нашел такую книгу?

– Лиза! Это дело до тебя касательства не имеет!

Но она словно не слышала его и спросила:

– И где сия книга сейчас?

– Я отдал её Ивану Карловичу для прочтения.

– Зачем?! – вскрикнула Елизавета Романовна.

– Лиза, – Степан с удивлением посмотрел на жену.

Она быстро взяла себя в руки.

– Прости, Степан Андреевич. Но мне странно, что книгу передали тебе, а ты отдал её иному человеку.

– Но она написана на латыни. Я сего языка не знаю, Лиза.

– Зато я знаю, Степан!

– Ты, Лиза, не чиновник сыскного ведомства и не состоишь при юстиц-коллегии.

– Я бы могла тебе помочь!

– Я не хотел тебя вмешивать в сие дело, Лиза.

– Степан! Я твоя жена! И я хочу тебе помочь!

– Хорошо! Я принесу тебе сию книгу.

– Но сделай сие как можно быстрее, Степанушка! Мне хочется взглянуть на книгу!

– Хорошо, Лиза. Как только увижу Ивана Карловича...

Глава 5

Книга рода Кантакузен. "Historia Cantacuzenus".

1

Москва.

Квартира Тарле.

В комнате горели свечи. Коллежский асессор Тарле приказал слуге не экономить. Он собирался работать ныне ночью. Перед ним была книга, содержание которой его весьма интересовало.

Когда Волков передал ему историю Кантекузенов, он вначале даже не поверил своему счастью. Хорошо, что надворный советник читать по латыни не умеет. Да и интересуется его больше дело само, а не тайны древнего валашского рода. А вот Ивана Тарле влекла именно тайна, что могла быть сокрыта в глубине этих желтых страниц.

Иван Карлович открыл «Историю рода Кантакузен».

Поначалу там были страницы посвященные происхождению семьи Кантакузенов и перечень заслуг великих представителей сего рода. Писано было, что происходят Кантакузены от самого императора Византии Иоанна Кантакузена. Хотя и до того, как стал Иоанн императором, род сей был весьма древним и уважаемым в империи. Женат был Иоанн на

болгарской царевне Ирине, которая была наследницей болгарского царского рода Асений. Сын Иоанна Матвей Кантакузен также был императором Византии. Дочь Иоанна Елена вышла замуж за императора Иоанна Палеолога.

Затем следовали родословные таблицы. Тарле сразу отметил, что составлены они грамотно человеком, имеющим опыт в подобного рода работе. Но самое интересное было далее в части, которую составил некий Иоанн, что служил князю Кантакузену в должности ворника³¹.

***

«*Deturdigniori*³²

Meo. Dicens Iohannes est nomen meum. Bibliotheca scriptorum nobilis regibus Aegypti. Nam ad eas, Michael Cantacuzene in terra antiquitus. sumpromusdomus

Я ворник дома Кантакузен, Иоанн.

Для детей моих Власты и Миклоша.

Послание про искомое зелье фараоново. То самое, за коим Михаил Кантакузен, ездил в земли Египетские.

Многие тайные знания хранились в семье Кантакузенов в течение веков, дети мои. Говорили, что род этот своими корнями в давние времена фараоновы уходит. Некоторые считают, что некогда царица Клеопатра-алхимик нашла состав золотого эликсира. Того самого, что многие алхимики найти хотели. И помогал ей в этом деле один из тех, от кого Кан-

---

³¹ Ворник – в знатных домах большая должность хранитель врат.

³² лат. Да будет дано достойному.

такузены произошли потом.

Проверив состав, который они создали, Клеопатра-алхимик убедилась в его свойствах и решила от своего помощника избавиться.

Но тот успел рассказать своим наследникам обо всем, и они сумели обмануть Клеопатру. Они подменили «золотой эликсир» и Клеопатра умерла, когда пробовала состав на себе самой.

Основа состава – древнее «зелье фараонов», которое пришло из глубины веков. И получить его самостоятельно ныне никак невозможно. Нужно использовать только то, что дано...

***

Султан османский услышал про сию легенду, дети мои, и отправил тогдашнего Кантакузена Михаила в Египет. Благо, что сия провинция уже Османской империи принадлежала.

Михаил Кантакузен долго искал, но обнаружил фараонов состав. Говорили, даже, что испытал он действие сего зелья.

Умирал тогда наместник султана в Египте, и Михаил попросил допустить его до больного. Там он и опробовал зелье. Мучения наместника сразу прекратились. Прележал он два дня без движения. Хотя лекари утверждали, что он жив. Кантакузена схватили и бросили в темницу. Но наместник ожил. Больше того, про свою болезнь он просто забыл и велел Михаила освободить.

Михаил жил еще некоторое время в Египте. И наблюдал

он странность одну. Спасенный им человек изменился. Обрел он здоровье телесное, но утратил благочестие. До того, был он человеком веры, а после того веру он утратил. Стал высказывать мысли крамольные и нечестивые и тем смущал истинно верующих.

Султану про те события доложили, и велел он Михаилу Кантакузену обратно возвращаться. Осталось тому только свою находку в Стамбул отвезти и многие милости от османского владыки за то получить. Но не пожелал Михаил расставаться с фараоновым составом.

Хотел султан дабы отдал ему зелье Михаил. Пытали его страшно, но не сказал он ничего. И с тех эликсир жизни, как говорят, храниться у Кантакузенов. И стал сей предмет их сокровищем и их проклятием...

***

2

*Aequam mentorebus in arduis servare mentem*³³

Много лет потратил я на изучение зелья. Да и зельем его назвать трудно.

Меня часто спрашивали долго ли варить его? Но ничего варить не надобно. Тот состав при соединении с кровью человеческой, особые вещества выделяет.

Ингредиенты «фараонова состава» для нынешних людей получить нет никакой возможности.

---

³³ лат. – Старайся сохранять присутствие духа в затруднительных обстоятельствах.

Для полного восстановления организма человеческого необходимо сего вещества весьма мало. Ибо большое количество убивает. И придумано сие было тысячи лет назад! А это значит, что были тогда люди, знания которых о природе человеческой много больше, чем наши нынешние знания!

Итак, зелье подается в тело при помощи острого ножа. Наносится ранка на коже. А лезвие нужно составом пред тем смазать. Но и здесь следует быть осторожным. Немного передержал нож и наступит смерть и живая вода станет мертвой водой.

Однажды, фараонов состав странную штуку сыграл с человеком. Применен он был к одному умирающему. Был болен тот человек чахоткою и уже кашлял кровью. Однажды ночью стало с ним совсем худо, и князь решил испробовать зелье. Он нанес укол в предплечье и умирающий выжил. Но он изменился...

He was transformed into a creature of a different kind. He could hardly be called human...

(Далее текст документа соскоблен с пергамента).

3

И тогда было сказано в первый раз, что «состав фараонов» не есть благо, но есть проклятие. Что привело к такому результату? Скорее всего, состав по-разному действует на различных людей. Потому применение его большие опасности таит. И вводя лезвия в тело человеческое, мы не способны предсказать результат...

(Далее текст 3 части отсутствует).

4

(Начало 4 части отсутствует).

... хочу сказать вам, что такое вурдалак, по которым у нас много говорят. Вурдалак существо не столь простое. Сие не есть мертвец, восставший из гроба для мести живым. Сие не есть оборотень, что способен принять облик животного. Я никогда не видел, чтобы человек обращался в иное существо. Сие досужие домыслы.

Безграмотные крестьяне нашей родины говорят о восставших мертвецах. Они понимают сие так:

Некто, был при жизни мучим вурдалаком и после смерти ему суждено стать вурдалаком самому.

Они говорят, что некто, кто был укушен оборотнем, сам станет таким.

Я наблюдал сие не один раз и убедился, что все сказанное крестьянами ложь. Но ложь, сказанная по неучёности и недомыслию, а не по злему умыслу.

Но Кантакузены пробовали зелье фараоново на неких крестьянах. И думали родственники тех, что укушены они были вурдалаками. Но те следы на шеях их, есть следы кинжала с зельем фараоновым!

При жизни моей мне запретили Кантакузены глубоко познать сии тайны и тем более передавать их вам. Ибо вы слуги Кантакузенов и вам не дано знать тайны господ, в той мере, в какой господа не желают вас просвещать. Но я дерзнул на

большее.

И потому скажу вам, дети мои:

Aequo pulsat pede!³⁴

5

О ведьмаках и ведьмах.

Нельзя отрицать существование ведьм и ведьмаков. Сии люди заключили сделку с диаволом, и продали ему свои бессмертные души. Но что есть диавол?

Диавола следует понимать, как дух нечистый!

Нечистый дух есть существо наделенное волей, но недоступное для восприятия живыми людьми. И сей дух наполняет предметы возможностями и способностями. И сии духи дают нам понимание запретного.

Вы задали бы вопрос: А что есть запретное?

Проникновение по ту сторону жизни. Ибо не дано человеку знать, что будет с ним потом. Но человеки стремятся сие узнать. Что там за гранью смерти? Отчего сильно в них сие желание? Отчего христиан так пугает смерть? Неужели бояться они ада и мук вечных? Но что есть сии муки?

А вурдалаки восстали из мертвых и, стало быть, они некий связующий элемент с тем самым потусторонним миром?

В сказках, которые и по сей день можно слышать в Валахии, Сербии, Далмации вурдалак есть мертвый колдун. И он убивает людей путем высасывания из них крови. Сие нечистые покойники. Коих нельзя было хоронить на обычных по-

---

³⁴ лат. Смерть безучастно поражает любого.

гостах.

По сим сказкам вурдалаки могут происходить от матери-ведьмы и такими родиться на свет. Но сие живые упыри, мало опасные для человека. Иное дело блуждающие мертвецы! Вот сии сущности и представляют для нас живущих настоящую опасность.

Говорили однажды в одном селе, что умерший кузнец явился ночью, как раз после его похорон в свой дом. И попросил его впустить. Ибо по слухам, вурдалак может войти, ежели ему хоть раз дадут на сие позволение.

Затем он пришел на вторую ночь. И на третью поранил свою дочь.

Собрались тогда селяне, пошли на погост и открыли могилу кузнеца. Достали домовину сняли крышку. И увидели тело с яркими алыми губами и румяным лицом.

И поняли они, что перед ними вурдалак, который покидает свою могилу. И вбили они ему в самое сердце осиновый кол. Издал при том мертвец вопль и снова убедил селян, что пред ними и есть вурдалак.

Затем они срубили его голову и все сие предали огню.

Но так говорили селяне. А они люди необразованные и темные. Я же думаю, что кузнец не покидал своего гроба. Ходил лишь дух его, для коего нет преград. Тако мыслю, дети мои.

6

Culpa poena par esto!

Одна девица из рода Кантакузен от матери своей наследовала тайные знания. И передать сии знания она могли лишь дочери своей...

... ..

Animus meminisse horret...

***

Иван Карлович читал долго. Но больше ничего полезного из документа почерпнуть не смог. Когда дело дошло до самого таинственного, текст был намеренно испорчен. Буквы соскоблили с пергамента и осталась лишь последняя фраза: «Душа трепещет от ужаса».

***

Затем в рукописи следовал подзаголовок

Aqua vitae³⁵.

Но текст в сей главе был заменен иным.

***

Коллежский ассессор Тарле задумался. Рукопись его заинтересовала

«Что значит «Вода жизни»? «Зелье фараоново». «Золотой эликсир». «Зелье Клеопатры». Уж не тот ли эликсир бессмертия, коий алхимики ищут сотни лет?

А если это правда, то не просто ценностью обладают Кантакузены. В их руках тайна, которая дороже золота мира. Но не может того быть! Отчего они тогда сами не использовали сие сокровище?»

---

³⁵ лат. – Вода жизни.

Было над чем подумать...

Глава 9

Власта.

1732 год. Октябрь.

1

В имении Кантемиров. Коллежский секретарь Карпов.

Карпов Петр Антипович, коллежский секретарь и чиновник сыскного приказа прибыл в имение Кантемиров в полдень.

Богатые боярские хоромы каменные были встроены еще во времена царя Алексея. Всюду чувствовался достаток. Князь Дмитрий Кантемир, которому Петр Великий пожаловал сие имение, знал, как управлять вотчиной.

Ныне законного господина князя Константина Кантемира в имении не было. Он был за грацией с дипломатическим поручением. Потому встретил чиновника сыскного ведомства управляющий Тит Ипатыч. Низкорослый мужик лет пятидесяти в поношенном кафтане с полустертым позументом, не по размеру (с барского плеча). С круглым лицом, сизым носом пьяницы, и седой окладистой бородкой.

Незваного гостя встретили приветливо. Управляющий уже знал, откуда прибыл сей чиновник и по чьему приказу ведется сие дело. Холопы быстро распрягли лошадей и при-

гласили денщика господина Карпова в людскую. А самого коллежского секретаря Тит Ипатыч пригласил в барские хоромы.

– Прошу вас, ваше благородие. Будьте как дома! Его светлости Константина Дмитрича нет сейчас.

– Я знаю, что барина нет, почтенный Тит Ипатыч. В том нет беды.

– Желаете откушать?

– Можно.

– Тогда позвольте мне сопроводить вас в столовый покой. В столовой был накрыт богатый стол. Карпов догадался, что обедать собирался сам управляющий. Но прибыл гость и он не решился предложить себя в сотрапезники дворянину.

– Я стану сидеть за сим столом один?

– Я стану вам прислуживать, ваше благородие, – сказал управляющий.

– Нет, нет, Тит Ипатыч! Прошу вас со мной.

– Нежто я посмею?

– Но я настаиваю!

– Воля ваша, ваше благородие, – «сдался» управляющий.

И вскоре они вместе наслаждались изысканными кушаньями и отличными винами.

После обеда Карпов стал задавать вопросы.

– Прибыл я по повелению надворного советника Волкова, которого назначили вести следствие. По велению самой государыни императрицы.

– Про то мне ведомо, ваше благородие.

– Мое имя Петр Антипович. Прошу вас, Тит Ипатыч, без «благородий». И надобно мне знать все про холопа Тишку, коего отправили на Москву в дом Антиоха Кантемира.

– Сие был приказ его светлости князя Константина, ваше... Петр Антипович.

– Сие мне уже ведомо. Но кто сей Тишка?

– Сын Антона, барского холопа. И был тот Антон поведения примерного и весьма трудолюбив и не строптив. Сие вам всякий скажет.

– А сын его Тишка?

– Я скажу вам, по правде, ваше... Петр Антипович, Тишка, или же Тихон, нрава был мерзкого и потому барин и велел ему убираться на Москву. Кто же хорошего холопа за просто так отдаст?

– И в вашем имении холопа не могли в разум ввести? Никак не поверю, Тит Ипатыч.

– В разум можно, Петр Антипович. Но токмо Тишка сей порченый с малолетства. Лукьян-кузнец, дядька его, из валахов.

– Как так? – не понял.

– Вернее сказать, Петр Антипович, не из валахов, но с валахами через жену свою был связан. Ибо женился Лукьян на девке Власте, которая была служанкой у Кассандры Кантакузен.

– И кто та Власта?

– Сие есть тайна, про которую в доме Кантемиров не говорят. Я ведь только слуга барина своего.

– Но, Тит Ипатыч! Я здесь по указу государыни! Не хотите же вы разгневать матушку-царицу? – строго спросил Карпов.

Управляющий стал креститься и божиться, что де и вы мыслях того не имел.

– Я ведь не стану без нужды вас выдавать, почтенный Тит Ипатыч. Мне в том нет никакого резона. Но мне надобно правду сыскать.

– Хорошо, Петр Антипович. Я вам расскажу все, что знаю.

– Того от вас и жду, Тит Ипатыч.

– Только хочу упредить вас, Петр Антипович, что знания сии весьма опасны.

– Это как же?

– Я всего лишь слуга моего барина. Но есть те, кто не желает, чтобы сии тайны знали. Я не в угрозу вам сказал сие, а токмо для упреждения...

***

Рассказ о Власте и «Воде жизни».

Привезла барыня Кассандра сюда своих служанок и была среди них редкая красавица именем Власта.

И многие молодые холопы князя Дмитрия Кантемира тогда засматривались на Власту. И она позволяла некоторым приблизиться к себе. И даже без венца брачного вступала с ними в отношения, которые токмо между супругами происходить могут.

После того мужики не могли забыть Власту. Бабы деревенские стали жаловаться на Власту, что де ведьма она. Но жена князя Дмитрия берегла служанку свою и в обиду не давала.

И дюжий кузнец по имени Лукьян попал в сети той красавице. И продержался он у ложа Власты дольше чем остальные. И говорили люди знающие, что де у той Власты мать была красива и на Власту весьма походила.

Бабы деревенские говорили, что де передала Власте ведьма слово тайное, все двери отворяющее.

И решила Власта выйти замуж за Лукьяна. Она его против иных мужиков выделять стала. С чего оно? Никто не знает. Но только в церкви, где венчали молодых, Власте было не по себе. Пот заливал лицо её, и в глазах её была боль. Даже священник заметил это и испугался. Не место ведьме в православном храме.

После того как они стали жить вместе, Лукьян помолодел. Снова пошли разговоры, что де сие проделки нечистого. Ибо сварила та Власта зелье, именуемое «Водой жизни» и все хворости от той воды проходили...

***

Карпова рассказ заинтересовал.

– Лукьян помолодел? Так ты сказал, почтенный Тит Ипатьч?

– Так, Петр Антипович.

– И что сие значит?

– А что может значить «помолодел»? Словно годов десять с себя сбросил.

– И сие истина?

– Вот те крест, не брешу! Про сие кто хош скажет. Моложе стал Лукьян. Как с Властой спутался. Наши бабы тогда и стали говорить про зелье колдовское.

– И сие зелье они называли «Вода жизни»?

– Да.

– И ты сие видел?

– Я? – спросил управляющий. – Сего зелья никто не видел. Сие тайна великая. И она в роду Кантакузенов хранима долгие годы.

– Не могу поверить в сие, Тит Ипатыч. «Вода жизни». Дак с древности алхимики искали таинственный эликсир жизни.

– Стало нашла его старуха. Али предки её нашли.

– Не думаю, Тит Ипатыч.

– Про то мне не знать, ваше благородие. Что я? Грамоте обучен кое-как. Но про науки тайные не могу знать.

– И у вас многие крестьяне про сие знают?

– Да что могут знать землепашцы? Так болтают невесть что. Но люди знатные и образованные тем такоже интересовались.

– И кто сии знатные особы?

Ипатыч перешел на шепот:

– Сказывали, что сам государь интересовался.

– Государь? – спросил Карпов. – Который?

– Петр I Алексеевич. А затем и внук его Петр II Алексеевич. Вернее не сам внук, но посланные от него.

– А вот про сие расскажи подробнее, Тит Ипатыч.

Слуга выпил для храбрости и начал:

– Вы, сударь, знаете, что заболел государь Петр II оспою.

– Про сие все знают, и помер он от оспы. После него возшла на трон нынешняя государыня Анна Ивановна. Ты дело говори, старина.

– Так вот, когда болезнь с государем приключилась, прибыл сюда молодой князь Иван Долгорукий, тот самый, что в друзьях у императора состоял. И хотел он узнать про сие колдовское зелье, дабы жизнь императору спасти.

– Но император умер. Стало, не получилось ничего у Ваньки Долгорукого. Я ведь сего хлыща хорошо знал. Сволочь был известная.

Карпов вспомнил свои стычки с молодым князем Долгоруким. Тогда тот даже хлыстом Карпову грозил. Петр Антипович того не стерпел и за шпагу взялся. Долгорукий бить его не стал, но обещал сослать подальше от столицы. И так бы все и было, но молодой император умер, и влияние князей Долгоруких кончилось.

Ипатыч продолжил:

– Он и здесь грозился всех перепороть! Князю Константину Дмитричу грозил карами многими! Но не знал князь ничего про зелье.

– А Долгорукий как про сие узнал? – спросил Карпов.

– Дак разве я знаю, Петр Антипович? Но не токмо знал, но верил в то, что сие зелье существует! А с чего князю в такое верить? Не с того ли что наши крестьянишки болтают? Нет! Знала Власта нечто такое, про что многие знать желают...

***

2

Москва.

Ванька Каин действует.

Ванька Каин много помогал сыскному ведомству в поимке татей разных, разбойников с большой дороги. Не токмо Дуглас заметил большую выгоду, что от сего разбойника можно было поиметь.

Нашел нужный человек Ваньку в государевом кабаке. Пили здесь водку ярыги, тати, разбойники, безместные попы, солдаты, инвалиды увечные, нищие, божедомы.

Вошел новый посетитель в мужицком армяке и шапке. Кое-кто обернулся на него. Но бросили только один взгляд и потеряли к пришедшему интерес. Сразу почуяли, что не сыщик, а свой. Да и опасались сыщики заходить в такие места. Лихие люди могли без церемоний лишить жизни. Чикнут ножиком, и поминай как звали раба божьего.

Рябой малый, что состоял слугой при целовальнике³⁶, метнулся к прибывшему.

---

³⁶ Целовальник – содержатель трактира, в России того времени так называли мелких чиновников и трактирщиков, что при вступлении в должность целовали крест, или клялись честно исполнять обязанности.

– Велишь водки подать али для утробы чего?

– Ты покудова погоди, малый. У меня здесь дельце есть к одному человечку.

Слуга увидел глаза пришедшего и ретировался. Чиновник сразу Каина узрел и подкрался к нему со спины.

– Здорово, Иване!

Каин вздрогнул всем телом от того голоса.

– Али не рад мне? – мужик сел без приглашения за его стол.

– Как не рад. Всегда рад тебе. Водки прикажешь?

– За делом як тебе, Иване. Не для винного пития.

– Дак разве водка повредит разговору?

– Ты, мил друг, разве не помнишь, что я много раз голову твою спасал от топора, а шею от веревки?

– Как могу я про то забыть? Да и напоминаешь ты про сие слишком часто. И слишком я полезен в деле твоём. Нос куда не следует не сую, и вопросов лишних не задаю.

–И потому ты жив до сих пор. Потому купцов режешь безнаказанно. И не токмо купцов. Кто в прошлом годе порешил помещика Ряжкина, отставного поручика? Мне ведомо кто – Ванька Каин. А где дочка того самого Ряжкина? У Ваньки Каина была в любовницах. А что сделал с сей девкой Ванька?

–Хорошо. Хватит про прошлое болтать. Ты не за тем ведь пришел? Дело говори.

–Тогда слушай дело. И про водку забудь. Мне надобна

книга одна, Иване! И добыть ту книгу надобно быстро! Времени нет!

– Все что надобно сделаю, – ответил Каин.

– Надеюсь на сие! Ох, берегись, ежели обманешь! Спущу шкуру!

– Дак скажи, что за книга. И где искать её?

– Книга «История рода Кантакузен» на латыни писанная.

– Дак не силен я в грамоте. Нашей российской не ведаю.

А ты говоришь по латыни.

– Дак не читать тебе ту книгу надобно. Принести мне и только. Но так принеси, дабы никто на тебя не подумал.

– Не сам стало сделать сие должен? – спросил Каин.

– Не сам. На тебя никто подумать не должен.

– Стало человека искать надобно?

– А разве нет у тебя верного человечка на примете?

– Есть, как не быть. Верные людишки всегда есть.

– Только человечка ловкого надобно. Такого чтобы хитер был и смел.

– А иных и нет. К чему иных держать в нашем деле?

– То верно, Ванька.

– Человечка найду.

– Найди и поручи ему сие! Да помни – времени мало.

– Говори, как найти книгу...

***

Двое дюжих молодцев в простых кафтанах и треухах явились на зов атамана Каина.

Первый был знаменитый Сильвестр Кольцо, которого Каин вытащил из острога в 1731 году, где он дожидался казни за убийство столбового дворянина и его жены.

– Звал, атаман? – спросил Кольцо с порога.

– Дело есть до тебя, Сильвестр.

– Знаю, что должок за мной.

Каин усмехнулся.

– Ежели сие дело сладишь, то считай, что более ты мне ничего не должен.

– Говори, чего надобно? – спросил Кольцо.

– Надобно книгу одну добыть. А человечка, у которого сия книга храниться, к ангелам отправить. Да все сделать так надобно, дабы на разбойников подумали.

– Дак я и есть разбойник и душегуб, – невесело пошутил Кольцо. – Не одну душеньку ко ангелам спровадил.

– Стало не привыкать!

– Ты дело говори.

– Сей человек не шибко большой.

– Имя? – спросил Кольцо.

– Коллежский ассессор Тарле Иван.

– Нам все одно. Хош генерал. Где упокоить его надобно?

– Не в его дому. Сегодня как со службы сей Тарле уйдет, так я вам знак дам. По пути вы его и сделаете. А книгу мне.

– Дак книга будет при нем? – спросил Кольцо.

– При нем.

– Тогда ожидай нас. Все исполним!

***

3

Имение Кантемиров.

Ночь. Коллежский секретарь Карпов.

Ночью Карпов проснулся. Его кто-то тронул за плечо. Он резко достал из под подушки пистолет, который держал наготове.

– Тихо, Петр Антипович. Шуметь не стоит, ибо я друг ваш.

– Кто вы? – спросил Карпов.

– Аль не признали? Я отец Михаил. Здешний священник.

– Как вы сюда попали. Я двери запер.

– Влез через окно в саду.

Отец Михаил сел в кресло у кровати. Враждебности батюшка не проявлял и оружия у него, по-видимому, не было. Карпов убрал пистоль обратно под подушку.

– Зачем же вы пришли, отец Михаил. И отчего тайно и ночью? Да еще таким странным способом через окно?

– Не хочу, чтобы кто-либо прознал про мой визит к вам, Петр Антипович.

– Но я с вами говорил только вчера.

– Не мог я тогда сказать всего, Петр Антипович. Слишком много было лишних ушей.

– Но мы с вами были одни, святой отец!

– Говорите тише, Петр Антипович. Здесь и стены уши имеют. Многие нас с вами вчера подслушать могли. А вот

ныне мы одни.

– И что вы хотите мне сказать?

– Слишком многое вы прознали про здешние дела, сударь.

– Я? Ничего толком пока я не узнал.

– А про воду жизни?

– Сказки одни.

– Неужто вас сии сказки не насторожили? Знаете, что сам князь Долгорукий, будучи в чине обер-камергера высочайшего двора, сюда за этим приезжал.

– И что с того? – спросил Карпов.

– А то! Вы думаете вас защитит ваш чин? Но сие не так.

– Кто осмелится поднять руку на чиновника сыскного ведомства! Неужто Тит Ипатыч?

– Нет. Он только управляющий имения. Но есть силы коим даже приказ самой государыни императрицы не помешает.

– Вот как? И кто же сии люди?

– Да вы сами подумайте, кузнец Лукьян родился в году 1666-ом. И помер в 1728-ом. Но только в гробу его нет тела.

– Что? – изумился Карпов.

– А то, что мой предшественник старый отец Архип тогда же могилу раскопал и хотел Лукьяну осиновый кол вбить в грудь. Но оказалось, что Лукьяна в гробу нет.

– Но говорили, что кол в грудь тому Лукьяну вбили, и тело его опосля сожгли.

– Сие враки, Петр Антипович. Не уничтожили тело Лу-

кьяна-кузнеца.

– И что сие значит?

– Да я не знаю того. Я священник и в сыскном приказе не служу. Но с тем Тишкой, про коего вы вопросы задавали, также случилось. Нечистое сие дело, Петр Антипович.

– Про сие вам доподлинно известно?

– Да проверить сие можно. Где могила Лукьяна я знаю.

– И что?

– А можем пойти проверить все сами.

– На погост? – изумился Карпов.

– А вас так пугает погост?

– Нет.

– Тогда можем идти, Петр Антипович.

– А смысл есть ли в сем походе?

– Вы боитесь?

– Нет. Но хочу...

– Собирайтесь быстро. Времени мало, Пётр Антипович.

И Карпов стал одеваться. Он сам не смог бы сейчас объяснить, зачем ему было нужно идти на деревенский погост.

Священник вывел его из дома так, что никто этого из слуг не заметил.

– Вы хорошо знаете этот дом, отец Михаил.

– Знаю, – согласился священник. – Даже лучше, чем его хозяева.

– Вы здесь частый гость?

– При нынешних господах нет. Но ранее был частым го-

стем.

– Ранее? Это когда же?

– В те поры, когда здесь была Власта.

– Вы знаете про Власту?

– Про Власту здесь многие знают, Петр Антипович. И вы бы знали, если бы увидели её хоть раз.

Священник провел Карпова тайной калиткой, через сад.

Они отошли от имения. Мрак сгущался, небо затянуло тучами, которые скрыли желтый диск луны. Вдали слышался волчий вой, словно вся нечисть собиралась на шабаш именно в эту ночь. Карпову стало страшно.

– Вон там, – указал рукой отец Михаил. – За рощей находится старый погост.

– Так близко?

– Да. Там хоронили давно, ныне имеется новый погост. Но тот дальше за черным лесом. Лукьяна похоронили на старом. И после него там никого не хоронили.

– А что так? – спросил Карпов.

– Место стало проклятым. Говорят, Кантакузены постарались.

– И вы в это верите, отец Михаил?

– Разве есть разница, во что верю я? Я могу верить, а могу и не верить. Но это не меняет сути. Место проклято. И в старой часовне вы сами в этом убедитесь, Петр Антипович.

– Там есть часовня?

– Простая изба с крестом. Но её называют часовней.

Луна выступила из-за туч и ярко осветила дорожку через рощу. Хотя священник нашел бы путь и с завязанными глазами.

– Вы заметили? – спросил священник.

– Заметил, что?

– Как она светит.

– Луна?

– По-особенному. Словно сами силы зла желают, чтобы вы видели то, что видеть не должны.

За рощей показалась кладбищенская ограда.

– Вот он старый погост.

Карпов увидел покосившийся домик, над которым возвышался крест. Далее тянулись ряды крестов и камней.

– Здесь хоронили с прошлого века, – сказал отец Михаил.

Карпов остановился.

– Что с вами, Петр Антипович?

– Ничего. В домике кто-то есть. Я это чувствую.

– И что с того? – совершенно спокойно ответил священник.

– Но кто там может быть?

– Но вы же хотели знать правду?

– Хотел.

– Тогда вам стоит идти дальше. Правда ждет вас.

Карпов испугался. Он сам не мог понять, отчего страх заполз в его душу. Просто больше не хотел идти на погост.

– И в чем она правда, отец Михаил? – спросил он и по-

смотрел на священника.

Но того рядом уже не было.

– Батюшка?

В ответ тишина. Он был один в двух шагах от старого погоста.

– Отец Михаил? Где вы?

Но священник словно растворился в воздухе. Луна снова скрылась за тучами, и стало темно. Зато яркий огонек в часовне горел впереди. Карпов огляделся по сторонам.

Поднялся ветер и вдали послышался волчий вой...

***

Петр Антипович вскочил с кровати.

На столе рядом с кроватью горела почти оплавившаяся свеча. Он был в комнате в доме Кантемиров.

– Проклятие! – прошептал он. – Это был сон. Но звон от жуткого воя до сих пор стоит в моих ушах. Это и правда проклятое место.

Двери комнаты скрипнули, и вошел слуга с подсвечником в руке.

– Звали, барин? – спросил он.

– Нет. А ты кто таков?

– Дак Иван я. К вам приставлен управляющим Тит Ипатьчем.

– Я не звал тебя.

– Но вы, барин, коли еще захотите выйти из дома, то лучше утром.

– Выйти? Ты про что, Иван?

– Да вы из дома выходили, барин.

– Я выходил? – удивился Карпов.

– Я сам видал. Но не было вас час не более. А затем вернулись и снова легли спать. Я подивился, откуда вы хорошо дом знаете. Ведь не бывали здесь ранее.

– Да не знаю я сего дома, Иван. Совсем не знаю. А рядом со мной ты никого не видел?

– Нет, барин.

– А скажи мне, Иван. Слышал ты про Власту?

Слуга стал креститься.

– Как не слышать, барин. Многим головы сия девка вскружила. Говорили бабы, что де сила в ней есть особая бесовская. Говорят, даже священника она покорила.

– Священника?

– Хотя сие не мово ума дело, барин. И болтать про сие мне не велено.

– Мне можно все рассказать. Я здесь для того и нахожусь.

– Говорили в прежние годы та Власта самого отца Михаила в свои сети забрала. Но про сие я токмо слышал. А правда ли сие? Того знать не могу, барин.

– А откуда в ней сия власть над мужчинами? Что про это говорят?

– Разное болтали. Старики баили, что де Власта не старилась и что не человек она вовсе.

– А кто? – спросил Карпов.

– Дьяволица, – прошептал слуга. – Но говорить про сие опасно. Ежели прознает она...

– Я сумею тебя защитить.

– Нет, барин. Про сие говорите со священником. А я более не скажу ни слова...

***

4

Имение Кантемиров.

На другой день.

Коллежский секретарь Карпов и священник отец Мишаил.

Утром Карпов после завтрака сказал управляющему, что идет в дом священника, дабы прояснить некие дала по церковно-приходским книгам. Тот предложил провожатых, но коллежский секретарь отказался. Тит Ипатыч настаивать не стал.

– Как скажете, ваше благородие. Да и дом у батюшки весьма приметен. Найдете сразу.

– Дак знаю я, где дом тот, Тит Ипатыч.

– А когда воротиться изволите? Это я к тому спрашиваю, чтобы знать возвернетесь ли к обеду. Я велю стол накрыть.

– Не утруждайтесь, Тит Ипатыч. Не нужно никаких церемоний.

Карпов вышел из дома.

Управляющий смотрел вслед чиновнику и думал:

«А не столь прост сей чиновник! Зело умен, и копает глу-

боко. Надобно узнать, про что они там говорить станут. Но слугу-проводжатога с собой не взял. Стало, сам снаряжу тайного посланца. Но кого? Ваньку? Или Данилку? У последнего старуха Ипатьева в тетках, и она готовит в доме у батюшки. Вот его и пошлю! Ведь наверняка сей чиновник в доме у попа обедать останется».

***

В древне дом священника был на окраине и отличался добротностью. Он частично был выстроен из камня, частично сложен из дубовых бревен, крепко пригнанных друг к другу.

Отец Михаил пил чай и обрадовался Карпову.

– Рад видеть вас, Петр Антипович. Что привело вас в мой дом?

– Здравствуйте, батюшка.

– Желаете чаю?

– Не откажусь, батюшка.

Отец Михаил отдал распоряжение слуге.

– Думал я над вашими словами, батюшка.

– Что? Над какими словами?

Священник выглядел искренне удивленным. Карпов не знал, имеет ли право напомнить священнику про его ночной визит. Но стоило все выяснить.

Коллежский секретарь спросил:

– Так вы не помните, отче?

– Мы говорили с вами два дня назад, Петр Антипович.

– Я не о том разговоре, отче.

– Но больше нам с вами видеться не приходилось. Простите ежели, что не так, Петр Анипович.

– Стало быть, ночью меж нами разговора не было?

– Ночью? – удивился священник. – Помилуйте, сударь.

Что ночью за разговоры?

– А мне показалось, что прошлой ночью мы с вами виделись.

– Сие лишь видение, сударь. В наших местах и такое бывает.

– А можете вы мне рассказать о Власте.

Священник побледнел, услышав это имя.

– Насколько я понял, девица Власта вам хорошо знакома, батюшка.

– Девица? – священник горько усмехнулся. – Имел несчастье познакомиться.

– И что можете рассказать о ней?

– Нет такого мужчины, которого она не могла бы подчинить, сударь. Для сего надобны лишь сам мужчина и желание Власты.

– Значит, она покорила и вас, отец Михаил?

– Я не хочу про это говорить, сударь. Это мой грех и отвечать я стану перед богом. А вам могу предложить откусать со мной. Не откажетесь?

– И от водки не откажусь, батюшка. А то чаем только пот прошибать!

– Будет и водка и мед будет, сударь. А мед древний и здоровый напиток. Им Русь издавна славится.

И стали они гулять по русскому обычаю. Скоро вместо чаю на столе возник штоф водки, да меда монастырские ставленные. Появились рябчики в соусе, заяц жаренный, разные соленья, каравай хлеба.

– Ах, и хорош мед у тебя, батюшка! – похвалил напиток Карпов.

– Мед настоящий монастырский. Лучше сего нет напитка.

– За здравие! – поднял бокал Карпов.

– За здравие! – ответил отец Михаил.

Они выпили.

– Я дам тебе совет, сударь, – сказал священник.

– Готов выслушать.

– Не стоит тебе лезть в сие дело.

– Я чиновник сыскного ведомства и сие есть моя работа, батюшка.

– Да и ловил бы воров и татей на Москве. И тем дело свое делал бы. Отчего понесло тебя в наши места? Отчего взялся ты вурдалаков искать?

– Поручение имею от начальника моего.

– Поручение?

– Все здесь разузнать. От того и хожу по деревне с крестьянами беседую и в доме барском со слугами общаюсь.

Они снова подняли чары. Выпили.

– Забористая водка!

– Моя стряпуха Игнатъевна мастерица, – похвастал священник. – Ибо хоть и богу служу, но как без питья винного?

– Дак сие есть первое лекарство, батюшка! Я и сам иногда отдохновения хочу от дел. А водка она и поможет в том.

– Ты слыхал про сукубуса? – вдруг спросил отец Михаил.

– Сукубуса?

– Про демона в женском обличи.

– Что-то слышать доводилось.

– Сукубус демон сладострастия. Женщина в теле коей находится сей сукубус любого мужчину подчинить может.

Они снова подняли чары.

– И что, отец Михаил. Видал ты сукубуса?

– По мой смертный час его помнить буду. Да и не один я пал его жертвой. Кузнец Лукьян много мог порассказать про сие. Да нет его более.

– А кузница? – спросил Карпов.

– А что кузница? Стоит. И кузнец при ней новый. Нельзя без кузнеца.

– И кто ныне в кузнецах?

– Мастер на диво. Зовут Максимом...

***

5

Древня. Кузня.

На другой день Карпов спал до обеда и проснулся с тяжелой головой. Много было выпито с отцом Михаилом. Ох, много!

Похмелившись, чиновник распрощался со священником и отправился в деревню. Там, он нашел на окраине дом местного кузнеца. Звали его Максимом. Это был здоровый мужик с могучей шеей и широкими плечами. Он легко орудовал молотом.

– Здорово! – сказал Карпов, входя в кузню.

Тот оглянулся и остановил работу, бросив держак помощнику.

– Здорово, барин. Али коня подковать?

– Нет, не коня. Разговор у меня есть к тебе, Максим.

– Пойдем, барин.

Они вышли из дымной кузни.

– Я чиновник сысского ведомства коллежский секретарь Карпов.

– Слышал я про вас, барин. Про вурдалака знать хотите?

– Про сие все знают в здешних местах?

– Да. Странные дела здесь стали твориться после того как появились Кантакузены. Я работаю в кузне, где работал старый Лукьян. А он был вурдалаком.

– Был? – спросил Карпов.

– Был, ибо тело вурдалака было сожжено и прах его развеяли.

– А племяш его Тишка?

– Тишка? Это который Тишка? Не Семёновны сын? Дак он конюхом ныне служит. Его и в имении нет. Поехал с барином Константином Дмитричем в Питенбурх.

– Я про того Тишку, который не в Петербурге. А про того, кто в Москве. Про того, что племянником Лукьяну-кузнецу приходился. Что скажешь про него?

– Да как жись не было у Лукьяна племяша. Не знаю про него ничего.

– Не знаешь или не было? – уточнил Карпов.

– Не знаю, барин. Народу у нас много. Всех не упомнишь. Но про вурдалаков могу сказать, коли вам надобно.

– Говори.

– Я ведь сам вурдалака видал, барин.

– Где?

– А здесь в кузне.

– Когда?

– Недели две назад я остался ночевать здесь. В избу не пошел. И ночью проснулся от холода. Хотя на мне теплый овчинный тулуп был накинут. Но как морозом обдало меня. Я отрыл глаза, и надо мной стояла баба.

– Баба?

– Молодая и красивая баба. Я такой отродясь не видал.

– И что это была за баба? – спросил Карпов.

– Да кто его знает, барин? Я не видал такой никогда.

– Она что-то сказала?

– Нет. Только показала рукой на лес.

– А потом?

– Потом я не помню ничего. Проснулся утром.

– А если сие был лишь сон, Максим?

– Не сон, барин. Я сплю крепко и снов не вижу. То было на деле. И тот холод до могилы не забыть мне. Я думал вы для сего и приходили.

– Нет. Не слышал я этой истории, Максим. А ты говорил про это?

– Рассказал мужикам в деревне. И Митрофан, есть у нас парень такой, сказал, что и он ту бабу видал.

– Во сне?

– Нет, барин. Митроха не спал, когда она ему явилась. И он очнулся по утру в лесу. И как попал туда – не ведает. Стало, не сон сие был.

– Очнулся в лесу, говоришь? – Карпов вспомнил свою ночь. Ведь и он, по словам слуги, выходил из дома. Может и не сон был ему явлен, и не показалось ему, что посетил он старый погост?

– Трудно понять, барин, когда бес с тобой играет. Ибо сила у него большая. Токмо люди крепкой веры противостоят ему могут. Но где ныне отыскать человека крепкой веры?

– А ты, Максим? Не крепок в вере?

– Я грешник, барин. Много грехов на мне.

– А кто богу не грешен? Все человеки имеют грехи, Максим. Но честный работник много ли нагрешит, коли хлеб свой в поте лица добывает?

– Странно слышать от барина такие слова.

– Я хоть и дворянского корня, но делом живу. Не праздностью! Потому так сказал...

***

6

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Зотов и Дурново.

Порфирий Кузьмич Дурново явился к статскому советнику Зотову с докладом. Надобно было ему поговорить с начальником канцелярии.

– Ты с чем пришел, Порфирий?

– С делом, Иван Александрович.

– До завтра отложим дело твое.

– Нет, сударь. Ныне говорить надобно. Тревожно стало, Иван Александрович.

– Али случилось чего, Порфирий? Дело говори.

– Беспокоит меня Ванька Каин, сударь. Не снюхался ли он еще с кем, сударь? Ведь не человек, а сволочь. Такой продаст за полушку.

– Но Каин нам много пользы приносит, Порфирий. Сколь разбойников мы через него поймать смогли. Хитер он как сам черт. Такой нам и надобен.

– Все это так, Иван Александрович. Но если снюхался он с тем, кто в сыском приказе служит? А тот чиновник может и под нас копать. Смекай, господин Зотов.

– И с кем он снюхался? – спросил начальник канцелярии.

– Коли б я знал, Иван Александрович. Но ведаю, что имел он встречу с неким человечком в трактире.

– И что за человек?

– Да вроде из ворья. Так моему соглядатаю показалось. Он и внимания не обратил бы на него, но больно наш Каин заискивал перед ним. А станет Ванька перед простым мужиком заискивать?

– А про что они говорили?

– Про то узнать было никак нельзя. Сам знаешь, как Ванька осторожен. Да и тот второй умный. Хорошее место выбрал. Там подслушать трудно.

Зотов задумался. А если в сыском приказе, кто-то решил его, Зотова, со свету сжить?

– Надобно за Ванькой слежку установить, Порфирий.

– Сие уже сделано, Иван Александрович. Мой человек два дня за ним ходит. Но пока ничего странного нет за Ванькой. Да и шайку атамана Ромки мы по доносу Каина взяли.

– Пойманных воров к пытке поставили? – спросил Зотов.

– Не всех. Но кое-кого уже пытали.

– И что они сказали?

– Подручный Ромки-атамана поведал мне о полюбовнице Ромкиной Дарье. Я и слушать не хотел. Думал, пустое вор болтает. От пытки освободиться хочет. Но потом смекнул, что сия Дарья беглая холопка.

Зотов слушал Дурново равнодушно.

– И от кого она беглая? На Москве ныне с тыщу беглых холопов сыщется.

– Но Дарья беглая из дому Кантемира.

– Что? – статский советник даже подпрыгнул в кресле. – Из дома Антиоха Кантемира?

– Его! И сия Дарья может оказаться той, что вурдалаком укушена была.

– Та, что померла, а затем исчезла?

– Да, Иван Александрович.

– С этого и надобно было начинать, Порфирий Кузьмич. А то Каин да Каин. Дарью споймали?

– Нет пока. Но завтра она будет у меня.

– Допрос холопке учини!

– Про то не беспокойся, господин Зотов. Сие дело я знаю, и холопка все мне скажет.

– Только пыточные сказки по форме составляй. Пусть каждое слово запишут писчики! Ничего не упусти, Порфирий! Ведь ежели она та самая стряпуха из дома Кантемира, то сие нас к цели привести может.

– Не думаю, что много сие нам даст, Иван Александрович. Пусть споймаем холопку. Не сама она все придумала, даже ежели она живая и умершей токмо прикинулась.

– Но узнаем, кто надоумил её.

– Сие дело Волкову поручено, ваше высокоблагородие! Нам ли ему помогать?

– Дак коли надобно, то и поможем, Порфирий! Может оно и нам к добру обернется. Я слыхал, что при дворе сим делом многие персоны интересуются. Но делают сие с осторожностью великой.

– Это как? – спросил Дурново.

– А так, вроде и интересно им, а вроде и нет. Как бы спросил из праздного интереса. Внимания никто привлечь не желает.

– И что им в том деле, Иван Александрович?

– В том и состоит интерес, Порфирий. С чего они в сие дело носы суют?

– А кто из знати сует нос, Иван Александрович?

– И тебе сие знать надобно, Порфирий? – спросил Зотов. – Али знаешь больше, чем говоришь?

– Я, сударь, к вам по делу пришел. Мне ныне Каин интересен. Вы же мне про дело Волкова толкуете! А потом и в подозрение берете.

– Да ты не обижайся, Порфирий. Обидеть тебя не хотел. Но ведь это ты о холопке Дарье рассказал.

– Попала она в поле моего зрения случайно, Иван Александрович. Потому и доложил.

– И верно сделал.

– И переплелось все дело с Ванькой Каином. Потому и тревожно мне, сударь.

– Но ты ту Дарью поймай и к пытке определи. Нам знать надобно, Порфирий!

Дурново пожал плечами.

– Как прикажешь, сударь!

Глава 10

«Ведьмин круг».

1732 год. Октябрь.

1

В дороге. Коллежский секретарь Карпов.

Петр Карпов пробыл в имении Кантемиров восемь дней и со многими людьми за сие время успел переговорить. Теперь ему было, что доложить надворному советнику Волкову.

Много странностей он нашел в сем деле. Не зря Волков направил его сюда во второй раз.

В последнюю ночь в доме Кантемиров он записал все, что узнал, на бумагу и отправил с утра со своим денщиком в Москву. Сам же Петр Антипович отправился из имения в полдень.

Ему подали коляску, и он, провожаемый услужливыми холопами князя, отправился домой на Москву. При сем присутствовали управляющий имения и местный капитан-исправник Осипов...

***

Но до ночи они не смогли доехать до московской заставы. Карпову это показалось странным. Кучер его также волновался.

– Беда, барин! – сказал он.

– Какая беда?

– Дак ведьмы нас кружат! Али не заметил?

– Ты хочешь сказать, что сбился с дороги? – удивился Карпов.

– Дак рази я мог, барин? Сам помысли! Я ту дорогу знаю и по ней тыщу разов ездил. Рази мог сбиться с пути? И день хороший, не зима чай и не метель. А тут лес проскочили и за поворот. И снова лес! И снова поворот. И вот мы опять на опушке леса.

– Мы ездим по кругу?

– Так, барин! Ведьмы нас кружат.

Карпову сие показалось странным. И вправду здесь что-то не так.

– Здесь есть какой-нибудь постоялый двор?

– Дак вон, ежели вернуть в сторону от леса, то есть «Ведьмина гать».

– Что это?

– Дак постоялый двор, барин.

– Постоялый двор? А я слыхал, что это старая заимка и домиком для охоты.

– Вот в том домике и есть постоялый двор, барин. Зимой там путники, что с пути сбились останавливаются. Место у них такое. Прикажешь ли?

– И название у сего места «Ведьмина гать»? Кто так называть мог постоялый двор?

– А кто его знает? Так прикажешь править туда, али как?

Карпов подумал и согласился.

Возница повернулся спиной к барину. На его лице была зловещая улыбка. Если бы Карпов мог её видеть, то сразу бы отказался от своего намерения провести там ночь...

***

2

Канцелярия юстиц-коллегии.

Волков и Тарле.

Степан Волков провел ночь в доме Кантемира. Он разбирал списки слуг, смотрел, кто и когда из них прибыл в Москву из деревни. Так и заснул за столом и был разбужен с утра курьером из канцелярии.

– Степан Андреевич! Имею послание до вас от господина начальника канцелярии статского советника Зотова!

– Говори!

– Господин статский советник требует вас к себе.

– Я сейчас занят!

– Господин статский советник вас спехом требует! – настаивал курьер юстиц-коллегии.

– Хорошо!

Волков все объяснил Кантемиру и, воспользовавшись княжеской каретой, отбыл в канцелярию...

***

В кабинете начальника канцелярии, обставленном новой мебелью немецкой работы с позолотой, собрались чиновники: сам начальник канцелярии статский советник Иван

Александрович Зотов, письмоводитель коллежский регистратор Дурново Порфирий Кузьмич, да коллежский асессор Иван Карлович Тарле.

Волков пришел последним. Он поклонился начальнику и сел на один из стульев. Статский советник неприветливо проворчал:

– Заставляете себя ждать, господин Волков.

– Прошу меня простить, ваше высокоблагородие. Но я был занят делом, которое мне поручено.

– И сколь продвинулся ты, сударь? Сколь много узнал? Повеление матушки-государыни исполнил? – стал кривляться Зотов. И сам же ответил: – Я не думаю, что много знаешь! А вот я грешный, хоть и в должности состою начальственной, сию работу исполнил!

– Так зачем вы нас звали, господин статский советник? – спросил Иван Карлович Тарле.

– Я призвал вас, господа, – ответил Иван Александрович. – Для сообщения важной новости.

Зотов посмотрел на Волкова и Тарле. Степан хорошо знал этот взгляд своего начальника. Иван Александрович был собой доволен, а значит, ему удалось нечто найти.

– Господин Дурново, – статский советник кивнул на Порфирия Кузьмича, – разгромил шайку атамана Ромки Мельника. Сам тать и вор Ромка был убит!

Степан не мог понять, куда клонит начальник канцелярии.

Иван Александрович продолжал:

– И среди воров и девок, он захватил Дарью! Ту самую, что состояла стряпухой в доме Кантемира!

– Как?! – вскричал Волков. – Может ли быть сие?

– Может, господин надворный советник!

– Кухарка Кантемиров среди воров? Как могла она там оказаться? Это обычная деревенская девка.

– Господин Дурново захватил эту девку и она была в наших руках.

Волков не понял:

– Что значит «была»?

– Она жива? – спросил Тарле.

– Была жива! – сказал Порфирий Кузьмич. – И она с пытки показала, что доктор де Генин уговорил её за двадцать рублей выпить снадобье особое! И сказала оная женка мертвой.

– Доктор заплатил Дарье?

– Двадцать рублей серебром, – подтвердил Дурново.

– И она показала это с пытки?

– Все было сделано как надобно, господин надворный советник! – заявил Зотов.

Степан Андреевич задумался. Получалось, что доктор мог все это устроить. И возможно, что имел он свой интерес в сем деле. Тело он осматривал и холопа, и стряпухи. Но и Тишка и Дарья живыми оказались. И ему доктор о вурдалаке все время пел. Дескать был он в замке Кантакузенов в Вала-

хии и о науке тайной слышал.

Крепко запал бы ему в голову доктор де Генин, коли сообщили бы про него не Дурново и Зотов. Но коли Порфирий про Дарью узнал, то веры ему давать много нельзя. Этот любые сказки напишет с пытки, какие ему надобны.

– Чего молчишь, господин надворный советник? – спросил Зотов.

– А того и молчу. Что за ерунда сие? – ответил Волков. – Что за выдумка?

– Сие не есть выдумка, Степан Андреевич! Сие есть пыточная сказка, записанная со слов беглой холопки Кантемира Дашки.

Порфирий протянул Степану листы. Тот принял их и стал читать. В пыточной сказке³⁷ показала Дарья, что не выдержала уговоров лекаря, приняла мзду³⁸ от него и стала действовать противу своего барина.

– И что сие?

– Сие бумага, составленная как надобно! – сказал Зотов. – Профирий все по правилам провел и все записал! Сей документ можно по начальству представить!

– Но зачем сие де Генину? Зачем ему стряпуху подкупать?

Порфирий Дурново ответил:

– Про то стряпуха не знает. С пытки огнем ничего утаить не можно. И та Дарья пытку огненную прошла. Вениками

---

³⁷ Пыточная сказка – показания подозреваемого.

³⁸ Мзда – взятка.

горячими жгли. Ничего нового не добавила.

– Генин опытный врач! – поддержал Порфирия начальник канцелярии. – И он смерть Дарьи установил. А коли установил, то знал, что к чему. И надобно сейчас выяснить, зачем ему сие.

Волков понял, что эти двое хотят. Не желают свои головы подставлять. Все же Шарль де Генин иностранец на русской службе. Да и лекарь известный. Они пытаться его сами не учнут. Надобно им арест Генина на иного переложить. Вдруг чего начнется и станут виновного искать, то скажут они, Волков Степашка заарестовал лекаря. А с них, что за спрос? Волков за все ответит!

– Вы предлагаете мне арестовать де Генина?

– Да, Степан Андреевич!

– Но он подданный французской короны!

– И что с того? – спросил Зотов.

– За него вступится Блументрост! Лейб-медик императрицы!

– Но ведь показали на сего лекаря! – Порфирий Кузьмич потряс опросными листами. – А стало имел он злой умысел! Сама государыня повелела сие расследовать! Что нам лекаришка? А ты Степан Андреевич, никак приятель того де Генина?

– Я знаю доктора. И что с того?

– Да больно заступаешься за него. Может, и ты знаешь чего? – хитро усмехнулся письмоводитель канцелярии и по-

смотрел на начальника.

– Сие дело поручено мне! – вскричал Волков.

– Но мы и помогаем, Степан Андреевич! – сказал Зотов. – Порфирий Кузьмич сию Дарью токмо ради тебя допросил.

– А коли Дарья токмо под пыткой то сказала?

– Али сказать желаете, что я ей сии слова подсказал? – спросил Дурново.

– Нет, – ответил Волков. – Того сказать не хотел. Но могла Дарья под пыткой и наклепать на де Генина.

– А не удивляет вас, что она жива и здорова нашлась, Степан Андреевич? Ведь сколь слухов пошло по Москве. Пропала де из домовины почившая стряпуха господ Кантемиров. А она в притоне воровском обреталась.

– Я сие выяснять стану, Порфирий Кузьмич.

– Но лекаря де Генина надобно заарестовать!

– Для сего его надобно поначалу найти, Порфирий Кузьмич. Я уже дважды был у него дома. Там его нет.

– Так в ином месте искать надобно.

– Может, вы знаете где? – спросил Волков.

– Так вы с ним приятели, Степан Андреевич.

На том разговор с Зотовым и Дурново кончился. Волков и Тарле прошли к кабинету, где обычно работал Степан Андреевич.

– Должен упредить тебя, Степан Андреевич, – прошептал ему на ухо Тарле. – Я знаю, что стряпуха Дарья мертва не просто так по случайности.

– Что? – Волков обернулся к Тарле.

– Пойдем в кабинет, и там я тебе все поведаю, Степан Андреевич.

Они прошли мимо караульных и укрылись за тяжелыми дверями кабинета Волкова.

– Так что ты слышал, Иван Карлович?

– Начальник канцелярии сильно желает действительным статским советником стать³⁹. И к делу громкому он не прочь примазаться.

– Сие мне давно известно, Иван Карлович. Господин Зотов токмо о чинах и помышляет.

– Но не известно тебе, что Дурново случайно Дарью нашедший, пыточные сказки нарочно так составил! Для пытки призвал он палачей особых. Таких, что умеют жилы из чело­веков мотать.

– И они перестарались, коли Дарья померла.

– Нет, Степан Андреевич. Не перестарались. Эти палачи знают свое дело. И коли Дарья с пытки померла, то так было нужно господину Дурново. Они с Зотовым доложили наверх, что де они Дарью искали и нашли! Понимаешь, о чем я?

– Как не понять! Пропала из гроба стряпуха Дарья! Москва о том шумит. А статский советник Зотов её нашел! И вся честь ему.

– А стряпуху они, оболгав де Генина, отправили к анге-

---

³⁹ *Действительный статский советник – сей чин IV класса по Табели о рангах соответствует генерал-майору или контр-адмиралу.

лам.

– Порфирий Кузьмич мастер на такие дела. Мне ли того не знать, Иван Карлович. Но ты мне иное скажи. Что в книге, которую нам передал коллежский секретарь Карпов?

– Занимательная книга, Степан Андреевич. Но важные страницы намеренно кем-то испорчены.

– Но что в сей книге есть для нас важного?

– Написал сие бывший ворник Кантакузенев. И много он о вурдалаках размышляет, Степан Андреевич.

– Что нам с того? Все наши вурдалаки живыми людьми оказались, Иван Карлович. Тишка и Дарья. И оба ныне мертвы. Но уже по-настоящему.

– Насчет первого Тишки я бы того не сказал, Степан Андреевич. А вот второй точно мертв. В сем деле много тайного и неясного.

– Хочешь сказать, Иван Карлович, что в вурдалаков веришь?

– Хочу сказать, Степан Андреевич, что много есть в мире тайного. Того, что пониманию человеческому пока недоступно. Вурдалак не просто кровосос восставший из гроба. Сие сущность особая. И что есть «Aqua vitae»? Сие переводится как «Вода жизни».

– И что есть «Вода жизни»? Имеешь ответ, Иван Карлович?

– Не имею, Степан Андреевич. Но думаю, что де Генину именно она и была надобна!

Степан Андреевич помолчал. Ведь говорили они с доктором о золотом эликсире.

Тарле продолжил:

– В книге рода Кантакузен о той воде много упоминаний есть. Привезли её в давние времена из земли египетской. Михаил Кантакузен привез. Привез и султану не отдал, хоть и пытали его крепко. Так осталась сия вода жизни в роду Кантакузенов.

– И эта вода жизни способна вернуть молодость?

– Так точно, Степан Андреевич. В том и есть её ценность. Ты хоть можешь представить, что это такое? Эликсир философов! У кого угодно голова закружится.

– Так ты, Иван Карлович, думаешь, что за сими смертями в доме Кантемира стоит де Генин?

– Не знаю, Степан Андреевич. Но был у него интерес в доме у князя Антиоха. И не все он тебе рассказал. А при дворе, отчего этим делом многие особы интересуются? Не с того ли, что о воде жизни упоминание есть?

– Может ты и прав, Иван Карлович. Но помогать Зотову и Дурново «топить» де Генина я не желаю. Думаешь, стали бы они мне помогать, коли не нужда? Нет. Эти господа об себе токмо и пекутся.

– Они хотят, чтобы ты взял де Генина под стражу?

– Да. Сами мараться не желают. Де Генин это тебе не Дарья.

– Но у них в руках опросные листы Дарьи. И это можно

повернуть как заговор против чести и престижа нашей государыни.

Волков ответил:

– А это как повернется, Иван Карлович. Зотов и Дурново и не хотят рисковать. Возьмут они доктора, а за него лейб-медики императрицы заступятся. И посол Франции заступится. У них же токмо слова беглой холопки. Потому сии господа и осторожничают. Потому и мне помогли с опросными листами. Надобно выяснить все про Дарью, Иван Карлович. Как померла и где тело.

– Все сделаю, Степан Андреевич...

***

3

Канцелярия юстиц-коллегии.

Волков и денщик Карпова.

Степан Волков хотел было уже уйти из канцелярии. Но караульный солдат вошел и сказал, что прибыл к нему гонец.

– Что за гонец? Откуда? – Волков не ждал гонца.

– Да не понял я того. Вроде денщик он.

– Денщик? – не понял Степан. – Чей денщик?

– Дак господина офицера Карпова.

– Карпова? Где сей слуга?

– Дак дожидаются вашего благородия.

– Сюда его!

Уставший мужчина в пыльных ботфортах (только с коня слез) вошел в кабинет чиновника.

– Ваше благородие! Прибыл я из деревни господ Кантемиров. И сразу явился к вам.

– Ты от его благородия офицера Карпова, братец? – спросил Степан Андреевич. – Я все верно понял?

– Я денщик господина Карпова.

– А где он сам?

– Дак меня вперед выслал. Сами они скоро будут.

– И что имеешь сказать, братец?

– Дак письмо его благородия вашему благородию в собственные руки!

– Письмо?

Денщик вручил пакет.

– Могу я отправляться отдыхать, ваше благородие? Признаться устал смертельно!

– Иди, братец, и вот тебе рубль на водку.

– Благодарствую, ваше благородие! – денщик отдал честь, приложив два пальца правой руки к треуголке, и удалился.

Волков прошел в кабинет и разорвал пакет.

«Странно, что он мне написал. Отчего сам не привез новости? Ничего не могу понять».

Он развернул послание:

«Господин надворный советник.

Опасаясь, что мне станут чинить препятствия по возвращению в Москву, и потому пишу вам сие послание, которое отправлю со своим денщиком Сашкой.

Ваше приказание мною исполнено. Записи, что касае-

мо Тишки сделаны, могут быть поддельными. Но точно того сказать не могу. Некие крестьяне в деревне ничего про племянника Лукьяна-кузнеца не ведают. Нынешний кузнец именем Максим сказал, что не помнит про Тишку. Но управляющий и дворня кантемировская утверждает, что Тишку знали и что был он родня Лукьяна.

Дела в этом имении нечистые. Но оба Кантемира ни при чем. Князя Константина, нынешнего хозяина имения, здесь практически не бывает. А князь Антиох был в сем доме лет шесть назад. Не сильно братья ладят меж собой. Да оно и понятно. Чего им ладить, коли первый все состояние захапал, а второй перебиваться при княжеском титуле должен с хлеба на воду.

В имении всем заправляет управляющий здешний Тит Ипатыч. Он сам из местных крестьян. Но грамоте разумеющий и хозяйство ведущий исправно. Меня встретил честь по чести. Не думаю, что он в чем замешан, но скрывает что-то старик. Али говорить боится, али приказ от кого-то имеет, али еще что. Не желаю вводить вас в обман, Степан Андреевич, но только есть в здешних местах нечисть некая, которую здешние крестьянишки боятся.

Я понимаю, что вы человек просвещенный и в сие верите мало, но обстоятельства таковы, что мне пришлось в сие поверить, Степан Андреевич.

Барыня Кантакузен, именем Кассандра, супруга князя Дмитрия Кантемира, вместе с мужем своим бежала из Мол-

даванского княжества. Указал государь Петр Алексеевич выделить им богатое имение Архангельское.

Привезла барыня Кантакузен сюда своих служанок и была среди них редкая красавица именем Власта. И многие молодые холопы князя Дмитрия Кантемира тогда засматривались на Власту. И она позволяла некоторым приблизиться к себе. И даже без венца брачного вступала с ними в отношения, кое токмо между супругами происходить могут.

После того мужики не могли забыть Власту. Бабы деревенские стали жаловаться на Власту, что де ведьма она. Но жена князя Дмитрия берегла служанку свою и в обиду не давала.

И дюжий кузнец по имени Лукьян попал в сети той красавице. И продержался он у ложа Власты дольше чем остальные. И говорили люди знающие, что де у той Власты мать была красива и на Власту весьма походила.

И самое странное (сие подтвердили мне многие крестьяне деревни) что не старилась Власта. Барыня красоту да младость теряла, а служанка нет. И кузнец Лукьян словно помолодел подле сей девицы. А года его были большие.

Хотя иные же мужики, что побывали с Властой, быстро старились и помирали. А вот Лукьян нет.

Но сказала мне старая женщина Настасья (что в доме на окраине деревни жительство имеет), что де не отпускала Власта Лукьяна до времени. И он молодился подле неё. Спросил я, куда Власта делась. Она сказала мне, что после

смерти Лукьяна сгинула бесследно. И сказала мне Настасья, что Власта сия не есть человек вовсе. Она порождение дива и подле рода Кантакузен обретается.

Также узнал я, что два года назад приезжал в Архангельское сам князь Иван Долгорукий. Тогда состоял он при покойном императоре Петре Втором в должности обер-камергера. И искал он в имении «воду жизни». Хотел спасти заболевшего оспой молодого императора.

Вроде именно благодаря этой «воде жизни» девка Власта и не старилась.

Священник отец Михаил предупредил меня, Степан Андреевич, что не выпустят меня с сими знаниями из Архангельского. Посему отправил я вам письмо с моим денщиком.

Вы спросите, что же я сказал вам такого? Вроде и разузнал много, а чем вам сие поможет?

Священник местный вел себя также странно. Один раз я подумал, что помогает он мне. А иной раз думал, что нарочно все путает. Указал он мне он на кузнеца именем Максим. И тот кузнец мне странные вещи сказывал...»

Волков оторвался от письма. Все запуталось еще больше.

«Выходит то, что я и предполагал. Тишка и не Тишка вовсе. Некий человек подставной. Надобен он был, дабы дело сие в доме князя Антиоха начать. Зря лишь время на него потратил.

Но главный вопрос – зачем все это? Ответив на него, можно будет понять, кто за всем стоит.

Пока можно предположить, что замешан в деле доктор де Генин. Мог он некое снадобье дать Дарье, и потому сказала она мёртвой. Он и признал в ней покойницу. Затем он и Войку остались у тела до утра. А утром Войку ума лишился. Де Генин же ныне исчез.

Ах, коли бы найти его и вопросы ему задать!

Ныне Зотов и Дурново показания добыли, что Дарью доктор де Генин подкупил. А кто историю про явление Тишки с того света первым поведал? Дарья и поведала! Стало быть, с неё все и началось! А если она и тогда солгала?

Но что нужно де Генину? Зачем ему вурдалак? Возможно, что сие токмо для отвлечения внимания придумано. А в чем причина истинная? Он говорил о «Воде жизни». Эликсир алхимиков вполне мог его заинтересовать. Может это и есть истинная причина?

Вот и Карпов пишет об этом. Вроде сам Ванька Долгорукий наезжал в Архангельское за эликсиром молодости. Хотя все это только слухи. Как пришить их к делу? Допросить бы самого Ваньку, но его бедолагу в Сибирь сослали к черту на кулички. Ныне его не достать.

Конечно, можно через Зотова затребовать Ваньку в Москву. Но дело это долгое и ранее чем через полгода не сладиться. К тому времени и допрос уже будет никому не нужен».

Волков вернулся к чтению послания Карпова. А тот описал подробно, с кем он говорил, и какие сведения те люди ему сообщили. Больше всего его заинтересовала Власта...

***

4

Москва.

Иван Карлович Тарле.

Иван Карлович Тарле отправился выполнять поручение Волкова, но в дороге его карета была остановлена какой-то женщиной. Она бросилась буквально по копыта лошадей.

Люди на улице подумали, совсем спятила глупая баба – решила жизнь свою кончить. Такое иногда случалось на Москве. Осталась девица одна-одинешенька и без полушки в кармане вот и решалась взять страшный грех на душу.

Но они ошибались. Сия грешница была иного сорта.

Кучер остановил карету вовремя. На бабе не было даже синяка.

– Чего под лошадей прешь? – заорал он.

– Дело у меня до барина твоего! – сказала она с улыбкой, не обратив внимания на его грубость.

Тарле открыл дверцу.

– Что там? – спросил он.

– Дак баба, барин!

– Какая еще баба?

– Дак я почем знаю! Под ноги лошадей лезет!

Иван Карлович вышел из кареты. Он поклонился незнакомке. Ранее он никогда не видел этой женщины, но он сразу пригласил ее в карету, словно она была его давняя знакомая.

Отчего он так сделал?

На сей вопрос не ответил бы и сам коллежский асессор.

Просто она была красива. И не просто красива. Иван Карлович еще никогда не встречал подобной женщины.

Что с того что она была невысокой и обладала тонкой фигурой? Таких он встречал много. Да и не считалось это красотой тогда на Руси. Мода на тонких женщин еще не пришла. Может быть, все дело в лице с правильными чертами, в смуглой коже, как у цыганки? Или черных вьющихся блестящих волосах? Или в её глазах?

Незнакомка знала о чувствах, которые вызвала у Тарле.

– Я Власта. – сказал она.

– Власта?

– Это мое имя.

– Иван Карлович Тарле.

– А я знаю кто ты. И я ждала тебя здесь.

– Но кто ты?

– Я сказала тебе мое имя.

– Власта это лишь имя.

– Власта это не просто имя. Иногда это целая жизнь. Вот сейчас я хочу сохранить твою жизнь.

– Моей жизни угрожает опасность?

– Тебя хотят убить, – ответила она.

– Кто?

– Атаман Сильвестр Кольцо со своими разбойниками караулит тебя у рыночной площади, Иван Карлович.

– Но я чиновник сыскного ведомства. Взять меня вот так

днем нельзя.

– Но они сделают именно так, Иван Карлович.

Власта улыбнулась. Тарле был «сражен» этой улыбкой.

– Я предлагаю тебе свернуть с пути.

– Это как? – спросил он.

– Я отвезу тебя в один дом, и там ты будешь со мной. И ножи убийц не коснутся тебе.

– С тобой? Но значит ли это, что ты станешь моей?

– Да, – прошептали алые губы красавицы.

– Но вначале я должен сообщить про засаду. Если разбойники там, то их надобно схватить.

– Исполни свой долг!

Тарле приказал кучеру вернуться в канцелярию юстиц-коллегии. Там Тарле быстро разыскал Дурново и сообщил ему о засаде и про атамана Сильвестра Кольцо.

Порфирий Кузьмич страшно сему обрадовался.

– Сам атаман Кольцо? Ежели сие правда, то я должник твой, Иван Карлович! Езжай восвояси, голубь. А сам сие дело обделаю. Про то не думай более.

Тарле вернулся в карету, но женщины там не было.

– Данило! – позвал он кучера.

– Да, барин?

– Где она?

– Чего? – переспросил тот.

– Где она? Женщина, которая была в карете?

– Баба? Дак должно сбежала, барин.

– И ты не остановил? Дурак!

– Вы не приказывали мне стеречь её.

– Ты ранее не видал её?

– Бабу?

– Эту женщину, что сидела в карете со мной?

– Никогда не видал, барин.

Тарле понял, что Данило действительно ничего не знает...

Глава 11

Разбойники.

1732 год. Октябрь.

1

Москва. Разбойный приказ.

Атаман Кольцо.

Порфирий Кузьмич сидел в пыточном подвале и напротив него был привязан к дыбе сам атаман Кольцо. Давно ждал господин Дурново сего часа. Но уж больно ловок был разбойник. Всегда уходил от приставов и солдатских команд. А вот на тебе – попался случайно!

И подумать не мог Порфирий Кузьмич, что именно сего молодца Ванька Каин заставит выполнить его поручение.

– Вот и довелось нам свидеться, Сильвестр! Я и не чаял того!

Кольцо только плюнул в сторону Дурново.

– Али не рад мне, Сильвеструшка? А я сколь лет про сие мечтал. Но ты удачлив да увертлив. Но привели и тебя сердешного пути-дорожки в подвал ко мне гостевать.

– Знаю я твое гостевание. Небось прием горяч будет? – пошутил Сильвестр.

– Не без того. Веничков вишь приготовили заплечные ма-тера-то. «Пропарят» тебя сердешного. Не скоро про сие за-

будешь.

– А ты, старик, думаешь, что я тебе чего скажу? – Кольцо засмеялся.

Но Порфирий Дурново был спокоен.

– Скажешь, голубок. Скажешь.

– Али мало слышал про меня? Дыбой пугаешь?

– Дыба не самое страшное, Сильвеструшка. У меня все соловьями поют, и петь будут. И ты будешь. Но можно петь со сломанными ногами, и телом обожженным, а можно и без увечий сильных.

– А ты взаправду дурак, али прикидываешься? Я атаман Кольцо! Я со смертью в обнимку жил последние годы. А ты страшишь меня, дурак!

– Ты бы по-доброму, Сильвестушка. Так оно спокойнее будет и я не враг тебе. Людишек твоих пытаться станут и под батоги до смертного часа. Так и преставятся сердешные. Но тебя я спасти могу. Смекаешь?

Кольцо снова плюнул под ноги Дурново.

– Начинайте! – приказал Порфирий Кузьмич палачам.

Заскрипели блоки и тело растянулось.

Заработала дыба – пытка страшная. Человеку веревкой руки за спиной связали, а свободный конец веревки через блок перебросили. Блок тот был укреплен под самым потолком зала пыточного.

Заплечных дел мастер потерял руки и натянул веревку. У Сильвестра заломили руки в суставах.

– Больше! – приказал Дурново.

Палач еще потянул, и вывернутые руки Сильвестра уже были над его головой.

– Опускай! – поступил новый приказ.

Тело быстро спустили вниз на каменные плиты, и снова волна острой боли пронзила атамана.

– Ну как тебе первое угощение? – спросил Дурново.

– Не сломаешь меня, – прорычал в ответ Сильвестр.

Но Дурново только усмехнулся. Он только начинал свою игру.

Палач кивнул подручным и те снова подняли тело и на сей раз привязали к его ногам груз – большое бревно.

– Ты, Сильвеструшка, правду молвить должен. Не просто же так я ждал тебя. Мне указали, что де готовит атаман Кольцо убийство коллежского асессора Тарле. Чиновника сыскного приказа! И я поймал тебя и людишек твоих.

– И что? – поднял голову Кольцо.

– А то, что не просто так ты, тать, сие дело затеял. Чего взять тебе с чиновника сего? Али богаче людей на Москве нет? Есть. И не стал бы ты его трогать. Опасное дело сие. Куда как легче купчишек шарпать.

– А вот решился я на чиновника замахнуться.

– Зачем?

– Для куражу! – ответил Сильвестр.

– Нет, – покачал головой Дурново. – Ты ведь не дурак, Сильвеструшка. Скажу тебе, что надоумили тебя напасть на

чиновника. И мне знать надобно, кто надоумил.

– И коли скажу что? Тогда как?

– Пытать тебя перестанут. То первое. Из узилища* (*Узилище – тюрьма) тебя освобожу. То второе.

– Из узилища?

– Мое слово верное.

– Но зачем тебе сие? Али не мечтал меня на плаху кинуть?

– Много раз про то думал, Сильвеструшка. И самое место тебе на плахе. Но нужен ты мне. И потому я дам тебе свободу. Но, ежели, ты все мои условия исполнишь.

Сильвестр все равно имена называть отказался. Его еще раз подняли на дыбу. Но он лишь плевался и ругал палачей. Крепок был мужик. Порфирию Дурново сие понравилось.

– А ну-ко, – Порфирий Кузьмич повернулся к пыточным людям. – Ну-ко оставьте нас с сим Сильвестром одних!

Все покинули пыточную.

– Ай, и молодец!

Сильвестр понял голову и посмотрел на Дурново.

– Чего сказал?

– Молодец ты, паря!

– Не могу понять тебя. Ты про что толкуешь?

– Да про то, что не выдал ты тайны. А ведь знаю я, что скрываешь ты, Сильвестр.

– Знаешь?

– А как же! Ванька Каин наладил тебя на сие дело.

– И верно знаешь! Да чего тогда мытаришь меня?

Дурново усмехнулся.

– Человек мне надобен среди воров и татей, Сильвестр. Ох, и надобен! И такой как ты человекечек потребен! Но проверить тебя было надобно. На дыбе она самая верная проверка-то!

– Ох, и зверь ты!

– Дак как без того, Сильвеструшка? Станешь со мной одно дело делать?

Сильвестр Кольцо задумался. Глупо вот так помирать здесь в подвале. Ведь скоро огненную пытку к нему применят, али на доску с гвоздями поставят.

– Ты, вижу, немного прозрел? – спросил чиновник. – Понял, что я предложил тебе?

– Как не понять.

– Тогда говори.

– Дак согласен я.

– Молодец, все верно решил. Но скажи мне сперва, с чего это Ванька Каин тебя на сие дело сподвигнул? Насколько я знаю, ты под Ванькой не ходишь.

– Должен я Каину. Помог он мне, и я долг оплатить обещался. Он и приказал мне убить того барина Тарле и забрать у него книгу.

– И что за книга?

– Не помню того. И рази есть мне дело до книг? Не разумею я грамоты.

Дурново вызвал подручных палача и повелел пытки пре-

кратить, Сильвестру раны мазать бальзамами и постелить ему солому в камере новую.

– Но ты обещал мне свободу, барин!

– Это будет! Будет! Но не сразу!

Сильвестра увели.

Дурново остался в каземате с подьячим Зубило. Сей подьячий зело наблюдателен. Про это Дурново знал лучше других. И сейчас мог что-то приметить. Надобно его услать подалее от Москвы на время. Но вот куда? И тут же хорошая мысль пришла в его голову.

– Ты, мил друг, позабыл, кто ты есть? – строго спросил Порфирий Кузьмич.

– Не позабыл того. Все исполнял, как ты приказывал!

– Смотри мне! – погрозил ему пальцем Дурново. – Не вздумай мутить.

– Дак я разве что сказал поперек?

– Ты хитрый лис. Я таких насквозь вижу, хоть и чин мой мал. Вот Сильвестр сказал ли тебе чего? Нет. А вот мне всё поведал. Всё. И без палачей.

– С пытки ничего не сказал, а тебе единолично поведал? – засомневался Зубило.

– Я знаю, как заставить говорить человека.

– И что сказал он, Порфирий Кузьмич?

– Ванька Каин его на то дело наладил!

– Каин? – переспросил Зубило.

– Именно Каин!

– Дак сбрехать мог Сильвестрка.

– Нет, – покачал головой Дурново. – Не брехал он. Каин сие затеял. Книга ему надобна.

– Книга? Да на кой Каину книга какая-то? Он и читать не могёт.

– Книга не ему надобна, а тому, кто стоит за ним!

Зубило знал, кто есть такой Порфирий Кузьмич Дурново. Это были глаза и уши самого начальника тайной и розыскных дел канцелярии генерала Андрея Ушакова.

– И кто за ним? – спросил Зубило. – Граф Дуглас?

Порфирий ответил странно:

– Что мне за дело до графа Дугласа? Мне та книга надобна. Слышишь? Не графу Дугласу. Мне.

– Дак что за книга, Порфирий Кузьмич?

– А сие не твоего ума дело!

– Тогда не возьму в толк, Порфирий Кузьмич, зачем Сильвестра мытарить, коли известно все? Коли известно тебе, что на дело его Каин наладил.

– Пусть помнит Сильвестр про дыбу. Мне такие крепкие людишки среди воров надобны. Сам знаешь сколь пользы от них поиметь можно. Но сейчас не это главное. Волков Степашка отправил в вотчину Кантемиров коллежского секретаря Карпова.

– Про то знаю, господине.

– Он что-то там надолго застрял. Не вернулся еще. Хотя его слуга уже здесь.

– Дак что там в этой вотчине, господине? Неужто и правда вурдалаки человекoв мучают?

– Многие особы тем делом интересуются. И токмо наш Зотов не понимает ничего. Хотя может и он лишь дураком прикидывается. Может и он желает получить то, что там сокрыто. Ты вот что, Зубило, поезжай за ним тайно. И все узнай. Но делай так, чтобы про твои дела не знал никто.

– Мне ехать в имение Кантемиров?

– Да. Поедешь туда и все узнаешь сам. Мне верные сведения надобны.

– Сие не так просто.

– Я знаю, – ответил Дурново. – Потому и отправляю тебя...

***

2

Трактир «У Высокого моста».

Ванька Каин и Степан Волков.

Степан Андреевич за свою службу никогда еще не сталкивался с подобным расследованием. События разворачивались слишком быстро, одна картина меняла другую как в театре. И дело не переставало удивлять, преподнося неожиданные сюрпризы. Волков получил послание от самого Ваньки Каина. Вот уже от кого он не мог ждать приглашения, так это от знаменитого разбойника. Иное дело Профирий Дурново, который имел своих людей среди воров и был, как говорили, не совсем чист на руку

Но тогда многие чины сысского ведомства были не те, что ныне. Чиновники принадлежали к дворянскому сословию, а Степан Волков был столбовым дворянином. Столбовые были не чата новым дворянам, титулы которых были пожалованы за недавние заслуги. Само слово «столбовой» происходит от Столбцов – давних списков о предоставлении привилегий и поместий с отметками об службе этих дворян. Волковы служили еще со времен Ивана Калиты. Потому как Дурново Степан со всякой сволочью не якшался.

Но сейчас Волков посланного от Каина выслушал. Ободранный мужик с сизым носом пьяницы передал ему слова разбойника:

– Будет атаман ждать тебя в назначенный час. Но приходи один, ваше благородие.

– А ты меня ни с кем не спутал?

– Нет, барин. Тебя знают у нас. Ты Волков Степан.

– Стало быть, я должен прийти один?

– Так, барин. Иначе атаман не выйдет к тебе.

– Но что ему нужно?

– Того не знаю, барин. Но говорит он дело важное и тайное.

– И ты не побоялся прийти ко мне, зная, кто я такой?

– Боялся, ваше благородие.

– И пошел?

– А ты попробуй не выполни приказ Каина. Тогда не жить бы мне. А так, может и пронесет. Авось кривая и вывезет.

Смилуйся, барин!

– Вот прими, – Волков отдал мужику серебряный рубль.

Тот схватил монету и, низко поклонившись, исчез за дверью, про себя творя молитву.

Степан Андреевич знал, что дело сие опасное. Каин на многое был способен. Но не пойти нельзя. И он отправился в трактир «У Высокого моста»...

***

Ванька Каин подсел к столику, за которым расположился Волков.

– Рад, что ты не забоялся прийти, Степан Андреевич!

– Каин? – спросил Волков.

– Я, Степан Андреевич. Знал, что придешь.

– Я-то пришел. А вот ты что задумал? Не могу понять тебя.

– Стало, судьба нас свела, Степан Андреевич. Дело есть до тебя.

– У меня с тобой одни дела? – усмехнулся Волков.

– Одни, Степан Андреевич.

– Никогда я не связывался с такими, как ты. Это Порфирий Кузьмич тебе тайно покровительство оказывает. Не перепутал ли ты чего?

– Ты, Степан Андреевич, не грехи на Профирия Кузьмича. Не столь глуп господин Дурново. Он через меня многое знал, и многое мог предвидеть. Свои глаза и уши надобно везде иметь.

– А ко мне, что тебя привело?

– Чую продать меня желает покровитель мой. И дорога у меня одна – к тебе.

– А с чего я стану помогать тебе, Каин?

– А с того что и для тебя петля уготована. И помочь тебе некому. Дурново злоумышляет против тебя.

– Порфирий?

– Ты, Степан Андреевич, думаешь, что сие малый человек. Но нет. Начальник ваш Зотов также не знает, кто сей Дурново. Он человек из тайной канцелярии.

– Порфирий Кузьмич?

– Он. А ты не знал того?

– Он письмоводитель только. И чин его невелик – коллежский регистратор.

– Он человек Андрея Ушакова. А за малым чином прятаться сподручнее.

Этого Степан не знал. Вот они тайны сыскной канцелярии!

– Завело тебя дело в Кантемировском доме далеко, Степан Андреевич. Знаю, что ты на меня думаешь, но сие не я за делом тем стою.

– Откуда знаешь про что я думаю? – спросил Волков.

– От графа Дугласа.

– Дуглас знает о моем подозрении насчет тебя? – удивился Волков.

– Он хоть и не персона большая, но кое-чего может. Он

просил разузнать, что там происходит. И сведения получил. Людишки в вашей коллегии продажные.

– И что? Сказывай, зачем звал.

– Думал я, некто из атаманов мутит. Думал, нарочно хотят мою голову под топор подвести. Но потом понял, что дело сие много выше, и я в нем токмо мошка малая.

– И я должен поверить тебе на слово, Каин?

– Того не прошу, Степан Андреевич. Знаю, что не сильно жалуешь меня. Но сие дело сложное. «Пахнет» нечистой силой. И готов я все тебе рассказать, что знаю. Но и ты мне помогать станешь.

– Говори!

– Но ты слово дай сначала. Слово твое крепко. Про сие все знают, Степан Андреевич.

– Даю слово!

– Скажу тебе по правде, что не один раз мою шею спасали от веревки. Некогда от петли спас меня граф Дуглас. И потому я помогаю ему. И Дурново мою жизнь берег.

– Сие мне и так известно, Иван. Ты дело говори.

– Ваши чины не хуже татей чужое добро дуванят* (*добро дуванить – делить добычу). А государева кабацкая казна сколь половинится? Знаешь про сие, Степан Андреевич?

– Ты к делу переходи.

– Скажу тебе, что знает граф Дуглас, что в дому Кантемира случилось!

– Дуглас?

– Он ведь желает место при дворе занять хорошее. Но не в милости он.

– Про сие известно всем, Иван. При дворе граф Дуглас не в чести. Такие сведения стоят мало.

– Но Дуглас вернуть милости первых персон желает.

– И сие не новость, Иван.

Каин продолжил:

– Однажды Дуглас проговорился, что де дом Кантемира Антиоха ему интересен. Я спросил его, что там ему надобно? Дуглас ответил, что надобное ему было не золото и серебро, коих у Антиоха нет, но некая «Вода жизни».

– Вода жизни? – спросил Волков.

– Так он сказал. Было в роду его матери средство некое тайное. Говорил даже колдовское. Сказал он, что сие средство многих тысяч золотых стоит.

– И Дуглас тебя к дому Кантемира пристроил?

– Не меня, Степан Андреевич. Мне надобно было только помощь оказать одному человечку.

– Какому человечку? – спросил Волков.

– Сказал мне Дуглас, что надобно в дом к Кантемиру человека провести. И провести под видом простого холопа.

– А ты какое отношение к сему имеешь? Ты что ли слуг Кантемиру отбирать стал?

– Я не слуг отбираю, Степан Андреевич. Мне того слугу охранить доверили. Дабы не случилось с ним чего. Он мирка, где слуги обретаются, не знает. Но я знаю его хорошо.

Это Волкову было хорошо известно. Мог Ванька Каин через слуг в любой дом попасть и все что угодно узнать. Умел находить сей разбойник «ключики» к душам человек.

– Заинтересовал тебя мой рассказ, Степан Андреевич?

– Да. Но не сказал ты, кто сей человек?

– Скажу. Служил он в доме Кантемира под именем Тишки.

– Тишка! – вскричал Волков.

– Тише, Степан Андреевич. Столь громко не говори.

– Я из-за этого Тишки много неприятностей имел. Значит, сей Тишка не Тишка вовсе и не холоп он.

– Знаю я, кто он.

– Знаешь имя его?

– Что толку в имени? Я знаю кто он! Сие побочный сын князя Черкасского. Тот самый, что болен чахоткою. Говорят, что вскорости сия чахотка его в могилу сведет.

– Так! И Тишка болен был.

– Все верно, Степан Андреевич. Виш сколь много полезного я знаю.

Волков проговорил вполголоса:

– Получается, что сын Черкасского искал в доме Кантемира Воду жизни?

– Должно быть так.

– И Дуглас помогал ему в этом? – спросил Волков.

– Того доподлинно не ведаю, сударь, – ответил Каин.

– А твоя роль во всем какая?

– Я наблюдал за ним и помогал, когда надобно. Но в самом Кантемира не заходил, – ответил Каин.

– А Дурново также сим предметом интересовался?

– Ты про что, Степан Андреевич?

– Ему был интересен холоп Тишка? – спросил Волков прямо.

– Нет. Тишка ему без надобности. Порфирий Кузьмич желает знать все, что в воровском мире делается. Ему надобен атаман Кольцо. И захватил он его. Ныне Сильвестр в пыточных застенках у Дурново.

– Что еще сказать можешь? – спросил Волков.

– Дак приказали мне, Степан Андреевич, у человека одного книгу старую отнять, а самого человечка отправить к ангелам.

– И что за человека убрать надобно?

– Тарле, – назвал Ванька фамилию чиновника.

– Ивана Карловича? – удивился Волков.

– Велено у сего Тарле книгу отнять. Книга латинская. Скажи мне, где оно Тарле найти.

– И кто приказал тебе напасть на чиновника?

– Имени того человека я не знаю, сударь.

– Не знаешь?

– Он завсегда лицо скрывает и завсегда одет в армяке или в плаще солдатском широком.

– Но как узнаешь ты его?

– Он сам меня узнает. Голос его до того страшен, что не

узнать нельзя. Шипящий голос, сударь.

– Что это такое?

– Шипящий словно у змеи. Больше ничего не могу про того человека сказать. Велел он мне книгу у Тарле отнять. Но велел не самому сие сделать, но через человека третьего.

– Для чего оно? – спросил Волков.

– Дак разве я ведаю, Степан Андреевич.

Волкову стало интересно.

– И кого ты нашел для сего дела?

– Сильвестра по прозвищу Кольцо.

– Вон как! Того самого, что взят за караул в разбойный приказ?

– Некто упредил Тарле про засаду.

– И кто это? Ты сие сделал, Иван?

– Нет. Я против того человечка со змеиным голосом не пойду. Он меня более дыбы пугает.

– Значит, тебе не известно, кто спас Ивана Тарле?

– Нет, сударь. Но разве мало я тебе важных новостей принес?

– Много. Слово свое сдержу. Помогу в свое время. Но Порфирий Дурново не прост. Про то помни. Коли врагом он тебе стал, то берегись.

– Мне ли того не знать, Степан Андреевич...

***

Снова она! «Aqua vitae» – Вода жизни! И графа Дугласа она интересуется! Он латинскую книгу заполучить желает, и

там про сию Воду жизни писано...

***

3

Москва. Дом Волкова.

Иван Карлович Тарле проснулся утром на мягкой постели. Хорошие барские перины и большая кровать, совсем не такая на коей он спать привык.

«Что это? – подумал он. – Что это такое? С чего это я на перинах развалился?»

Иван Карлович увидел рядом с собой женщину.

«Да ведь это Власта! Странно, но я ничего не помню. Мы поехали вместе с ней в её дом? Или не поехали? Но раз я просыпаюсь в её постели, то стало быть поехали. Обидно не помнить столь приятной ночи».

Женщина шевельнулась и повернулась к нему лицом.

Иван Карлович ужаснулся. Это была не Власта!

– Что это? – попятился Тарле.

Женщина еще спала и потянулась во сне.

Это была Елизавета Романовна Волкова, супруга Степана Андреевича!

Она также открыла глаза и протянула к нему руку.

– Степанушка! – произнесла она.

Он отстранился от неё.

– Елизавета Романовна?

– Иван Карлович? Что сие значит? – вскрикнула женщина.

– Я не знаю, Елизавета Романовна. Сам ничего понять не

могу.

– А где Степан Андреевич?

–Сего не знаю, Елизавета Романовна. Но нынче утро и вдруг...

–Он может прийти! И слуги! – вскричала женщина и соскочила с кровати.

Она бросилась к двери и задвинула засов.

–Нас могли видеть слуги! Как сие произойти могло! Что это, Иван Карлович?

–Я и сам ничего не могу понять, Елизавета Романовна.

–Вы меня опоили, чтобы затащить...

–Опоил? Вы что, Елизавета Романовна? И в мыслях подобного не имел! Я вчера был с женщиной по имени Власта.

–Власта? – спросила Волкова.

–Так она назвалась. А вы с ней знакомы?

–Нет. Имя странное.

–Я познакомился с ней вчера, Елизавета Романовна.

–Вчера? И вы отправились к ней в дом, Иван Карлович?

–Сам не могу понять, что произошло со мной. И вот я проснулся в вашей комнате в доме Степана Андреевича. Что сие значит? Не могу того понять и дать тому объяснение!

– И я также не могу понять, как вы попали ко мне в комнату, и думаю, что сие есть сон!

– Мы не спим, Елизавета Романовна! Я уже трижды щипал себя за руку. Это не сон!

– Со мной также за последнее время много странного слу-

чилось. Может, сие старик Войку?

– Вы знаете Войку? – удивился Тарле.

– Знаю.

В двери постучали. Волкова и Тарле вздрогнули.

– Быстро одевайтесь, – прошептала она ему.

Снова повторился стук.

– Кто там? – спросила Волкова.

– Это я, матушка-барыня.

– Глашка?

– Я барыня.

– Чего тебе?

– Вы приказали прийти поутру умывать и одеваться. Я таз принесла и воды горячей в кувшине.

– Не сейчас! Позже приди.

– Как прикажете, матушка-барыня.

– Глашка! – снова позвала Волкова.

– Да барыня.

– А Степан Андреевич дома ли?

– Нет, матушка-барыня. Степан Андреевич дома не ночевал. Он в доме Кантемиров по делам службы.

Тарле стал одеваться.

– Нам про сие молчать надобно, – сказал он.

– Молчать? – она подняла на него глаза.

– Но не говорить же сие Степан Андреевичу?

– А коли видел нас кто?

– Никто нас видеть не мог. Про это вы можете узнать тай-

но у ваших слуг. Есть у вас доверенные служанки?

– Есть, – ответила Волкова.

– Вот и расспросите, что болтают слуги в доме. Это ваши крепостные, а вы их барыня. Не надобно сего знать Степану Андреевичу.

– Но мы провели ночь в одной постели!

– Но я ничего не могу вспомнить! А вы?

– Я также! – ответила Волкова. – Никак не могу ничего понять.

– Елизавета Романовна, потому ни слова Степану Андреевичу. Не думаю, что он это нормально воспримет.

– И я так думаю.

– Значит, и не было ничего...

***

4

Москва.

Дом князя Кантемира.

Иван Карлович Тарле прибыл в дом Антиоха Кантемира и там нашел Волкова. Степан Андреевич сидел в кабинете князя и читал послание Карпова.

– Здравствуй, Иван Карлович. Утро уже?

– Здравствуй, Степан Андреевич. Али не спал ночью?

– Нет, Иван Карлович. Не до сна было. Пришлось побродить по Москве. В трактире «У высокого моста» посидеть.

– В трактире?

– Место знатное, Иван Карлович. Водка там отменная. А

меды какие? А ты как почивал?

Тарле покраснел, но Волков не обратил внимания на румянец на щеках коллежского асессора.

– Я выспался хорошо. Давно так не проваливался в сон. Ничего вспомнить не могу. А князь Антиох где?

– Вчера еще отбыл ко двору в Аннегоф. И больше не возвращался.

– Понятно. При дворе можно долго пробыть. Приказ императрицы. А ты чем здесь занимался, Степан Андреевич?

– А вот полюбопытствуй, Иван Карлович.

Волков протянул Тарле письмо Карпова.

Тот прочитал послание. И там его удивили слова Карпова о Власте, служанке Кассандры Кантакузен! Он поднял глаза на Волкова.

– Ты чего, Иван Карлович?

– И сие прислал коллежский секретарь Карпов?

– Дак рука его и подпись. Ты разве не видишь?

– Странно, – пробормотал Тарле. – А сам Карпов где?

– Еще не вернулся, Иван Карлович.

– Странно сие, Степан Андреевич. Весьма странно.

– Письмо новостей много принесло. Но ты столь бледен стал, сударь? Что случилось?

– Вчера со мной странный случай произошел, Степан Андреевич.

– Что за случай?

Тарле решил рассказать Волкову часть правды. Все, кроме

того, где он проснулся утром.

– Встретил я вчера в городе девушку. Редкую красавицу именем Власта.

– Власта?

– Именно. И она именно такая как пишет Карпов. Я впервые в жизни видел эту женщину и сразу был сражен ею. Я не могу этого объяснить, Степан Андреевич. Она была такая. Отказаться от такой женщины просто нельзя.

– И она назвалась тебе Властой?

– Именно так.

– Чем-то сия Власта связана с тем, что в доме Кантемиров происходит. А как ты выполнил мое задание?

– Задание?

– Я про Тишку и Дарью, Иван Карлович.

– Про это выяснил все. Карпов вот пишет, что не было никакого Тишки вовсе. А у нас на Москве их целых два. Тишка первый, тот самый парень, что в доме князя Антиоха служил. А тот, что мне Тишкой представился в трактире – Тишка второй.

– Это мне и так известно, Иван Карлович.

– И Тишку второго мне специально некто подставил. А я его к тебе привез. Затем его зарезали.

– Возможно, что это была случайность, Иван Карлович. Простая случайность. Тишка второй был вор. А как Тишка первый? Про сие узнал ли чего, Иван Карлович?

– Знала про него стряпуха Дарья. Ведь это она его видела,

и она слухи распустила, что де вернулся покойник Тишка из могилы.

– Думаешь, все это она сказала по чьему-то наущению?

– Думаю, Степан Андреевич. Не просто так исчезла Дарья из дома Кантемиров. Видела покойника. Затем сама вроде как померла, а затем исчезла. Вот и ползут слухи про вурдалака по Москве.

– А затем наш Порфирий Кузьмич ту Дарью схватил и пыточные сказки с неё получил. Здесь есть связь, Иван Карлович. Как думаешь?

– Кто знает, Степан Андреевич? Тот, кто много знает о деле с вурдалаком, то и стоит за сим делом. Дурново слишком мелкий человек для такого размаха.

– Не столь он мелок, Иван Карлович.

– Ты про что, Степан Андреевич?

– Дурново, как говорят, человек начальника тайной канцелярии генерала Ушакова.

– Порфирий Кузьмич?

– Так я узнал. И сие похоже на правду, Иван Карлович. Простакон токмо прикидывается. Иногда он подобострастен и глазами «ест» начальство. А иногда дерзит сему начальству. Как узнать где истинный Дурново?

– Дело больно громкое получилось, Степан Андреевич. Сам посуди. И чтобы простой чиновник все устроил? Нет. За ним могут быть персоны великие.

– Вот бы понять, что им нужно? Тогда возможно мы узна-

ем кто они.

– Могу сказать одно, Степан Андреевич. Слуги князя Кантемира Тишка и Дарья в настоящее время мертвы.

– Ты видел могилы?

– Нет, – ответил Тарле. – Но та могила, что мы вскрыли на погосте не Тишкина. В ином месте его тело положено было.

– Откуда знаешь, что он мертв?

– Сторожей с погоста расспросил. И сказали мне. Что десть у них свежая могила вурдалака. Сказали, что похоронен там человек роду неизвестного. Креста на могиле не было.

– И что? Почему они решили, что это могила вурдалака? – спросил Волков.

– Земля на утро после похорон на могиле была разворочена, словно кто-то откапывал покойника. Подумал я, что надобно эту могилу проверить. Но оказалось, что сего сделать нельзя, Степан Андреевич. Нет сей могилы.

– Как нет? – не понял Волков.

– А так, Степан Андреевич. Люди напуганы и разорили могилу вурдалака. Тело вынули из домовины. В сердце вбили кол осиновый, голову отделили от тела, и затем сожгли вместе с гробом.

– И кто сие сделал?

– Никто не знает. Нижние полицейские чины наверняка им в том помогали. Никто ничего не скажет.

– Спрятали концы в воду. Знают о нашей визитации на погост, Иван Карлович. Был ли погребен наш ложный Тиш-

ка? Про сие ныне не узнать.

– Пусть так, Степан Андреевич. Нам надобно дело делать. Власта – вот кто нам поможет.

Волков согласился с Тарле. Эта таинственная Власта могла стать новой «ниточкой», которая весь клубок распутать поможет.

– Карпова надобно дождаться, Степан Андреевич. На словах много больше рассказать сможет

– Это если он вернется.

– Надобно денщика расспросить еще раз. Где он ныне?

– Не знаю, Иван Карлович. Я отпустил его отдыхать. Но где он сие делает, не спросил.

– Сие узнать можно...

***

Вскоре Волков узнал, где был определен на постой денщик коллежского секретаря Карпова. Но найти того там не удалось. Оказывается, что рано утром он покинул дом и более не возвращался. Все его вещи также исчезли.

Волков сообщил про это Тарле.

– И что делать? – спросил тот.

– Надобно тебе, Иван Карлович, съездить туда самому.

– В имение?

– Туда, Иван Карлович. Но сие сделать надобно быстро.

– Выеду сегодня же, Степан Андреевич...

***

Москва. Трактир «У бочки».

Писчик канцелярии нашел человека в старом трактире. Они всегда встречались именно здесь. Никто и ничего не заподозрит. Мало ли людишек в трактир ходит.

– Чего пришел? Али срочное что?

– Волков самого Тарле отправляет в имение Архангельское.

– С чего так?

– Тарле все про Тишку и Дарью пронюхал. Они с Волковым длинную беседу имели. Про что говорили, не скажу, но Тарле получил приказ отправляться в имение Кантемира.

Человек кинул писчику кошель с серебром. Тот схватил плату и поклонился.

– Если еще чего узнаешь, сразу сообщай.

– Не извольте беспокоиться, – сказал тот.

После того как продажный чиновник исчез к столу подошла женщина.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Еще нет. Но может случиться. Волков слишком расторопен. Он близок к тому, чтобы начать раскручивать клубок. Потому для тебя есть работа.

– Я готова.

– Отправишься в дом графа Дугласа. Благо знакомить вас не надобно.

– Я знаю Дугласа. Но что в нем проку сейчас?

– Он сделает то, чего иные не могут. Пусть подаст донос

на Волкова.

– Донос? – удивилась женщина.

– Да донос. Это именно то, что нам нужно сейчас.

– Но Волкову сам Бирен поручил это дело. А Бирен первое лицо в государстве после императрицы. Никто не станет рассматривать такой донос.

– Станут, – сказал человек. – Коли начальнику тайной канцелярии его направить.

– В тайную канцелярию? Но я не хочу вредить Волкову настолько.

– Никакого вреда для него не будет.

– Но о застенках тайной канцелярии ходят страшные слухи, – сказала женщина.

– Волкова все равно вытащат из-под ареста. Ничего с ним не случится, а мы сможем выиграть время. Как у тебя с Тарле все прошло?

– Как и предполагалось. Я была с ним в одной кровати. И он достаточно силен на поле любви.

– Я не о том спросил. Он проснулся в доме Волкова?

– Именно так. В одной постели с женой надворного советника.

– И он не понял, кто ты такая?

– Я могу делать сие дело хорошо, – с усмешкой ответила женщина.

– Тарле хитер. Он мог не показать вида.

– Нет. Тебе нужно было видеть его лицо. Он не узнал ме-

ня. Порой достаточно всего пары штрихов, чтобы превратиться из знатной дамы в простушку...

***

6

Москва. Дом графа Дугласа.

Граф фон Дуглас проснулся в своей постели в холодном поту. Ему приснился страшный сон. И сон сей предвещал смерть. Он видел вурдалака, который душил его.

– Что случилось, граф? – услышал он женский голос.

Дуглас вздрогнул всем телом.

– Кто здесь?

– Ты все забыл? – рядом с ним была красивая женщина.

– Что я такое забыл? Откуда ты в моей постели?

– Граф больше не желает меня видеть?

– Я не то хотел сказать. Но как ты здесь?

– Ты сам призвал меня, и я пришла. Я пришла по твоему зову.

– Но я не звал тебя!

– Звал!

– Но не вчера!

– Ты все забыл. Ты позвал, и я пришла. Много раз я спасала тебя. Я сообщала тебе все важные новости. И ты выкручивался из бед, что сыпались на тебя.

– Да, – согласился он. – Ты всегда помогала. Прости меня.

Я видел дурной сон.

– Ты видел смерть? – спросила она. – Это тебя напугало?

– Откуда тебе известно?

– Это написано на твоём лице. Ты испуган. Но я пришла помочь.

– Это только сон. Не стоит обращать внимания...

Она перебила его:

– Стоит! Тебе грозит опасность. Ты забыл про Волкова?

– Ничего я не забыл. Чем это он мне опасен?

– Тем, что он идет по следу! Надобно его остановить.

– Но что он знает? – спросил Дуглас.

– Пока мало, но он идет по следу. Это настоящая ищейка и нам он мешает.

– Нам? – усмехнулся Дуглас. – Тебе мешает. Тебе, а не нам.

– Пусть так, но ты остановишь его.

– Я? Зачем это нужно мне?

– Не задавай глупых вопросов, граф. Думай о том, как убрать с пути надворного советника Волкова.

– Я не стану привлекать к сему делу разбойников. Убрать купца или холопа это одно дело. Иное столбового дворянина и чиновника юстиц-коллегии. Сие Россия! Рисковать я не стану!

– Тогда воспользуйся тем, чем всегда пользуются русские. Напиши донос!

– Но почему тебе не сделать сие самой? Ты разучилась писать?

– Нет. Но кто поверит моему доносу? А ты иное дело. В

прошлом генерал-губернатор!

– Донос может сильно повредить мне самому. Я слышал, что его принял сам глава Священного Синода Феофан Прокопович. Обер-камергер Бирен покровительствует ему. И мне идти против сих персон?

– У тебя нет выбора. Ты сделаешь то, о чем тебя просят, граф. Ты ведь знаешь, что это не моя просьба, но приказ тех, кто стоит за мной.

– Пусть так! Но если что-то пойдет не так?

– Все будет в порядке, граф. Ты дело делай.

– Хорошо, – ответил Дуглас. – Но помни и тем передай, кто стоит за тобой, коли меня возьмут из-за этого доноса на Волкова, то я молчать не стану. В том пусть не сомневаются.

– Ты вздумал угрожать?

– Нет. Я только предупредить хочу. Пусть и они о моей персоне пекутся.

– Про твою персону не забудут, граф. В том не сомневайся.

– Не видно в последнее время вашей заботы. Мне обещали милости императрицы, когда Анна взойдет на трон. Уже почти два года как она императрица Всероссийская, а я все еще...

– Все еще будет! Нужно немного потерпеть. Не ты один терпишь. Да и что для тебя будет значить время? Подумай о том.

– Все это так, если ты говоришь правду и «состав фараона»

действительно существует. Но скажи тогда, зачем он тебе?

– Как это зачем?

– Ты и так молода.

– Но я хочу и дальше оставаться такой же. Тот, кто один раз принял золотой состав, снова обретет молодость.

– Ты хочешь сказать, что уже принимала *Augum rotabile*?

– Да. И результат ты видишь пред собой. А ты начал стареть, граф. И скоро превратишься в старика. Ты слабеешь. Это я говорю тебе как женщина.

– Ведьма.

– Но я могу дать тебе новую молодость. Силы вернуться к тебе, и ты даже станешь лучше, чем был ранее в пору молодости!

– А что стало с молодым Черкасским? – вдруг спросил Дуглас. – Он получил то, чего хотел?

– А зачем тебе это знать?

– Он сумел излечиться? Отчего он вдруг пропал?

– В доме Кантемира ему стало оставаться опасно.

– А излечение?

– Для того чтобы оно состоялось нужно найти то, о чем я тебе раз говорила...

***

Дуглас думал весь день. Легко сказать написать донос на Волкова. Написать то можно, обвинить его во мздоимстве или еще каком грехе и подать клязу. Так делали всегда. И многих чиновников через те клязузы со свету сживали.

Степашку Волкова не любят в канцелярии. Это можно использовать и подать на него донос Зотову. Но что станет делать начальник канцелярии? Он у них весьма хитер и хорошо разбирает конъюктуры придворные. А выходит, что Волков ныне в большом фаворе. Его призывал к себе сам Бирен и принял весьма милостиво, как говорят. Да и Феофан заступится если что. И тогда все шишки падут на него, на Дугласа, который донос подал. Нет! Надобно иной путь искать.

А если...

Если пойти к самому Ушакову, начальнику канцелярии Тайных дел? Тогда и Бирен и Феофан трижды подумают прежде чем заступаться за Волкова. Генерал Ушаков имеет право личного доклада императрице. В дела его канцелярии ни обер-камергер, ни глава Синода вмешиваться не могут.

Но просто к Ушакову не сунуться. Канцелярия не занимается мелочами. И простого доноса или кляузы здесь будет мало. Здесь нужно «слово и дело»!

И что придумать?

Заговор против государыни! Это как раз то, что надобно! Злоумышление на державное здравие при помощи черного колдовства! Дуглас потер ладони и приступил к делу. Он покажет Волкову хватку вурдалака. Стало быть, не свою смерть он видел во сне, но смерть Волкова...

Глава 12

Хвост нечистого.

1732 год. Октябрь.

1

Москва.

Дом статского советника Зотова.

Статский советник Зотов имел хороший дом на Москве. Старинные боярские хоромы, сложенные из камня. В окнах стекла венецианские. На крыше затейливые флюгеры. Высокий забор и большие ворота дубовые крепкие. Боялся Иван Александрович воров и татей.

Недавно ограбили меховую лавку купца Смолянинова и на двадцать тысяч товару унесли. Дурново татей нашел и товар вернул. Но лучших соборей и черно-бурых лис якобы воры сумели продать. Купец был рад, что хоть половину вернуть удалось, и кланялся чуть не до земли.

– Сколь товару у купца не хватило? – спросил тогда Зотов и Порфирия Кузьмича.

– Меховой рухляди на семь тысяч рублей. И вот здесь, – Дурново положил на стол тяжелый кошель. – Здесь ровно две тысячи серебром.

Зотов более ничего спрашивать не стал. Заграбастал кошель и положил в свой бездонный карман. Умел статский со-

ветник не задавать лишних вопросов. А ведь знал, что Порфирий сам тех татей на купца Смолянинова навел. Знал, что меховой товар сбывает для него в своей лавчонке купчишка по имени Черкаш. Сказывали лавки Черкаша на деле принадлежат самому Дурново.

И место было тому Черкашу на виселице, за его делишки мерзкие, но попадали к Зотову через того купчишку многие разности полезные: то часы красного дерева с боем голландские, то кожи тисненные для обивки стен, то вазы для цветов фарфоровые, то ковры бухарские, то зеркала венецианской работы. А сколь вин оказалось в его подвалах безденежно?

«Ох, и грехи наши тяжкие!» – Иван Александрович закатил глаза и стал креститься на образа в золотых окладах.

У ворот Зотовских хором всегда дежурил сторож с алебардой. В самом доме был десяток дюжих холопов, готовых защитить барина.

Доверенный слуга статского советника приказал принести холодного квасу.

– Зинаида! – крикнул он девке. – Смотри из новой бочки набирай! Малинового! Поняла ли?

– Дак не в первый раз, Захар Силыч.

Зотов вышел из кабинета в халате.

– Захарка! – позвал он.

– Здесь я, батюшка-барин.

– Спать пойду. Постель согрели?

– А то как же, батюшка. Давно готова. И за квасом я по-

слал.

– Хорошо. Посвети мне.

Слуга взял шандал со свечами и пошел впереди Зотова.

Иван Александрович лег в свою постель на мягкие перины. Выпил холодного квасу и прогнал слуг. Приказал себя до самого утра не беспокоить.

Но спокойно отдохнуть ему не дали. Не успел он сомкнуть глаз, как рядом раздался шепот:

– Иван!

Он открыл глаза. Вокруг никого.

«Что за ерунда? Мне показалось?»

И снова раздался шепот:

– Иван!

– Кто здесь?

Голос ответил:

– Ты не сможешь видеть меня, Иван.

Статскому советнику стало страшно. Он вспомнил, что болтают на Москве.

– Кто ты? – спросил он.

– Тот, кто бережет тебя от страшной напасти. Ибо вурдак уже покинул свою могилу, и он идет за тобой.

Зотов схватил подсвечник и внимательно осмотрел комнату. В ней никого.

– Почудится же такое! – прошептал он, крестясь. Затем он позвал слугу:

– Захарка!

Тот сразу явился.

– Я здесь, барин. Чего изволите? Не беспокоить приказали.

– Почудилось мне, что в комнате есть кто-то. Осмотрись здесь.

Слуга все исполнил, но в комнате никого не нашел.

– Дак нет никого, барин. И кто быть может здесь? Кто пройдет сюда? Ведь в дому столько слуг. Мышь не проскочит.

– Совсем измотали меня на службе, Захар. Веришь ли, голоса мне чудиться стали.

– Дак могу я с тобой, барин побыть. Ты поспи, батюшка. Я в кресле посижу.

– Нет, Захар. Ты иди. Иди!

– Как велишь, батюшка.

Зотов снова остался один. Шаги слуги затихли в коридоре и голос снова вернулся. Он звучал громко у самого уха статского советника.

– Вурдалак на свободе и он придет за тобой. И нет тебе от сего спасения.

Зотов оглянулся по сторонам. Пламя свечей заколебалось, как от дуновения ветра.

– Что за нечисть балует? Изыди!

– Ты еще силу крестную призови, Зотов. Такого грешника как ты – поискать.

– Почему я слышу твой голос, но не вижу тебя? – вскричал

Зотов. – Как сие может быть?

– Я дух и тела не имею, – был ответ.

Зотов поставил подсвечник на стол. Затем он стал креститься и шептать молитву «Отче наш».

Голос засмеялся.

– Про бога вспомнил, Иван Александрович? А не поздно ли? Сколь людей было брошено на пытки по твоим доносам. И сколько из них проклятия тебе в свой смертный час посылали?

– Я верой и правдой служил своему государю Петру Алексеевичу! В том нет моей вины!

– Но всегда ли твои уста говорили истину, господин Зотов?

– Чего тебе нужно?

– Я могу спасти тебя от вурдалака. Коли захочу, так не будет его в доме твоём.

– И что надобно дабы захотел ты сего? Что я должен буду сделать?

– Слыхал ли, что-нибудь про графа Дугласа?

– Как не слышать. Он был генерал-губернатором, пока Дмитрий Голицын его со службы не прогнал. Тогда был Голицын главой Верховного тайного совета. Но ныне и он в опале. И сей Дуглас милостей при дворе покуда не вернул.

– Скоро граф фон Дуглас подаст донос на чиновника твоего Волкова Степана.

– Донос?

– Именно донос! И как только граф сие делает, Волкова должны арестовать!

– Волкова?

– Именно его. И тебе надобно будет сделать так, чтобы оный Дуглас исчез.

– Исчез?

– Именно исчез. Мало ли людей на Москве исчезает? Разбойников-то много развелось, господин Зотов.

– Но я не понимаю, зачем сие?

– Затем дабы сохранить твою шею, господин Зотов. А много тебе знать и не следует!

***

2

Москва.

Канцелярия тайных и розыскных дел.

Генерал Андрей Ушаков прочитал донос на надворного советника Волкова от графа Фердинанда фон Дугласа, бывшего генерал-губернатора Эстляндии.

В доносе сообщалось:

«Я Фердинад Дуглас, верный подданный государыни Анны Иоанновны, доношу до сведения начальника канцелярии тайных и розыскных дел, генералу Ушакову, что знаю «слово и дело» государевы!

И сии «слово и дело» отношение до порчи здоровья матушки императрицы касаемы, а стало дело по первому разряду идти должно».

Ушаков отложил листы и вытер лоб платком. Обвинение было более чем серьезно! Ибо только по первым двум пунктам «слова и дела» можно было представлять доносителя государыне.

«Первое: ежели кто не здравие его величества или честь особы дома монаршего посягает».

«Второе: ежели кто о бунте али государственной измене доношение имеет».

А в письме Дугласа есть слова о здравии самой императрицы.

Он отложил листы и позвонил в колокольчик. Вошел офицер.

– Прикажи вызвать мне Дурново!

– Будет исполнено, ваше превосходительство!

– И карету мою пусть пошлют за ним. Он мне спехом надобен!

– Будет исполнено, ваше превосходительство!

Ушаков махнул рукой и офицер удалился. Далее в доношении Дугласа сообщалось:

«Доношу до сведения господина Ушакова, что я, граф Дуглас, бывший генерал-губернатор Эстляндии, оказался замешан в заговоре противу нашей всемилостивой императрицы Анны. Но сделал я сие токмо по недомыслию, а не по злому умыслу. И в том прошу меня дурака простить.

Надворный советник Степан Волков запутал меня, и я сразу не смог понять, что замышляется заговор на здравие

матушки императрицы. Но в том прозрел я, и доношение сие составил.

Волков Степашка был во времена смутные на стороне князя Дмитрия Голицына⁴⁰. И во всем ему потакал. Он хвалил листы князем составленные, которые кондициями⁴¹ звались, и которые власть матушки-государыни ограничить могли.

Сейчас Волков Степашка со товарищи задумал сотворить наговор на здравие матушки-императрицы. С ним в сговоре состоит лекарь франкского происхождения де Генин. Он сведущ в науках тайных колдовских.

Они сие дело с дома князя Кантемира Антиоха начали. И привлекли к сему слугу некоего валашского роду именем Войку.

А сей Войку был прислан на Москву из имения Константина Кантемира. А сей Константин Кантемир приходиться зятем князю Дмитрию Голицыну...»

Ушаков понял, что за лист попал к нему в руки. Здесь пахло серьезным заговором против императрицы. Уж он-то сумеет сие дело распутать. И вскоре явится во дворец для до-

---

⁴⁰ Голицын Дмитрий Михайлович (1665-1737) – князь, государственный деятель, дипломат. Глава Верховного тайного совета империи после ссылки Меншикова. Арестован в 1737 году и умер в Шлиссельбурге.

⁴¹ Кондиции – условия, предложенные Анне Ивановне перед вступлением на русский трон. Кондиции ограничивали самодержавие и давали власть Верховному тайному совету. Анна кондиции подписала, но въехав в Москву, опираясь на гвардию, разордала сии листы и объявила себя самодержавной императрицей.

клада...

***

3

*Село Архангельское. Имение князей Кантемиров.
Иван Тарле.*

Иван Карлович Тарле отбыл в имение Архангельское в собственной карете. Его сопровождал личный лакей и два вершника для солидности. Чиновник мог себе это позволить. Тарле был довольно богат и наследовал от своего отца действительного статского советника Карла Тарле более 100 тысяч рублей серебром и добротный дом в Петербурге.

Карл Генрихович прибыл в Россию из Гессена и был зачислен военным инженером в адмиралтейскую коллегию. Затем, после того как он наладил литье пушек для военных фрегатов, его перевели, за честность в штатс-контор-коллегию, где он прослужил до смерти императора Петра. В России Карл Тарле женился на девице Елене Ртищевой, второй дочери боярина Ртищева и закрепился среди сановного дворянства.

Сына Ивана Карл Генрихович отдал в Преображенский полк, но молодой человек тяготился военной службой и отец добился его перевода в юстиц-коллегию. Там Иван стал делать карьеру. Он довольно быстро изучил воровской мир северной столицы империи и проявил себя в раскрытии заговора против императрицы Екатерины Алексеевны. За то его хвалил сам всемогущий тогда Меншиков.

Отец приучил Ивана быть экономным и деньгами зря не ссорить. Хотя Иван Карлович всегда заботился о своем комфорте. Вот и сейчас он спокойно дремал на мягких подушках, не обращая внимания на ухабы разбитой дороги, по которой ехала его рессорная английская карета.

Слуга Тарле Пашка из калмыков был умелец на все руки. Сейчас он был за кучера и ловко правил лошадьми. Барин велел ему добраться до Архангельского как можно быстрее.

Один из вершников поравнялся с кучером и спросил его:

– Не остановиться ли нам у трактира?

– Барин не велел! – ответил Пашка.

– Дак темнеет уже.

– Скоро будем на месте. В барском доме заночуем! Там тебе и перина будет и водки дадут. А в трактире разве заночуешь? Клопы сожрут.

Вершник огрызнулся:

– А в барском доме разве нет клопов?

– Может и есть, но все же не трактир. Трактирные клопы они самые злющие. У нас в доме в Питенбурхе клопов кожную неделю изводят.

– И как? – спросил вершник.

– Меньше становиться, но совсем извести не могут! Но клопы и в царских палатах есть. А вот и лес кончился! Вишь как! Скоро на месте будем!

Он подхлестнул лошадей.

Карету тряхнуло на ухабе, и Тарле проснулся. Он вы-

глянул из окна. Рядом трусил на лошади сопровождавший вершник, плотно закутавшись в мокрый от дождя плащ.

«Пашка как бы карету в грязь не опрокинул. Все удале показывает. Зря я велел ему торопиться. Надобно будет, как приедем, его сразу обратно наладить. Пусть ночку переночует и утром убирается на Москву. Слишком болтлив мой слуга, и распуścić язык среди дворни может».

Иван Карлович вспомнил совет матери не брать с собой Пашку, а взять немца Клауса, человека рассудительного и осторожного. Но Клаус был слишком медлителен, и Пашкина расторопность нравилась Тарле больше.

Однако уж не раз был Пашка бит за свой язык. Он слишком много выбалтывал слугам про вурдалака. Дескать, барин его важным и опасным делом занят – мертвяка разыскивает из могилы вставшего.

– Я же велел тебе не болтать! И что за ерунду ты говорил? Какой еще мертвяк? Из-за таких как ты все слухи пакостные и ползут по Москве.

Слуга обещал молчать, но сдержать обещания не мог, ибо был слишком словоохотлив, особенно по части женского пола. Потому оставлять его в Архангельском Тарле не станет. Здесь можно обойтись и без слуги.

Карета остановилась у самых ворот большого барского дома. Это было гнездо Кантемиров...

***

Управляющий имения Кантемиров встретил чиновника

со всем почтением.

Тит Ипатыч проводил важного гостя в кабинет хозяина имения и там ответил на все вопросы.

– Я сам видел, как господин Карпов отбыли из имения, ваше благородие. Больше того, сие наблюдал здешний пристав Осипов и может сие подтвердить.

– Но в Москву господин коллежский секретарь Карпов не прибыл, почтенный Тит Ипатыч. Хотя его денщик, отправленный им заранее тайно, в Москву вернулся.

Управляющий только развел руками.

– Мне надобно знать, почтенный Тит Ипатыч, куда подевался коллежский секретарь сыскного ведомства юстиц-коллегии. Я ни в чем не обвиняю вас, но ежели вы и далее станете скрывать от меня то, про что я знать должен, то я могу подумать, что и вы в сем деле замешаны.

– Что вы, ваше благородие! Рази бы я посмел? Приехал офицер из юстиц-коллегии, и я его принял в доме честь по чести.

– Про сие мне ведомо. Но куда он делся после того, как покинул сей дом?

– Дак не поверите вы, ваше благородие.

– Я хочу услышать ваши ответы, Тит Ипатыч.

– Извольте, ваше благородие. Я господина Карпова упреждал про опасности, которые в сих местах его подстерегали. Но он не стал слушать.

– И что сие за опасности? – поинтересовался Тарле.

– Дак ежели прознает кто по некие вещи, то не дадут ему пути отсюда. И пропадет тот человек в «Ведьминой гати»

– И что сие «Ведьмина гать»?

– Дак постоялый двор.

– Что-то я не слыхал про такой постоялый двор. Где он находится?

– Дак в том-то и дело что нет его.

– Что сие значит?

– Он и есть, но его и нет, ваше благородие.

– Не могу понять, Тит Ипатыч.

– Дак исправник здешний Осипов много раз пытался найти сей дом в лесу у дороги. Да попасть туда не просто, барин. Но в том кабаке многие здешние вино пили. И сие истина. Но исправник его николи не видал. И то истина.

– Но кабаки государевы в ведении особой канцелярии находятся.

– Но не этот, ваше благородие. «Ведьмина гать» кабак особый. Попасть туда можно, коли путь тебе туда намечен.

– Кем намечен?

– Ведьмами, – ответил управляющий.

– А в здешних местах есть ведьмы? – спросил Тарле.

– Дак места у нас какие. Здесь в давние времена капище богов языческих было. И называли его местом древней силы. Поклонялись там Чернобогу владыке мести.

– Вы столь хорошо знаете легенды, Тит Ипатыч?

– Дак здешний я, барин. Кто сего не знает, кто родился

в Архангельском? Больше того, в сих местах жила Кассандра Кантакузен, ваше благородие. А она в науке тайной разуме-лась. И говорят, что и до сих пор можно встретить старуху в лесу.

– И вы в сие верите?

– В сие все верят в здешних местах. Я сам встречал её в лесу.

– Встречали? Давно?

– Дак год тому назад. Летом это было. Пошел я по гри-бы. Сам, знаете ли, люблю собирать, а старуха моя солит их. Знатные грибки. Не желаете ли попробовать под хлебное ви-но?

– Вы продолжайте, Тит Ипатыч.

– Дак вот. Я пошел по грибы и забрел в лес. И наткнул-ся на строение вроде амбара большого с окнами. Близко-то я подойти забоялся, но со стороны посмотрел. Людное ме-сто. Подле сего амбара люди были. И понял я, что есть сие «Ведьмина гать». Перекрестился я и ушел оттуда подальше. Но запутали пути дорожки ведьмы, и я снова вернулся к ка-баку. А я, сударь, с малолетства в лесу. Все тропки там знаю.

– И вы заблудились в лесу?

– То ведьмы меня крутили, ваше благородие. И понял я, что пути мне уже нет. Испугался я и снова бросился прочь от места того. И снова туда вернулся.

– И что же?

– А появилась передо мной старуха, сгорбленная в лохмо-

тях с клюкой в руках. Поклонился я ей да про путь спросил. Она указала мне костылем тропку, я по ней пошел и из лесу вышел.

– Старуха вам ничего не сказала?

– Нет, барин. Но путь я нашел. И понимаю, что сие ведьмы просто отпустили меня. Али предупредить хотели. И я господина Карпова упредил. Но он слушать не стал.

– Стало быть, он, Карпов, угодил в «Ведьмину гать»?

– Должно быть так, барин. Только моей вины в том нет.

– Вы, должно быть, не поняли, откуда я прибыл. Я состою чиновником в юстиц-коллегии и ныне веду следствие по указанию императрицы!

– Как не понял, ваше благородие? Отлично понял. И я со всем уважением. Но что я сделать могу? Не в моей власти сие.

– Но вы управляющий имения?

– Волею моего господина князя Константина, – ответил тот.

– А сии леса есть часть имения князя Кантемира?

– Так точно, ваше благородие.

– Стало быть, «Ведьмина гать» находится во владениях вашего барина князя Константина? А поскольку вы управляющий в имении, то и отвечать за все вам.

– И за нечистую силу?

– А вот мы и разберемся с нечистой силой.

– Также говорил и господин Карпов. А ныне и нет его. А я

упреждал. Говорил ему, что не следует узнавать про то, что есть тайна великая. Он и слушать не стал. Все выспрашивал и выспрашивал.

– И я стану выспрашивать, Тит Ипатыч. Служба такая.

– Оно вам виднее, ваше благородие. Токмо я вас предупредил. С капищем Чернобога шутки плохи, там испокон веку странности разные происходили. Но вы люди образованные и сами по себе. А я старик и чего меня слушать?

Ипатыч махнул рукой...

***

4

Москва. Канцелярия юстиц-коллегии.

Зотов и Дурново.

Иван Александрович Зотов, статский советник, начальник канцелярии прибыл на службу рано утром. Слишком напугал его ночной голос. Не то чтобы он верил в нечистую силу, но предупреждению внял. Мало ли что про его дела проведали и какую пакость ему сотворить могут.

Зотову помогли выбраться из экипажа.

– Где Порфирий Дурново? – спросил он пристава.

– Они уже на месте, ваше высокоблагородие.

– Пусть пошлют за ним!

– Нынче? – спросил пристав.

– Немедленно! Я жду его у себя!

Господин Дурново не заставил себя ждать.

– Здравствуй, Порфирий Кузьмич.

– Здравствуй, сударь Иван Александрович. С чего в такую рань? Спал бы еще.

– Не до сна мне, Порфирий.

– А что так?

– Беда стряслась, Порфирий!

– Что такое, Иван Александрович?

Зотов пригласил Дурново сесть. И стали они говорить.

– Надобно мне одно дело тайное свершить.

– Тайное?

– Никто про сие знать не должен! Понимаешь про что я, Порфирий Кузьмич?

– Как не понять. И кого надобно отправить к ангелам?

– Графа Дугласа, бывшего губернатора Эстляндии. И сделать сие надобно тайно. Дабы на разбойничков подумали.

– Эка куда завернуло! – вскричал Дурново. – Это ты, ба-
тюшка, загнул.

– Не пойму тебя, Порфирий.

– А чего понимать, Иван Александрович. Ты что задумал? Губернаторы они тебе не мелкие сошки, дабы вот так просто от них избавляться.

– Ты, господин коллежский регистратор⁴², позабыл с кем говоришь? – голос начальника стал строгим.

– А ты никак про чины вспомнил, господин чиновник шестого класса? Но ты на мой 14-й класс не смотри! Я ведь по-

---

⁴² Коллежский регистратор – по Табели о рангах 14-й класс, низший чин соответствовавший корнету или прапорщику.

больше тебя буду!

Зотов опешил. Такой отповеди от своего письмоводителя он никак не ожидал.

– Что с тобой, сударь мой?

– Ты крепко помни, что я не тебе служу, но особам что выше тебя, – Дурново указал пальцем на потолок. – Я здесь по приказу самого генерала Ушакова! Шевельну пальцем – и не станет тебя!

Зотов много раз слышал, что не столь прост человек сей – письмоводитель канцелярии. Да не думал много про сие. Слишком услужлив и подобострастен был Дурново.

Немного помолчали. Затем заговорил Порфирий Кузьмич.

– Ты не сердчай на меня, Иван Александрович. Я зла тебе не хочу. Мы ведь друг другу много пользы принесли и еще принести можем.

– Оно так, Порфирий. Но ты сам мне грозить стал.

– Прости если, что поперек сказал, сударь. Дак и ты не грози мне более. Сам ведаешь я не дитя малое.

– Тогда послушай меня, Порфирий. Надобно сделать сие дело.

– Только скажи, зачем тебе это надобно?

– Выхода нет, Порфирий Кузьмич. Али тот Дуглас так дорог тебе?

– Нет. Дурной человечешко. Такого не жаль. Но чин его больно высок.

Зотов все рассказал Дурново без утайки.

Тот, выслушав, сказал:

– И ты дом свой осмотрел поле того?

– Слуги всё перевернули! Всё! Все шкафы да клетки!

– И что? – спросил Дурново.

– Ничего! В доме никого постороннего не было.

– А не могло тебе это показаться, Иван Александрович?

– Да я в своем уме, Порфирий Кузьмич. И не спал я еще.

Ничего не пил крепкого. Токмо квас.

– Квас?

– Малиновый. Мои девки мастерицы квас ставить, Порфирий Кузьмич.

– И всё началось с того, как ты квасу выпил?

– Да. Но квас не водка, Порфирий Кузьмич. Да и до водки крепкий я. Меня со штофа не разморит. Голос тот был. И я его слышал.

– А ежели тебе в квас подмешали чего? Про сие думал, Иван Александрович?

– Мне? В квас? Но кто?

– А сие вопрос.

– Того быть не может, Порфирий Кузьмич. У меня все холопы верные. Да и зла на меня им держать не за что. Наказываю я их редко и за дело. А кормлю хорошо.

– А ты спроси, кто квас тебе приносил тогда из холопей.

– Мои холопы про Дугласа ничего не знают, Порфирий.

И про доносы в тайную канцелярию. Здесь некто поумнее

работал. Но не о том я. Надобно исполнить нам сие.

– Дугласа ужокошить?

– Именно. Не просто так мне сие посоветовали.

– Может оно и так, Иван Александрович. Но дело больно хлопотное.

– А ты подумай, как сие сделать можно, Порфирий Кузьмич.

– Придумать все можно. Но сам ведаешь, что сей Дуглас не купчишка. Особа высокого ранга.

– Дак не в фаворе ныне сей Дуглас. Али мало на Москве дворян режут?

– Может и много, Иван Александрович. Но тот, кто игру с тобой ведет, будет знать, что ты в сем деле замешан. А через тебя и на меня они выйдут.

– Коли все исполним, не станут нас выдавать.

– А кто сие знает наверняка? – спросил Дурново. – Кто сей человек? Чей голос ты слышал? Как он мог быть в твоей комнате, коли слуги не нашли никого? Сие вопросы, на которые ответа не имеем.

– А, коли не выполним его воли, то, что будет? Ты подумал, Порфирий Кузьмич? Сколь дел наших сей человек (ежели он человек) знает? Голос сказал мне о том, что грехов у меня много. А у меня, стало быть, и у тебя, Порфирий.

– Не пугай, Иван Александрович.

– Не пугать тебя хочу, Порфирий. Помощи прошу. Ведь кто бы он ни был, а велел дело исполнить. Не донос на меня

подал.

– Хорошо! Придумаю, как тому делу сладиться, Иван Александрович. Но ежели завтра «дух тот бестелесный» еще чего попросит?

– До завтра дожить надобно, Порфирий. И дело сделать надобно. Так лучше будет для всех.

– Я уже сказал тебе, что согласен, Иван Александрович.

Зотов вздохнул с облегчением. Он знал, что если Дурново возьмется за дело, то сделает все как надобно...

***

5

Москва. Дом Волкова.

Степан Андреевич вернулся в свой дом к вечеру. Его встретил слуга Хрисанф.

– Что барыня? – спросил Степан, бросив слуге плащ и треуголку. – Еще не ложились?

– Барыни дома нет, Степан Андреевич.

– Как нет? Поздно уже.

– Они еще днем отбыли из дома.

– Отбыла? Куда?

– Про сие не могу знать, барин.

Волков бросился наверх и в гостиной застал девку Глашку, что в горничных при Елизавете Романовне состояла.

– Глаша, барыня где?

– Дак отбыли Елизавета Романовна из дому.

– Куда отбыли?

– Они собрались в имение ехать, барин. И вам сие послание оставили.

Служанка протянула Степану лист бумаги. Он схватил его и быстро развернул.

«Степан Андреевич!

Я должна покинуть тебя и отправиться в имение. На Москве мне более находиться нельзя. Прошу тебя, не следуй за мной, ибо сие опасно для жизни твоей.

Елизавета»

– Ничего не могу понять! А что она сказала тебе? – снова спросил Степан служанку.

– Елизавета Романовна спехом собрались и приказали отдавать лошадей. И повозку. Для вас оставили письмо.

– И всё?

– Всё, барин!

Волков ничего не мог понять.

– Но кто-то заходил к барыне?

– Да я заходила, да Парашка заходила. Но барыня сама нас звали. Парашка с ней отправилась.

– Я не о том спрашиваю тебя. Кто из посторонних был с визитом у нас дома.

– Господин Тарле были!

– Иван Карлович? Но его нет в Москве!

– Того я знать не могу, барин. Но перед отъездом барыни, господин Тарле, заходил в дом. Я его сама к барыне пустила.

– погоди! Ты сама провела к барыне Ивана Карловича

Тарле?

– Точно так!

– Ты лично видела господина Тарле?

– Кафтан на нем был точно такой же, – ответила служанка.

– Кафтан? А лицо его ты видела? – спросил Волков.

– Лицо? Да не глядела я на него, барин. Но по стати был он как тот барин. Я и подумала, что это он.

– А голос?

– Голос?

– Голос был как у Тарле? Ты же слышала его голос.

– Нет, барин.

– Как нет? Но он пришел в дом и что-то ведь сказал?

– Я того не упомяну, барин. Я сразу провела его в комнаты барыни и все.

Волков стал сердиться:

– Но с чего ты повела Ивана Карловича в комнаты Елизаветы Романовны?

– Не возьму в толк, чего вы сердитесь, барин? – служанка всхлипнула.

– Я не сержусь, но хочу знать, с чего ты его к барыне повела? Ведь ранее он ко мне приходил. А здесь пришел господин Тарле и ты его сразу к барыне повела. Стало быть, он сказал тебе, что пришел к ней. Так?

– Должно так было, барин, но я того не помню.

Волков больше не стал ни о чем спрашивать служанку. Она все равно ничего толком не скажет.

«Как Тарле мог попасть в Москву? Ведь он отбыл в Архангельское? Или не отбыл? Надобно завтра все доподлинно выяснить!»

***

6

Москва. Дом графа Дугласа.

Люди атамана Сильвестра Кольцо окружили дом Дугласа. Они ждали только сигнала к началу. Дом обложили они по всем правилам. Так напускали на богатые платы разбойнички из бывших хлопов «красного петуха». Но сначала они резали всех кто был в доме и грабили покои.

Совсем обнаглели разбойники при государе-мальчике Петре Втором. Тот был с лихими людишками милостив, не таков как его дед Петр Великий. И в первые годы царствования Анны порядок так и не навели. Потому пылали на Москве барские палаты, и не столь трудно было Порфирию Дурново все дело обставить...

***

Неожиданно к Сильвестру подошел человек в поношенном солдатском плаще и старой треуголке.

– Кто такой? – строго спросил атаман. – Беглый солдат?

– Это я, – ответил человек и приподнял треуголку.

Атаман Сильвестр Кольцо сразу узнал Каина.

– Каин?

– Тише! Не стоит произносить моего имени. Не дай бог кто услышит.

– Чего тебе надобно?

– Спасти тебя пришел.

– Это ты? Ты, который загнал меня в ловушку?

– Не знал я того, Сильвестр.

– А я думаю, знал. Не зря тебя Каином кличут. Ты меня,

Ванька, на того чиновника навел. И там меня Дурново прижал к стенке.

– Знаю. Сильвестр! И знаю, что сейчас ты здесь по приказу Дурново. Токмо не знаешь ты, Сильвестр, кто таков Порфирий Кузьмич. А вот я знаю.

– И кто он?

– Тайный человечек Андрея Ушакова из тайной канцелярии. Смекаешь?

Сильвестр сплюнул и покосился на своих парней.

– И что теперь?

– Надобно дело сделать, Сильвестр. А после того уходить из Москвы. Дело сие тайное и высоких особ касает.

– Да ну? – удивился атаман.

– Вот те и ну. Дурново твоими руками уберет Дугласа, за тем и тебе не жить долго.

– А тебе с того, что за навар, Каин?

– Я с тобой уйти хочу из Москвы. Опасно здесь стало.

– А мне с того какой резон?

– А такой, что без меня тебе не выбраться...

***

Раздался сигнал. Один из разбойников крикнул:

– Когда хас на мас, то и дуляс погас!

Двое дюжих молодцев перескочили через высокий забор и быстро уложили двоих псов волкодавов ударами буздыганов⁴³. Затем они же упокоили привратника и открыли ворота. Ватага атамана Кольцо ворвалась на подворье богатого дугласовского дома.

– В дом! – указал на двери Сильвестр.

Разбойники бросились вперед. Два солдата-дезертира выбили двери и сразу зарубили саблями трех лакеев.

Остальные слуги, что были внизу, бухнулись на колени.

– Погоди! – закричал старик в ливрее. – Чего людей губишь?

– Отродье Дугласово иного не заслужило! – заревел разбойник.

– Мы люди подневольные. Холопы. Не станем вам мешать. Нам сего Дугласа не жаль.

– А не брешешь, старик?

– Правду сказал. Граф наверху. И с ним два верных слуги из эстов. Те станут за него рубиться. Их убивай.

Атаман Кольцо приказал людей не трогать. И сам бросился по лестнице наверх. Его встретил лакей с мушкетом в руках. Он выстрелил первым. Пуля прошла мимо атамана и раскрошила дубовую панель. Кольцо поднял пистоль. Его пуля попала слуге в глаз. Тот не успел и вскрикнуть. Тело рухнуло на пол.

---

⁴³ Буздыган – булава.

И началось! Разбойники с лихим свистом прошли по палатам графа. Самого Дугласа вышвырнули из его кабинета под ноги Каину. Тот поднял голову и узнал Ваньку.

– Ты...

Каин ударил его ножом. Брызнула кровь. И на шее графа появилась страшная рана. Он захрипел и зажал рану руками. Каин ударил еще и еще раз! Дуглас упал. Разбойники кинулись обирать тело.

Один рубил его пальцы, дабы снять перстни, иной стаскивал хорошие кавалерийские сапоги.

– Грабь, братцы! Сколь добра здесь!

Из кабинета графа послышались женские вопли. Сильвестр вошел туда. Двое разбойников схватили графскую любовницу. Она орала и отбивалась от них.

– Держи крепче! – сказал один. – Затем я держать стану!

– Брыкается, зараза! – сказал второй.

Сильвестр собирался что-то сказать, но Каин удержал его.

– Не трогай.

– Но девка из холопок. Насильничать они её станут.

– Идем, – Каин потащил атамана Кольцо за собой.

Ванька знал, где граф хранил деньги и быстро добрался до них. Увесистый мешочек с золотыми он опустил в свой карман.

– Затем разделим.

– Откуда знаешь, где они у графа лежат?

– Я часто бывал в сем доме, атаман. Но разговаривать ста-

нем потом. Сейчас уходить надобно.

– Уходить?

– А то как же. Скоро люди Дурново станут убивать всех. Хочешь жить – иди за мной. Я знаю тайный выход из дома.

И Каин побежал. Сильвестр задумался на мгновение и оглянулся на своих разбойников. Они грабили и ломали мебель. Откуда-то уже достали бутылки с вином. Пили тут же на ходу. Атман понял – сейчас его никто не станет слушать.

И он бросился бежать вслед за Каином...

***

На другой день по Москве пронесся слух, что разбойники напали, ограбили и спалили дом графа Дугласа. Обгорелое тело Дугласа нашли среди обломков. Разбойников частью переловили, а частью перебили солдаты.

Не нашли только атамана Сильвестра. Охотились за ним по всей Москве. Но он исчез. Говорили, что подался он в бега на Волгу-матушку...

***

7

Анненгоф. Аудиенц-зал императрицы.

В аудиенц-зале дворца Анненгоф было не протолкнуться. Там толпились гвардии офицеры, придворные, фрейлины. Весело носились по залу шуты.

Андрей Иванович Ушаков в генеральском мундире с регалиями осторожно продвигался в толпе. Он с расстояния посмотрел на царицу и увидел, что государыня Анна в хоро-

шем расположении духа. Рядом с ней стоял обер-камергер граф Бирен.

На Анне пышное платье алого бархата. Шея императрицы была открыта, и на ней сверкало бриллиантовое ожерелье. Бирен лиловом кафтане с позументом склонился к самому уху императрицы и что-то говорил. Его седой по моде парик касался лифа императорского платья.

Ушаков понял, что сие самое время. Он приблизился и низко поклонился. Анна его заметила.

– Андрей Иванович? Давно не видала тебя при нашем дворе.

Бирен скорчил недовольную мину. Ему было неприятно, что его разговор с Анной прервали.

– Дела, матушка. Заботы о твоей безопасности и о безопасности державы твоей.

– Знаю верность твою, Андрей Иванович. За делом пришел? Вижу, что за делом. Но не время сейчас. Сам видишь.

– Но дело важности великой, матушка. Дозволь сказать тебе.

Бирен произнес холодно:

– Вам же сказали, сударь, что императрица не желает сейчас говорить о делах!

Ушаков поклонился, но не ушел. Он продолжал стоять перед тронном. Анна махнула веером и сказал:

– Говори уж, Андрей Иванович. Не отвяжешься просто так.

Ушаков еще раз низко поклонился и подошел ближе.

– Заговор противу тебя, матушка, раскрыт.

Бирен саркастически усмехнулся.

– Андрей Иванович слишком часто стал раскрывать заговоры, Анхен.

– Я, ваша светлость, – Ушаков посмотрел на Бинера, – на страже интересов состою. Интересов моей монархини.

– Говори далее, – уже серьезным тоном приказал Анна.

– Князь Дмитрий Голицын, матушка, никак не позабудет про власть свою утерянную. И вот сейчас при помощи сторонника своего Степашки Волкова злоумышляет на государственное здравие путем колдовства.

Анна с удивлением посмотрела на Ушакова.

– Что сказал ты, Андрей Иванович? Что за имя назвал?

– Князь Дмитрий Михайлович Голицын, бывший глава Верховного тайного совета.

– Про князя мне все известно! Что за второе имя?

– Волков Степан, надворный советник из канцелярии юстиц-коллегии.

Анна посмотрела на Бирена:

– А сие не тот чиновник про коего ты, милый друг, мне говорило недавно?

– Да, Анхен. Это Волков Степан. Отличный офицер и честный человек, коих не много среди русских, – ответил Бирен.

– Но что тогда говорит Андрей Иванович?

Бирен пожал плечами.

Анна снова обратилась к Ушакову:

– Говори далее!

– Сей Волков был назначен вести следствие по делу в доме Кантемира. И там сей заговор и созрел, матушка. Волков сошелся с лекарем де Генином. А сей де Генин известен как черный маг! И порчу он насылает, и волхованием черным промышляет. Но больше того! В Москву, из имения Константина Кантемира был прислан некий колдун Войку, многие науки тайные колдовские познавший в Валахии, откуда он к нам и был привезен еще князем Дмитрием Кантемиром.

Бирен вмешался:

– Волков был назначен к делу по моему приказу! И там он того Войку впервые встретил.

– Ваша светлость, Войку был прислан в имение от князя Константина Кантемира. А Константин Кантемир зять князя Дмитрия Голицына. Волков же Степан был в числе сторонников кондиций, которые матушка-государыня разорвать изволила.

Это был верный удар! Ушаков его правильно нанес. Бирен знал, как Анна относиться к кондициям.

– Всё равно не могу понять, Волков какое отношение имеет, генерал?

Ушаков ответил:

– Я сказала, ваша светлость. Он был сторонником кондиций!

– Тогда многие дворяне были сторонниками кондиций. Но где здесь заговор? Волков дело о вурдалаке расследовал.

– Дак, ваша светлость, не знает, что имеется донос господина Дугласа. И в том доносе сообщается о всех проступках господина Волкова. Он того Дугласа в заговор вовлек.

– Дуглас? – спросила Анна. – Тот, что в своем доме сторел два дня назад?

– Тот, ваше величество. И в том Степан Волков виновен.

– Странно, – произнес Бирен. – Странно все это. Донос написал и сразу же помер. Ежели Волков его убрать задумал, то сделал бы это раньше, чем тот написал донос.

– Кто знает, граф? – сказал Ушаков. – Но все чиновники, что с Волковым по сему делу работали, вдруг пропали. И сие странно.

– Как пропали? – не поняла Анна. – Кто пропал?

– Коллежский ассессор Тарле! Нет этого чиновника в его доме и на Москве его не нашли. Коллежского секретаря Карпова также неделю с фонарями ищут. Не странно ли сие? Надобно Волкова заарестовать.

– Делай! – приказала Анна. – Делай и допрос ему учини!

Бирен снова вступился за Волкова:

– Но, Анхен...

– Молчи, Эрнест! Надобно во всем разобраться! – строго сказала императрица. – Про де Генина я слыхала. И ежели он с Волковым по наущению Дмитрия Голицына был, то сие дело – мерзкий заговор!

Бирен более спорить не стал. Он знал характер императрицы. Нужно было выиграть время и во всем разобраться. Для графа было понятно, что некто желает убрать Волкова с дела. Для того этот некто и привлек Ушакова. Начальнику тайной канцелярии только дай покопаться в государственном заговоре...

Глава 13

Страх.

1732 год. Октябрь.

1

Архангельское. Имение Кантемиров.

Иван Тарле.

Капитан-исправник Осипов давно служил и многое за жизнь повидал. Не любил он совать нос в чужие дела и потому жил в достатке и никаких неприятностей не ведал. И вот принесла нелегкая нового чиновника из Москвы. Всюду свой нос сует. Этак и до беды недалеко.

– Вы, сударь, в юстиц-коллегии служите? – спросил Осипов.

– Коллежский ассессор Иван Тарле, чиновник юстиц-коллегии. Недавно прибыл из Петербурга и временно приписан к московскому ведомству.

– И чего это вас, сударь, все тянет к нам в глушь? Ездят и ездят к нам чиновники. Словно и дел на Москве нет. Я ведь уже имел беседу с коллежским секретарем Карповым. И все рассказал в подробностях.

– Но коллежский секретарь Карпов в Москву не вернулся. И я намерен выяснить, где он находится.

– Я был свидетелем того как господин Карпов покинул

имение, сударь. В том могу побожиться. А вот что далее произошло, одному богу известно.

– В Москве знают, что господин Карпов пропал в землях принадлежащих князю Кантемиру. Я прибыл найти его и вернуть в столицу. И коли не произойдет того, то многим здешним начальным людям худо будет.

Осипов воспринял угрозу равнодушно.

– Я человек маленький. Что было приказано, то исполнил. А сопровождать господина Карпова у меня не было полномочий. Ежели он столь ценен для вас, то отчего охрану с ним не прислали? Вот вы, сударь, прибыли сюда не один, а всех своих слуг отсюда спровадили. Сами беду накликаете?

– Вы о какой беде говорите, господин Осипов?

– Дак место здесь имеется нечистое. То место, где языческое капище Чернобога находилось. Я про сие господину Карпову говорил. Но он мне не поверил.

– Что за ерунда этот ваш Чернобог? Что это за идол? Как мог он повлиять на исчезновение господина Карпова?

– А вы не слышали про Чернобога? Был в древности такой бог, который отвечал за отмщение. Его так и называли Владыка мести. И мог сей бог, коли попросить его, даровать человеку многие годы жизни для осуществления мести врагу.

– Иными словами даровал новую жизнь?

– Может и так. Того доподлинно мне неизвестно. Только издавна в том месте колдовском, где идол Чернобога стоял, люди пропадали. А как госпожа Кассандра к нам прибыла, то

и вообще это место проклятым стало. Искала она места силы и одно такое нашла.

– И вы верите в этот вздор?

– Сие не вздор, господин коллежский асессор. Я вот не лезу не в свои дела, и никто меня не трогает и дорога меня не кружит...

***

Больше Тарле говорить с Осиповым не стал, ибо никакой пользы от продолжения беседы с ним Иван Карлович не ждал. А вот холопы в имени многое могли рассказать, если подойти к делу дознания правильно.

Тарле стал спрашивать.

В древне проживала убогая девушка Настя. Говорили, что она порченная с рождения. Была она весьма красива, но словно не от мира сего. Заговаривалась, бродила по лесу в одиночестве, и иногда пропадала на целые недели.

– А все потому, – сказала чиновнику кухарка имения, – что некогда девица Власта поцеловала её мать, когда та была на сносях.

– Власта?

– Колдунья была такая в здешних местах, барин.

– Я знаю про Власту. Но ты сказала, что она поцеловала мать девушки? – не понял Иван Карлович.

– Так можно назвать укус вурдалака, барин. Мать Настина Татьяна родами померла. А девка получилась порченная.

– Она не в своем уме?

– Бродит по лесу и все какие-то песенки поет. А что поет того никто разобрать не может.

– Это почему?

– Дак слова тарабарские. Говорит вроде громко, а чего говорит никак не понять.

Тарле решил все разузнать и отправился к дому на краю деревни, в котором жила порченная. Дорогу ему взялся показать деревенский мальчишка Мтрошка. За это Иван Карлович обещал ему рубль серебром – деньги для мальчика огромные.

– Дом её на самом краю стоит, барин. Там раньше старуха Минеиха жила. А как померла, порченную туда и поместили.

– А с этой старухой тоже было что-то не так?

– Дак ведьма она была. Про то все знают.

– Ведьма? А почему эту старуху считали ведьмой?

– Известно почему. Порчу могла она наслать и заговоры разные знала. Её даже Войку опасался. А Войку сам дружил с нечистой силой. Про то все знают здесь. Ныне тот Войку отсюда съехал.

Тарле перевел разговор на Минеиху.

– А ты сам видал колдовство той старухи?

– Сам не видал. Но только когда помирала она, дядька Кирьян, что был подле Минеихи, седым стал. Он и говорил про то моему батьке. А я их разговор слышал.

– И что говорил тот дядька?

– Минеиха никак помереть не могла. Дух из ведьмы про-

сто так не выходит. Страшно мучилась она, но все жила и жила. И только когда стену домика её разобрали, дух из ведьмы и вышел. Затем стену снова собрали, и там ныне порченная и живет.

– И она одна живет? – спросил чиновник.

– Одна, барин. Бабы ей еству какую носят. Но говорить с ней боятся.

– Отчего так?

– Так вы сами увидите, барин. Мамка говорит сила нечистая в ней сидит.

Мальчишка привел Тарле к дому, но сам близко подходить не стал, получил обещанный рубль и сбежал. Иван Карлович сам отворил ветхую калитку и подошел к двери черного покосившегося домишки.

Из домика доносился звонкий девичий голос. Тарле к своему удивлению узнал латынь. Девушка читала стихи!

– Невольный вкрался в душу страх.

И канул вопль во тьму.

С кровавой пеной на губах

Она приблизилась к нему.

Тарле не мог понять как простая деревенская девушка, ничему и никогда не учившаяся могла говорить на латыни? Ведь даже многие чиновники сего языка не ведали.

Он вошел в дом.

Девушка в простом платье, какие носили крестьянки, сидела на лавке и смотря в одну точку повторяла:

– Невольный вкрался в душу страх.

И канул вопль во тьму.

С кровавой пеной на губах

Она приблизилась к нему.

На Тарле она не обратила никакого внимания. Словно его и не было. Девушка была молода, не больше 14 лет, худощава и нескладна. Её фигура еще не оформилась. Зато лицо её было прекрасным. Ивану Карловичу она напомнила нимфу из греческих мифов.

Двери за чиновником закрылись сами собой. И от этого хлопка он вздрогнул всем телом, а девушка вдруг перестала декламировать стихи...

***

2

Трактир «Ведьмина гать».

Коллежский ассессор Тарле очнулся в сыром подвале. Он поднялся на ноги и ощупал больную голову. На стене чадил факел, и тускло освещал пространство вокруг. Его окружали бревенчатые черные стены, влажные от сырости.

– Что за черт! – выругался Тарле. – Где это я?

– Здравствуй, Иван Карлович, – послышался голос.

Тарле оглянулся и на куче гнилой соломы заметил мужчину в рваном камзоле.

– Ты знаешь меня? Кто ты, сударь?

– Я Карпов, коллежский секретарь. Чиновник сыскного ведомства.

– Карпов? Ты ли это, Петр Антипович?

– Али не признал?

– Трудно признать в таком месте чиновника юстиц-коллегии.

– Я в сыскном приказе служу. К московской канцелярии юстиц-коллегии токмо временно приписан.

– Где это мы, Петр Антипович?

– Сие подвалы проклятого трактира «Ведьмина гать». Нечистое место, Иван Карлович. Ты как попал сюда?

– Хотел бы и я задать тот же вопрос, господин Карпов. Помню деревенский домик на окраине села. Помню, как зашел в него, а дальше все словно отрезало.

– Вот и у меня было нечто подобное. Ехал из имения и заблудился в лесу. Вернее мой кучер заблудился. Сказал, что ведьмы нас кружат.

– Эту историю мне уже рассказали, Петр Антипович. Я ведь, сударь, за тобой прибыл.

– В имение Архангельское?

– Да.

– Дальние соседи – барский дом в имении Кантемира и «Ведьмина гать».

– Про то ничего не могу вспомнить, сударь. Голова болит, – ответил Тарле.

– У тебя рана на голове, Иван Карлович.

Тарле прикоснулся к повязке.

– Это я перевязал тебя, да рану водой промыл. Кто тебя

так приложил?

– Того не знаю. Верить ли, господин Карпов?

– А чего не верить? Место страшное, проклятое. Меня ведь упреждал отец Михаил, что не дадут мне вернуться на Москву. Так оно и вышло. Степан Андреевич-то, получил мое послание?

– Да. Добрался твой денщик до Москвы.

– То хорошо, – вздохнул Карпов. – Если и сгину, то не зря.

– Ты погоди хоронить себя, господин коллежский секретарь. Не рано ли помирать собрался? Ведь не убили нас пока. А стало, может еще и выберемся.

– Не убили говоришь? Да можно и похуже смерти кое-что испытать, господин Тарле. Али не слыхал, что я сказал тебе? Сие «Ведьмина гать». Смекай.

– И что с того? Неужто веришь в бога мести Чернобога, господин Карпов?

– Не знаю ныне во что верить, Иван Карлович. Но место это странное. Было здесь поганое капище языческое в давние времена. Я ведь уже не одну ночь провел здесь. И сны видел, как людей приносили в жертву этому Черному богу.

– Сны?

– А может сие и не сны были. Такого ранее мне никогда не снилось. И идолище стояла прямо предо мной. Я в глаза его смотрел.

– Глаза кого?

– Черного бога.

– И что за глаза были у идола?

– Словно омуты. Сам идол деревяшка обычная, грубо оструганная. Но глаза словно блюдца и в них была тьма. Не вру, Иван Карлович. Я в холодном поту проснулся. И в той тьме было предупреждение о скорой смерти.

– Но коли не убили сразу, то стало быть убивать нас не хотят. Иначе, зачем им меня сюда было тащить? Могли бы сунуть в мешок и в реку бросить. Мыслю я, господин Карпов, что время они хотят выиграть.

– Кто они?

– А управитель здешний Тит Ипатыч.

– Ипатыч?

– Он. Хитрый старик. Но за ним наверняка стоит некто.

– Власта! – сказал Карпов.

– Власта? Ты о чем, Петр Антипович?

– Девица именем Власта, та самая, что прибыла сюда как служанка Кассандры Кантакузен, на многое способна. Так здешние людишки говорили. Вот послушай.

Карпов прочитал Тарле четверостишие:

–Невольный вкрался в душу страх.

И канул вопль во тьму.

С кровавой пеной на губах

Она приблизилась к нему.

Иван Карлович вздрогнул. Он вдруг вспомнил о девушке, которая читала эти же стихи!

–Я вспомнил! Эти стихи читала помешанная Настя!

– Это еще кто? – спросил Карпов.

– Одна девушка, которая живет на краю деревни. В её доме со мной все и случилось.

– Девушка? Но кто она?

– Местная крестьянка. Но она прочитала мне вот эти самые вирши на латыни!

– Ты в своем уме, Иван Карлович? На латыни? Крестьянка?

– Меня и самого сие удивило, Петр Антипович. Девушка родилась порченной. Её никто и никогда ничему не учил.

– Это тебе так сказали?

– Здешняя кухарка рассказала её историю.

– А если это и была Власта? Та самая, про которую так много здесь говорят!

– Нет, Петр Антипович. Власта старше той девушки. Девушке не больше 14 лет.

– А ты видел Власту, Иван Карлович?

Тарле рассказал о своей встрече с Властой, но без подробностей. Карпов был удивлен:

– Ты познал сию колдунью близко, господин Тарле. Так?

– Вроде того.

– Много чего я слышал про Власту. В имении Кантемиров она личность известная. Мало кто откажется от Власты. Говорят, телом хороша чертовка. А сколько Власте лет?

– Не многим больше 20 лет, Петр Антипович, – ответил Тарле.

– А на деле ей много больше. Прибыла она в Россию в свите молодой Кассандры Кантакузен. А та Кассандра давно в земле лежит и внуков имеет уже больших. А Власте и ныне 20 лет. Не кажется тебе сие странным, Иван Карлович?

– Но кто сказал, что она та самая Власта, что прибыла с Кассандрой? Может дочка её или даже внучка. Или просто девка, что назвалась именем Власта.

– Нет, Иван Карлович. Здесь дело нечистое. Здешние жители говорят о силе, которую Власта имела над мужчинами. Одним взглядом она их покоряла.

– Ты хочешь сказать...

– И ты сразу пал к её ногам, господин Тарле. А стало быть, это она и есть. И она нас с тобой сюда заманила.

– Здесь дело много сложнее, Петр Антипович. Кто сия Власта? Девка пусть и красивая. А тот, кто все запутал, опаснее Власты...

****

3

Москва.

Канцелярия тайных и розыскных дел.

Утром у дома Степана Волкова дожидался худой человек в военном мундире. Слуги его заметили и доложили барину. Степан посмотрел в окно. Он сразу понял, что сие человек из тайной канцелярии.

«Неужели за мной? Что-то много препятствий возникает по сему делу. И надобно мне узнать, что с моей женой стало.

Не ко вовремя они пришли. Хотя может и не арест?»

Волков приказал подать свой военный мундир и быстро оделся. Затем накинул простой плащ офицерский и одел шляпу.

Как только он вышел из дома, к нему подошел тот человек.

– Капитан Штерн! – отрекомендовался он. – А вы, Волков Степан Андреевич?

– Точно так, господин капитан. Чем обязан?

– Я капитан Штерн из Тайной канцелярии, господин Волков.

– Чем же обязан?

– Генерал Ушаков желает вас видеть, господин надворный советник. За теми домами нас дожидается экипаж. Прошу вас без шума следовать туда.

Капитан говорил спокойно и улыбался Степану.

– Я готов следовать за вами.

– Тогда прошу. Рад, что вы все делаете тихо...

***

Возможно, что ныне многие не поймут, что для людей значили слова «тайная канцелярия»? Кого сим напугать можно?

Создал это учреждение Петр Первый и поначалу существовала она при Преображенском приказе. А ведали в том приказе делами о заговорах против государства и государя. Говоря современным языком это орган политического сыска. Искали они недовольных, скрытых и тайных врагов пет-

ровских реформ. Палачи канцелярии безжалостно с такими расправлялись.

В 1727 году петровскую Тайную канцелярию распустили, но в 1731 году люди властные порешили, что де государству нельзя без того учреждения обретаться. И она была восстановлена под названием Канцелярии тайных и розыскных дел.

И возглавил сие учреждение граф Андрей Иванович Ушаков. Человек мерзкий и дотошный. Чиновники сыскного ведомства не любили ни самого Ушакова, ни его людишек. Уж больно много власти они забрали. Ведь ловили не воров и татей как сыскари, но врагов государственной системы...

***

В канцелярии у Волкова отобрали шпагу. Он понял, что это арест.

Его сразу доставили в пыточный подвал и посадили на деревянный стул. Вскоре пришел сам Ушаков. Он сел за стол, напротив Волкова.

– Вы есть Волков? Надворный советник?

– Я Волков Степан, чиновник юстиц-коллегии. За что я арестован, ваше превосходительство?

– Заговор! – ответил Ушаков.

– Заговор?

– Заговор против государыни! И дело сие весьма серьезное, господин Волков. Сами знаете, чем сие вам грозит! Но повиниться ваш долг! И назвать сообщников и тогда вам не

грозит пытка.

–Но я не признаю за собой никакой вины. Я не заговорщик и с заговорщиком не связан.

Ушаков достал из бархатной папки лист бумаги и зачитал обвинения графа Дугласа.

–Что скажете не сие? – спросил генерал.

–Это ложь! – ответил Волков. – Да и где этот Дуглас? Он ведь погиб.

–И сие опять же выгодно вам, Волков!

–Но я почти не знал Дугласа. Я видел его несколько раз. Мы не разговаривали. Нас ничего не связывало!

–А что насчет Дмитрия Голицына? Вы были сторонником ограничения власти самодержавной? – Ушаков поднял вверх палец. – Хула на бога! Ибо власть самодержавная от бога есть!

–Но я не был участником партии Голицына! Я не могу понять, генерал.

–Что вам не понятно?

–Много людей, что стояли тогда за кондиции сейчас при дворе обретаются. А меня арестовали, хотя князя Дмитрия Голицына лично я не знаю. Да и сам князь, хоть от всех дел отстранен, но не арестован! С его зятем князем Константином Кантемиром я не знаком. В интригах придворных никогда не участвовал. Да и не принят я при дворе.

–А что значит донос Дугласа? С чего он во всем винит вас?

–Этого я не знаю, генерал. Но я много лет служу по сыскному ведомству и вижу, что все обвинения противу меня – вздор! С чего мне поддерживать кондиции?

– Но и среди сторонников самодержавной власти я не видал вас.

– Все верно, генерал. Я не состоял ни в какой партии. Но это не преступление против государыни. А что до преступного умысла на жизнь матушки-царицы, так не имел я и в мыслях того.

– Статского советника Татищева изволите знать? – спросил Ушаков.

– Татищева знаю хорошо.

– А сей Татищев был частым гостем в доме Голицына, когда тот возглавлял тайный совет! Сие вы признаете?

– Признаю. Василий Никитич много раз бывал в доме Дмитрия Голицына. Но он сторонник власти самодержавной и всегда был против конституций, какие есть в Англии или Швеции.

– Стало быть, вы знаете о сем вопросе! – вскричал Ушаков. – А говорите, что «политик» не для вас. А вы в сём вопросе сведущи, Степан Андреевич.

– Но я только слушал, что говорили тогда на Москве. А говорили все. Во всех домах сие обсуждали. И заговор здесь к чему? Да еще против матушки-государыни?

Ушаков вытащил из папки новые листы и спросил:

– А что знаете про лекаря де Генина?

– С лекарем де Генином я знаком. Он бывал в нашем доме и лечил мою жену.

– И какие разговоры он вел с вами?

– Разговоры?

– Да. Про что вы говорили? Не о низвержении ли государыни Анны с трона российского?

– Про сие с де Генином я ни разу не говорил. В том могу дать клятву.

– А про что говорили?

– Доктор де Генин никогда о политике не говорил. Он много науками интересуется. О том и говорили. Моя жена часто спрашивала его об опытах алхимических. Также о медицине говорили много. О болезнях и способах их излечения.

– А о ядах? – спросил Ушаков.

– О ядах? Говорил доктор о целебных свойствах многих известных ядов. Но про иное их действие разговоров не было.

– А о колдовстве? Были ли разговоры в вашем доме о колдовстве? Ведь ваших слуг также к допросу привлекут и многие под пыткой все расскажут. Не лучше ли вам самому повиниться.

– Да в чем виниться мне? – спросил Степан. – О магии черной упоминал несколько раз доктор.

– Вот! – остановил его Ушаков. – Вот об этом и говорить с вами станем, господин Волков. О сем в доносе и написано! Черное колдовство и преступное вохование. Покушение на

здравие матушки-государыни! И записи о том вестись станут.

– Какие записи, генерал? Говорили о магии как о таковой! Такие разговоры во многих домах ведутся. Ни о каком волоховании и речи не было!

– И что говорил вам доктор де Генин о магии?

– Он человек науки и в магию веры не имеет. Но есть области непознанные и потому многие считают сии материи магическими. Но могу дать слово дворянина, что ни о каких покушениях на государыню речи не было.

– Дуглас доносит на вас и на доктора де Генина. Он сознается в том, что вы вовлекли его в заговор. В сих листах сие изложено! Человек винится в грехах и на себя в первую очередь доносит! Он сознается в страшном преступлении и называет сообщников! Сие князь Дмитрий Голицын, известный враг государыни. Сие его зять князь Константин Кантемир. И далее идете вы, господин Волков, и доктор де Генин.

Волков ответил:

– Я ведь много лет при сыске состою, генерал. Повидал разных доносов на своем веку. И странность вижу в том, что доноситель сразу после доноса насильственную смерть принял. И легко проверить, что я знакомства с графом Дугласом не водил. С визитами к нему не ездил.

Ушаков возразил:

– Сие могли быть тайные визиты. На то он и заговор!

– Я знаю одно, генерал, коли захотите, то меня во всем об-

винить можно. Я ведь знаю чиновников неких, что ложно на людей клепают. И листы их всегда по всей форме заполнены.

– Но что вы скажете на дыбе, господин Волков? – спросил Ушаков.

– Чего мне дыбой грозить? Вы хотите правду знать, генерал, или желаете во всем обвинить меня?

– Я поставлен здесь блюсти интересы матушки-государыни, господин Волков!

– Тогда вы легко можете узнать, что меня никогда не было среди людей князя Дмитрия Голицына.

– В сем разберемся, господин Волков. А вас пока сопровождают в острог.

– В острог?

– В острог.

– Стало быть, я чинов своих лишен?

– Нет пока, господин Волков. Сие покажет следствие. Государыня примет решение.

И Степана Андреевича Волкова бросили в узилище, где он должен был ждать разбирательства...

***

4

Аннегоф.

Граф Бирен.

Всесильный фаворит императрицы граф Эрнест Иоганн Бирен прибыл к утреннему приему у государыни. Он громко заявил придворным, что желает иметь с государыней при-

ватный разговор. Все его слова приняли как приказ, и из покоев императрицы удалились.

– У тебя важные вести, друг мой? – спросила Анна по-немецки.

– Да, Анхен. Выяснил я подробности того дела, с которым явился к тебе граф Ушаков.

– Ты снова про это! Ты же знаешь, что я не хочу говорить про сие!

– Придется, Анхен! – настаивал Бирен. – Ты говорила о справедливости, и я принес её тебе. Степан Волков арестован по ложному доносу известного негодяя графа Дугласа. Узнал я про него все в подробностях. Доносит Дуглас, что состоял в заговоре с князем Голицыным. Но сей Голицын Дугласа в прежние времена со службы прогнал и лишил пенсии. Не странно ли, что Голицын Дугласа вовлек в заговор? Князь хоть и враг тебе, Анхен, но не дурак. Никогда не доверил бы он такой тайны Дугласу. А это значит, что слова Дугласа ложь. Но по чьему наущению он их сказал?

– Ты и сие узнал, Эрнест?

– Нет. Дугласа убрали вовремя.

– Ты переходи ближе к делу, Эрнест.

– Волков вел дело, которое ты сама разобрать повелела. И как только он стал клубок распутывать, ты отдала приказ Ушакову его арестовать. И дело стало! Кому сие выгодно? Волкову? Тебе? Вот и думай!

– Много ты наговорил, Эрнест. И не ты первый заступился

за Волкова. Был у меня вчера преосвященный владыка Феофан. И подписала я бумагу об освобождении Волкова и снятии с него всех подозрений. Ты доволен?

Бирен поклонился царице.

— Во всем меня вы с Феофаном вините. Мол приказала арестовать Волкова. Но донос Ушакова был слишком серьезен. Могла ли я не проверить сего? Сам знаешь, каковы эти русские.

— Насколько я успел узнать Волкова, то могу сказать, что человек он честный. Такие не предают. Служит не за деньги, а во благо отечества и делу своему предан.

— Вот от таких честных и жду подвоха, Эрнест. Вот такие честные и свергают с трона царей.

— Анхен! Ты преувеличиваешь. Не ждет Волков от тебя ни чинов, ни денег. Не лебезит перед шутихами твоими, дабы хвалили его в твоём присутствии. Али не знаешь, что любимица твоя Юшкова по тысяче рублей берет за то, чтобы поведать тебе о том или ином человечке?

Анна усмехнулась на эти слова Бирена.

— По тысяче? Вон куда хватила.

— А Буженинова и того больше.

Императрица засмеялась, когда граф вспомнил о её любимице, которую она звала куколкой. Ведь совсем недавно у Евдокии Бужениновой не было медного гроша в кармане, пока не представили её ко двору...

Глава 14

Зуб змеи.

1732 год. Декабрь.

1

Москва.

Тайная канцелярия.

Феофан Прокопович сам явился в тайную канцелярию к Ушакову. Тот был удивлен визитом первосвященника и главы Синода. Он знал о влиянии, которое оказывал сей поп на императрицу Анну.

– Чем обязан счастьем лицезреть, святой отче? – Ушаков склонился в низком поклоне.

– Ты что творишь? – строго спросил Феофан.

– Не могу вас понять, владыка?

– Я про Волкова речь веду. Знаю я все пакости твои! Знаю, Андрей Иванович! Что за дело у тебя? Сей Волков в партии Голицына никогда не состоял! Про сие мне известно доподлинно!

– Но есть донос графа Дугласа!

– Дугласа, что от должности своей отрешен был за воровство подлое, и того, кто с разбойниками якшался? Хорош доноситель! И по его доносу ты решил от дел отрешить честного чиновника, кой никогда мзды не брал и дела вел чест-

но! Поздно я про сие узнал!

– Но в деле...

– Волкова пытали? – строго спросил Прокопович.

– Нет, владыка. Еще нет.

– Волкова надобно отпустить.

– Нет, владыка! – проявил твердость Ушаков.

– Что ты сказал? – глаза Феофана уставились на генерала.

– Я дело сие расследовать должен! Покушение на державное здравие матушки государыни!

Феофан достал бумагу из рукава своей черной рясы. Он протянул её Ушакову.

– Что сие?

– Был я во дворце, генерал. Говорил с матушкой и все поведал ей. И граф Бирен во всем поддержал меня. Именной указ императрицы!

Ушаков схватил бумагу. Быстро развернул. Сие был приказ надворного советника Волкова от следствия освободить и все обвинения в государственной измене с него снять.

Ушаков увидел подпись «Быть по сему. Анна».

– Али спорить станешь? – спросил Феофан.

– Я верный слуга императрицы. Волков сейчас же будет освобожден.

– Я его заберу с собой в своей карете.

– Как прикажете, владыка. Но...

– А ты, Андрей Иванович, подумай, что в доме Кантемира произошло? Неужто и вправду поверил, что за сим делом

стоит Волков? Али персон значительных боишься и потому все на чиновника юстиц-коллегии скинул?

– Я служу, государыне, и персон не боюсь! – высокомерно заявил Ушаков.

***

2

Москва. В карете Феофана.

Волков сидел рядом с Феофаном.

– Поздно я прознал про твою беду, Степан Андреевич, – сказал Прокопович.

– Что вы, владыко, – Степан схватил руку преосвященного и поцеловал. – Вы спаситель мой. Без вас я сгинул бы в застенках у Ушакова. Сей генерал ведь правду не ищет. Он ищет чинов да почестей новых.

– Про сие знаю, Степан! Но только нужный он человек для государства, сей Андрей Иванович Ушаков.

– Как так? Зверь ведь чистый.

– Надобно людишек, Степан, в страхе держать. Тако Петр Великий делал. Ибо, что на Руси будет, ежели страха нет?

– Может, и лучше было бы, владыко?

– Нет, Степан. Вот князь Дмитрий Голицын предлагал иначе государство устроить. Как в Швеции али как в Англии. А что предложил он? Власть монарха ограничить! Аглицкий король ведь не полный владыка жизни и смерти своих подданных. Он хотел такого и для России. Но не понял умная голова Голицын, что Россия она дикая и страшная. И надоб-

но сию Россию лапотную в крепкой узде держать. И тогда народ наш на многие чудеса способен!

– Меня Ушаков обвинял в приверженности к делу Голицына, владыка. Приплел меня к де Генину. И к князю Константину Кантемиру. Хотя я последнего даже не знаю. С Антиохом Кантемиром познакомился, ведя сие дело в вурдалаке.

– Теперь все обвинения с тебя сняты самой государыней. И ты далее сие дело вести станешь, Степан.

– Я верный слуга матушки-царицы.

– Так что ты выяснять сумел, Степан Андреевич? С чего это так рьяно за тебя вороги взялись?

– Все было запутано, владыка. Им надобно было, дабы подумали, что холоп Антиоха Кантемира по имени Тишка за правду помер! А затем из могилы встал.

Прокопович спросил:

– А он не помер?

– Нет, владыко! – ответил Волков.

– Не понял я тебя, Степан Андреевич. Что сие за загадка?

– А понять меня не столь трудно, владыка. Тишка прибыл сюда из деревни. Его князь Константин отправил в дом князя Антиоха. Князь Антиох личности холопа доподлинно не знал.

– И Тишку подменили. Это хочешь сказать? – спросил Феофан.

– Так я поначалу думал, владыка. С сего Тишки все дело

и началось в доме Кантемира.

– И ты выяснил что-то про сего Тишку? – спросил Феофан.

– Только то, что не было его, владыка. Записи в книге церковной про рождение его и крещение – подделка. Но зачем все это нужно и кому? Вот вопросы на которые ответа не имею.

– А что скажешь про князя Константина Кантемира, старшего братца нашего Антиоха?

– Он не в Москве.

– И что с того? Константин зять князя Дмитрия Голицына. Того самого что кондиции написал. Не сильно любит он императрицу Анну. Мог и он сие дело затеять.

– Зачем ему, владыка?

– Может сие дело противу государыни нацелено?

– Не думаю, владыка.

– В сем деле все наперекосяк. Карпов пропал. Чиновник коего послал ты в Архангельское – имение князя Константина. Затем Тарле твой пропал, Степан Андреевич.

– Так и не нашли?

– Нет. Ни его, ни Карпова. Словно их и не было никогда! А тут мне еще и донос на тебя прислали.

– Донос?

– О том, что вы с Тарле и Кантемиром были на кладбище!

– Вы знаете, владыко? – удивился Волков.

– Дак пришлось узнать, дабы тебя из подвалов вызволить.

Ушаков просто так не отпустил бы тебя. Пришлось все ма-тушке-государыне пояснить.

–Мы гроб открыли, но там не было никого.

–Стало не умер он? Тот, кого в гроб положили.

–Если и умер, но похоронили его в ином месте. А может и жив тот «Тишка». Хотя сей парень лишь прикидывался холопом, отче.

–С чего так мыслишь? – спросил Феофан.

–Антиох Кантемир вспомнил, что однажды, читая английскую книгу, обратился к Тишке по-английски. И тот его понял. Все случайно тогда произошло, и князь внимания на сие не обратил. Но получается, что простой деревенский парень владеет иностранным языком?

–Дак многие баре своих слуг иноземным языкам учат.

–Но Тишку тому никто не учил. А выходит, что Тишка сей не холопского звания. А только рядился под холопа. Можно задать вопрос – зачем? Что было ему нужно в доме князя Антиоха? Что он там искал?

–Ищи ответы, Степан. Нынче твой начальник Зотов во всем тебе помогать станет. Напугал я его изрядно. Мешать более не станет. И Дурново присмирел нынче. Трех чиновников отдадут под твою команду, Степан Андреевич.

–А что моя жена, владыка?

– Жена? А что с женой твоей?

– Дак уехала она накануне того дня как заарестовали меня.

– Уехала куда?

– Служанка сказала в имение.

– Так она и до сих пор там, наверное, Степан Андреевич.

– Но она ни разу не справилась обо мне, владыко. Елизавета Романовна не могла так поступить.

– Не знала она о твоём аресте, Степан. Про сие не больно-то разговаривали. И слуги в твоём доме сего не знали. Я доподлинно ведаю. Приходили они справляться о тебе в сыскное ведомство. Но там и никто ничего не сказал. Сам ведь понимать должен, что дело было государственное.

– Неужто могли поверить, что я враг государыни?

– Ты не думай про сие, Степан. Есть на Руси люди, которым не токмо золото да серебро любо, но кое о судьбах отечества пекутся. На них надежду имей. А если снова кто тебе тем дело докучать станет, то ты ко мне иди! Я усмирю твоих супротивников...

***

3

Канцелярия Юстиц-коллегии в городе Москва.

Главный начальник канцелярии юстиц-коллегии статский советник Иван Александрович Зотов получил повеление от графа Бирена, обер-камергера двора ея императорского величества Анны Иоанновны, надворного советника Волкова во всем опекать.

Больше того! Прокурор Сыскаго приказа переслал ему бумаги с приказом самой императрицы.

Зотов показал все сие Дурново и спросил:

– Что скажешь, Порфирий Кузьмич?

– А чего тут скажешь, Иван Александрович? Государева воля! А наше дело малое холопые – выполнять. Сам знаешь, что в доме Кантемиров происходит.

Зотов кивнул головой. Новости из кантемировского имения Архангельское пришли не самые лучшие. И это ему выговор сделал прокурор, что дескать из-за ареста Волкова сие дело остановилось.

– Этак скоро и мы с тобой под Волковым ходить будем, Порфирий Кузьмич.

– Не дай бог, Иван Александрович. Получается, что где дело про вурдалака началось, там оно и по сей час стоит. Пусть Степашка его и расследует далее. Пусть землю роет.

– Оно так, Порфирий Кузьмич. Но кабы и нас с тобой сие не задело.

– Дак мы все, что надобно тогда сделали, Иван Александрович. Волков в застенки тайной канцелярии попал не по нашей воле.

– Оно так, на него Дуглас наклепал. Наше дело – сторона, Порфирий

– Кто знать мог, что Ушаков его из своих лап выпустит?

– Особы высокие за Волкова стали, вот и отпустил его Ушаков. Из его лап не столь просто вырваться. Но за Волкова стал сам Феофан Прокопович. А ты его знаешь.

– Еще бы не знать. Не дай бог, на его пути стать. Сомнет!

Зотов снова согласился с Дурново...

***

4

Москва.

Дом князя Черкасского.

Глава Синода велел остановить карету, и Степан попросился с Феофаном. Он поцеловал прутьяную ему руку.

– Никогда не забуду того, что вы сделали, отче!

– Ступай с богом и делай свое дело! – ответил первосвященный и приказал кучеру ехать.

Степан дождался, когда карета скроется за поворотом и одел шляпу. Он с облегчением вдохнул воздух свободы, особенно сладкий после подвалов тайной канцелярии. Только тот может его понять, кто сам хоть раз бывал в темнице и ощущал давящие серые каменные стены и чувствовал запах огня в пыточной.

«Как хорошо на воле! Видел бы меня сейчас генерал Ушаков, то понял бы, как ему удалось меня напугать. Хотя, думаю, что держался я хорошо. Но как он меня напугал. Одному богу сие известно».

Он решил пройтись пешком, ибо до здания юстиц-коллегии было довольно далеко. Очевидно, в планы Феофана не входило подвозить его прямо к зданию. Хотя сказал он, что доставил Степана до места. Но Волков был ему так благодарен за свободу, что на подобную мелочь не обратил внимания.

Уже наступил декабрь, хотя снега еще не было, и было зябко. Степан запахнул свой плащ и свернул в проулок. Надворный советник выбрал краткий путь, ибо Москву знал хорошо. Он мог вспомнить одно из своих дел, что было связано к данной улочке. Здесь лет семь назад убили купца первой гильдии и дом, мимо которого проходил Волков, ранее принадлежал ему. Но ныне на дверях красовался дворянский герб. Сразу было видно, что дворяне здешние из новых, и дворянству их не более десятка лет. Слишком кичатся обретенным статусом, и выставляют его напоказ.

Волков подумал, что возможно дети богатея (они тогда вышли сухими из воды – помогли крупные взятки) купили себе дворянский диплом «за особые заслуги перед отечеством».

«А ведь тогда доказал я что сыновья купца опоили его ядом. А ныне все виновные в довольстве и роскоши купаются. Тогда Зотов хорошо руки нагрел на них. А вместе с ним и Порфирий Кузьмич, что служил посредником. Вот они грехи человеческие!»

Волков уже был у здания юстиц-коллегии, когда увидел посыльного в ливрее дома князя Черкасского.

– Имею честь говорить с господином Волковым?

– Я надворный советник Волков.

Посыльный передал ему письмо.

– От моего господина!

Волков развернул лист и прочитал приглашение прибыть

в дом Черкасских как можно скорее.

«Вот так удача! Я и сам хотел туда попасть. А тут такая оказия».

– Когда его сиятельству будет угодно меня принять? – спросил он слугу.

– Вы можете посетить дом князя прямо сейчас, сударь. За вами послан экипаж. Кучер доставит вас к особняку его сиятельства, а затем куда вам будет угодно.

– Я еду! – сразу принял решение Волков. – И вы составите мне компанию в экипаже.

– Но я не смею, ваше благородие...

– Я настаиваю. Тем более что у меня есть ряд вопросов.

В экипаже, хотя это была роскошная карета с мягкими сидениями обитыми красной кожей, они сели напротив друг друга.

– Вы слуга в доме князя? – спросил Волков.

– Да. Я служу его сиятельству уже пять лет.

– Значит вам известно многое.

– Но я не могу говорить о своем господине, ваше благородие.

– А я не стану спрашивать ничего такого, что может вашему господину повредить. Ведь князь сам послал за мной.

– Прошу прощения, ваше благородие.

– За что?

– За вами послали не его сиятельство.

– Не князь? А кто?

—Молодая барышня, княжна Варвара. Его сиятельство даже не знает про это. Ибо сейчас его сиятельства нет дома.

—А княжна пожелала говорить со мной?

—Именно так, ваше благородие.

—Но в письме печать князя.

—Княжна использовала её, ваше благородие. Но её сиятельство запретили мне говорить с вами. Княжна сказала, что вы захотите узнать от меня нечто и запретила говорить. Она велела передать, что сама удовлетворит ваше любопытство, ваше благородие.

—Я не имею чести знать княжну. Но она осведомлена обо мне и моем деле. Я выполню просьбу княжны и не стану задавать вам вопросов.

—Любезно с вашей стороны, ваше благородие.

***

Карета въехала в ворота, которые отворили привратники. У парадного крыльца чиновника ждал дворецкий. Он поклонился Волкову и вежливо пригласил его войти.

—Вас простят молодая барышня, ваше благородие!

Вскоре Волков был в гостевом покое и видел перед собой первую светскую красавицу княжну Варвару Черкасскую, самую завидную невесту Москвы.

—Рада вашему визиту, господин Волков. Но пап'а нет дома и он огорчится, что не смог вас принять лично.

—Рад знакомству, княжна. Ваше приглашение большая честь.

—Я также рада знакомству. Судьба князя Антиоха Дмитриевича мне не безразлична. И я интересуюсь тем, что в его доме произошло.

—Чем я могу вам помочь, княжна?

— Расскажите мне, сударь, что в доме Кантемиров произошло.

— Но, сударыня, вы сами часто князя Антиоха в своем доме принимать изволите. Неужели он вам ничего не сказал?

— В нынешних обстоятельствах пап'а не сильно желает видеть князя Антиоха в нашем доме. Он опасается гнева сударыни.

— Но князю нечего стыдиться, княжна. Его поведение заслуживает всяческой похвалы. Он верный слуга ея императорского величества. И его честь в сем деле не пострадает. В том могу поручиться своей дворянской честью, княжна.

— Благодарю вас, господин надворный советник. Я хочу вам сказать спасибо.

— За что, сударыня? Я лишь выполняю свой долг.

— Но это вы дали мне возможность познакомиться с интересной книгой.

— Что вы сказали, сударыня?

Варвара показала Волкову пальчиком на резной столик черного дерева. На нем лежала книга.

—Сие книга «История рода Кантакузен».

Волков подошел и узнал её. Это та самая, которую ему доставил из имения Кантемиров коллежский секретарь Кар-

пов.

—А как сие к вам попало, сударыня?

—Эта книга, господин Волков, была передана в мой дом от вас.

—От меня? — удивился Волков.

—От вас, сударь. Али запомятовали?

В последний месяц Волков был лишен свободы и никому ничего передать не мог. Больше того, он сию книгу после того, как передал её Ивану Тарле, более сам не видел.

—Когда же вам принесли сие? — спросил Степан.

—Дак недели две назад, господин Волков. И я прочла, ибо латынь мне ведома, как и иные языки.

—И что можете сказать по поводу прочитанного, княжна?

—Занимательная книжка, господин Волков. Если все прочесть и вдуматься. Сказано здесь про золотой эликсир. Привезли его из земли Египетской. Но что сие за зелье? Что входит в состав эликсира? Вот вопрос.

—Я не могу этого знать, княжна. Да и не думаю, что это истина.

—А про Клеопатру-алхимика вы слышали, господин Волков?

—Нет, княжна.

—Совсем не слышали? Не могу в это поверить, господин Волков. Насколько я знаю, ваша жена весьма образована. И по-латыни читает. Неужели она ничего вам про сие не говорила?

– Может она и говорила мне о Клеопатре, знающей толк в алхимии, но я не придавал сему значения.

– И напрасно, господин Волков. Клеопатра-алхимик была весьма красива и могла любого мужчину покорить. Есть сведения, что за ночь любви с ней мужчины платили своими жизнями.

Здесь Волков решил поправить княжну:

– Я думаю, что сие не одна и та же особа. Та Клеопатра, за любовь которой жизнями платили, была царицей в более ранние времена, ваше сиятельство.

– О! Значит вам сие знакомо? Приятно встретить среди чиновников вашего ведомства человека образованного и просвещенного.

– Многие мне знакомые чиновники, люди со знаниями, ваше сиятельство.

– В книге, что мне передали от вас, есть слова про «сукубуса». Вам ведь сие слово знакомо, сударь?

– Простите, княжна. Что вы сказали?

– Сукубус, господин Волков.

– Сукубус?

– Сукубус демон, кой сладостные сны вызывает. Иногда говорили, что сукубус есть демон в женском обличии и со-
вращает мужчин.

Волков вспомнил про Власту. Ведь Тарле ему рассказывал, как встретил её, и как сразу она покорила его.

Княжна заметила его взгляд и спросила:

– Вам сие знакомо, господин Волков?

– Нет, с чего вы взяли, княжна. Про сие мне ничего не известно. Я даже не знал, что в сей книге о том писано.

– А вы сами сие не читали?

– Нет, я не читаю по латыни, княжна.

– Жаль, – ответила она. – Ибо много интересного в сей книге, господин Волков.

– Мне сия книга надобна лишь для ведения следствия по делу в доме князя Кантемира, княжна. До всяких сукубусов мне нет дела. Здесь дело не демоны ведут, но люди. А люди гораздо опаснее демонов.

– В этом не могу с вами не согласиться, господин Волков. Но и я не про демонов хотела говорить. А о составе, который здесь назван «Вода жизни». Возможно, что сей состав и делает человека молодым и неотразимым. Ведь никто не знает точно, на что способен «золотой эликсир». А если он существует?

Волков только пожал плечами.

– Вы не верите? – спросила она.

– Я сего эликсира не видел.

– Нельзя отрицать существование чего-то, только если вы сами сего не видели. А если сей эликсир существует, то тот, кто им владеет, не просто богач. Он бог!

– Мне кажется, княжна, что вы и до прочтения сей книги знали про эликсир жизни. Разве не так?

– Про это не только я знала, господин Волков. Слухами

Москва полнится.

– Слухами? Какими?

– Вы слышали про Воду жизни, Степан Андреевич?

– Да, – честно признался Волков.

– Говорили, что в доме у Кантемиров имеется фараонов состав, который волшебными качествами обладает.

– Про это я ничего не знаю, княжна.

– А про слугу в доме князя Антиоха? – вдруг спросила она.

– Про какого слугу, княжна?

– Имя ему было Тихон и с него все в доме князя Антиоха и началось. Мне нужно знать о нем, сударь.

– Но что я могу сказать, княжна? Следствие еще не завершено.

– Но он жив? Он ведь мог выжить? Скажите! – она почти умоляла Степана.

– Я не могу раскрывать вам тайны следствия, ваше сиятельство. Сие дело еще не завершено. Но позвольте спросить, а какое вам дело до сего холопа Тишки?

Варвара овладела собой и уже спокойно ответила:

– Вам стоит узнать о том, что написано в этой книге.

– Я могу сие забрать, княжна? – Волков указал на книгу.

– Конечно, господин Волков. Ведь вы сами и прислали её мне. Она ваша.

Степан Андреевич взял книгу и откланялся.

***

Москва.

Дом Антиоха Кантемира.

В доме князя Кантемира возвращению Волкова обрадовались все, от самого хозяина до последнего холопа. Ведь если кто и мог отыскать истину и дело распутать, то только он. Вел Степан многие дела по разбоям и отравлениям и всегда невинного от позора спасал. Ныне про это только и говорили на Москве.

– Степан Андреевич! – горячо приветствовал Волкова князь Антиох. – Долго вас не было. Счастлив вас поздравить с завершением сего кошмара.

Волков получил приказ не вспоминать, что он был в тайной канцелярии и потому только кивнул в ответ и поблагодарил князя за слова сочувствия.

– Что у вас здесь случилось за время сие, Антиох Дмитриевич?

– Случилось, Степан Андреевич. Холопы мои, что сбежали из Москвы в деревню, в имение, померли. Только утром пришло известие от тамошнего управляющего.

– Вот как! Пойдемте, вы мне все расскажете, князь.

В кабинете у князя Антиоха среди шкафов с книгами, они сели в удобные кресла и начали беседу.

– Я, князь, за время потерянное упустил кое-что.

Он показал Кантемиру на книгу.

– «История рода Кантакузен»? – спросил тот. – Видал я

сию книгу у Варвары Черкасской.

– Но как она попала к ней, князь?

– Княжна сказала, что передали ей сию книгу от вас, Степан Андреевич.

– Но вы знаете, что меня не было дома, князь. И моей жены нет сейчас в Москве. Кто мог сию книгу княжне передать?

Кантемир пожал плечами.

– Сию странность стоит прояснить, князь. Я тем займусь. Так что у вас в имении произошло?

– Два холопа, которые отсюда сбежали, вурдалака убоявшись, померли в имении. Но..., – Антиох замолчал.

– Говорите, князь.

– Дело больно неприятное, сударь.

– Говорите!

– Оба они сообщили перед смертью, что три ночи подряд к ним приходил чиновник сысского ведомства.

– Что? – не поверил Волков.

– У меня сведения, которые я взял из письма тамошнего управляющего Тита Ипатыча. И сведения сии заверены местным капитан-исправником.

– Где сие письмо? – спросил Волков. – Я хочу прочитать его.

– Пропало, Степан Андреевич.

– Как пропало?

– По случайности, Степан Андреевич. Девка, что в ком-

натах убирается, в огонь его кинула.

Волков был удивлен:

– Не могу понять, князь. Ваша служанка бросила в камин важное письмо? Как такое возможно?

– Дак молодая она, 15 лет всего. Вот по неразумности и сделала.

– Я бы хотел с ней говорить, князь. Велите позвать. Я не стану пугать девушку и говорить мы станем здесь в этом кабинете.

– В тот и загвоздка, Степан Андреевич. Вчера сия девка пропала из моего дома. Никто не может её найти.

– Это бог знает что, князь! Ничего не могу понять. Вы это письмо, как я понял, прочли?

– Да, сударь, – ответил Кантемир.

– И прямо перед тем, как я вышел из заключения, письмо стораает, а виновница сего исчезает неизвестно где. Но если вам известно его содержание, то зачем все это?

– Могу ли я знать, Степан Андреевич?

– Расскажите, что было в письме со всеми подробностями.

Князь рассказал, что управитель имения Архангельское Тит Ипатыч донес ему, что два бежавших холопа из московского дома Кантемиров были им задержаны и готовились к отправке обратно на Москву. Сидели они в подвале дома, и никакого насилия над ними учинено не было.

Но за три ночи до смерти оных холопов, стали они говорить, что являлся им ночами чиновник сыскного ведомства,

тот, что пропал в «Ведиминой гати». Было лицо его бледным и поняли холопы, что видят мертвеца.

Никто с первого раза не поверил им, но после второй ночи сообщили они, что снова приходил «мертвец». И в третий раз посетил их «мертвец», а затем оба холопа были обнаружены мертвыми со следами удушения.

– Удушения? – спросил Волков. – И капитан-исправник сие подтвердил?

– Да, Степан Андреевич. Там имелась собственноручная его приписка.

– И какого из пропавших чиновников они видели Тарле или Карпова?

– Иван Карлович Тарле посетил их. Так, получается, по записям, сударь.

– Вы хотите сказать, что и Тарле мертвец?

– Я ничего не хочу сказать, Степан Андреевич. Я лишь передаю вам то, что предали мне. Тарле посещал этих холопов, как раз перед их смертью. О том они сказали исправнику Осипову, Степан Андреевич. А ведь пропал Иван Карлович, как и коллежский секретарь Карпов пропал до него. И никто не знает, что с ними стало.

– Я отправил Тарле в имение, дабы выяснить тот смог все, что можно про Карпова. И сам Иван Карлович не вернулся. А что сказали те мужики? С чем приходил к ним Тарле?

– Оба они твердили, что де искал Тарле знак вурдалака.

– И что сие значит? – спросил Волков.

– Того никто не ведает, Степан Андреевич. Но могу сказать, что вся моя дворня вас как бога почитает. Говорят, что только вы сие дело распутать способны.

– Я?

– Они считают, что вы спасли дом от напасти.

– Но я ничего не сделал, Антиох Дмитриевич.

– Кто знает, Степан Андреевич. Кто знает?

– Надобно мне собираться и самому посетить ваше имение, князь.

– Сие имение моего брата Константина, а не мое, Степан Андреевич. Он все еще за границей. И если желаете ехать в Архангельское, то вас примут в имении как полагается.

– Благодарствую, князь.

– Но вы не боитесь?

– Боюсь? Вашего вурдалака? Нет. Не верю я в вурдалака, князь. Слишком многие в сем деле свой интерес имеют. Главное, чтобы вы, князь, никому про сие не говорили.

– О том, что вы собрались в Архангельское?

– Да. Мне нужно чтобы никто не знал, что я собираюсь туда. Никто кроме вас и меня.

– Вы думаете, Степан Андреевич, кто-то...

– Я ничего не думаю, князь. Я просто соблюдаю осторожность. И хорошо бы, чтобы об умерших холопах и о том, что они видели также не болтали.

– Уже болтают, Степан Андреевич. И я тому никак не мог помешать.

– Но как? Письмо читали только вы!

– Слуга, что привез мне письмо из имения, успел поделиться новостями. А ему ведь читать ничего не нужно было. Он очевидец событий.

– И по Москве сии слухи уже поползли? Я не удивлен, князь. Тот, кто ведет игру против нас, знает, что делает. Все вроде бы произошло случайно. Нам остается лишь ждать, когда сии новости дойдут до императрицы. А учитывая болтушек при её дворе и прыть нашего врага, то случится сие быстро.

– Вы думаете, Степан Андреевич?

– А чего тут думать, князь? Наш враг хочет, чтобы про это знали при дворе.

– Зачем кому-то губить мою карьеру?

– Это мы узнаем, князь. А скажите, вы часто видите в последнее время Варвару Черкасскую?

– Совсем не видел, Степан Андреевич. Князь Черкасский не желает видеть меня в своем доме и не приказывает принимать.

– Вот как? – удивился Волков. – Он прямо отказал вам от дома?

– Нет, не прямо, Степан Андреевич. Для этого старый хрыч слишком хитер. Находит разные поводы, чтобы меня не принимать. Высылает слуг с извинениями, мол ныне принять меня не имеет возможности и просит в том прощения.

– Но вы в начале нашего разговора сказали мне, что виде-

ли книгу «история рода Кантакузен» у Варвары. Значит, вы с ней виделись?

– Но это было еще накануне вашего ареста, Степан Андреевич.

– Прошу вас, князь, не упоминать об этом.

– Хорошо. Потом, после того как вас... как вы пропали, с княжной я более не виделся.

– Княжна интересовалась вашим хлопом Тишкой?

– Тишкой? Нет. Не думаю, что она вообще знает, кто это такой, Степан Андреевич.

– Она знает про Тишку, князь...

Глава 15

Ведьмина гать.

1732 год. Декабрь.

За два года до основных событий.

Хроника событий декабря, года 1730-го от Рождества

Христово:

Село Архангельское. Имение князей Кантемиров.

Управляющий имения Кантемиров Тит Ипатыч был давним слугой преданным и верным. Многим он был обязан покойному Дмитрию Кантемиру и жене его Кассандре Кантакузен. И грамоте его обучили и на должность хорошую поставили. Потому жил он в имении на положении господина, ибо настоящие господа мало деревенскую жизнь любили. Они больше по столицам и заграницам проживали. Вот и сейчас его сиятельство князь Константин в Париже пребывал, а семейство его было в Петербурге и о возвращении в Архангельское не помышляли.

Казалось бы, живи и радуйся. Но человек такое создание, что завсегда ему чего-то не хватает. Вот и связался Тит с женщиной. А она была той, кого Ипатыч и на старости лет забыть не мог.

В давние поры, когда был Тит молод, в окружении госпожи Кассандры встретил он молодую женщину. И провели

они одну ночь. Всего одну, но помнил её Тит Ипатыч.

Тогда сказала она ему, что они еще встретятся в будущем.

– Я не хочу с тобой расставаться, – сказал он. – Разве было тебе со мной плохо?

– Нет, Тит. Но я себе не принадлежу.

– А кому ты принадлежишь? Моему барину? Так я уговорю его! Я ведь у барина Дмитрия Кантемира в чести. Он выделяет меня.

– Твой барин не может решить моей судьбы, Тит. Но не задавай лишних вопросов. Я не могу тебе открыть всего.

– Значит, они сказали правду?

– Кто они?

– Бабы наши, говоря, что ты ведьма.

– А разве я похожа на ведьму? – смеясь, спросила она.

– Ты слишком красива. Разве может бог даровать такую красоту?

– Я не успею погубить твою душу, Тит.

– А хоть и погуби!

Но более они после той ночи не виделись...

***

И по прошествии двадцати лет она явилась ему, как и обещала.

Он почувствовал, что она рядом. Хоть на женщине и была длинная накидка, и капюшон скрывал её лицо.

– Это ты? – прошептал он.

– Ты сразу узнал меня, Тит. Я говорила, что меня трудно

забыть.

Она откинула капюшон плаща, и он отступил на шаг. Молодая! словно вчера все было, а не многие годы пролетели!

– Как же это? Возможно ли?

– Но ты сам тогда назвал меня ведьмой, Тит.

– Ты совсем не изменилась. Ты прекрасна. Значит все, что говорили о золотом составе правда?

– А ты постарел, Тит, – сказала она, не обратив внимания на его вопрос.

– Годы мои немалые. Нет более князя Дмитрия Кантемира благодетеля моего.

– Но я знаю, что его сын, князь Константин, не оставил тебя милостями своими.

– Это так. Я служу ныне управляющим в имении Архангельское.

– Значит ты на положении хозяина? Ты уже не крепостной?

– Крепостной, но здесь распоряжаюсь именем князя Константина. И могу сказать, что в этот час я хозяин Архангельского. Здесь все подчинено мне. Барин и его жена здесь жить не хотят и здешних людишек не знают, как знаю их я. Доходы от имения они исправно получают. Чего им быть мною недовольным?

– Ты женат, Тит?

– Был женат, но померла моя Матрена два года назад. Отмучилась сердешная. Я ведь так и не смог забыть тебя. И по-

тому её все с тобой ровнял.

– Зачем же женился?

– Дак барин заставил. Его воля, а мое дело холопые. Да и отец моей Матрены первый здешний богатей. Был управляющим до меня.

– И детей имеешь?

– А как без детей? Два сына живут в Петербурге. Туда вместе с барином уехали. Оба уже вольные грамоты получили.

Она засмеялась в ответ. Затем спросила его:

– Ты готов мне служить, Тит?

– Тебе? Смотря какая, будет мне за то награда.

– Я смогу тебя наградить.

– Чем же?

– Я подарю тебе еще одну ночь.

– Только одну?

– А ты хочешь больше? – спросила она.

– Я хочу много больше. Помню, как два года назад приискал сюда со свитой князь Ванька Долгорукий. Искал он золотой напиток или секрет того состава. Про то даже барин мой Константин Кантемир не ведал. Думали мы, совсем Ванька с ума спятил. Искал того, чего нет. Но ныне вижу, что не просто так приезжал сюда Долгорукий. И мог он умирающего императора спасти!

– Ты поверил в эликсир жизни, Тит?

– Ты и есть тому прямое подтверждение! И я хочу то испытать на себе. И уже потом возьму свою награду.

Она только рассмеялась в ответ.

– А ты не смейся, красавица. Я ведь знаю, что нужен тебе.

Не просто так пришла ты сюда.

– Думаешь, я одна? За мной стоят иные.

– Но здесь мы с тобой одни. В этой комнате, в кабинете моего господина. И здесь я твой хозяин.

Тит Ипатыч схватил женщину за горло. Она захрипела, и в её глазах появился страх.

– Стало быть, и ты смерти боишься? – сказал он. – Нет у тебя зелья отмогильного?

– Пусти...

Он слабил хватку, но руки не убрал.

– Отпусти меня, Тит. Я ведь пришла с добром. Что тебе в моей смерти?

Он отпустил её, но заставил сесть в кресло. Сам же стал рядом.

– Говори, зачем ты здесь?

– Нужна будет твоя помощь, Тит.

– И что я должен сделать?

– Делать надобно будет не нынче, но через год-полтора. Точное время мне неизвестно. Это решат те, кто стоит за мной.

– А кто стоит за тобой? – строго спросил управляющий.

– Того тебе знать не нужно, Тит. С ними иметь дело опасно. Я стану передавать тебе приказы...

***

Женщина, исполнив поручение, вернулась в домик на лесной заимке. Там ждал её мужчина. На нем был меховой плащ, и капюшон закрывал его лицо.

Она переступила порог дома и сразу поспешила к огню.

– Мороз усилился, – сказала она.

– Все исполнила? – спросил он.

– Это оказалось не столь безопасно для меня, – сказала она с вызовом. – Этот старик меня чуть не убил.

– Но он узнал в тебе ту девку, с которой когда-то переспал?

– Да. Он сразу принял меня за неё.

– Я так и думал. Как легко обмануть сельского жителя. А ведь вы даже не совсем похожи. Хотя есть в твоём лице нечто от неё. Что может сделать красивая и опытная польская шляха с русским мужиком.

– Та женщина была также полька? – удивилась она.

– Да.

– Она теперь постарела?

– Нет.

– Нет? Но неужели он говорил правду?

– А что он тебе сказал?

– Что я не постарела благодаря золотому напитку, который способен подарить молодость. Ты меня предупредил, что он станет так говорить. И я уверила его что так и есть. Но если та женщина не постарела...

– Она не постарела не благодаря золотому напитку, Ванда.

Она умерла в тот же день и осталась вечно молодой.

– Умерла?

– Я убил её. Убил быстро. Она не мучилась. Я подарил её вечную молодость и красоту. А она больше всего на свете боялась её потерять. Знаешь, что я обещал ей в награду за работу? Не золото. Не драгоценности. Я обещал ей сохранить красоту.

– И убил?

– Но ведь это смерть сохраняет красоту, Ванда. Вот ты через двадцать лет станешь мерзкой старой мегерой, на которую ни один мужчина и смотреть не захочет. Разве тебе нужно такое будущее?

Ванда испугалась.

– Ты хочешь сказать, что и я умру вот сейчас...

– Нет. Успокойся, – мужчина сел на стул. – Я не стану тебя убивать. Тем более что ты мне нужна.

– А когда перестану быть нужна?

– В ближайшие год-два надобность в тебе будет острая.

– А потом?

– Не стоит тебе заглядывать так далеко, Ванда. Ты забыла, что подобрал тебя на улице. Твой барон, с которым ты приехала в Москву, проигрался в пух и прав и пустил себе пулю в лоб. Что ждало тебя?

– Я могла бы...

Он продолжил за неё:

– Ты могла бы снова найти себе любовника. Это так, Ван-

да. Вон молодой Строганов любовался тобой. Он увез бы тебя в свои вотчины на Урал, и там ты стала бы его холопкой.

– Я вольная! – вскричала она.

– А чего стоит твоя воля здесь в Москве без денег и без сильного покровителя? Я дал тебе все! И ты знаешь, что будет, если ты попытаешься меня обмануть.

Ванда сжалась в комок под взглядом этого человека. Она не могла видеть его глаз, но чувствовала его. Она ведь так и не знала, какое у него лицо. Он никогда не открывался ей, но она сразу узнавала его, когда он приходил. И прекрасной польке казалось, что рядом с ней был сам дьявол...

***

Хроника событий декабря, года 1732-го от Рождества Христова:

Село Архангельское. Имение князей Кантемиров.

Ванда снова тайно пробралась в кабинет князя Кантемира в имении Архангельское. Никто из слуг не видел её. Тит Ипатьч снабдил её ключом. Так они делали всегда, когда нужно было встретиться. Она спокойно дожидалась его там, зная, что никто из слуг кроме Тита сюда войти не может.

– Ты здесь? – спросил он.

– Важные вести!

– Я уже и так слишком много исполнил. Два чиновника сысского ведомства пропали. А их искать станут.

– Скоро в имение прибудет еще один сыщик.

– Еще? Да сколько можно? Сначала Карпов всё вынюхи-

вал. Затем второй приехал, а ныне еще и третий?

– На этот раз сам господин Волков пожалует сюда.

– Тот самый Волков?

– Тот самый. Надворный советник Степан Волков.

– С ним что? Так же как и тех? Но сие опасно! Этого уже никто мне не спустит! А награда моя где? Не видать награды-то...

Она перебила Ипатыча:

– Этому ты покажешь тайную молельню Кассандры Кантакузен.

– Показать молельню? – удивился старик.

– Так нужно.

– А зачем ему сия молельня?

– Тит, это приказ ЕГО. Ты с ним хочешь поспорить?

– Нет. Спорить не стану. Но для чего тогда все было? Для чего мы скрывали все от помощников Волкова, чтобы рассказать ему самому?

– Все делается ко времени, Тит. Пришло время и узнает господин Волков то, что узнать должен.

Тит Ипатыч сказал, что все исполнит...

***

Хроника событий декабря, года 1732-го от Рождества Христова:

Москва.

Степан Волков приказал готовить коня.

– Далеко ли собрались, барин? – спросил конюх. – Сани

сейчас самое время готовить.

– Не собираюсь покидать Москву, – соврал Степан. – В санях нет надобности.

– Как прикажете, ваше благородие.

Надворный советник вскочил в седло гнедого. Он никому не сказал куда направляется.

Конюх перекинулся словом с будочником:

– Недавно из узилища вышел сердешный. И сразу в путь.

– Дак его дело такое, – важно заявил будочник. – По сыскному ведомству служит.

– И чего сразу-то в путь? Водки бы выпил для сугреву.

– Выпьет еще. Оно дело нужное. Но вот куда поехал-то?

– Дак кто его знает, – ответил конюх. – Разве поймешь...

***

У «Разгуляя» Волков остановил коня и зашел в трактир. Там чиновник выпил водки и наскоро перекусил. Затем снова в седло и через Китай-город отправился к городским воротам.

Он решил ехать в имение Кантемиров один. Хотя дороги в эту пору были опасны, и легко можно попасть в засаду, устроенную разбойниками. Чиновники ездили по казенной надобности в сопровождении вершников. Но Волкову сопровождение не было надобно. Если заложить сани и вызвать охрану, то пришлось бы говорить, куда и зачем едет. А Степан не хотел того. Может оказаться, что слежку за ним установили.

По снегу, который покрыл улицы города, стали кататься в каретах, поставленных на полозья, или на санях. Придворные дамы с кавалерами, охотно выезжали за город для удовольствий разных.

Пронеслась карета барона Строганова за которой скакали десяток всадников с ружьями. Затем проскакали гвардейские офицеры после пьяного кутежа.

Волков надвинул треуголку на глаза и выехал за ворота.

Скоро вечер. В темноту никто не поскачет далеко от Москвы. Буря могла ударить. Заметет все снегом и пропал путник...

***

Степан много раз оглядывался. Смотрел, никто ли не следует за ним на расстоянии. И, похоже, что ему удалось ускользнуть из Москвы тайно. Он подхлестнул коня и поехал по столбовому тракту до ближнего яма (станции). Углубляться ночью во тьме в лес было неразумно.

В яме он переночует и засветло тронется в путь. Если срезать дорогу, то можно добраться до Архангельского быстрее. Нужно было только путь узнать через черный лес. А кто его и знает как не хозяин станции ямской?

В яме народу в эти поры было немного. Два фельдъегеря и купец из Вологды. Степан кинул хозяину серебряный рубль и велел позаботиться о коне.

– Про коня, барин, не беспокойся. А себе чего подать велишь?

– Неси, что у тебя есть. Знаю я ваши разносолы. Небось, кроме зайчатины, яиц и каши нет ничего?

– Зачем обижаешь, барин? Есть и курица жаренная, и грибки соленые, и яблоки, и хлеб.

– Тащи курицу да вина поставь. Вино есть ли у тебя, борода?

– Как не быть, ваше благородие.

Волков снял шляпу и плащ. Прошел в дальний угол и сел за стол. Фельдъегеря только мельком бросили на него взгляд и вернулись к своему ужину и разговору. Вологодский купчика дремал за столом.

Скоро хозяин яма принес ему вина и еды.

– Лошадка ваша в порядке, барин.

– Я утром засветло уеду.

– Велите комнатку изготовить?

– Нет. Я на лавке лягу. А ты посиди со мной. Винца своего испей.

Хозяин не заставил себя упрашивать. Отчего не выпить, коли барин за вино заплатил, а сам пить не желает? Он одним махом выпил кружку и наполнил другую.

– Спасибо тебе, ваше благородие.

– Ты скажи, борода, отчего народу так мало.

– Дак в сии поры завсегда так, барин. Я ведь сей ям больше десятка лет содержу. Это когда коронация была матушки-царицы, то господ много на Москву ехало. Ох, и времечко было! Или, скажем, когда помер император Петр Второй.

Тоже в Москву дворяне валили. На похороны значит.

– А ныне и нет никого?

– Кому же ехать? Вот купчишка да господа по казенной надобности. А ты, барин, также по казенной? – спросил мужик, осмотрев старый мундир Волкова.

– Вроде того. А в твой ям в последнее время, какие люди заезжали?

– Да разные. Всех не упомнишь, барин.

Волков достал из кармана еще один рубль.

– А ты вспомни, борода.

– Отчего не припомнить? – мужик спрятал деньги в карман. – Коли надобно хорошему человеку, то мы завсегда готовые. Два дни назад были гвардейцы. С охоты господа возвратились и заплутали. На ночь остановились в яме и гуляли до утра. Пять бутылок выпили и заплатили хорошо.

– Что за гвардейцы?

– Преображенского полка. А дней пять назад ехал судейский чиновник.

– Судейский?

– Так он сказал. Но имени я не помню, барин. Сказал, что по судейской части служит и едет по делу.

– Куда ехал? – спросил Волков.

– Дак того он мне не сказал, барин.

– А знаешь ли краткую дорогу до имения Архангельское?

– Как не знать! Есть такая. Коли по ней поедешь, то в три часа на месте будешь. Но самому тебе той дороги не сыскать,

барин. Заплутать легко.

– А кто может помочь?

– Дак брательник мой Мирон за рупь покажет тебе путь и через лес проведет. А там и сам доберешься до имения княжеского.

– Коли брательник твой за три часа управится, то три руля пожалую.

– Тогда утром я его налажу с тобой ехать, барин.

– А скажи, борода, много ли людей твой брательник водил короткой дорогой.

– Это в имение княжеское? Бывало. Не так давно баба одна просила путь показать.

– Баба?

– Красивая стерва. Но по виду не из благородных. Больно проста в обращении. Хотя заплатила хорошо. Не жадная.

– А зачем она ехала в имение Кантемира?

– Того, барин, не знаю. Не по чину нам сие спрашивать. А коли господа сами говорить не желают, то откуда нам знать?

***

Хроника событий декабря, года 1732-го от Рождества Христова:

Село Архангельское. Имение князей Кантемиров.

Хозяин яма не солгал. Утром его брат легко провел Волкова тайным коротким путем через черный лес. И потому в десять часов был Волков уже у дома барского в Архангельском.

– Отворяй ворота! – закричал Степан.

– Кого бог несет? – спросил воротник.

– Чиновник сыскного ведомства Волков! По государеву делу!

– Одну минуту! Сейчас все сделаем!

Воротник принял коня и сказал:

– Погода ныне разыграется, барин.

– Быть метели, – Волков соскочил с седла.

– И не побоялся ты, барин в такие поры скакать. Ведьмы шалят у нас.

– Разберусь я с вашими ведьмами, борода.

Волков зашел в дом и кинул заспанному слуге меховой плащ и треуголку. Хитрый управляющий Тит Ипатыч был тут как тут.

– Прошу вас к огню, ваше благородие. Замерзли с дороги.

Волков прошёл к камину. Расположился в удобном кресле и протянул ноги к огню.

– Ты здешний управитель? – спросил он.

– Я, ваше благородие. Волею барина моего...

– Стало ты за все и в ответе! – перебил Тита Ипатыча на-дворный советник.

– Ты про что молвишь, сударь? В толк никак не возьму.

– Я, мил человек, не первый год по сыскному ведомству служу. Много повидал на своем веку, таких как ты. Барин твой по заграницам ездит, а ты здесь хозяин полновластный.

– Дак я токмо слуга барина мово. Какой я хозяин?

– Я, Тит Ипатыч, долго болтать не стану. Недосуг мне. Хочу понять, что делается у вас.

– Дела страшные! Силы бесовские, колдовские...

– Хватит! – прервал его Волков. – Я и поверил бы тебе, что бесовские силы действие имеют. Но меня, как только я за сие дело взялся, упекли в подвалы. А стало не бесы играют, но человеки. Все нити обрезали кроме одной. Той, что меня к тебе привела. И коли ты говорить со мной не начнешь по доброму, я тебя заберу на Москву и к пытке поставлю.

Управляющий пал на колени перед Волковым.

– Не губи, барин! Не своей волей!

– Встань. Садись вот здесь, напротив меня, и говори.

Тит Ипатыч сел на табурет.

– Говори.

– Я только правду, барин. Дух мне явился покойной старухи Кантакузен.

– Чего врешь?

– Вот те крест! Проснулся я от холода могильного. И вижу, что стоит у окна в лунном свете старуха Кантакузен. Я перекрестился, но она токмо засмеялась...

***

Лицо у ведьмы было страшное. Глаза навывкате, большие, словно блюдца, и кожа синюшная. А губы алые. Словно в крови измазанные.

– Я пришла за твоими детками, Ипатыч, – сказала она. – И не хватайся за крест свой нательный. То не поможет тебе.

– А зачем тебе детки мои? – тихо спросил я.

– Или не помнишь кому обязан? Ведь не было детей у твоей жены. Я смогла тебе помочь.

– Помню о том.

– Да не жить им на свете. Коли не выполнишь приказа, то конец придёт роду твоему.

– Все исполню, – сразу согласился я.

– Так-то лучше. Чего тебе за чужие дела страдать? Про погосты проклятые слышал ли? – спросила ведьма.

– Слыхал. Там упокоились проклятые, что покоя в могилах не знают.

– Верно. Вурдалаки и есть такие проклятые души. И телам страдание записано в книге Бытия. Скоро холопа одного хоронить придется. Да ты не дрожи. Не тебе придется. И не здесь его хоронить станут.

– А где?

– Ты слушай. Тебе надобно человека в Москву снарядить.

– В Москву?

– Он будет надобен в доме князя Антиоха Кантемира.

– Да хозяин наш Константин Кантемир. Антиох здесь не господин, – сказал я.

– Скоро попросит барин Антиох несколько холопей из сего дома к нему на Москву. И барин твой на то согласится. Вернее, ты согласишься за него. Ведь не станешь ты князя своего беспокоить из-за такого пустяка?

– Сие можно устроить.

– Я скажу тебе кого надобно отправить на Москву.

– А для чего сие?

Она перебила меня:

– Тебе старик знать ничего не надобно. Ибо, коли узнаешь тайну, то и твоя смерть не за горами...

***

Степан выслушал управляющего и не поверил ни одному слову. Играет с ним старик. Но вот зачем он это делает и по чьему наущению? Ведь не сам он придумал эту сказку о старухе.

Волков спросил:

– И как давно сие было?

– Да с полгода назад. Затем велено мне было отобрать холопов для посылки в Москву.

– Вот как? И среди них был некий Тишка?

– Тишка? Был такой холоп.

– Не путаешь ничего, старик?

– Тишку я в тот список и вставил, – сказал управляющий.

– Сделал, как тебе приказали?

– Точно так, ваше благородие.

– Тогда объясни мне, Ипатыч, а откуда сей Тишка взялся?

– Как откуда?

– Неужто не понял вопроса моего? Я спрошу по-иному. Где ты отыскал сего Тишку?

– Да в деревне. Наш он здешний. Племяш Лукьяна-кузнеца.

– Кузнецца? – спросил Волков. – Но я слышал, что не было у Лукьяна никакого племянника.

– Много болтают, барин. Но верить можно не всему.

– Тебе можно?

– Мне можно. И могу сказать, что Тишка был послан мною на Москву в дом князя Антиоха Дмитрича Кантемира. Ты, барин, пойми, что холопей можно хошь год опрошать. А они все разное молвить станут. Вот ваш Карпов сколь времени здесь потратил?

– Стало быть, ты желаешь сказать, что холоп по имени Тишка не выдумка?

– Дак я записи тебе, барин, показать могу.

Ипатыч взял со стола бархатную папку с гербом Кантемира и достал оттуда лист бумаги. В нем значилось, что выданы пропускные документы трем слугам имения Кантемира.

– В каждом документе, заверенном мною и капитан-исправником, все приметы холопов описаны. Я, барин, все записи исправно веду. Вот записано, что холоп княжеский именем Тихон...

– Я и сам умею читать, Ипатыч.

Волков понял, что с этой стороны Тита не прижать. Так можно еще год по имению носиться и ничего не выяснить. Потому он стал спрашивать про Карпова.

Ипатыч ответил:

– Прознал он про девку именем Власта. А сие знание опасное. Без надобности крайней туда совать нос не следует.

– И ты ему про Власту рассказал?

– Он хотел знать, я сказал. Слишком боязно мне было, но сказал я все.

– А чего боязно было тебе, Ипатыч? – спросил Волков.

– Ведь Власта та годков много за спиной имеет. Постарше меня самого будет. А нисколько не изменилась за годы.

– Расскажи по порядку. Кода ты увидел Власту в первый раз?

– Годов двадцать, а то и более назад. Тогда я увидел эту девку впервые. Что сказать о ней? Вроде на первый взгляд и нет в ней ничего. Девка и девка. Таких много в имении у барина моего. Но сие токмо на первый взгляд. А коли заговорит она с тобой, и ты в глаза её посмотришь, то и пропал.

–Пропал?

–Глаза словно омуты, барин. В таких утонуть можно. А в любви сколь искусна девка. Кто ночь с ней провел, тот отказаться от неё не сможет. Так и было со мной. Ни о ком думать не мог окромя неё.

–Но насколько я знаю, ты женат Тит Ипатыч?

– Не договорил я, барин. Имей терпение. Был я до встречи с Властой еще не женат, но невеста у меня имелась. И я собирался жениться. Но потом и смотреть не мог на Матрину мою. Уж сколько она тогда слез пролила.

– Но потом ты все женился на Матрене?

–Да, барин. Но Власту не позабыл. Хотя, я вижу, что ты не веришь в мои слова.

– А чего мне верить тебе, Ипатыч? Столько много раз лгал ты чиновникам юстиц-коллегии. Но хватит болтать о пустом. Теперь говори, что стало с коллежским секретарем Карповым и коллежским ассессором Иваном Тарле.

– Дак ведьмы их прибрали.

– С твоей помощью?

– А рази мог я отказать, барин? Сам посуди. Но вреда им лично я не причинил. Токмо помог заманить их в Ведьмину гать. И все.

– Они живы?

– Ныне живы.

– Знаешь путь в эту Ведьмину гать?

– Знаю. Но опасное дело сие.

– Ничего. Я тебе пистолет дам.

– Да пистолетов в доме сколь хош есть у барина, князя Константина. Дак не взять ведьму пулей.

– Твоя задача путь указать.

– Ныне метель, барин. Слыш, за окном как воет? Может сие ведьмы путь заматают. Ныне хозяин и собаки со двора не сгонит.

– Дождемся когда метель кончится. Не вечно выюге лютовать. Но не ведьмы это дело делают, Тит Ипатыч. Не ведьмы.

– А кто?

– Некто рядится под нечисть. И на Москве сие дело отголоски имеет. Слухи ползут тревожные и сама матушка-царица сим недовольна.

– Да неужто? – управляющий побледнел.

– Я по приказу высочайшему действую. И тебе следует говорить все без утайки.

Управляющий признался:

– Скажу, что приказано мне было про все разговоры с чиновниками ведомства сыскного сообщать.

– Кому сообщать? – спросил Волков.

– Им, – неопределенно сказал Ипатыч и указал пальцем в потолок.

– Кому им?

– В каморе потайной есть молельня бесовская. Тайная. Сказывали там старуха Кантакузен диаволу поклонялась. И туда я хожу и все сообщаю.

– Кому? – снова спросил Волков.

– Дак ты сам, батюшка, сходи туда и все узнаешь. Нет там никого из живых.

– Но ежели нет там живых, то кому твои доносы надобны, Ипатыч? Души умерших и так всюду присутствовать могут. Им доносчики не надобны. А вот живым иное дело.

– Про то не знаю ничего. Но моленью тайную тебе покажу.

– А что ты говорил о детках своих? – спросил Волков.

– Дак нам с женой Господь деток не давал долгое время. Я и на богомолье был с женкой, и у знахарок разных. Никто не мог помочь. А старуха Кантакузен, жена барина князя Дмитрия, помогла мне в моей беде.

– И как же она тебе помогла, Тит Ипатыч?

– Женку мою позвала в ту самую бесовскую молельню.

Меня оттудова спровадили.

– И что?

– А то, что родила она вскорости. Ровно через год.

– И как помогала твоей жене старуха?

– Дак я рази знаю, барин. Мне посмотреть не дали. Но сына женка родила. А затем и дочку. Так что помогла старуха.

***

Тит Ипатыч прошел в свою комнатку. Там ждал его мужчина. Ныне в кабинете княжеском было собираться опасно.

– Прибыл к тебе сам Волков?

– Сам, – ответил Ипатыч. – Как и сказано было.

– Про что спрашивал?

– Много чего надобно знать господину Волкову. И про Тишку, и про Власту, и про то, куда пропали чиновники ведомства сыскного Карпов и Тарле.

– Ты все сказал, как велено было?

– Да. Ни слова лишнего.

– Волков поверил?

– Мало верит он в вурдалаков и ведьм.

– Ничего, еще поверит. А про молельню сказал?

– Как было велено.

– Не побоится идти?

– Пойдет. Но сейчас ему надобны те самые чиновники, что в Ведьминой гати обретаются. Что будет, коли дознается

он?

– Не дознается. Мы ему сих чиновников вернем.

– Как? – спросил Тит.

– А вот так, Ипатыч.

– Но тогда зачем все сие было надобно?

– Про то знает тот, кто стоит над нами. А ты что это стал нос совать в дела хозяйские?

– Дак сунешь, коли чиновник из Москвы прибыл. А действует он по именному указу самой царицы. Шутка ли.

– Тебе надобно не царицу бояться, Ипатыч. До царицы далеко. И ты в молельне тайной все как надобно обустрой. И свечи чтобы горели, и чтобы тайна была. Уразумел?

– Уразумел. Все как надо сделаю...

Глава 16

Черное место.

1732 год. Декабрь.

1

Имение Кантемиров.

В тайной молельне.

Эта молельня была в доме еще со времен царя Алексея Михайловича. Круглая каменная комнатка, стены которой покрыты плесенью от сырости. Совсем не напоминало сие помещение келью. Похоже было на каменный мешок для содержания преступника, а не на место, где ко всевышнему обращались.

– И это место названо молельней? – спросил Волков.

– Не я назвал его так. А молиться ведь не токмо господу Иисусу Христу можно.

– А кому еще?

– В древности в здешних местах почитали Черного бога. Ему ведь также молились и даже жертвы приносили.

– Так место это алтарь Чернобога? Но этот бог языческий давно забыт и нет людей, которые поклонялись бы ему.

– Дак разное болтают, барин.

Волков осмотрелся. Вокруг алтаря четыре массивных серебряных подсвечника. В каждом горели по три свечи. Тит

Ипатыч сказал:

– Видал? Свечи горят? А кто свечи зажег? Смекай.

– Значит, еще кто-то знает про сие помещение.

– Слуги и подходить к двери сего склепа бояться, не то что входить внутрь.

– А ты не боишься?

– Я должен, барин. Кто спрашивал меня, боюсь или нет?

Здесь я все обсказываю у самого алтаря.

Управляющий показал рукой на серый камень с пятнами засохшей крови.

– Стало быть, камню все доносишь?

– Сей камень не простой, барин. Впрочем, сам про все узнаешь.

– Когда? – спросил Волков.

– Нынче. Я должен покинуть тебя одного, барин. Иначе голоса того не услышать. Не забоишься, барин?

– Нет.

– Потом обратной дорожки не будет.

– Обратной дорожки для меня давно нет, старик.

– Этак многие говорили, пока сами в тот омут не окунулись. Пока есть у тебя время от всего отказаться и уйти, барин. Или думаешь, что все тебе подвластно? Человек лишь пылинка пред темными силами. Им нет дела до чинов и коллегий разных.

Волков махнул рукой, и Тит Ипатыч ушел. Он не желал более в сем проклятом месте оставаться. Пусть сам чинов-

ник разбирается.

Степан подошел к алтарю.

Свечи дрогнули и снова загорелись ярко. словно ветер пригнул их пламя. Чиновник вздрогнул.

Что это было?

Послышался плач. Волков огляделся. Никого. Только каменные сырые стены тайной молельни. И ни души.

Снова тишина. Волкову стало не по себе. Страх невидимой змейкой пролез вместе с холодом в его душу.

«Проклятое место. И кто устраивает такие вот молельни из христианских вельмож? Хотя не дух со мной играет, но человек. А если так, то и бояться нечего».

Кто-то снова заплакал.

– Кто здесь? – спросил Волков.

Но снова рыдания. И ни души.

– Пугать меня вздумал?! – вскричал надворный советник. – Не стоит пугать меня! Я ведь не робкого десятка. При государе Петре Алексеевиче в драгунах служил.

– Степан! – раздался шепот.

Волков ответил:

– Напрасно напугать меня желаешь!

– Степан!

– Я здесь! Кто ты?

– А ты разве не узнал мой голос?

– Нет, – ответил Волков. – Откуда мне знать твой голос?

Ты задумал меня напугать? Это тебе не просто будет сделать.

– Твой голос дрожит, Степан. Ты уже напуган.

– Что тебе нужно? Говори!

– Припади к алтарю! – прозвучал приказ.

– Я токмо богу кланяюсь земно. А этот грязный алтарь не место для преклонения.

– Припади к алтарю!

– Нет! – сказал Волков. – Заставишь меня?

– Нет. Ты сам это сделаешь. Ведь ты пришел за ответами?

Припади к алтарю и тогда узнаешь, что надобно!

– И я должен тебе верить?

– Но попробовать стоит, Степан. Попробуй. Подойди к алтарю.

Волков подошел к серому камню.

– Преклони колени!

Он преклонил одно колено. Пусть себе позабавиться. Главное узнать, что надобно.

– Ты пришел спросить. Ты пришел получить ответы. Ты сомневаешься. Ранее ты никогда не сомневался, но сейчас иное. Ты шел по следу, но он привел тебя в никуда. И потому ты здесь.

– Скажи кто ты?

– Это решать тебе. Кем ты желаешь, чтобы я был? Духом?

Тогда я дух.

– Дух? Чей дух?

– Дух не имеет телесной оболочки. Возможно, что я некогда жил на земле и принадлежал к роду Кантакузен. А воз-

можно, что я древнее рода Кантакузен. Возможно, что я был в теле мужчины, а возможно и женщины.

– Твой голос – это голос женщины.

– Это не так важно. Ты хочешь слышать женский голос, и ты его слышишь. Важно иное, Степан. Что ты хочешь найти в доме князя Кантемира?

– Истинную причину того, что произошло, – ответил Волков.

– А зачем?

– Я выполняю свой долг перед государыней и должен поймать того, кто преступил закон.

– А если это твоя жена! Ты готов привлечь её к суду?

– Жена?

– Твоя жена! – сказал голос.

– Елизавета Романовна?

– Но, если это она совершила преступление против государыни. Ты готов наказать её?

– Моя жена к этому делу отношения не имеет.

– А ты знаешь, кто твоя жена? – спросил голос.

– Знаю.

– Знаешь? И кто же родители твоей жены?

– Роман Салтыков её отец. Мать её Варвара из роду Арсеньевых происходит.

Голос добавил:

– Ведь жена твоя принадлежит к младшей ветви рода Салтыковых.

– И что с того? Я и сам не принц, а простой дворянин.

– Странность есть. Мать жены твоей, Варвара Арсеньева, по мужу Салтыкова, детей не имела никогда.

– Мать моей жены? – не понял Волков. – Как это? Как она не могла иметь детей? А Елизавета?

– В семье у секунд-майора Романа Салтыкова и Варвары Арсеньевой детей не было. Наказал бог их за грехи, как говорили попы.

– Ты хочешь сказать, что Елизавета не их дочь?

– Я сказал то, что хотел сказать. Варвара Арсеньева детей не имела. Это ответ на твой вопрос.

– Но кто тогда мать Елизаветы?

– А ты сам узнай про сие, Степан Андреевич. На Москве в доме у старухи одной, что кормила Варвару Арсеньеву во младенчестве.

– И что может сказать мне старуха? Я не за тем прибыл сюда и согласился спуститься в эту келью. Ты сам неизвестно кто, и только запутываешь меня больше, а не даешь ответы. Где они ответы на мои вопросы? Что в доме Кантемира происходит?

– А ты так того и не понял, Степан?

– Вот потому, что я понял кое-что, я и здесь нахожусь. Управляющий запутать меня желает. Несет всякий вздор. Сюда меня направил. Но вместо ответов получил я новую загадку – моя жена не дочь Варвары. Но сразу становится новый вопрос – а чья она дочь? Дом Кантемиров какое отно-

шение к сему имеет? А дело о вурдалаке здесь каким боком?

— Не ты ли говорил, что де нет никакого вурдалака, Степан?

— Говорил! И ныне скажу, что не дал ты мне ответов никаких! Только запутал все еще больше.

— Я дал тебе ответ! Самый главный ответ. Я дал тебе путь, по которому тебе следует идти.

— Ты желаешь сказать, что за всем стоит моя жена? Но это смешно.

— А ты помнишь, отчего доктор де Генин взялся следить за здоровьем твоей жены, Степан?

— Я просил его сам. Тогда Лиза почувствовала недомогание. И он взялся помочь.

— Генин затем постоянно стал интересоваться состоянием здоровья Елизаветы. Разве не так? А с чего это, если более она не хворала почти?

— Дружеская любезность доктора...

— Нет. Все дело в ином. Но это тебе стоит спросить у самого де Генина.

— Я спрошу его, если он жив.

— Он жив и скоро ты его увидишь, Степан.

— А смогу ли я увидеть моих товарищей по службе?

— Карпова и Тарле? А ты уверен, что сии господа хотят того же, что и ты, Степан?

— Мне кажется, что они люди чести.

— А ты присмотришься к ним внимательно.

– Значит, они живы? – спросил Волков.

Но ответа не последовало. Степан вдруг перестал видеть, словно некто одним дуновением задул все свечи, и пространство молельни погрузилось во тьму...

***

2

Имение Кантемиров.

Комната, выделенная Степану Волкову.

Волков открыл глаза. Над ним стоял Иван Карлович Тарле.

– Слава богу, Степан Андреевич. Я уже волноваться начал.

– Что такое? Где я?

Волков попытался приподняться на кровати, но не смог. Он был слаб и его голова болела. Словно кто-то ударил его дубиной.

– Лежи смирно, Степан Андреевич. Ты в доме у Кантемиров в Архангельском.

– А ты как здесь, Иван Карлович? Я искал тебя...

– Привез сюда тело господина Карпова, Степан Андреевич.

– Карпова? Ничего не могу понять. Что с ним?

– Помер.

– Помер? Как?

– Страшно помер господин Карпов. Тело его задубело на морозе. Осмотрел его и ни единой раны не нашел. Отчего

помер неизвестно. Но глаза его открытые в себе ужас таят.

– Где ты нашел его, Иван Карлович?

– В Ведьминой гати.

– А сам как выбрался оттуда? – спросил Волков.

– Отпустили меня ведьмы. Не хотели моей жизни. Но более туда я ни ногой. Да и пути туда не знаю, признаюсь. Коли отпускают тебя ведьмы, то путь сам открывается. А коли нет – тогда пропадешь, как господин Карпов сгинул.

Волков откинулся на подушках. Сознание его снова покинуло...

***

Он снова очнулся во тьме.

– Иван Карлович! – позвал он. – Отчего темень такая?

Прикажи огня подать...

Двери скрипнули, и в комнате появился человек с подсвечником.

– Ты что-то сказал, Степан Андреевич? – спросил голос.

– Отчего темно так?

– Дак ночь, Степан Андреевич. И на дворе непогода. Слышь, как вьюга завывает. Метель. Замело все. За воротами глаз не поднять. Бесовская ночь.

– Что с голосом у тебя, Иван Карлович?

– Я Карпов Петр Антипович – коллежский секретарь. Али позабыл, Степан Андреевич?

– Карпов? Но ты умер, Петр Антипович!

– Умер? Жив покуда, Степан Андреевич. И помирать не

собираюсь.

– Но мне совсем недавно сказал про сие Иван Карлович Тарле.

– Быть не может того. Мы с Тарле вдвоем выбрались из Ведыминой гати. И ты отдал приказ Тарле возвращаться в Москву.

– Я? Но ты говоришь, что метель...

– Да то накануне было. Ты почти сутки спал после того.

– Не помню ни про какой приказ, Петр Антипович. Что стало со мной?

– Ты упал и ударился головой. Мы с Тарле прибыли в дом и Тит Ипатыч сказал нам, где искать тебя. Мы пришли и увидели, что лежишь ты у алтаря и большая рана на твоём затылке. А рядом никого.

– Проклятие. А с чем я Тарле послал на Москву?

– Дак узнать про твою жену Елизавету Романовну. Ты сказал, что кормилица старуха Лавреиха на Москве живет и поведает некие тайны.

– Совсем ничего не могу вспомнить, Петр Антипович. Совсем ничего.

– Да болен ты, Степан Андреевич. Местная стряпуха отвар тебе приготовила целебный. Выпей. Пока теплый.

Волков выпил и снова уснул.

Карпов поставил на столик чашу с питьем. Затем заботливо поправил одеяло надворного советника...

***

Москва

Москва 1732 год. Декабрь.

Дом Лавреихи.

Иван Карлович Тарле был удивлен, как живет простая кормилица. У старухи был каменный добротный купеческий дом в два этажа. Стены его были облицованы гранитом и перед входом красовались две фальшивые колонны.

– А палаты не хуже чем у самого Волкова. С каких таких прибытков шикует старуха?

Он постучал молоточком в двери. Не открывали долго. Затем отворилось небольшое окошко.

– Кого бог принес? – спросил старушечий голос.

Тарле ответил:

– Коллежский ассессор Тарле по государеву делу!

– Ась?

Тарле повторил:

– Коллежский ассессор Тарле по государеву делу!

– Чего? – переспросила старуха. – С закладом пришли?

– По государеву делу! – снова громко отчеканил Тарле. –

Чиновник юстиц-коллегии!

– Ох, и напугал ты меня, батюшка. Никак в толк не возьму кто таков.

– Открывай старуха и все поймешь! Живо!

Хозяйка долго возилась с замками и засовами. Тяжелая окованная железом дубовая дверь, скрипя несмазанными

петлями, отворилась. Перед чиновником предстала сгорбленная фигура старухи в поношенном и засаленном платье. На её голове был повязан старый плат.

– Проходи, батюшка.

Тарле вошел.

– Ох, и плащ у тебя дорог, господин.

– Прими! – Тарле скинул его.

Старуха повесила его на гвоздь, продолжая нахвалять ткань и мех.

– В горницу прошу, барин. В горницу.

Иван Карлович прошел в дом. В большой горнице было холодно. Камин не топили.

– Хозяйка где?

– Дак я и есть хозяйка, батюшка.

– С чего так не топлено? – спросил чиновник старуху.

– Да дрова дороги больно, барин. Откель денег взять?

– Заклады берешь, кочерыжка старая. А на дрова нет денег?

– Дак копеечка ныне не дорога. Коли по людям ходит, то подружку за собой ведет.

– Ты, стало быть, и есть старуха Лавреиха?

– Я, батюшка. Я самая.

Тарле сел на деревянный стул. Старуха примостилась на трехномом табурете.

– Я чиновник юстиц-коллегии. Прибыл к тебе, бабка, по государеву делу. А ты должна правдиво ответить на все мои

вопросы.

– Ох, никак в толк не возьму, про что молвишь, батюшка. Откель прибыль-то? Бедна я. О прибылях токмо мечтать могу.

– Вот заладила про прибыль. Я по велению матушки-государыни! И дело срочное привело меня в твой дом! Скажи мне, бабушка, откуда у тебя такой дом?

– Ась?

– Дом у тебя откуда такой?!

– Да щедротами барыни моей.

– Щедротами? Щедро одарила тебя твоя барыня. Не слышал до сих пор, чтобы так слуг одаривали. И за что такая честь тебе?

– Дак вскормила я барыньку свою. Она и пожаловала меня.

– Такими хоромами? Не делай из меня дурака, бабка. Ты, карга старая, ростовщичеством промышляешь. Заклады берешь. И денег тебе на те нужды надобно много.

– Чего говоришь, касатик, никак в толк не возьму, – затрясла головой бабка.

Тарле это надоело. И он решил действовать более жестко.

– Я чиновник юстиц-коллегии. Ты, видать, не знаешь, что сие значит?

– Не знаю, батюшка. Откель мне знать-то убогой? Прости дуру.

– Так я тебе сие знакомство организую. Нынче заберу те-

бя с собой в Приказ разбойный. А там имеются великие искусники. Они те все и растолкуют. Поручные палача страсть как любят с процентщицами толковать по душам.

– Что ты, касатик? Зачем в разбойный? Я чай не тать. За что меня в разбойный?

– Стало быть уши прочистило?

Тарле решил окончательно ошеломить старуху:

– По велению государыни императрицы и графа Бирена всех, кто касательство к сему делу имеют приказано брать за караул и ставить на пытку!

– Прости, касатик! Я все скажу, про что знать желаешь!

– Так бы и сразу! Ты кормилица была в дому секунд-майора Салтыкова?

– Я, батюшка. Вареньку выкормила. Я служила в их дому.

Тарле не понял ответа:

– Погоди! Какую Вареньку? Лизоньку.

– Я состояла в дому господина статского советника Арсеньева. И там дочку барина мово Вареньку кормила!

– Арсеньева? А что по дому Салтыкова?

– Дак это потом Варенька вышла замуж за Романа Салтыкова. А она, душа добрая, перед смертью своей отписала мне три тыщи рублей серебром. Отсюда и дом, и кое-какие денежки. С тех пор я здесь живу и в рост денежки даю.

– Так ты была в услужении у Арсеньевых?

– Точно так, касатик. У статского советника Арсеньева Ивана Кузьмича.

– А в доме у секунд-майора Романа Салтыкова?

– Дак стара я стала к тому времени, касатик. Какая из меня кормилица? Тогда, когда Варенька народилась, я молодая была. Да и не было у Вареньки моей деток. Бог не дал.

– А у Романа Салтыкова и могли быть дети незаконные?

– Про сие ничего не ведаю, касатик...

***

4

Москва 1732 год. Декабрь.

Дом генерал-поручика Арсеньева.

Иван Карлович отправился в большой московский дом отставного генерала Арсеньева Ивана. Сказывали, что он совсем недавно переехал из Петербурга в Москву.

Генералу было около пятидесяти лет, и служил он по квартирмейстерской части. Много чего за службу накопил и ныне жил на широкую ногу.

Чиновника он принял сразу. Знал, что действует Тарле по прямому приказу государыни императрицы.

– Готов, сударь, оказать любое содействие в вашем деле.

Но право не знаю, чем помочь вам смогу.

– У меня вопросы касаемые Варвары Арсеньевой.

– Варвары? Но это странно, сударь. С чего это она вас заинтересовала?

– Сие касаето дела, по коему я работаю по приказу государыни.

– Тогда я готов ответить. Что вы желаете знать, сударь?

– Она ваша сестра?

– Варвара?

– Да, Варвара Арсеньева.

– Мой отец покойный был старший брат её отца. Она вышла за Романа Салтыкова. Но отношений мы не поддерживали. Я служил в Петербурге. А Роман в Москве. Он, сударь, хоть и роду Салтыковых, но не прямой ветви, а побочной.

– А дети? – спросил Тарле.

– Дети?

– У вашей сестры были дети?

– Но я уже имел честь сказать, что виделись мы редко, сударь.

– Но вы не можете не знать были ли у Варвары дети?

– Не знаю ничего о детях её.

– Как? А Елизавета Романовна Салтыкова наследница имения и дома в Москве, где жила ваша сестра.

– Ах, вы про Лизавету изволите говорить? Дак моя сестра воспитала её как дочку.

– Значит Елизавета не дочь вашей сестры?

– Нет, сударь.

– Но её отец Роман Салтыков?

– Должно быть так.

– Что значит «должно быть», генерал?

– А то и значит, что я сего не знаю. Не мое сие дело лезть в дела салтыковские. Салтыковы ведь родня нынешней императрице всероссийской. Мать нынешней царицы Праско-

вья роду Салтыковых. Я в сие дело не полезу! Так и знайте, сударь. Мне неприятности не надобны.

– Но Роман Салтыков чинов больших не достиг. И царице Прасковье он седьмая вода на киселе.

– Но все же он роду Салтыковых!

– Я не могу вас понять, генерал. С чего вы не хотите ответить на мои вопросы? Что я такого у вас спросил, что могло вас напугать?

– Я не испуган, сударь. Я лишь ответил вам, что я не знаю с кем Роман Салтыков прижил свою дочь Лизу.

– А мужа Елизаветы вы знаете?

– Нет, сударь. Мы не встречались. Я уже сказал вам, что мы не особенно дружны.

– А что скажете, о кормилице в доме вашего дяди?

– Моего дяди?

– Вы сказали, что ваш отец старший брат отца Варвары Арсеньевой.

– Это так. Но я не знаю ничего о прислуге в его доме. Странные вопросы задаете, сударь. Могу ли я знать, кто и когда служил в доме секунд-майора⁴⁴ Салтыкова?

– Я не про Салтыкова спросил вас, генерал. Вы не поняли меня.

---

⁴⁴ *Секунд-майор. С 1716 года в каждом полку была два майора премьер-майор, заместитель командира полка полковника, и секунд-майор помощник подполковника, зама командира полка. Секунд-майор был четвертым по старшинству офицером полка. С 1796 года разведение на премьер- и секунд майоров было отменено (примечание автора).

– Так повторите свой вопрос, сударь.

Тарле видел, что генерал нервничает.

– Вы изволили сказать, что Варвара Асеньева ваша сестра? Ваш отец и её отец были братьями? Сие так?

– Да, сударь. Варвара моя кузина. Но вы ведь хотите знать про её кормилицу?

– Именно так, генерал. Кормилица в доме господина Арсеньева, которая выкормила вашу кузину Варвару.

– Я не могу вспомнить кто она. Но с сего вас заинтересовала служанка?

– Дело в том, генерал, что сия кормилица ныне дает деньги в рост и заклады принимает.

Генерала это удивило:

– Но для сего дела деньги надобны.

– Вот и я о том, генерал. И сказала мне сия женщина, что барыня пожаловала ей около трех тысяч рублей.

– Что? Лиза Салтыкова? Три тысячи? Сумма изрядная.

– Не Лиза, а Варвара, генерал. Лиза дочь Варвары Арсеньевой. По меньшей мере она считалась таковой. И я хотел бы знать, за что она проявила такую щедрость к бывшей кормилице.

– Брат моего отца не был богат. Я, конечно, не хочу сказать, что у него не было гроша за душой. Это не так. Деньги у него были. Он был не мот и не гуляка. Но подарить три тысячи! Это слишком.

– А за что она могла быть так благодарна Варваре?

– Этого я не знаю, сударь.

Тарле покинул дом генерала и сел в свои сани. Кучер погнал лошадей.

«А может дело именно в сем родстве? – подумал он. – Может некто противу государыни копает? Начали издалека. С чего это Волкова именно по следу жены направили? И с чего нас с Карповым вдруг отпустили? Надобно сей клубок распутать. Но слишком резво действовать не стоит. Арсеньев прав. Салтыковы родня государыне⁴⁵».

***

Генерал Арсеньев не стал сообщать главного чиновнику. Лизавета Салтыкова хоть и не родная дочь его сестры Варвары, как говорили, но походит на неё лицом как две капли воды.

Жена его Дарья Ивановна спросила мужа:

– Сказал ему?

– Нет, – ответил генерал.

– А надобно было портреты ему показать! Варвары и дочки её Лизки!

– Нет! – вскричал генерал. – Я в сие дело лезть не стану.

---

⁴⁵ * Прасковья Салтыкова стала женой родного брата и соправителя Петра I Ивана Алексеевича. От этого брака родилось три дочери Екатерина, Анна, Прасковья. Анна Ивановна была избрана в 1730 году на российский трон. Так престол перешёл потомкам Ивана от потомков Петра. Но после смерти Анны на престол империи вступила дочь Петра Елизавета. А она утвердила на троне своего племянника Петра-Ульриха, сына своей сестры Анны Петровны. Так трон снова перешел к Петровичам (примечание автора).

Сама понимаешь, что Салтыковы родня государыни! Мало что там у них произойдёт.

– Да ведь сей чиновник по именному повелению действует! Стало быть, сама государыня...

– Не стоит тебе лезть в эти дела, жена.

– Но что такого он просил тебя рассказать?

– Варвара моя кузина. И коли наше родство известно станет, то и меня к сему делу приплетут. А зачем оно нам?

– Дак сыщики уже на тебя вышли. И про родство знают.

– Но я в дела салтыковские не лезу, и лезть не стану. Какое мне дело до того чья дочь Лиза? И что нам за дело, что она и Варвара похожи? Мало ли на свете людей похожих?

– Но говорят, что сама Варвара и стала Елизаветой. От того и сходство меж ними.

– Кто сказал тебе сию ерунду?

– Люди говорили.

– Это было давно и сей вздор все позабыли.

– Но могут вспомнить!

– Нет, если ты престанешь болтать!

Дарья Ивановна пожала плечами. Генерал продолжил:

– Более никаких разговоров про портреты в моем доме. И ты не вспоминай про это, жена.

– Да ведь сей чиновник по именному повелению действует! Стало быть, сама государыня желает знать про те давние дела.

– Государыня интересуется тем, что произошло в дому

Кантемира! Волков чиновник сыскного ведомства. Он ведет следствие. И все.

–Но тогда зачем этот чиновник от Волкова интересовался Варварой?

–Не знаю. Откуда я могу это знать?

–Волков кое-что знает. И не просто так он вышел на тебя, друг мой. Сей чиновник хороший сыщик. Про сие я верно узнала. Говорят, что он не сребролюбив и честен в отношении своего долга.

–И что с того? Мне какое дело?

– Рассказал бы все, и государыня оценила бы твоё рвение и преданность. А так, коли узнают, что ты скрыл...

– Хватит! Я лучше знаю, что делать!

– Не думаю, что ты прав, мой друг.

Дарья Ивановна ушла из комнаты, оставив мужа одного...

***

5

Имение Кантемиров.

Комната, выделенная Степану Волкову.

Волков открыл глаза. На этот раз свет солнца пробивался сквозь узкое окошко его спальни. Рядом не было никого. Он откинул теплое меховое одеяло и встал с кровати.

В комнату вошел коллежский секретарь Карпов.

– Степан Андреевич! Ну, слава богу!

– Петр Антипович? Помоги мне.

Карпов подал ему руку, и они прошлись по комнате.

– Сильно меня приложило.

– Лекарь говорил, что вы можете помереть. С неделю лежали. Знахарку звали, и она вам отвары готовила. Говорила, что побывали вы в проклятом месте. Потому ваша жизненная сила и ушла.

– Чувствую себя совершенно разбитым. Помоги мне сесть.

Карпов подвел его к кровати. Он помог надворному советнику. Затем сказал:

– А ваш приказ я выполнил.

– Приказ?

– Вы приказали мне ту самую черную молельню осмотреть. Я сие сделал.

– И что там?

– Ни одного тайного хода. Никаких потайных дверей.

– Значит тот голос, что я слышал, не был голосом живого человека?

– Про то ничего сказать не могу.

– Я могу поручиться, что слышал голос и говорил с ним. И даже нечто показалось мне в этом голосе знакомым. Словно я ранее слышал его. Но вот где слышал?

– Но вы не сказали, Степан Андреевич, чей голос был мужской или женский?

– А вот в этом еще одна странность, Петр Антипович. Иногда мне казалось, что говорит мужчина. А иногда голос становился мягким и звонким, словно говорила женщина.

–Тогда возможно и не было голоса, Степан Андреевич?

–Как не было?

–Возможно, что все только в голове у вас было? Я с подобным сталкивался, Степан Андреевич.

–Уж не в сумасшедшего ли ты рядишь меня, Петр Антипович?

–Нет, что вы, Степан Андреевич. Я не про то. Бывало так бесы с человеками играют. От того и голоса их кажутся знакомыми.

–Но если голос в моей голове токмо был, то откуда он знал все о вас с Тарле? Нет. Здесь дело посложнее.

–Я иную странность заметил, Степан Андреевич. И тоже весьма и весьма интересную.

–Какую, Петр Антипович? – спросил Волков.

–Нас с Иваном Карловичем держали в «Ведьминой гати».

–Это я знаю. И что с того?

–Казалось мне, что сия гать далеко отсюда. Долго я добирался до неё. В первый раз мой кучер долго кружил по окрестностям.

–И что?

–А то, что потом, когда нас отпустили, оказались мы в имении быстро.

–Быстро?

–Правда связали нас по рукам и ногам и головы мешками закрыли. Тарле спал, ибо опоили нас сонным зельем перед тем. Но я то зелье не пил. Для виду только. Затем выплюнул.

– И?

– В пути мы были не больше получаса.

– Значит сие место рядом?

– Да. Вчера я исследовал местность и нашел старый домик. В версте отсюда. И нашел там мой платок, что я в сене спрятал.

– Вы были неподалёку от имения? – удивился Волков.

– Именно, Степан Андреевич.

– Но с чего тогда разговоры о таинственной «Ведьминой гати», что скрывается где-то в лесах? Ведь не просто так все это придумали. В этом есть смысл.

– И кому сия комедия потребна?

– Тит Ипатыч! – сказал Волков. – Надобно сего управителя барского допросить. Он говорил, что знает, где «Ведьминая гать».

– Сделаю, Степан Андреевич.

Но отыскать управляющего не удалось. В доме его не было. Искали в деревне и тоже не нашли. Он словно сгинул, как его и не было...

***

Карпов после этого посетил дом сельского священника отца Михаила. Но и того не застал. Сказала служанка, что де уехал батюшка с неделю назад на Москву. Да покуда не возвратился обратно...

***

Тит Ипатыч скрылся в тайном домике. И про сие место

окромя него мало кто знал среди слуг в имении. Здесь все было приготовлено и одежда, и немного денег в подполе припрятано, и запас припасов. Ипытыч припер сюда бочонок романеи, да водки гданской, да медов местных, что в их имении делали. Так что сидеть можно было хоть год, и никакая ищейка не надет тебя.

Там его навестил нужный человек. Уж он знал о сем убежище, не хуже самого Ипатыча. Этот человек по долгу своей службы должен был быть в курсе всего.

Трижды постучал в двери. Тит отворил, узнав тайный знак.

– Здравствуй, Тит. Ты, я вижу, устроился хорошо.

– Припас кое-чего на черный день. Желаеть водки выпить?

Но пришедший не обратил внимания на предложение хозяина. Он спросил о своем:

– Сбежал, Ипытыч?

– А что оставалось?

– Ежели человек дурак, то сие до гробовой доски, Ипатыч.

– Ты про что? В толк не возьму.

– Ты дураком не прикидывайся, Ипатыч. Тебе известно, про что я говорю.

– Ты меня винишь? Так я тебя понял?

– Прознал Карпов про наши игры с гатью. А как прознал? Я сколь раз говорил, что все надобно в тайне держать? Но куда там! Разве вы дело способны нормально сделать?

Ипатыч стал оправдываться:

– Это от того, что холопы дело делали спехом и без внимания.

– А ты на что? Отчего Карпов не заснул? Отчего он свой платок там оставил, а ты его не нашел?

– Не досмотрел, – сказал управляющий.

– То-то что не досмотрел. А таких ошибок нам не простят, – сказал человек. – Знаешь, что с нами могут сделать?

– Как не знать. Спаси нас Господь от напасти.

– Волков как узнал про гать, сразу за тобой послал. Но ты молодец, что сбежал вовремя.

– Дак не сказал бы я ему ничего.

– Не сказал бы? Это Волков. Не кто-либо. Сей господин знает как следствие вести. Но дело сейчас не в этом, Тит.

– А в чем?

– Наш хозяин не желал открытия секрета гати. Она еще была ему нужна. Сколь много сию легенду создавали мы в здешних местах. Многие проезжие господа тот лесок десятой дорогой обходили. А ныне что? Ныне Волков заявил, что нет никакой «Ведьминой гати».

– Холопишек наказать следует.

– Наказать слуг? Тит, ты должен был за ними следить.

– Прости меня.

– Я-то прощу. Но как быть с хозяином?

– Отслужу! – взмолился Ипатыч.

– Это верно, Тит. Ты еще делу нашему послужишь.

– Готов послужить хозяину.

– И послужишь. В том могу тебя заверить.

– Как? – спросил управляющий. – Чего делать надобно?

– Скоро Волков на Москву отбудет.

– И мне за ним ехать?

– Тебе? Нет, Ипатыч. Для тебя иная служба уготована.

– Какая?

– Мертвяком послужишь.

– Не возьму в толк, что...

Человек всадил длинный нож Титу в сердце. Лезвие прошло меж ребрами точно. Знал куда бить...

***

Волков все осмотрел лично в домике, где держали чиновников. Место было отличное для того, чтобы скрыть там неугодных людишек. Слава о сем доме ходила худая и потому никто туда без надобности не совался. Получалось, что раскрыли они тайну «Ведьминой гати».

– Видишь, как все обернулось, Петр Антипович? Но не один сей Тит Ипатыч здесь дела делал. Сбежал вовремя. А кто сообщник его? Мы не знаем. А может и не один у него сообщник.

– Хорошо если жив Ипатыч. Можно было бы его взять в Москву

– В приказ? Нет, Петр Антипович. Он управляющий в доме князя Кантемира. Шум нам не надобен.

– Дак его еще сыскать надобно, Степан Андреевич. Это я

так сказал.

Волков не мог всего рассказать Карпову. Сейчас он не верил до конца ни ему, ни Ивану Тарле. Ведь не помнил он, как послал Тарле в Москву. Но зато помнил, как сказал ему Иван Карлович о смерти Карпова. Как может быть такое? Только если его хотели обмануть и запутать. Но стоит вопрос – кто?

Карпов продолжил:

– Думаю, Степан Андреевич, что не мог далеко уйти Тит Ипатыч от имения. Он же здесь всем управлял и для себя место подготовил.

– Возможно, так и есть, Перт Антипович.

– Так надобно слуг опросить.

– Опросим, – согласился Волков.

– Поймать его надо. Сей Ипатыч многое нам рассказать сможет. От него ниточка и потянется.

– Попробуем, сударь.

***

В имении в отсутствие управляющего всем стал заправлять капитан-исправник Осипов. Такая была договоренность с князем Константином Кантемиром. Много был дружен Осипов с Ипатычем и потому дела имения знал.

Чиновники застали Осипова в кабинете князя. Там он разбирал бумаги.

– Господин Осипов? – Степан был удивлен.

– Это я, господин Волков.

– Вы разбираете бумаги имения? А позвольте спросить...

Осипов перебил надворного советника и сказал:

– Я ныне здесь распоряжаюсь именем князя Кантемира.

– Вот как? И когда князь дал сие распоряжение?

– Сие было оговорено заранее, сударь. Коли случится, что с управляющим, то его место займу я, до назначения нового управляющего. А князь ныне за границей обретается. Да и власть я здесь представляю и не дам слугам озоровать. За людишками пригляд надобен.

– Но в Москве младший брат князя Антиох Кантемир. Может вам с ним связаться? – предложил Карпов.

Осипов надменно ответил чиновнику:

– В том нет надобности. Имение Архангельское принадлежит его сиятельству князю Константину. Брат его никакой власти здесь не имеет. А вам, господа, ежели надобно, я велю выделить лошадей и сани дабы до Москвы добраться могли.

– Но наши дела в имении не завершены! – ответил Волков капитан-исправнику.

– Неужели есть еще что-то, сударь, куда ваши чиновники носа не сунули? И что за то время узнать смогли?

– Мы с господином Карповым здесь по именному повелению государыни! И вам не следует забывать о моем чине, сударь!

– Сударь! – Осипов поднялся из-за стола. – Ныне я исполняю обязанности управляющего и должен подумать об интересах князя Кантемира. И чин ваш здесь не поможет. Ибо мне отвечать за все. А крестьяне совсем распустились. Тоже

могу сказать и о слугах в барском доме.

– Не хотите ли вы сказать, что гоните нас? – спросил Волков.

– Нет, сударь. Но я бы попросил вас делать ваше дело более расторопно. Тем более что и указ государыни о том говорит.

Карпов был возмущен наглостью Осипова:

– А вы нам не указывайте, как наши дела делать, сударь! Вы сами, что сделали, дабы отыскать управляющего беглого?

– Вверенные моей команде солдаты уже ищут пропавшего, сударь!

– А что можете сказать по поводу моего заточения и заточения господина Тарле? Здесь на нас было совершено нападение и нас лишили свободы.

– И сие дело мною разбирается, господа. И виновные будут найдены и наказаны.

В этот момент в кабинет вошел солдат из команды капитан-исправника.

– Ваше благородие! – обратился он к Осипову. – Дозвольте обратиться!

– Говори Гаврилин, с чем пришел?

– Нашли мы домик, о котором было говорено.

– И что там? Не томи, Гаврилин? – прикрикнул на солдата капитан. – Нашли Ипатыча? Он там?

– Так точно, ваше благородие! – гаркнул в ответ солдат. – Ипатыч в том самом домике!

–Вы нашли беглого? – спросил Волков. – Мне надобно с ним говорить!

Солдат ответил Степану:

–Сие никак невозможно, ваше благородие. Ипатыч мертвый. Зарезали его, и труп его уже окоченел. Тот, кто упокоил управителя, двери дома не запер и когда огонь погас там все и застыло.

Осипов обратился к чиновникам:

–Вот и ваша пропажа обнаружилась, господа. Коли желаете тело осмотреть, то солдат вас проводит.

–А вы не станете его осматривать? – спросил Карпов.

–Стану, но не нынче. Чего с трупом станет, коли заоченел он и мороз. Гаврилин, проводи господ офицеров к домику.

–Так точно, ваше благородие! Верхами мы быстро там будем...

***

В домике все обледенело. Через открытую дверь намело снега. Огонь в печи давно погас. На полу лежал умерший управляющий. Тело охранял другой солдат, закутавшийся в тулуп.

–Смирной ты еще не околел здесь? – спросил Гаврилин товарища.

–Околею вскорости! Когда затопить можно будет?

–Привез тебе двух офицеров. Может, посмотрят и разрешат тело мертвяка в сарай убрать. Ему сердешному все одно,

а нам здесь дежурить.

Степан Андреевич осмотрел тело. Удар был нанесен мастерски. Как старый солдат Волков оценил это.

– Видал, Петр Антипович, как убили?

Карпов ответил:

– Точно в сердце. Даже сообразить не успел, что умер.

– Ты на его рожу посмотри, сударь. Он удивлен был тем, что его убивают. Значит, знал того, кто это сделал и доверял ему.

– Это и без рожки понятно, Степан Андреевич. Домишко этот как тайное убежище был надобен. Смотри сколь всего запасено! И найти его не столь просто. С большой дороги не видать.

Волков оглянулся на солдат и спросил:

– А вы как нашли сей домик, служивые?

– Наш Смирной про этот домишко давно знает! – Граврилин кивнул на усатого солдата лет сорока. – Расскажи его благородию.

Смирной рассказал:

– Проследил я однажды за Ипатычем. Летом еще то было. Сами знаете, как жалование нам платят. И полушки в кармане бывало нет. А утроба горела. И смотрю я, а управитель сам бочонок гданской водки на телегу грузит. Я подумал, а с чего он сам таскает? Чего слуг не позовет? И проследил куда он телегу гонял.

– И выследил этот домик? – спросил Волков.

– Выследил и ходил сюда, грешным делом, за водкой и вином. Управитель его много припас. Я отливал помалу во флягу. Сего и не замечал никто.

– И часто Ипатыч сюда наведывался?

– Не часто. Токмо припасы сюда свозил. Видать знал, что в бега уйти придется. И завсегда сам это делал, слуг никого с собой не брал.

Волков и Карпов осмотрели домик, но ничего по делу не нашли. Степан сразу отметил, что денег в домике не было. Это ему было понятно. Солдаты почистили все, что могли до прихода начальства.

– Едем обратно, Петр Антипович. Здесь более нам делать нечего.

Смирной спросил:

– А нам чего делать, ваше благородие?

– А что вам приказал ваш капитан? – спросил Волков.

– Оставаться при доме и при покойнике.

– Так и оставайтесь.

– Тогда мы тело покойника в сарай снесем, а здесь печку натопим. А затем и водочки примем для сугреву.

Волков махнул рукой. Делайте, как знаете...

***

Возвращаясь в имение, они верхами объехали окрестности.

– Ты заметил, как изменился к нам капитан Осипов? – спросил Волков Карпова.

– Заметил, Степан Андреевич. Мешаем мы ему в имении. Только и ждет, когда мы уберемся.

– С чего это он так, Петр Антипович?

– А с того, Степан Андреевич, что пришло ныне его время. Имение богатое, а исполняет он обязанности временно. Сколь сможет хапнуть за сие время, то его. От того мы и застали его за бумагами. Ведь оброк барину уже отправлен, и подушная подать заплачена.

– Хорошо если только это его интересует.

– Не думаю я, Степан Андреевич, что Осипов в сем деле замешан. Мздоимец⁴⁶ он, это верно. Но где такого исправника взять, чтобы мзды не брал? А тут ему так свезло.

– А мог он управителя упокоить? Как думаешь?

– Не думаю, слишком сие дело опасное. Он при должности. Зачем ему рисковать?

– В этом ты, пожалуй, прав. Не слишком хитер капитан Осипов. Коли был бы хитер, то не стал бы нам грубить. А так сразу накинулся. Нет. Простоват он для такого дела.

– А нам что делать, Степан Андреевич? Станем розыск учинять по убийству управителя?

– Розыск? Нет. Управитель крепостной князя Константина Кантемира. Сие дело капитан-исправника местного. Нам Тит Ипатыч уже ничего рассказать не сможет.

– А коли дворню опросить?

– Знаешь, сколь времени сие займет, Петр Антипович? Да

---

⁴⁶ Мздоимец – взяточник.

и Осипов нам мешать станет.

– Думаешь, не даст проводить опросы?

– Спрашивать он позволит, но слуг запугает так, что они токмо мычать станут. И много ли толку будет от тех расспросов?

– Странное дело, Степан Андреевич. Действуем мы по приказу великой государыни, а дело может быть местным исправником заторможено.

– Или ты, Петр Антипович, с нашим сутяжничеством никогда дела не имел? Персоны высокие в столице сидят во дворцах. А здесь такие вот Осиповы хозяева. Надобно нам в Москву возвращаться...

Глава 17

Знак.

1733 год. Январь.

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Степан Волков вместе с коллежским секретарем Карповым возвращался в Москву. В имени им дали отличных лошадей, и они на санях быстро домчались до столицы. Погода стояла морозная. Чиновники, укрывшись теплыми тулупами, дремали, убаюканные мерным перезвоном бубенцов и стуком копыт.

У заставы ямщик разбудил их.

– Прибыли, ваши благородия! Я говорил, что мигом домчу! Эх, и кони!

– Московская застава?

– Она самая, ваше благородие!

Карпов соскочил с саней. Волков дал ямщику рубль серебром.

– Довезешь до моего дома, а затем и погулять можешь в трактирах московских. Домой не торопишься в Архангельское?

– А чего тропиться? Погулять завсегда можно! – весело отозвался мужик.

Волков посмотрел на Карпова.

– Домой, Степан Андреевич? – спросил тот.

– Да. Поеду осмотрюсь. Может от жены есть новости. Может уже и вернулась она.

– Завтра увидимся в канцелярии, Степан Андреевич?

– Да, Петр Антипович. Ты и сам домой поезжай. Выспись. Дел много еще.

– Это мне не помешает. Давно о том мечтал в своем доме на своей кровати отоспаться, после соломы в проклятой гати.

– А пуховики в доме Кантемиров как же, Петр Антипович? После гати ты мог на них вдоволь поваляться.

– А гори они огнем пуховики эти, Степан Андреевич. Не шибко доброе место дом Кантемиров...

***

Жены дома Волков не застал. Но она прислала ему письмо, в котором было сказано, что сидит она в имении. Ей ничего не угрожает, и просила не волноваться. Степан сразу отправил курьера к Тарле с приказом прибыть в канцелярию...

***

В канцелярии юстиц-коллегии Волков увидел спящих туда-сюда чиновников, и понял, что начальник Зотов нервничает. Он нагнал страху на подчиненных и канцеляристы забегали, страшась гнева Ивана Александровича.

– Что у вас, братец? – спросил он пристава Перцева.

– Страх как осерчали их высокоблагородие. Обещали всех гнать в три шеи.

– А что так?

– Так гневаются особы высокие.

– Вот как? И что сие за особы? – Волков усмехнулся.

– Дак я разве знаю? Мое дело малое, ваше благородие.

– Понятно. А ты братец, не видал ли господина Тарле?

– Как не видать? Видал. Они недавно прибыли в канцелярию.

– Пошли передать ему, что я его жду.

– Сделаю ваше благородие! – гаркнул Перцев. – Сей минут!

Тарле явился сразу. Ему было, что порассказать начальнику.

– Здравствуй, Степан Андреевич. Рад что ты вернулся в здравии, и рад что господина Карпова привез.

– Здравствуй, Иван Карлович. И я рад тебе. Но ныне дело на первом месте.

– Прибыл по твоему приказу.

Они заперлись в кабинете Волкова. Там было холодно, ибо слуги камин не растопили и дров не принесли.

Волков выругался про себя на нерадивость обслуги, но вслух говорить того не стал. Ныне недосуг. Он сел в кресло и закутался в меховой плащ. Тарле сделал тоже.

– Что скажешь, Иван Карлович? Как ныне тебе сие дело

видится?

– Путанное дело и конца ему нет. Чем больше тянем за ниточку, тем клубок более. Вот что я узнал по твоему делу, Степан Андреевич.

– Говори.

– Был у старухи-кормилицы жены твоей Степан Андреевич.

–И что?

–Как и сказать не знаю.

–Ты говори, Иван Карлович. Мы люди свои.

–Дело касается твоей жены, сударь.

–И что ты узнал, Иван Карлович? Говори, не томи.

–Получается, что твоя жена не дочь Варвары Арсеньевой. Сказала это старуха Лавреиха и отставной генерал Арсеньев сие подтверждает.

–А чья она дочь? Что сказала Лавреиха?

–Того она не знает, Степан Андреевич. Но сказала, что детей у Вареньки не было. И пожаловала Варвара сию Лавреиху слишком щедро. Генерал Арсеньев считает, что Елизавета Романовна дочь майора Салтыкова от неизвестной метрессы. А Варвара лишь признала её своей.

–А если врут они? – спросил Волков.

–Кормилица или Арсеньев?

–Оба.

–Зачем сие, Степан Андреевич? Что им с того вранья?

–Возможно, что имеют они резоны лгать, Иван Карлович.

Но если они и не врут, то как сие к делу Кантемиров относится?

– Кто знает, Степан Андреевич? Но отец жены твоей – Роман Салтыков! Родня государыни! Смекни, Степан Андреевич! А если сие дело против государыни направлено?

– Какая родня, Иван Карлович? Такой родни у государыни пруд пруди.

– Но он роду Салтыковых! Никто не знает, чья дочь твоя жена Елизавета Романовна. Кто мать её?

– Всегда думал, что её мать Варвара. Она её матерью величала всегда. Так и все наши знакомые думают.

– А если она дочь иной особы? – тихо спросил Тарле.

– Какой?

– Вот в сем и может быть весь секрет, Степан Андреевич. В сем и может быть та самая связь, о которой ты упомянул. Надобно её саму расспросить.

– Лизу?

– Ведь сам посуди, тебе некий голос сказал, что у Варвары Арсеньевой детей не было. И где сие произошло? В доме в молельне бесовской, где старуха Кантакузен поклонялась дьяволу. Все на этой старухе замкнулось.

– Все это пустое, Иван Карлович, – отмахнулся Волков.

– Пустое? Ты что, Степан Андреевич? Сии сведения весьма интересны. Здесь можно связь с Водой жизни усмотреть.

– Вода жизни? Ты снова про эликсир философов, Иван Карлович?

– Кассандра Кантакузен той тайной владела. И называют иногда её «старуха Кантакузен». А если не старуха она вообще?

– Не понял тебя, Иван Карлович.

– Если не старуха она. Вспомни, Степан Андреевич, что узнали мы. Прибыла Кассандра Кантакузен и была среди её свиты девка именем Власта. Я говорил со слугами в имении, которые давно в услужении у Кантемиров состояли. И сказали мне, что де слишком опекала Власту Кассандра. А с чего сие?

– И каково твое мнение?

– Думаю, Степан Андреевич, что Власта была той, на ком эликсир пробовали.

– Но тогда если он подействовал на Власту, отчего сама Кассандра не приняла его?

– А с чего ты взял, что не приняла? Возможно, что она как раз принимала Воду жизни.

– Но Кассандра умерла!

– А как бы смогла она объяснить свою молодость? Возможно, что умерла не она. А настоящая Кассандра здравствует и поныне. Вот ты говорил мне, Степан Андреевич, что княжна Черкасская книгу Кантакузенов читала.

– Сказала она, что передали ей книгу от меня, Иван Карлович. Но я сию книгу тебе отдал.

– Вот и здесь еще одна странность, Степан Андреевич. У меня сию книгу похитили, и оказалась она у Варвары Чер-

кассой.

– Похитили? – удивился Волков. – Я не знал этого.

– Не стал я тебе говорить, Степан Андреевич. Тогда у тебя и без этого забот хватало.

– И кто мог её похитить?

– На этот вопрос я не могу ответить, Степан Андреевич.

Пропала книжица и все.

– Но где пропала? В твоей квартире или здесь в канцелярии?

– Из квартиры пропала, сударь.

– Но точно ли украли её? Может ты сам кому отдал?

– Нет, Степан Андреевич. Похитили. И оказалась книга у Варвары Черкасской. Вот бы узнать, откуда она взяла её.

– Уже сказала княжна, что предали ей книжку от моего имени.

– А если она солгала?

– И что с того? Кто даст нам с тобой княжну Черкасскую допросить? Она сама мне все пояснения дала. Чего еще? Я не могу обвинить княжну во лжи. Да и нет полной уверенности, что она лжет, Иван Карлович.

– А мне думается, что знает она гораздо больше, чем говорит, Степан Андреевич.

– Возможно это так. Но с этой стороны нам ничего не светит.

– А если тебе Бирена попросить? Пусть поспособствует.

– О допросе княжны? Ты в уме ли, Иван Карлович? Она

дочь Сибирского губернатора и первого богача империи! Не станет нам в том граф помогать...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Трактир «У бочки».

На следующий день Иван Карлович Тарле получил странное приглашение. Его передал на словах молодой трактирный служка.

– Вы будете его благородие господин Тарле?

Иван Карлович осмотрел слугу. Был это малый высокого роста с шельмовской рожей. К такому спиной не повернись. Пырнет ножиком и ограбит подчистую.

– Я коллежский асессор Тарле. А ты кто такой? Что-то рожа твоя мне знакома.

– Слуга в трактире «У бочки». Вы меня там видели, ваше благородие.

– Может и так. Чего тебе нужно?

– Есть поручение до вас.

– Поручение? От кого?

Слуга сказал:

– Вчера был в трактире нашем один слуга именем Петр. И служит тот Петр в доме у генерала Арсеньева. И он попросил меня передать вам, ваше благородие, что имеет, что вам сказать.

– Слуга назначил мне встречу? – удивился Тарле.

– Но сказал Петр, что станет с вами говорить не просто так, а за 25 рублей серебром.

– Что?

– Это его слова, ваше благородие. Так и сказал: «Двадцать пять рублей серебром». И ждать он вас станет сегодня. Но коли не придете, или платить не пожелаете, то ваше дело.

– Говори время встречи.

– А денег вы не пожелаете? Токмо после уплаты говорить с вами станет Петрушка.

Тарле протянул службе рубль и спросил еще раз:

– Время, когда станет ждать меня Петрушка?

Слуга ответил и, сунув монету в карман, тотчас исчез...

***

Иван Карлович в назначенный час отправился в трактир «У бочки». Конечно, это было большой наглостью со стороны простого крепостного слуги назначать ему встречу. Как ни как, а он был коллежским асессором. Но знал Иван Карлович, как много полезного могут сообщить слуги в богатых домах о тайнах своих хозяев.

Камердинер генерала Арсеньева Петр ждал чиновника в дальнем углу, закутавшись в кучерский армяк.

– Ты и есть Петр? – спросил его Тарле.

– Я, господин. Я Петр и состою при моем барине в должности камердинера.

– Ты камердинер генерала?

– Да. Но говорите тише. Никто не должен знать, что я здесь. Садитесь рядом и выпьем водки, дабы никто в вас полицейского не заподозрил.

Тарле сел на лавку.

– Я чиновник юстиц-коллегии, а не полицейский.

– А вот сие без разницы, сударь. Ни вам, ни мне, лишняя слава не нужна. Вы принесли, что я просил?

Тарле вытащил бархатный кошелек из кармана своего кафтана.

– Там все? Все двадцать пять рублей?

– Здесь тридцать рублей серебром, Петр. Но ты должен мне сказать свою тайну. Может и не стоит она такой суммы.

– Стоит, сударь.

Тарле отдал кошель. Слуга быстро спрятал его.

– А теперь говори, – приказал чиновник.

– Мой господин, его превосходительство генерал Арсеньев, не все вам сказал, когда вы к нему приходили.

– А ты знаешь то, о чем он промолчал?

– Про это и пришел вам поведать, сударь. Барин то мой слишком скуп со слугами верными. И полтины не пожалует. Все ключи от буфетной с собой носит. Иное дело у других господ. Вон у князя Щербатова слуги как живут? Нам ли чета?

– Ты пришел мне рассказать о своих бедах, Петр? Дело говори.

– Как прикажете, барин. Я готов все рассказать, коли де-

нежки уплачены.

– Давай к делу!

– Снова вы голос повышаете, сударь. Нам следует говорить тихо...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Тарле сразу после разговора со слугой отправился в канцелярию юстиц-коллегии и нашел там Волкова.

– Есть срочный разговор, Степан Андреевич.

– Что у тебя, Иван Карлович? Занят я ныне.

– Дело срочное! Отлагательств не терпящее!

– Хорошо! Говори!

– Узнал я кое-что важное. И сие может нам помочь в нашем деле, Степан Андреевич.

– Ты дело поведай, Иван Карлович. Потом решим важно сие или не важно.

– Я здесь поспрошал кое-кого и узнал...

Тарле замялся и замолчал. Степан поторопил его.

– Так говори, Иван Карлович.

– Боюсь обидеть тебя.

– Говори. Я если сие для пользы дела, то обиду стерплю.

Тарле начал:

– После того как побывал я в доме генерала Арсеньева и

разговаривал с ним, мне не давала покоя одна мысль.

– И что сие за мысль?

– Я видел, что генерал не все мне сказал. И стал я искать того, кто мне помог бы узнать то, что мне надобно.

– И нашел?

– Нашел. Ныне имел я приватный разговор с камердинером генерала Петром. Благо, что Арсеньев скуп со своим слугами. А я проявил щедрость и тридцать рублей серебром слуге положил.

– И что он сказал?

– Камердинер слышал разговор генерала и его жены. Говорили они сразу после моего ухода из дома Арсеньевых.

– Говорили о чем Иван Карлович?

– Получается, что, Варвара Арсеньева и Елизавета Салтыкова есть одна и та же женщина!

– Что?

– Твоя жена Степан Андреевич и её мать это та самая женщина.

Волков рассмеялся в ответ.

– Не думаю, что сие правда, Иван Карлович.

– Слуга мне не врал, Степан Андреевич. Он сказал то, что слышал своими ушами.

– Возможно, Иван Карлович. Возможно, что слуга сие слышал. Но если сии слова специально для слуги произнесены были?

– Специально? Но кому это могло понадобиться?

– Тому, кто хотел, чтобы ты про сие узнал и мне пересказал. Такого ты не можешь предположить?

–В сем деле, что угодно можно предположить. Но слишком мудрено все. Не думаю, что все было подстроено. Слуга взаправду сие слышал.

–А если они хотят подбросить тебе наживку в виде Воды жизни, Иван Карлович? Ведь подбросили тебе и Карпову сказку про «Ведьмину гать».

–Сказку, Степан Андреевич?

–Мы с Карповым кое-что интересное узнали, Иван Карлович. Держали вас Карповым не в «Ведьминой гати».

–А где? – спросил Тарле.

–В версте от дома барского в Архангельском.

Волков внимательно смотрел на Тарле. Тот казался удивленным.

– Что? – не поверил Тарле. – Но, то было глухое место. Только тайными тропами туда добраться было можно!

– Нет, Иван Карлович. Место сие не глухое. Пустынное, но не глухое. И никакой «Ведьминой гати» нет, и не было никогда. Это пустая болтовня для запугивания приезжих. Кто-то нарочно сию байку придумал.

– Но мог же Карпов ошибиться?

– Нет.

–Но как узнал он?

–Он не стал пить сонное зелье, коим вас опоили. И если в «Ведьмину гать» он добирался долго, то обратно не более

получаса. Так понял он, что место сие недалеко от имения. И он его нашел и все осмотрел. Карпов, пока вас там держали, платок в сене спрятал. Там и нашел его. И, стало, нет никакой гати Ведьминой!

–А что старик Ипатыч сказал?

–Ничего!

–Как ничего?

–Он болтал о ведьмах и следы путал. Но как только Карпов все разузнал, Ипатыч пропал. А затем мы нашли его тело.

–Черт знает что! Так нас специально туда заперли? Ждали тебя, Степан Андреевич?

–Именно, Иван Карлович.

–А ныне ничего точно уже не разузнать? Так?

–Так, Иван Карлович. И Тит Ипатыч помер и отец Михаил на Москву отъехал. Никого нет, кто ответы мог дать.

– Так надобно найти отца Михаила.

– Уже послал людей, но пока новостей нет.

– Значит, снова тупик? Хорошо хоть никаких происшествий пока в дому Кантемиров нет. А то снова слухи поползут по Москве. А ныне праздники. Балы. Карнавалы в домах знати. Народные гуляния.

– Но что нам делать? – спросил Волков. – Я сам в растерянности. Вроде головой рисковал. Сломя голову помчался в Архангельское. Ответы думал там найти.

– Но нас с Карповым ты спас, Степан Андреевич.

– Спас ли? Может ничего вам и не грозило, Иван Карлович.

– Но как только ты в Архангельское прибыл, нас и отпустили. Значит ты и спас, Степан Андреевич.

– А скажи мне, Иван Карлович, ты был рядом со мной, когда я беспомощно лежал в Архангельском?

– Был, Степан Андреевич.

– И я говорил что-нибудь?

– Дак бормотал что-то. Но что было не разобрать. Затем ты пришел в себя и отправил меня в Москву. Неужто сего не помнишь?

– Все как в тумане, Иван Карлович.

– Странно сие, Степан Андреевич. Вроде и не хочется верить в нечистую силу, но как сие объяснить иначе?

– Нет. С нами человек играет. Человек из плоти и крови. Сейчас мне и по начальству доложить нечего. Ничего не знаем толком.

– Нам все нити некто словно отрезал. Сам посуди. Лекарь де Генин, на которого стряпуха Дарья показала, пропал. Сама стряпуха Дарья мертва. На пытке кончилась. Тишку, кого я привел к тебе, убили. Управляющий в Архангельском убит. Священник пропал. Некто идет впереди нас, Степан Андреевич.

– Ты еще про Войку забыл. Старик так в себя и не пришел. А многое мог бы нам поведать. Не думал я, что такого можно напугать.

– Надобно с твоей женой поговорить, Степан Андреевич. По-тихому дабы слухов не возникло. Сам сие сделай.

– Она не в Москве.

– Дак поезжай в ваше имение! А здесь я сам все сделаю. Времени мало. Пока Ушаков отстал от тебя, но ежели не раскроем дела, то кто знает, что станется?

***

В канцелярии продолжались строгости. Сразу было видно, что особы высокие недовольны здешним начальством. А что могло произойти из сего? Ответит каждый писчик или канцелярист – жди скорой смены начальства! Но куда статский советник Зотов на своем посту, то многим напакостить сможет напослед. Потому все суетились и старались на глаза главноначальствующему не попадаться...

***

Иван Александрович Зотов, главный начальник канцелярии юстиц-коллегии, вызвал к себе коллежского регистратора Дурново. Тот всегда был в курсе событий.

Порфирий Кузьмич сразу прибыл на его зов.

– Говорят Волков снова возвернулся? – спросил Зотов.

– Ныне здесь. В своем кабинете с Тарле толкуют.

– И чего он привез?

– Тарле и Карпов назад возвернулись. И теперь никто не скажет, что есть его вина в их исчезновении. Живы и здоровы чиновники.

– А где были? Что говорят? Отчего так долго на Москву

не возвращались?

– Да ничего не говорят. Были по служебной надобности. Вот и весь сказ.

– Но что по делу вурдалака?

– Дак кто его знает, Иван Александрович. Волков пока ничего не сказал никому. Только людишек по Москве разослал.

– А что за поручения он людишкам дал?

– Мелочь всякая. Нам сие ничего не скажет. Надобно самого Волкова спросить. Ты смекай, Иван Александрович, коли из дворца отчета потребуют. Что с тобой будет тогда.

– С нами, Порфирий Кузьмич.

– С тобой, господин статский советник. Ты за все в ответе.

Я человек маленький.

– Но Дарью ты отыскал в притоне разбойников. Ты её к пытке ставил, и ты вел допрос. Затем мы с тобой, Порфирий, Степашке де Генина подсунули.

– Он не захотел его во всем виноватить, Иван Александрович.

– И умно сделал. Де Генин особа большая. Со многими знатными персонами на короткой ноге. А кто показал на него? Сам подумай? Холопка Дарья! Что слово холопки стоит?

– Оно может и так, Иван Александрович, но холопка показала на де Генина. И показания те по всей форме сделаны. Никто не подкопается. А что померла она – так много кто с пытки помирает. Тем никого не удивить. Но скажу тебе, что

дело сие мне все больше не по нраву.

– А кому оно любо? Эх, грехи наши тяжкие!

– И бывшего генерал губернатора Дугласа мы упокоили.

– Не мы, Порфирий!

– Чужими руками, но мы с тобой, Иван Александрович.

– И нечего про сие болтать. Нет следов, что к нам приведут. А Дуглас скотина был известная. Чего его жалеть?

– Твоя правда, Иван Александрович. Но крепко думать надобно, как свои головы убрать из-под топора.

– Скажешь тоже, Порфирий Кузьмич.

– А чего думаешь? Ежели что...

– Что ты каркаешь словно ворон. Не кликай беду. Она слух тонкий имеет.

– Но надобно нам знать, что там Волков раскопал.

Зотов был с тем согласен.

Ведь он уже доложил по начальству, что де по его приказу пропавших чиновников юстиц-коллегии Тарле и Карпова нашли живыми и здоровыми...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Дом надворного советника Волкова.

Утром следующего дня в дом к Степану явился человек в маскарадной маске. На нем, под меховым плащом, был костюм Арлекина.

Ныне на Москве маскарады были, и во дворце Анненгоф, и в домах придворной знати. Родные сестры императрицы Екатерина и Прасковья задавали тон столице. Екатерина Ивановна герцогиня Мекленбургская держала у себя труппу актеров и давала представления, куда съезжались многие вельможи и иностранные посланцы. А маскарады в её дворце славились пышностью и соперничали с императорскими. За ней следовали многие вельможи, и потому встретить человека в маскарадном одеянии было в эти дни легко.

Арлекин сказал:

– А я к вам, Степан Андреевич, прямо с маскарада. В доме у Блументроста ныне маскарад. Там братья Левенвольде, Варвара Черкасская и красотка Наташа Шереметева.

– Простите, сударь. Не могу вас узнать в маске.

Арлекин маску снял. Волков вздрогнул. Перед ним был лекарь Шарль де Генин.

– Карл Карлович? Ты ли это?

– Я, Степан Андреевич. Ты искал меня?

– Давно искал.

– С добром искал, Степан?

– Как сказать, сударь.

– А как есть, так и говори.

– Наш Зотов хотел тебя сделать во всем виноватым. И я стал тебя подозревать, друг мой. Прости если что. Замучился с сим делом.

– Я не в обиде, Степан Андреевич. Но только скрываюсь

я не от вашего Зотова. Мне ли его бояться? Если что я обращусь сразу к послу короля Франции при дворе императрицы Анны.

– До посла далеко, Карл Карлович. А Зотов может втайне сам дела свершать. Пропадешь, и никто не узнает, где искать тебя. Мало ли иностранцев на Москве пропадает?

– Думаешь, сможет решиться на такое ваш Зотов?

– А то нет? Плохо знаешь ты статского советника.

– Но ты ведь веришь мне, Степан Андреевич?

– Верю, Иван Карлович. Но много вопросов к тебе имею.

Готов ли ответить мне по чести?

– Готов, Степан Андреевич. Спрашивай, что хочешь знать?

– Ты скажи мне, друг, что там произошло тогда в доме Кантемира, когда ты с Войку у тела дежурил.

– Про то ничего не помню, Степан.

– Как?

– Уснул я и ничего не помню.

– Ты шутишь, Карл Карлович? Как уснул?

– А вот так.

– Но ты хотел все узнать и потому у тела остался. А на утро и тебя и Войку нашли в беспамятстве. Но ты пришел в себя, а Войку и поныне в том состоянии обретається.

– Все так и было.

– Вот и посуди сам, Карл Карлович. Ты сбежал, а стряпуху потом живой нашли. И показала она на тебя, сударь. Ты де

заплатил ей, дабы приняла она зелье и притворилась мертвой. Ты сам и признал её умершей. Ты следы на шее её видел.

– Все не так, Степан. Не хотел спать тогда, но уснул. И про то пришел тебе рассказать. В домах знати много говорят про сие дело. И надобно именно тебе сие дело раскрыть. Иначе нельзя, Степан Андреевич. Никто сим заниматься не станет.

– Так помоги мне, Карл Карлович.

– Я все что могу, Степан Андреевич.

– Значит, ты думаешь, Карл Карлович, что некто тебе сонное зелье помешал?

– Нет. Никакого сонного зелья не было. Усыпили меня тогда. Сие истина. Но усыпили не сонным зельем. Я думаю, что сие старик Войку сделал.

– Войку? Дак он сам пострадал, Карл Карлович.

– Не думаю, что это так, Степан Андреевич. Но Войку похитрее меня оказался.

– И как он усыпил тебя, сударь? Колдовство? – с усмешкой спросил Волков.

– Нет. Колдовство здесь ни при чем. Сила у сего Войку большая есть магнетическая. Он и заставил меня спать.

– Никогда о такой силе не слыхивал.

– Магнетизм есть сила внутри человека. И сила могущественная, Степан Андреевич.

– На колдовство смахивает.

– Объяснить магнетизм можно вполне научно, Степан Андреевич. Про сие у нас в Европе говорят умные люди, сво-

бодные от предрассудков.

– И что говорят?

– Силой мысли некие люди могут заставить тебя спать. В том сне ты сам себя помнить не будешь, но ежели тебе вопросы какие зададут, то станешь отвечать правдиво.

– В сыскном ведомстве сие весьма пригодилося бы, Карл Карлович. Но у нас не Европа. Сие Россия.

– И я удивился, что подобное ко мне здесь применили. Я, доктор де Генин, стал жертвой магнетизма в Москве. Мог ли я подумать про это?

– Но отчего именно Войку?

– Он рядом со мной был, Степан Андреевич. А сила магнетическая на небольшом расстоянии работает. Думал я и на слуг Кантемира, но никто кроме Войку на то не подходит. Но дело даже не в магнетизме. Главное – Вода жизни.

– Вода жизни?

– Сие есть эликсир жизни, Степан! Золотой напиток или *Aurum potabile*. И думаю, что есть сие у Кантемиров. Вот за этим и идет охота!

– Много про сие в последнее время слышу, Карл Карлович!

– *Aqua vitae* – Вода жизни! Или *Aurum potabile* – Золотой напиток! Сие вода обладающая свойствами особыми. Она мертвое тело способна оживить! И мыслю я, что те самые люди, что после смерти ожили, ту самую воду пили. Ты хоть понимаешь, что это значит, Степан? Некто нашел эликсир

жизни! И он хранился в доме Кантакузенов!

– Не думаю, Карл Карлович. Ты мне лучше про магнетизм скажи? Что сие значит?

– Животный магнетизм есть часть силы, исходящей от звезд.

– Но в чем сила магнетизма, Карл Карлович?

– Да в том, что магнетизер может подчинить твой разум. Он может заставить тебя поверить, что ты видишь пред собой чудовищ. Он может подчинить твой мозг и твое тело. Не это ли сделал со мной Войку?

– Спрошу тебя еще раз – почему Войку?

– Но он был тогда рядом со мной! А такое по силе воздействие на близком расстоянии токмо возможно, Степан Андреевич.

– Войку простой слуга.

– Его считают колдуном. Ты забыл?

– Но твой магнетизм не колдовство, Карл Карлович. Не так?

– Сие наука. И Войку не так прост. Он не желал, чтобы я видел, что стало с Дарьей.

– А что с ней стало? Ты осмотрел её и заявил, что она умерла.

– Она была мертва, Степан! В том могу поручиться! Но Войку знал, что жива Дарья.

– Да как она могла быть и мертвой, и живой? – спросил Волков.

– Сие и есть главный вопрос, Степан. И я не должен был видеть то, что там произошло. Войку отговаривал меня там быть! Но я настоял, и он усыпил меня.

– Может и так, Карл Карлович. Но сие мне не дает ничего в моем деле сыска.

– Как не дает? Дарья была мертва! Но потом полицейские чины её взяли живой! Ты понимаешь? И что сие значит, Степан?

– Что?

– Значит, Aqua vitae существует!

– И как сие проверить?

– То не столь простое дело, Степан Андреевич. Но вот взгляни сюда. Я принес тебе портрет!

Де Генин протянул Волкову небольшую миниатюру.

– Посмотри.

Волков открыл крышку и увидел портрет молодой красавицы.

– Но это моя жена Лиза!

– Уверен в том? – спросил доктор.

– Али я своей жены не знаю? Только не могу припомнить, чтобы некто сей портрет с её персоны рисовал.

– А с твоей жены сего и не рисовали, Степан Андреевич.

– Но кто тогда сия дама?

– Это Варвара Арсеньева.

– Мать Лизы? – Волков сразу вспомнил о разговоре с Тарле.

– Варвара и Елизавета. Смекаешь, Степан Андреевич?
Aqua vitae – Вода жизни! Ключ к ответу!

– Ты хочешь сказать, что сама Варвара и стала Елизаветой благодаря эликсиру жизни?

– Именно!

– Но Войку каким боком к моей жене относится?

– Он относиться к слугам рода Кантакузен. А твоя жена получила Aqua vitae от Кантакузенов.

– Мне про сие и Тарле говорил.

– Тарле? А что он говорил? – поинтересовался де Генин.

Волков рассказал доктору о том, что с ним произошло в доме в Архангельском. И о том, как Иван Карлович Тарле посетил кормилицу жены и генерала Арсеньева.

– Все сходится! – сказал де Генин. – Все сходиться. Вода жизни!

– Что вы все заладили про Воду жизни.

– Дак есть она, Степан! Aqua vitae существует! Ехать надо!

– Куда?

– К твоей жене! Что скажешь?

– Так ты со мной желаешь ехать, Карл Карлович?

– Еще как желаю, Степан Андреевич. Я хочу найти Воду жизни.

– Тебе хочется продлить жизнь? – спросил Волков.

– Это мечта многих, Степан. Многие отдадут тысячи, чтобы получить еще хоть год жизни. И если такая Вода суще-

ствует, то я должен её получить.

– Ради года жизни?

– Ради науки, Степан Андреевич. Я врач. Великий врач Парацельс⁴⁷ считал, что человек есть микрокосм, в коем все элементы макрокосма отражаются. А стало нет ничего запретного в области знания. Человек обязан все познать и все понять. А Эликсир жизни – есть главная тайна! Ибо в каждом из нас есть сила Творца.

– Наши священники тебя не поймут, Карл Карлович. Такие слова они еретическими сразу объявят.

– Про сие им знать не надобно. Так мы едем в имение твоей жены?

– Пусть будет так, как ты сказал. Мы едем в имение.

Господин лекарь де Генин пожал руку надворному советнику...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Трактир «У бочки».

Коллежский секретарь Карпов.

В трактире «У бочки» Петр Карпов вдруг увидел старого знакомого. Это был фискал господин Мезенцев.

– Ваня? Тебя ли вижу?

---

⁴⁷ *Парацельс – Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм знаменитый врач и алхимик, который жил в 1493-1541 годах.

– Петр? Вот так встреча! Садись за мой стол! Эй! Человек!
Водки!

Друзья обнялись и сели за стол. Слуга принес штоф водки и закусок разных.

– Ты как в Москве? – спросил Карпов. – Ты же в Петербурге службу нес.

– Дак служба и заставила меня сюда наведаться. Утром прибыл и в полдень встретил старинного дружка, Петя. Как служишь ныне?

– При юстиц-коллегии.

– Не шибко богато чай живешь? – спросил фискал.

– Не шибко. А ты?

– Снова при своем деле.

– В фискалах?

– При Тайной розыскных дел канцелярии.

– При генерале Ушакове?

– Зачем при Ушакове? – спросил Мезенцев. – Я сам по себе. И скажу тебе, что тесно у вас на Москве.

– Что сие значит? – не понял Карпов.

– Да как приехал, так и встретил утром одного старого знакомого. А нынче вот тебя.

– А кого встретил утром?

– Дак некоего Тарле Ивана.

– Тарле? Знаком с ним?

– Видал его в Петербурге.

– Мы с ним вместе по одному делу работаем, – сказал Кар-

пов.

Друзья выпили.

– Вместе, говоришь? А ты знаешь, что сей Тарле человек странный.

– Что сие значит? – спросил Карпов. – Все люди странные в той или иной степени, друг мой.

– Ан нет, Петруша. Все да не все. Скажу тебе, что сей Тарле был в «Обществе Тайны».

– «Общество Тайны»? Что это?

– Было у нас в Петербурге такое общество. Человек десять в него входило. И я тем обществом занимался.

– Заговорщики? – спросил Карпов.

– Поначалу и я так думал. Тайно собирались. Часто ночами. Все показывало на заговор. Вот и подумал я, что и сии людишки что-то вроде Конституции пишут для России. Сие ныне модно стало. Решил присмотреться. Но к «полит`ик» сие никакого отношения не имело, друг мой.

– Но чем они занимались?

– Некую воду искали, что якобы жизнь продлить способна. Ныне общество сие больше не существует. Многие разочаровались и поисков более не ведут. Слишком хлопотно и дорого сие. А результатов нет. Но Тарле на Москве не просто так оказался.

– Так ты ради него сюда приехал?

– Нет, – ответил Мезенцев. – У меня дело иное, к Тале касательства не имеющее. Но тебе сие может пригодиться.

—А что за вода такая?

—Так говаривали, что есть де у Кантемиров эликсир особый. И тот эликсир может молодость возвратить. Когда Кантемиры при дворе жили в Петербурге, еще при государе Петре Алексеевиче. И Мария Кантемир в связи состояла с самим государем.

—Про связь девицы Кантемир и государя многие знали. Был охоч император да красивых девок.

—Дело ведь совсем не в красоте девки Кантемировой. Сказывали, что все упиралось в эту самую воду чудодейственную.

—И сему верили?

— Не особенно. Но вот Тарле твой был среди тех, кто в сие верил. И здесь он, думаю, этот эликсир ищет.

Друзья выпили еще по одной.

— Вы по какому делу с ним работаете?

— Про вурдалака слышал ли?

— Что-то болтали в трактире ямщики. А что?

— Дак я по сему делу и работаю. И дело сие касательство к дому Кантемиров и имеет. Ибо в их доме, а точнее у князя Антиоха, вурдалак и появился.

— И Тарле приехал из Петербурга и к сему делу пристроился. Я говорил тебе о Воде жизни. Так и есть.

Друзья снова выпили. Немного помолчали, но затем разговор продолжился...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Зотов и Дурново.

Порфирий Кузьмич Дурново все что угодно мог узнать из того, что на Москве происходило. Всюду глаза свои имел. От того и держался он крепко на посту своем и начальство его ценило. Да выпутаться из любой неприятности он мог. Поди возьми такого «угря» голыми руками.

Про фискала заезжего он сразу прознал и Зотову про сие доложил:

– Иван Александрович! У нас фискал объявился.

– Эка невидаль, – попытался отмахнуться начальник канцелярии. – Сих фискалов на Москве сколь хош.

– Но сей особенный, из Петербурга. Некто Мезенцев. Проныра известный. Такого просто так не послали бы. Думаю, что сам Ушаков его сюда приставил. Новому человечку легче всюду свой нос совать.

– С чего ты сие взял, Порфирий Кузьмич?

– А с того, что сей фискал сразу в трактире старого знаконца встретил господина Карпова. А Карпов по делу вурдака работает с Волковым. Не думаю, что встреча знакомцев была случайной.

В двери постучали.

Зотов разрешил войти. Прибыл курьер. На его плаще был

снег, и лицо покраснело от мороза.

– Откуда принесло? – спросил статский советник.

– Курьер Новиков! От капитан-исправника Осипова!
Срочное дело!

– А у нас нет иных дел. Что у тебя?

– В Архангельском, в имении князя...

– Я знаю чье это имение! – перебил курьера Зотов. – Далее
сказывай!

– В Архангельском в барском доме ночью три дня тому
появился управитель имения Тит Ипатыч. В доме паника и
капитан-исправник к вам меня направил.

– Ничего не пойму, – сказал Зотов и оглянулся на Дурно-
во. – А ты, Порфирий Кузьмич?

– И я не понял. А с чего управителя так напужались?

– Дак помер он с неделю назад, и тело его нашли замерз-
шим в сарае старом. А потом явился в дом.

– И кто видел его? – лоб Зотова покрылся испариной.

Курьер протянул пакет статскому советнику. Мол там все
написано. А он человек малый.

Зотов принял пакет и отпустил курьера.

– Видал? – спросил он Дурново.

– Сызнова все началось. Теперь жди беды.

– Коли при дворе прознают, то с меня спросят. Волков
Степашка снова выкрутится, а меня под удар. Осерчает ма-
тушка-государыня. И снова та зараза из дома Кантемиров
ползет.

– Хорошо хоть не на Москве, – сказал Дурново.

– И до Москвы такие слухи живо дойдут. Надобно курьера Новикова подалее отправить нынче же. Дабы не болтал много.

Зотов бросил пакет и выбежал из кабинета. Он нагнал курьера и приказал ему нынче спать идти, а на утро срочно зайти к нему.

– Поедешь с поручением. Потому выспись хорошо. Долго спать не придется потом.

– Как прикажете.

Статский советник вернулся и распечатал пакет капитана Осипова. Там был подробный отчет происшествия в доме в Архангельском.

«Господину начальнику канцелярии юстиц-коллегии, статскому советнику и кавалеру Зотову.

Доношу до Вашего сведения, как лица сим делом занимающегося по повелению вседержавнейшей государыни императрицы Анны.

Я, капитан-исправник Осипов, был вызван в дом барский, имения Архангельское в связи со случившимся.

Нашли несколько дней назад солдаты моей команды Смирной и Гаврилин тело управителя местного Тит Ипатыча. Тело задубело на морозе, и пролежало в сарае холодном не менее двух дней. На теле была рана от ножа, и я понял, что скончался управитель не сам. Помогли разбойники сердешному. Много у нас развелось их.

Но сие дело обычное в сию пору года. Убили и ограбили управителя. Я к дому своих людишек приставил, и приказал холопам князя Константина Кантемира беречься от воров.

Тело Ипатыча хоронить я не приказывал. Метель на погосте, да и мороз крепкий. Не выроют мужики могилу как надобно. Велел я оставить тело в сарае, где нашли его.

Но спустя три дня слуги в доме барском переполошились. Равно как переполошились крестьяне в деревне Архангельское. Явился померший управитель в дом.

Видели его холопы на кухнях. Напужал он их страшно. Мертвяк есть просил.

Я сразу, как прознал про сие, отправился к тому сараю, где тело было положено. И там мертвяка нашел. Лежал он, как и был, в той же позе. И тело дубовое от мороза словно деревяшка.

Я снова в дом. Померещилось холопам не иначе. Но пять человек твердят, что видали помершего управителя. И люди не тараруи, а поведения трезвого и работающие. Николи за ними никаких шалостей замечено не было.

Я с их слов сказки составил и к моему докладу прилагаю.

Пусть ваше высокоблагородие примет меры безотлагательные.

Капитан-исправник Осипов».

***

Зотов поднял глаза на Дурново.

– Слышал?

– Все снова началось! Надобно Волкова сюда звать.

Зотов позвал слугу и приказал найти чиновника.

– И немедленно его ко мне! Дело срочнейшее!

Затем статский советник запер двери. Он решил прочитать сказки* (*сказки -показания) холопов, что сами мертвяка видали.

«Я, конюх Иван. Сын Митрофана.

Служу при доме барина моего князя Кантемира Константина Дмитрича.

Писано рукой капитана Осипова с мох слов.

Вчера ночью я был на кунях дома барского в селе Архангельское, где сам жительство имею. Там я был не один, но со стряпухой Катериной да кухонной девкой Аксиньей.

Ночью поднесла мне стряпуха водки. Много пришлось на морозе потрудиться. Водка она и согреет. Выпил я полштофа...»

Порфирий прервал своего начальника:

–Чего? Да с полштофа не токмо покойника увидеть можно.

–Ты погоди, Порфирий. Дослушай.

Зотов продолжил чтение:

«Я с полштофа и пьяным не бываю, ибо росту изрядного и привык к тому. Да и девка с поварихой мои слова подтвердить могут.

В полночь зашел на кухни в одной рубахе управитель. Тот самый, что помер от удара ножом. Сказывали разбойники

постарались и упокоили сердешного.

На вид он был живой. Токмо рубаха его в крови была.

Подошел к нам. Мы стояли чуть живы со страха. Просил поесть. Я указал ему на стол. Стряпуха наша совсем голоса лишилась и мычала токмо. А упокойник поел да был таков. На мороз пошел в одной рубахе. И босой он был...».

***

– Надобно в Архангельское Волкова послать! – сказал Дурново. – Пусть разбирается.

– Так только оттуда вернулся.

– Пусть снова едет. Сие его дела касаемо!

– Так и сделаем.

Но вместо Волкова в кабинет вошел коллежский асессор Тарле.

– Звали, господин статский советник?

– Иван Карлович? Я знал надворного советника Волкова.

– Он отбыл по срочному делу в свое имение.

– Что значит, отбыл? – возмутился Зотов. – Как так отбыл? Отчего в имение?

– Дело отлагательств не терпящее, господин Зотов! – отчеканил Тарле. – Меня господин Волков об этом уведомил запиской. Там так и сказано.

– А у нас здесь что? – вскричал начальник канцелярии. – К нам привезли новости из Архангельского! Вот!

Зотов протянул Тарле листы.

Тот принял их.

–Читай! – приказал начальник канцелярии.

Иван Карлович прочитал. Затем вернул листы начальнику канцелярии.

Зотов спросил:

–Что скажешь на сие, сударь?

–А что сказать? Разобраться надобно!

–Вот потому Волоков мне и надобен!

–Но он по делу в имение отбыл. Степан Андреевич желает сие дело быстрее до конца довести.

–И с чего он к себе в имение укатил? Так дело не решится! – кричал Зотов. – Он в имениях будет отдохновения искать. А я здесь отдуваться пред начальством. А коли сие до матушки-государыни дойдет?

–Но не на Москве произошло это, господин статский советник! – сказал Тарле. – Да и, может, врут холопы! Сам капитан-исправник мертвяка ожившего не видел. А слуги, что видели, вино пили. Стоит ли верить сему?

–А сие как повернуть! – сказал Зотов. – Матушка-государыня зело слухи разные любит. Как ей про сие наболтают? А из Архангельского молва сюда быстро добежит.

– Господин статский советник, в деревнях еще не то болтают. В какую деревеньку не загляни, у них есть своя страшная история.

– Может и так, господин коллежский асессор, – согласился Зотов. – Но отголосков те сказки на Москве не имеют. А дело Кантемиров отзовется громко.

Глава 18

Имение Волковых.

1733 год. Январь.

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Село Знаменка.

Имение Волковых.

Волков и де Генин были в родовом имении жены на-дворного советника к вечеру. Они домчались в санях запряженных тройкой вороных. Кучер оказался ловкий и сделал все даже быстрее, чем ожидали. Лихой мужик ловко орудовал хлыстом и свистел так, что разбойники предпочитали убратся с пути.

Барский дом был выстроен из дерева в русском стиле. Здесь потрудились местные плотники, которые умели ставить хоромы быстро. Их тому научила жизнь, ибо пожары на Москве были частыми, и потому приходилось все восстанавливать в короткие сроки.

Строил дом еще дед Елизаветы Романовны и при её отце были сделаны лишь пристройки в виде башен по углам. Ничего особенного в усадьбе не было, и она отличалась от домов богатых крестьян только большими размерами да стек-

лами в окнах.

Зато место было живописное и летом здесь было красиво. Сад занимал большую часть имения и спускался к пруду. Здесь в жаркие дни лета господа катались на лодке среди кувшинок.

Волков в пути рассказал про это доктору.

– Имение показалось мне раем, Карл Карлович. В тот день, когда я впервые посетил его. Ведь мое родовое поместье утрачено еще при отце. Мне не досталось ничего, кроме долгов.

– Удачная женитьба, Степан Андреевич.

– Да. Редкое сочетание, Карл Карлович. Я влюбился в женщину и в её имение. Кому так еще повезло?

Сани въехали в ворота.

Степан спрыгнул на снег.

– Али не признал своего барина, Петруха? – со смехом спросил он заспанного привратника.

– Никак Степан Андреевич? Батюшка! Дак не ждали тебя.

– И ничего что не ждали. Коней распряги.

– Сделаю, барин.

Привратник кликнул конюха.

– Митроха! Подь сюды! Барин прибыли!

Конюх выбежал встречать Степана.

– А ты, старина, – Волков обратился к ямщику. – Ныне будь в моем доме гостем. И пить, и есть дадут тебе до отвала!

– Благодарствую, барин. Но за лошадами я сам присмотрю.

реть хочу. Ладно ли слуги сделают?

– Митроха за ними присмотрит. А впрочем, коли охота есть, и сам помоги ему.

Волков провел доктора в дом. Там было тепло и хорошо пахло яблочным духом.

– Узнаю Лизу! – сказал Степан. – Полы девки намыли! Будь гостем, Карл Карлович.

Появилась Матрена, распорядительница покоев барыни Елизаветы Романовны.

– Здравствуй, Матрена!

– Степан Андреевич! Вот радость то! Не ждали мы вас. Как же так без упреждения. А у нас и не готово ничего.

– Это ничего, Матрена. Я не шибко охоч до церемоний. Старый солдат и ко всему привык.

– Но как же так, барин? Вы и вдруг здесь?

– Дак я к жене богоданной приехал.

– Вы и барыню привезли? – спросила она.

– Что? – не понял Волков. – Ты про что говоришь, Матрена? Где барыня твоя?

– Барыня?

– Твоя барыня где?

– Елизавета Романовна? – снова переспросила Матрена.

– А здесь есть еще одна? Елизавета Романовна в имении уже больше недели.

– Простите, барин. Но барыни в имении нет.

– Как нет? – удивился Волков.

– Елизавета Романовна не изволили приехать в имение, барин Степан Андреевич.

Волков оглянулся на де Генина.

– Ничего не могу понять. Она сообщила мне письмом, что поехала в имение.

– Странно все сие, Степан Андреевич. Но нам стоит немного отдохнуть в тепле и подкрепиться.

– Это так, Карл Карлович. Матрена!

– Да, барин.

– Слыхала?

– Все сделаю, барин. И стол будет накрыт, и баньку прикажу изготовить. И покои для вас приготовят с перинами.

– Перин не надобно! Остальное делай, не мешкай.

Волков и де Генин прошли в гостиную дома, где был большой камин. В нем горел огонь и мужчины сели близко, дабы отогреться. Слуга принес им по стопке водки.

– Боюсь говорить тебе плохие новости, Степан Андреевич.

– Плохие новости? Ты про что, Карл Карлович?

– Не приехала твоя жена, а, значит, не просто так она исчезла из твоего дома.

– Да ты говори толком, Карл Карлович.

– Твоя жена испугалась, что истина станет тебе известна, Степан Андреевич.

– Истина о том, что она благодаря воде жизни годы свои продлила? – спросил Волков. – Ты это хотел сказать?

– А почему она сбежала, не предупредив тебя, Степан Ан-

дреевич?

– Она не сбежала, Карл Карлович. Она уехала и оставила мне письмо, в котором все объяснила. Она испугалась Войку, про которого ты и сам мне рассказал весьма странные вещи.

– Но она сказала, что уехала в имение. А здесь её нет. Значит, она тебе соврала. Ей есть что скрывать, Степан. Ты вспомни, интересовалась ли Елизавета водой жизни?

– Такого разговора между нами не было. Но она захотела прочесть книгу «История рода Кантакузен», которую привез мне коллежский секретарь Карпов из имения Архангельское.

– Вот! С чего ей просто так интересоваться книгой о Кантакузенах?

– Она вообще любит читать, доктор. Ты же сам это знаешь, Карл Карлович.

– Знаю. Елизавета весьма образована. И языки ей знакомы и по латыни она читает. Но я сам много раз говорил с ней. И могу поручиться, что она хорошо знала, что такое вода жизни или эликсир философов.

– Про алхимиков многие знают, Карл Карлович. И про философский камень, и про воду жизни знают.

– Но не подозревают, что она вода была в роде Кантакузенов. Думаю, что твоя жена могла знать Кассандру Кантакузен лично.

– Смелое предположение, доктор. Но я думаю, что все

объяснится гораздо проще.

– Ты ведь можешь представить только, Степан, что при-
была сюда твоя жена в свите жены князя Дмитрия Кантеми-
ра!

– А есть ли основания для такого предположения, Иван
Карлович?

– Я потому и заинтересовался твоей женой, Степан Ан-
дreeвич, когда стал лечить её, что она меня на эту мысль на-
толкнула. Конечно, утверждать это с точностью я не могу.
Но возможно, что это именно так. И что это значит, Степан?

– Что?

– А это значит, что Aqua vitae существует! Вода жизни
существует.

– Я и предположить не могу, что кто-то из алхимиков на-
шел эликсир жизни, – возразил Волков.

– Не из алхимиков, Степан. Этот эликсир пришел к нам из
глубокой древности. Я также не могу поверить, что кто-то из
наших современников смог изготовить «золотой напиток».
Это наследие. Моя цель его получить и изучить действие.
Вот чего я желаю, Степан Андреевич! Вот ради чего я в это
дел влез.

– Но что насчет моей жены?

– Есть история, что в Валахии также пропала жена мест-
ного пристава. Якобы отъехала она в деревенское имение и
написала мужу, что останется там для безопасности. Муж
бросился за ней. Но в деревне жену не нашел.

– Весьма похоже на мой случай.

– Будем надеяться, что не похоже, Степан Андреевич.

– А что так?

– Жена чиновника и была главной ведьмой в той местности, Степан Андреевич.

– Ведьмой?

– Так её невежественные крестьяне называли. Но ведьма от слова «ведать»! Знать! А стало, она была знающая в науках тайных.

– И что она ведала, Карл Карлович?

– Умела покойников к жизни возвращать.

– Снова покойники, Карл Карлович.

– Снова Aqua vitae, Степан Андреевич...

***

Господа парились в бане. Слуги постарались на славу и угодили Волкову. Давно он не мылся с такими удовольствиями. На Москве все было не так. Хоть и роскошнее, но не было того особенного духа бани деревенской. И веники березовые и квас казались много лучше.

Волков гордо сказал де Генину:

– А ведь насколько лучше баня моя, чем те, что на Москве! Чуешь каков дух, Карл Карлович?

– Жарко больно.

– На то и баня, сударь. Ведь после пара в сугроб снега выскочить – первое дело.

– Уволь меня от сего, Степан Андреевич. Не могу понять

этого варварского наслаждения, которое так любите вы русские.

– Баня – это хорошо, Карл Карлович. Еще мой отец меня выношем брал с собой париться. Лучше русской бани нет ничего. Давай я тебя похлещу веничком.

– Не стоит, Степан Андреевич. Лучше обсудим, что делать будем далее.

– А чего обсуждать? Ведет со мной игру человек умный. Сие видно по всему. Скажу тебе правду, Карл Карлович, что было время, когда почти поверил я в вурдалака.

– Дело не в вурдалаке, Степан. Дело в силах нами непознанных. Ведь сколько чудес с тобой в имении Архангельское произошло. А как объяснить их, Степан Андреевич?

– Может, и нет ничего сложного, доктор? Может все просто! Как только я узнал, что никакой Ведьминой гати нет, то понял, что и вурдалака нет. А управляющий имения меня специально отвел в ту молельню тайную и там я потерял сознание.

– Но отчего? Магнетизм? Но не мог же тот деревенщина управляющий быть сведущ в том деле? Не могу в то поверить. Это не Войку. Что мог знать тот Тит Ипатыч в науках тайных?

– Думаю, меня отравили дымом, Карл Карлович.

– Дымом?

– Там был такой сладковатый аромат, который исходил от алтарного камня. Вот я и потерял сознание. Но убивать меня

не хотели. Сразу вытащили оттуда и сразу вернули Тарле и Карпова.

– И какова цель сего?

– Заставить меня поверить!

– Зачем?

– А вот на этот вопрос я пока не нашел ответа. Ответим на него – будем знать все. Но кто-то очень желает, чтобы слухи о вурдалаке беспокоили Москву. Кто-то желает, чтобы я потерпел в сем деле неудачу.

– Войку! – сказал де Генин. – Вот «вурдалак» истинный.

– Не думаю, Карл Карлович.

– Но кто тогда?

– Кого я только не подозревал. Тебя вот даже виновным в сем деле видел. Много показывало на твою причастность. И Тарле мне показался странным. Он мне Тишку тогда нашел. И тот Тишка умер на следующий день.

– Сам нашел и сам убил? – спросил де Генин. – Зачем? Он Тишку доставил, а затем, побоявшись того, что он скажет, велел убить? Ерунда сие.

– Возможно, Карл Карлович, он запутать меня хотел. Дабы я сим Тишкой занимался. А в Архангельском, когда я в первый раз очнулся, после того, как посетил колдовской алтарь, кто мне про смерть Карпова сказал? Тарле! Конечно, потом он все отрицал. Дескать, мне все привиделось.

– Но тебе в том состоянии могло и показаться.

– Кто знает, сударь? Может так, а может и нет.

– Степан Андреевич, для начала нам с Матреной твоей поговорить стоит. Давно она при твоей жене состоит?

– Давно. Я еще не женился, а Матрена была при Елизавете Романовне...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Статский советник Зотов Иван Александрович приказал господину Тарле, коллежскому асессору отправиться в Архангельское и тщательное расследование инцидента с воскресшим управителем учинить.

– Коли Волкова нет, то тебе и делать сие.

– Но я совсем недавно из Архангельского вернулся, господин статский советник.

– Но слухов зловредных не пресек ни ты, ни Карпов, ни сам Волков. Упокоили управляющего барского. И вы были тогда в имении!

– Не я, господин статский советник. Я в те поры уже был в Москве.

– А после того, что сообщил капитан-исправник, надобно там сыск учинить. Волкова нет. Стало ехать еще раз!

– Я там едва голову не сложил в прошлый раз.

– На то ты и чиновник, дабы на государевой службе рисковать. Нам надобно правду знать.

– Но для продолжения следствия нам надобно дожидаться возвращения господина Волкова. Он именно по сему делу в поездку и отправился.

– Нам некогда ждать возвращения господина Волкова, Иван Карлович. Знаю я как в имении своем гостить. Сначала баня и пир, а утром похмелье. Затем охоты на зайцев. Сколь ждать его будем? Ехать нужно немедленно, дабы слухи пресечь, которые могут иметь распространение. До Москвы от Архангельского недалеко. А сего допустить нельзя.

– Но мы ведем следствие!

– Долго! Повеление было высочайшее расследовать скоро и со всем тщанием! А сколь времени прошло? И скажет государыня, что мы рвения к службе не имеем! А сие вредно для карьера моего и твоего также, сударь!

– Не думаю...

– А ты и не думай, Иван Карлович! Выполняй приказ! В Архангельском все слухи пресечь! С тобой поедут пять полицейских чинов. Из имения никого не отпускать! Пусть все холопы там и сидят до окончания разбирательства!

– Стало быть, не следствие вести, а следить за тем, чтобы слухи не поползли? Так? – спросил Тарле.

– Нет, не так! Ты, господин коллежский асессор, следи за языком! С кем говоришь? Я статский советник! Я начальник канцелярии! Ехать тебе немедля! И еще одно!

– Что, ваше высокоблагородие?

– С тобой поедет Дурново.

– Как?

– Коллежский регистратор Дурново отправится с тобой в Архангельское! Порфирий немалый опыт имеет.

– Но...

– Поедет! – сказал Зотов.

– Дак мешать токмо будет!

– Не говори такого при нем. Весьма обидчив бывает Порфирий Кузьмич. И более об сем толковать нет надобности! Я отдал приказ!

Тарле понял, что спорить бесполезно и сказал:

– Все исполню, ваше высокоблагородие.

– Вот так оно лучше. А то спорить все мастера. Кто же дело станет делать?

– Я отправляюсь в имение Кантемиров, ваше высокоблагородие!

– С богом!

Он откланялся и вышел из кабинета начальника канцелярии...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Знаменское.

Имение Волковых.

Распорядительница покоев барыни жила в имении на положении хозяйки. Господа наезжали только летом, а зимой кто станет в древне сидеть? Зимой дворяне на Москву пода-

вались к балам, раутам, маскарадам. Тем более что и императорский двор проживал ныне в Москве.

Вот и командовала она дворней, и все её слушали. Ведь имение барыне принадлежало, а, стало быть, Матрёна, доверенная Елизаветы Романовны, была выше иных.

И вот приключилась напасть. Барин со своим гостем желают с ней говорить. Сразу уразумела она, что разговор будет не такой простой. С чего это не знает муж, где его жена обретается? Может ссора между ними вышла?

Приказчик Семен так и зыркает глазами. Давно он точил зубы на Мартрену.

– Барин тя видеть желает, – нагло сказал он, скаля зубы.

– Дак уже передали мне приказ. Как из бани оне выйдут, я приду.

– Видать кончились твои деньки, Матреша?

– С чего вдруг?

– Барин не просто так зовет тебя. Может и не быть тебе здесь главной.

– Барыня меня назначила. Она и снимать станет, коли угодить не смогу. А без барыни никто меня не тронет.

– Иш смелая какая. Али слово барина тебе не в указ?

– Дак я барыне принадлежу, как и ты. И она здесь хозяйка. А барин токмо муж ей. Ныне же они видать не в ладах.

– Оно может после разговора твоего с барином, мне быть здесь первым. А тебя на Москву.

– Чего я там не видала? – спросила женщина.

– Барин те скажет, чего.

Семка оно конечно болтун и враль. Но ныне Матрена испугалась допроса. А коли и вправду её на Москву на правож заберут? Ведь могли некие слуги на неё наклепать всякого. Не она ли вчера приказала выдрать ленивого Агашку? А язык у него без костей. Да и мать Агашкина Ефросинья зло затаила – змеюкой смотрит.

В кабинете у барина Матрена спросила:

– Не могу взять в толк, барин, али ты мне верить перестал?

– С чего взяла сие? Мы говорить с тобой хотим.

– Но слуги в дому иное шепчут.

– Матрена, твоя барыня пропала.

– Не могла Елизавета Романовна пропасть.

– Но где она? В Москве её нет. Писала она мне, что сюда отправилась. Но и здесь её нет.

– Мне ли холопке знать про сие? Как барыня порешила, так тому и быть. Про то не меня спрошать стоит, но барыню Елизавету Романовну.

Степан посмотрел на де Генина. Толку не будет от сего допроса. Но доктор сдаваться не собирался.

– А скажи мне, Матрена, давно ты барыню свою знаешь?

– Что сказать изволили?

– Давно ли ты барыню свою знаешь? – повторил вопрос доктор.

– Дак много лет уже.

– Много это сколько? Двадцать?

– Точно не упомню. Но двадцать должно быть, и знаю барыню. С детских лет при ней состою.

– Стало быть, с четырех лет ты барыню знаешь?

– С четырех?

– Но сколько твой барыне лет ныне?

– Да не ведаю того, барин.

– Хорошо, Матрена. А тебе лет сколько?

– Чего? – спросила женщина.

– Я спрашиваю тебя, по паспорту ты какого года рождения? Или и сего не ведаешь?

– Какого года?

– Да, в каком году ты родилась?

– Дак в лето от рожества Христова 1702-го.

– А барыня тогда твоя уже была?

– Дак, стало и была, – ответила Матрена. – Она меня маленькой на руках качала.

– Как так? – спросил лекарь.

– А как малышей качают, барин?

– Но ежели барыня твоя 1709 года рождения, а ты 1702-го, то никак качать она не могла тебя. Стало быть, барыне твоей больше лет, чем 24. Как же так, Матрена?

– Да я разве могу сие ведать, барин?

Де Генин посмотрел на Волкова и спросил по-немецки:

– Видал, Степан Андреевич? Вот тебе и Вода жизни. Должно больше лет жене твоей, чем она сказала.

– Да ты погоди, Карл Карлович. Путает все Матрена.

– Пугает?

– Да, давно она при моей жене. И предана ей.

– Может потому и врёт?

– Да с чего врать ей? – спросил Волков.

– Дабы свою барыню выгородить. Не так глупа сия служанка, как желает показаться. Сие я заметил, Степан Андреевич.

– Погоди, Карл Карлович. Ты на мою жену намекаешь?

– Я ни на что не намекаю, Степан Андреевич. Но сходиться все. И легенды старые и портреты.

Волков задумался.

Де Генин обратился к служанке:

– Мартена, ты иди. Все, что надобно, мы узнали.

Служанка поклонилась господам и ушла.

– Может ли сие быть, Карл Карлович, что моя жена в сем деле замешана? Просто напугали её. Вот и исчезла она. Думаю, не хотела Лиза мне мешать следствие вести.

– А чем она могла помешать тебе?

– Да, Войку к ней являлся. Говорил я тебе про то.

– А чего Войку именно к ней приходил?

– Ты же сам говорил, что сей Войку не столь прост. Про магнетический дар вспоминал.

– Я и сейчас могу это повторить, Степан Андреевич. Но к твоей жене Войку не приходил. Она использовала его имя.

– Ты хочешь сказать, сударь, что она все придумала и запутать меня хотела? – спросил Степан.

– Возможно. Не могу на сие ответить точно, Степан Андреевич. Я сам мало что понимаю в сем деле. Но понять хочу. И потому всех подозревать надобно.

– В этом ты прав, Карл Карлович. Всех. И тебя, и Тарле, и Карпова, и Зотова.

– И тебя, Степан, – сказал доктор.

– И меня, – согласился Волков. – Иные не знают того, что в моей голове и потому подозревать могут. Ведь мог и я сам сие устроить.

– Ты про что, Степан Андреевич?

– Просто предполагаю, Карл Карлович. Ведь о том, что Войку посещал мою жену, ты от меня знаешь? Так?

– Так, – согласился доктор.

– Но и я мог просто придумать сие. А жену мог сам куда-то спрятать. Холопа безвестного я мог легко вместо Тишки для Тарле в трактире подставить. С Дарьей я мог легко про все договориться. Благо беседовал с ней не один раз.

– Все так могло быть, Степан Андреевич. Но что тебе нужно в конце сего дела? Вода жизни?

– А почему нет? Многие в сию воду веру имеют. А стоит она дороже золота.

– Но если так, то у тебя должны быть сообщники, Степан Андреевич.

– А как без них? Вот и получается, что на каждого подумать можно! И я могу быть виновен! И ты, Карл Карлович. Ты же сам признался, что вода жизни тебя интересует. Да-

рю ты осматривал, и смерть её признал. А на Войку ты мог только наклепать. Ведь как поверить в его магнетические силы? Чудно сие.

– Согласен с тобой, Степан Андреевич. Но только надо нам верить друг другу. На кого-то же надо положиться. А как иначе?

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Москва.

Квартира Тарле.

Коллежский ассессор Иван Карлович Тарле пришёл к себе на квартиру с намерением собрать вещи для поездки в Архангельское. Но служанка сказала ему о том, что его дожидается некий господин из сыскного ведомства.

Тарле поднялся к себе на этаж, и застал в своих комнатах коллежского секретаря Карпова Петра Антиповича.

– Здравствуй, Иван Карлович!

– Здравствуй, Пётр Антипович! Не чаял тебя здесь застать!

– Дак дела службы, почтенный Иван Карлович!

– Я собираюсь в дорогу, Петр Антипович. Так что времени не шибко много. Сам понимаешь? Служба.

–И куда собрался, Иван Карлович?

– В Архангельское! По приказу статского советника Зотова.

– Снова туда?

– Служба, сударь.

– Да зачем туда ехать?

– Приказ статского советника Зотова. А он хоть и временно, но ныне мой начальник.

– Но мы со Степаном Андреевичем все дела там завершили.

– Новые дела открылись, господин Карпов. Пришло письмо из Архангельского на имя Зотова. Пишет ему капитан-исправник Осипов. Обратился покойный Тит Ипатыч в вурдалака.

– Что? – не поверил Карпов. – Я сам его тело обледенелое видел. Ножом его ударили прямо в сердце.

– А из имения доносят, что ожил этот покойничек и напугать всех сумел. Вот и еду разбираться. Хотел Зотов туда Степана Андреевича послать, но того сейчас нет на Москве и потому еду я.

– Странное дело.

– Вот я и разберу сии странности, Петр Антипович.

– Но перед твоим отъездом нам нужно поговорить, Иван Карлович.

– А отложить на потом нельзя? – спросил Тарле.

– Никак нельзя. Иван Карлович. Дело больно серьезное.

– Тогда готов тебя выслушать!

Тарле скинул плащ и сел в кресло у камина.

– Ты, Иван Карлович, не сердись на меня, коли чего скажу

неприятного. Но дело есть дело.

– Говори уже, Петр Антипович.

– Ты ведь тогда Тишку, холопа беглого поймал?

– Я.

– И тот Тишка странным образом помер, как помер и тот, кто его упокоил. Так сказать, все концы в воду.

– Наめкаешь, что сие моих рук дело? Но я сам сего Тишку к Волкову притащил. Коли мне его убить было надобно, то я бы все проще сделал.

– Оно так. Но ведь подозрения могли возникнуть? А так ты, господин коллежский асессор, все от себя отвел.

Тарле усмехнулся и спросил:

– А зачем мне сие?

– Вода жизни, – ответил Карпов.

– Вода жизни? – Тарле сделал вид, что мало знает про это.

Но Карпов продолжил:

– Ты, сударь, имеешь желание найти Воду жизни. Или нет?

– С чего мне её искать? Эликсир философов не более чем сказка. Кто поверит в сие, господин Карпов?

– Но ты, Иван Карлович, состоял в Петербурге в некоем «Обществе Тайны». Или и сие станешь отрицать? А искали они именно Воду жизни. А, стало быть, веришь ты в то, что Вода жизни существует.

– И как ты это узнал, Петр Антипович? – спросил Тарле.

– А сие разве неправда, Иван Карлович?

– Про Воду жизни я слышал. Но что из того? Многие про сие слышали в Петербурге.

– Но сюда ты зачем пожаловал из Петербурга, Иван Карлович? Может за Водой жизни?

– К делу Кантемиров сие какое касательство имеет, Петр Антипович?

– Кассандра Кантакузен тайну Воды жизни знала. А она жена была князя Дмитрия Кантемира. Может и есть касательство к сему делу, сударь Иван Карлович.

– Хорошо, Петр Антипович. Я расскажу тебе о Воде жизни.

– За тем и пришел к тебе, сударь.

– Говорят, что сей эликсир человеческую жизнь продлить может в три раза! Понимаешь, что сие значит? В три раза дольше жизни!

– Но сие всего лишь слухи!

– И я так думал вначале! Не верил сему. Но затем сам все проверить захотел. Для того и в Москву прибыл из Петербурга. Тем более, что двор государыни в Москве.

В этот момент в комнату вошел слуга и доложил, что прибыл чиновник сыскного ведомства Дурново и ожидает господина Тарле.

– Все, Петр Антипович. Пора мне. Дурново уже здесь. Не стоит ему знать, что и ты в гости пожаловал.

– Согласен, Иван Карлович.

– Потом с тобой про все договорим.

– Не думаю, что сия поездка в Архангельское что-то даст. Не мог ожить покойный Тит. Все это подстроено кем-то.

– И я так думаю, Петр Антипович. Но Зотов отдал приказ. Увидимся после моего возвращения...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

Коллежский секретарь Карпов.

Письмо.

Вечером того же дня Карпов получил послание через курьера. Конверт был запечатан сургучом с родовым гербом Салтыковых.

– Сие мне назначено? – спросил Карпов.

– Так точно, ваше благородие! – ответил курьер.

– И кто дал тебе сие?

– Письмо было предано в канцелярию для передачи вашему благородию.

– Передано кем?

– Не могу знать ваше благородие! Я только курьер.

– Хорошо, братец, иди!

Карпов вскрыл письмо и развернул лист.

«Господину коллежскому секретарю Карпову.

Зря вы, сударь, интересуетесь делами до вас касательства не имеющими! Нынче ваше любопытство дорого станет коллежскому асессору Тарле. Сведения сии тайные и разглашать их не следует.

Ежели, вы увидели знак вурдалака, то держитесь от него подалее.

Подумайте про сие, сударь.

Ваш доброжелатель».

Карпов сложил лист.

«Странно, подписи нет, а на пакете герб Салтыковых. Зачем сие? Или напугать меня хотят? Надобно сие показать господину Волкову. Пусть он разбирает, коли его начальным человеком над нами назначили».

Коллежский секретарь положил пакет в карман...

***

Хроника событий: января, года 1733-го от Рождества Христова.

На пути в Архангельское.

Тарле и Дурново.

Сани быстро летели вперёд.

Дурново подобрал отличных лошадей в конюшнях канцелярии. Знал толк в комфортной и быстрой езде. Сколько раз в давние поры случалось так, что лошадей для него не находилось. А если и находились, то полудохлые клячи. Ныне все изменилось. Хоть и не достиг он чина высокого, но значение приобрел. Ценили Порфирия Кузьмича благодаря близости его к персонам высоким.

Иван Тарле предлагал собственную запряжку, но коллежский регистратор отказался. Сказал, что де не по чину ему собственные запряжки. А коли едут по казенной надобности,

то и лошадки пусть будут казенные.

Порфирий Кузьмич обмотал шею шарфом и укрылся лисьей шубой. На его голове был теплый треух и руки он грел в меховой муфте. Иногда он бросал взгляд на своего соседа и усмехался. Ивана Карловича это раздражало, но он сдерживался, и никак не отвечал чиновнику.

Понимал господин Дурново, что общество его господину Тарле не по душе.

– Этак скоро будем на месте, сударь. Как думаешь, господин Тарле?

– Будем, Порфирий Кузьмич.

– А ты не рад моему обществу, сударь?

– Отчего же?

– Да ты не сильно начальника канцелярии считаешь, сударь.

– Но ты, Порфирий Кузьмич, не начальник канцелярии, ты по чину лишь коллежский регистратор.

– Но я человек Зотова. Считаюсь таковым. А ты к Волкову прикипел.

– Я вместе с господином надворным советником Волковым веду сие дело. Я ему подчинен по службе.

– Да я разве в попрек тебе молвил, Иван Карлович? Я просто так для разговору. Ведь не молчать же.

– А можно и помолчать, господин коллежский регистратор.

Дурново усмехнулся.

– Иногда и беседа для пользы, господин Тарле. Я ведь могу и чего полезного сболтнуть.

– Полезное для кого, Порфирий Кузьмич?

– Дак для твоего Волкова. Ведь ты считаешь, что я служу статскому советнику Зотову?

– А сие не так, Порфирий Кузьмич?

– Так, да не так, Иван Карлович. Ведь Зотов хоть и начальник канцелярии, но человек невеликий, ибо все чинами меряет. А что есть чин? Золото на мундире! Дак ведь ныне оно есть, а завтра и нет его. Вон Ванька Долгорукий сколь золота на мундире и чинов сколь имел? И обер-камергер, и полковник лейб-гвардии, и много еще чего. С сенаторов шапки сбивал для удовольствия. А ныне, где Ванька-то? В Сибири без орденов и без званий. Все забрали у сердешного. Я за чинами не гонюсь.

– А за чем гонишься, Порфирий Кузьмич?

– За влиянием. Хочу влиять на события.

– Влиять? Но с чинами влиять много проще, Порфирий Кузьмич.

– Сие тебе лишь кажется, Иван Карлович. Иногда коллежский регистратор много больше действительного тайного советника стоит. Вот я нынче тебе желаю помощь оказать.

– По делу вурдалака?

– Дак разве Волков твой верит в вурдалака? Он твердит, что нет его.

– А ты, Порфирий Кузьмич? Ты веришь в него? – спросил

Тарле.

– Я знаю, что есть силы, которые хотят, чтобы в вурдалака верили. Зачем им сие? Вот главный вопрос.

–И хотелось бы знать кто они.

–Если узнаешь зачем, то будешь знать кто! Вот Волков твой разве знает зачем? Сколь следствие идет? А что узнал?

–Ты, Порфирий Кузьмич, желаешь знать, что Волков о сем деле ведает, дабы начальнику своему доложить? Так?

Дурново засмеялся в ответ.

–В том нет надобности. Ничего вы не знаете. И я хочу помочь. Ты скажи Волкову – пусть присмотрится к господину Зотову.

–К статскому советнику Зотову?

–К нему. Кто он есть? Что за человек?

– Не сильно смелый и не шибко приятный человек.

– Не смелый? Ведь в старые времена он фискалом был.

На самого Меншикова донос подал. А для сего смелость надобна. Меншиков тогда в большом фаворе был у императора Петра Алексеевича. А, стало, такой человек все на карту поставить может.

– То давно было, Порфирий Кузьмич. Тогда Зотов отчаянный был. Карьеру делал. А ныне все его смелость вышла. Хочет действительным статским советником быть.

– Коли человека в угол загнать, то он на многое способен. Вот от того я врагам всегда лазейку оставляю. Испугались и ладно. И пусть бегут, поджав хвост. А Волков твой напря-

мик прет. Ворога загоняет в угол. А у того выбора нет, как защищать себя до конца.

– А Кантемиры здесь каким боком, Порфирий Кузьмич?

– Дак фискалом был господин Зотов и многое знает. А Кантемиры приближены были к государю Петру Алексеевичу. И знал господин Зотов о Кассандре Кантакузен многое. Слухи собирал о вурдалаках и способностях тайных. Зачем?

– И зачем? – спросил Тарле.

– Тогда Мария Кантемир состояла в любовной связи с императором. Вот и хотел Зотов Марию в колдовских чарах обвиноватить. Собирал сведения и слухи. Готовился.

– И что?

– Дак помер государь Петр. Зотов в опалу попал, ибо Меншиков при новой императрице Екатерине первым человеком империи стал. Мария же Кантемир перестала влиять на события, и потому все, что нарыл Зотов по неё, стало без надобности. Но когда Анна стала императрицей, то Зотова вернули и он продолжил начатое.

– Ты, Порфирий Кузьмич, али против начальника своего действуешь?

– Сие тебе знать без надобности. Ты мои слова Волкову передай и пусть все проверит.

Дурново замолчал. Закутался в шубу и прикрыл глаза, словно задремал.

Иван Карлович Тарле задумался над его словами.

«С чего это Дурново решил Волкову помогать? Никогда

они дружны не были. Скорее наоборот. А здесь он решил такой подарок сделать Степану Андреевичу?»

***

Иван Карлович Тарле очнулся в сугробе.

На них с Порфирием Дурново напали. Всадники сопровождения отстали немного и в лесу они услышали удалой свист. Затем на них навалились разбойники.

Первый громадного роста бородатый детина остановил лошадей.

Второй полоснул ножиком возницу.

Тарле приготовил пистолет, и прицелился в первого. Раздался щелчок, и добрый немецкий пистоль разорвало у него в руках. От этого он и вывалился из саней и далее ничего не помнил...

Глава 19

Письмо.

(Писано на гербовой бумаге)

«Господину надворному советнику Волкову.

Чиновнику юстиц-коллегии для особых поручений при Правительствующем Сенате Империи Российской.

Милостивый государь, Степан Андреевич.

Я сделал то, о чем ты меня просил. И могу ныне полный отчет представить.

Хочу сообщить о том, что та книга, «История рода Кантакузен», написана была гораздо позже срока указного в ней. Первые части в сем томе есть самые старые. В них говорить-ся о ранней истории Кантакузенов. Надписи в ней исполнены искусно опытным каллиграфом.

Но далее, когда за перо взялся тот, кто именует себя ворником Кантакузена, все напоминает не истинную, но поддельную историю рода Кантакузен.

Во-первых бумага.

Первый блок писан на бумаге из Гамбурга. Качества отменного и для письма она весьма удобна. По цене такая бумага была в те времена весьма дорога.

Ворник Кантакузенов использовал иную бумагу. Та бумага изготовлена во Франции. Она более новая, о чем говорят

водяные знаки на страницах.

***

О самом тексте истории рода Кантакузен.

Там писано:

«Detur digniori.

Я ворник дома Кантакузен, Иоанн.

Для детей моих Власты и Миклоша.

Послание об истории рода, коему я и многие предки ваши служили».

***

Таковая должность при дворе князей рода Кантакузен действительно существовала. Ворник суть хранитель врат или привратник.

Но ворника дома Кантакузен в то время звали Матиуш. А ворника именем Иоанн в доме Кантакузенев тогда не было. И никаких детей его не было. Все сие выдумка, рассчитанная на людей не знакомых с историей сего знатного рода.

***

Но читаем далее:

«Aequam memento rebus in arduis servare mentem.

Много лет потратил я на изучение науки тайной и хочу сие записать, ибо сведений про сие нет в книгах. И вижу я токмо домыслы, в коих ни слова правды нет. Хочу сообщить, что есть вурдалак, дети мои. Ибо придется вам столкнуться с сим злом. Которое порождено было одним из рода Кантакузен.

Вурдалак есть мертвец, восставший из гроба для мести

живым. Сие не есть оборотень, что способен принять облик животного. Я никогда не видел, чтобы человек обращался в иное существо. Сие досужие домыслы.

Безграмотные крестьяне нашей родины говорят о восставших мертвецах. Они понимают сие так:

Некто, был при жизни мучим вурдалаком и после смерти ему суждено стать вурдалаком самому.

Они говорят, что некто, кто был укушен оборотнем, сам станет таким!».

***

Сие не более чем пересказ деревенских сказок, Степан Андреевич. Да и переходы в книге весьма резкие. То «фараонов состав», то вурдалаки и ведьмаки. Словно не просветить желает ворник, а запутать дело еще больше.

А что до Aqua vitae – Воды жизни, то и сие не представляется мне значимым. Хотя про «фараонов состав» мне слышать доводилось.

Сим делом интересовались при дворе турецкого султана Мурада. Известно стало реис-эфенди (министру иностранных дел), что есть в земле Египетской старинный сосуд. Некогда принадлежал он великому владыке, который правил больше ста лет и сей владыка на троне дольше всех монархов на земле. И говорили, что жизнь ему давал состав в сосуде из серебра. Говорили, что вводить состав нужно было каждые 20 лет, и приводило сие к полному омоложению человеческого организма.

Реис рассказал про это султану и тот велел тот сосуд для него отыскать. Кому точно поручил сие дело султан? Того не знаю. Хотя может быть, что сие был Михаил Кантакузен, что в те поры служил османам. Но сие утверждение весьма спорно.

Мог ли такой сосуд из серебра существовать? Сие ты пожелал бы меня спросить, Степан Андреевич? Так я скажу тебе – все могло быть. Отрицать сего я не могу.

Мог ли сей сосуд из серебра с того времени храниться у Кантакузенов? Про сие узнать ничего не смог. Но в Петербурге в то многие верят. Княжна Мария Дмитриевна Кантемир тех слухов не опровергала. А ведь её мать и есть Кассандра Кантакузен.

Скажу тебе, что дело сие слишком многих особ затрагивает и слишком многие сим интересуются. Потому тебе стоит быть осторожным.

Твой преданный слуга И.В.»

Глава 20

Пусть торжествует правосудие.

Москва. Анненгоф.

Слухи при дворе.

Императрица и самодержица Всероссийская Анна Ивановна проснулась как обычно поздно в 11 часов. На царицу надели халат, и куаферы взялись за прическу государыни.

Анна велела допустить к себе придворных. Слуги распахнули двери и начался ранний прием. В будуар государыни вошли вельможи в мундирах с лентами и орденами, фрейлины, несколько шутов и шутих.

Ян Лакоста, шут которому еще Петр Великий пожаловал титул «короля самоедского» в день тот не кривлялся как обычно и не выпрашивал денег. Императрица знала нрав Лакосты и сразу заметила это:

– Чего грустный, «ваше величество», – спросила его императрица. – Кто «брата моего» обидеть посмел?

– Дак такие дела в столице твоей, матушка. Чего веселиться?

– Что стряслось, Лакоста? – спросила Анна. – Снова тоска грызет?

– Страх грызет, матушка. Страх.

– Страх? И кого ты испугался? Может я смогу защитить

тебя?

– От людей сможешь, матушка. Но не люди ныне опасны. Покуда ждали тебя у дверей, услышал я историю.

– И что сие за история? – спросила Анна. – Поведай, Лакоста.

– Дак нечисть снова озорует в столице твоей. Людишки про то болтают.

Императрица нахмурилась:

– Ты дело говори. О какой нечисти речь ведешь?

– Твоя фрейлина про то лучше скажет.

– Фрейлина? Которая из них? – строго спросила императрица.

«Король» указал на «болтушку», фрейлину ея величества Игнатьеву:

– Она знает!

Императрица приказала:

– Поди сюда!

– Ваше величество!

– Говори!

Игнатьева ответила:

– Зная неприязнь вашего величества к нечистому духу, и не желая оскорбить слуха вашего величества рассказами о...

– Говори дело! – прервала поток слов Игнатьевой Анна.

Игнатьева быстро выпалила все что знала. Эти сведения жгли ей язык и она так хотела первая о том рассказать при дворе:

– В имении Кантемировом, ваше величество, снова вурдалаки озоруют.

Все вокруг затихли. Императрица начинала гневаться после таких рассказов. Они приводили её в дурное расположение духа. В такие минуты под руку Анне лучше было не попадаться. И про это знали все, но очень хотела болтушка Игнатьева хоть одну важную новость сообщить. Никогда еще не давали ей быть в центре внимания. Шаргородская её всегда обходила и тем гордилась. А здесь такая новость!

– Чего сказала, дура? – спросила Анна.

– Дак вурдалаки матушка-государыня. Снова нечисть сия из своих могил выползает и пугает христиан. Нет упокоения им в земле истинно христианской.

– Вурдалаки? А мне доложили, что нет сей заразы у нас. Токмо в странах дальних, где вера Христова не столь крепка. А ну-ка говори, что знаешь?

Игнатьева продолжила:

– Сказывала девка Марфа, из дома дюки де Лириа⁴⁸, что пришел дескать в имение померший управитель именем Тит. А того Тита наши замерзшим в сарае. Лекари его осмотрели да сказали, что отошла его душа к богу.

– Стой, дура! – остановила фрейлину Анна. – Ты хоть сама поняла, что сказала? Причем здесь герцог де Лириа, посол короля Испании?

– В доме у посла, матушка, есть девка именем Марфа. Она

---

⁴⁸ Герцог де Лириа – посол Испании при дворе Анны Ивановны.

там в услужении. И она знает, что умерший управитель в имении господ Кантемиров вурдалаком оказался.

– Девка служит у де Лириа, а знает про имение Кантемиров? – спросила императрица.

Игнатьева не растерялась:

– Брат оной девки состоит конюхом в имении Кантемиров Архангельское. От него она все и узнала.

–И как тот управитель ожил?

–Дак нашли тело его замерзшее.

–Замерз? – переспросила царица. – А с чего замерз? Перепил что ли?

–Дак того не ведаю, матушка. Но точно, что замерз, и тело стало словно полено! Хоронить его сразу не приказали, ибо метель была тогда. Но в одну из ночей сей мертвец пришел в дом барский и напугал там холопов! – выпалила фрейлина.

–Стало быть, уже после смерти своей он в дом барина своего явился?

–Так, государыня-матушка.

Остальные стали шептаться, а императрица повернулась дежурному офицеру:

–Есть ли в приемной граф Остерман?

–Так точно, ваше императорское величество!

Анна отмахнулась от него рукой и сказала:

–Не стоит так орать, голубчик. Чай не глухая твоя царица. Приведи сюда Остермана!

В покои вошел вице-канцлер⁴⁹ империи граф Андрей Иванович Остерман. На его полной фигуре был белого цвета кафтан с золотом, голову прикрывал седой пышный парик.

– Поди сюда, граф! – приказала императрица.

Остерман подошел и низко поклонился.

– Что за слухи снова на Москве появились, граф? Я ведь высказала свое недовольство слухами о вурдалаках? Али не слышал того?

– Ваше величество! Государыня, я занимаюсь делами иностранными и делом сыска ведают иные...

– Я про сие и говорю! В дому посланца гишпанского де Лириа про сие говорят! И что посланец своему королю отпишет? Что варвары мы! И я варварская царица, но не императрица великая. И в том вижу поруху моей чести государевой!

– Но, государыня...

– Молчи, куда я говорю, граф! Тем слухам на Москве не бывать! Сам сим делом занимайся, коли иные не могут! Тебе даю поручение сие разобрать!

– Ваше величество прикажет мне сие дело взять в канцелярии юстиц-коллегии?

– Нет! – ответила императрица. – Они сами по себе, а ты сам по себе! Сколь людишек в твоём подчинении? Сколь жалования получают? Вот и дай им работу!

Остерман поклонился и, пятясь, вышел из покоев Анны

---

⁴⁹ Вице-канцлер – по табели о рангах, действительный тайный советник, чиновник 1-го класса.

Ивановны...

***

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Граф Остерман был недоволен. Он получил выговор от императрицы в деле, за которое не нес ответственности. Юстиц-коллегия⁵⁰ подчинялась не ему. Сие был высший суд империи по уголовным и гражданским делам. Сам же Остерман относился к коллегии иностранной.

Но как вице-канцлер мог граф и в чужие дела нос сунуть. Хотя Остерман ничего просто так не делал. На кой ему сие следствие? Нет за сим ничего путного. И окромя шишек, ничего не заработать...

***

Андрей Иванович вышел из покоев государыни и позвал слугу:

– Пашка!

Тот вырос словно из-под земли:

– Ваше сиятельство.

– Мою карету!

– Готова, ваше сиятельство. Куда ехать изволите?

– В канцелярию юстиц-коллегии поедем!

Слуга скривился. Он помнил по прошлым годам сие

---

⁵⁰ *Основана юстиц-коллегия была императором Петром Алексеевичем в 1718 году. В структуру коллегии входили поначалу Поместный приказ и крепостная контора. Но с 1730 года коллегии подчинен и Сыскной приказ, ведавший делами о грабежах, разбоях, убийствах, с плачами и тюрьмами.

неприятное место.

– Не кривись! – успокоил его Остерман. – Не по твою душу. Хотя и тебя упечь надобно!

– Дак надобен я вашему сиятельству.

– Поговори мне!

В карете слуга расположился по приказу Остермана рядом с барином.

– Недовольна государыня мною. И все из-за дела о вурдалаках. Что знаешь про сие?

– Дак что я могу знать?

– Не темни. Ты мастер слухи собирать.

– На Москве говорят, что снова вурдалаки озоруют в имении Кантемиров.

– Я не про эти слухи. Что чиновники делают? Отчего дело не распутано до сих пор? – спросил граф.

– Занимается сим делом человек дельный. Волков Степан.

– Отчего же не нашел до сих пор того, кто стоит за сим?

– А не так просто сие, Андрей Иванович. Дело больно путанное.

– Вот я им и помогу сейчас все распутать! – грозно сказал вице-канцлер.

– Страху нагнать на начальство сможете, ваше сиятельство, а вот распутать дело...

– Молчи, дурак! – прервал слугу Остерман.

– Как прикажете.

Вскоре они были на месте.

Остерман вышел из своей кареты, поставленной в эту пору года на полозья. Чиновники, узрев самого вице-канцлера, засуетились. Графа сразу провели в кабинет Зотова.

Иван Александрович был искренне удивлен визиту.

– Ваше высокопревосходительство!

– Ты есть начальник канцелярии? – строго просил Остерман.

– Статский советник Зотов!

– Ах, статский советник! Так отчего я выговор имею от государыни за твои грехи, статский советник?

– Что вы, ваше высоко...

– Меня сегодня отчитала матушка царица за дела с вурдалаками! А было приказано тебе пресечь сии слухи непотребные! Сколь времени прошло?

– Лучшие чиновники сысского ведомства работают...

– Лучшие? – снова перебил Зотова Остерман. – Ты своего чина за сих лучших лишен будешь! Отчего снова слухи ходят по Москве? В доме посла Испании герцога де Лириа про сие холопы толкуют! И то поруха чести великой нашей государыни-императрицы! Ты на честь императрицы посягать вздумал?

– Николи того в мыслях не имел, ваше высокопревосходительство. Я верный слуга нашей великой государыни. И как только повеление получил, то сразу на сие дело лучших чиновников поставил. Сие Волков Степан Андреевич, надворный советник. Тарле Иван Карлович коллежский асессор.

– Я не знаю этих имен! – надменно произнес Остерман. – Где сей Волков?

– Отбыл по делу!

– По делу? – вскипел Остерман. – Я здесь, а надворный советник сысского ведомства отбыть изволил! Вызвать сюда! Я вас всех здесь разгоню к чертям!

Зотов решил нанести свой «удар» и сказал:

– Волков женат на особе роду Салтыковых!

– Что?

– Его жена роду Салтыковых!

Остерман понял, что погорячился. Салтыковы – родня государыни.

Зотов продолжил натиск:

–И за него стоят обер-камергер двора граф Бирен и председатель Священного Синода Феофан Прокопович.

Вице-канцлер опешил. Ежели за спиной Волкова такие люди, то стоит быть весьма осторожным. Он сразу сменил тон.

– Ты не стой на ногах-то, господин статский советник. Садись. Поговорим.

Зотов сел и вытер лоб платком. Буря пронеслась мимо.

– Ты, господин Зотов, мне все как есть расскажи.

– А что ваше высокопревосходительство знать желает?

– Что выяснили твои чиновники за сие время? Отчего так долго следствие ведут?

– Да, был Волков Степан взят под стражу по приказу ге-

нерала Ушакова. Там он был несколько недель и следствие от того замедлилось. Но затем Волкова из Тайной канцелярии отпустили. Могу ли я за сие нести ответственность? Я человек маленький. Не спорить же мне с генералом Ушаковым.

– Но зачем Ушаков забрал его?

– Дак по доносу графа Дугласа!

– Дугласа?

– Того, что потом убит был в своем доме.

Остерман задумался.

Слишком плохо пахло сие дело. Но приказ государыни стоит исполнять. Однако и голова своя дорога. Здесь интересы пресеклись многих персон значительных. Один граф Бирен чего стоит. Надобно с ним переговорить. Да и Феофан много крови ему Остерману попортить может.

– Пусть дело сие расследовать не столь просто, статский советник. С этим могу согласиться. Но отчего холопы на Москве свои языки распустили? Отчего допустил?

– Дак как заткнуть рты холопам?

– А ты у генерала Ушакова спроси. Умеет он все держать в тайне. Всех кто болтает бери за караул. Ставь на пытку! Но слухи по Москве ползти не должны! Девка именем Марфа, что состоит в прислугах у герцога де Лириа сии слухи разносит. Брат оной девки состоит в конюхах у князя Кантемира. С того и начни. Не мне учить тебя, статский советник.

– Все будет исполнено, ваше высокопревосходительство...

***

Как только Остерман уехал Зотов вызвал двух ловких прислужников, которые умели тайные дела вершить. Их Порфирий Дурново отыскал и начальнику представил. Ныне такие могли пригодиться.

– Дело есть для вас! Но дело особое!

Те кивнули головами. Дескать все понимают.

– Надлежит вам доставить в застенок некую девку Марфу! Состоит сия девка в прислуге посла Гишпанского. Потому взять её надобно тайно, дабы никто шума не поднял.

– Пропадет девка с улицы и никто ничего не узнает. Будь в надеже.

– Токмо не ошибитесь! Мне надобна именно Марфа, у которой брат служит конюхом в имении Кантемиров. Сначала все как нужно разведайте. Узнайте, как сия девка выглядит. А уже затем думайте, как похитить её.

– Все исполним. Не в первый раз.

– И смотрите, дабы никакой промашки не вышло. Герцог де Лириа особа известная. Его во многих знатных домах принимают. Он ни о чем догадаться не должен.

– Все исполним тайно, ваше высокоблагородие. Мало ли на Москве холопов пропадает?

***

Придорожный трактир.

Тарле и Власта.

Иван Карлович Тарле проснулся в постели в трактире.

Ему сразу ударил в нос неприятный запах здешнего белья. Тело зудело от клопичных укусов.

– Что это?

Он поднял голову и увидел рядом черноволосую красавицу.

– Где я? – спросил он.

– В трактире придорожном. Здесь не так, как ты привык, барин, но теплее чем на улице.

– Как я попал сюда?

– Я выгатила тебя. Али не помнишь ничего?

Тарле ответил:

– Я видел тебя раньше, красавица?

– Все, кто видал Власту, не могут забыть её. Я спасла тебя, ибо от тебя пытались избавиться. И теперь наши пути дорожки связаны.

– Но кто ты такая? Я не могу вспомнить.

– Я та самая Власта, про которую столько болтают.

Тарле поднялся на ноги. Но его голова закружилась, и он снова опустился на кровать. Власта поднесла ему чашу.

– Выпей.

– А что это? – спросил он.

– Отвар, – ответила она.

– Отвар из чего?

– Зачем тебе знать сие, барин. Выпей и станет легче. Не бойся, там нет яда. Стала бы я травить тебя. Ты без моей помощи уже был бы мертв. Валялся бы в сугробе замерзший.

– Я помню! – Иван Карлович потер пальцами виски. – Я помню, как напали разбойники. Потом словно все отрезало. Так это ты меня спасла?

– Да.

– А как ты оказалась там? Все в лесу было. Или нет... Там были деревья. И помню свист разбойников. Затем выстрел...

– Важно, что твоя жизнь спасена. Ты жив и в тепле, а не на морозе в сугробе.

– Ты прекрасна, Власта. Но ныне я слишком слаб. Голова кружиться.

– Вот и выпей отвар, дабы сил у тебя прибавилось.

Тарле сделал глоток. Зелье было довольно мерзким на вкус. Он скривился.

– Пей. Пересиль себя. Это поможет.

Тарле сделал еще несколько глотков и передал чашу Власте.

– Теперь ложись. Тебе надобен покой. А скоро снова станешь на ноги.

Иван Карлович откинулся на подушки. Он смотрел на красавицу. Она усмехнулась и спросила:

– Вспомнил кто я такая? Неужто смог забыть?

Тарле только пожал плечами.

– Ведь это про меня болтали у Кантемиров в имении. Десять, живу я уже больше ста лет и не старею. Меня даже ведьмой окрестили крестьяне.

– Но ты красива какой-то бесовской красотой. И говори-

ли... Говорили, что давно, в те годы, когда я не родился еще, ты сводила мужчин с ума. Я ничего не перепутал?

—Так болтают, барин. Но мне от роду 21 год. Я много младше тебя, барин.

—Ты выглядишь даже моложе, Власта. Но твои глаза...

—Ты не считаешь их красивыми?

—Нет, не то. Они очень красивые. Я не о том. Они у тебя особенные. Это глаза, много повидавшие на своем веку.

—А вот это верно, барин. Повидала я немало. В 14 лет взяли меня силой и познала я, что такое любовь мужчины.

—И кто это сделал?

—Не важно сие сейчас, барин. Красота стала моим проклятием. Меня один человек заставил служить себе. Я не могла противиться его приказам. Он только смотрит на меня и словно голос в моей голове отдает приказы. Токмо сейчас, когда нет его рядом, я свободна.

—Кто это? Князь Кантемир? Который? Старший Константин или младший Антиох?

— Нет. Не князя Кантемиры. Другой барин.

— Но кто он?

— Я не знаю его имени.

— Не знаешь?

— Не знаю. Не говорил он мне имени своего.

— А как он выглядит?

— Тоже не знаю.

— Как так?

– А вот так. Хотя, когда вижу его, то всегда узнаю. Странно? И мне сие кажется удивительным. Ничего о нем не могу рассказать. Ни какого он роста, ни как одет, ни сколько лет ему. Ничего! Но вдруг появится он и поманит к себе – иду сразу и готова служить. Странно это. Правда?

– Стало быть, не можешь дать описание примет?

– Не могу.

– И часто сей барин к тебе навещивался?

– Часто.

– И что было между вами?

– Того сказать не могу. Была ли я в его постели? Дарила ли ему свои ласки? Не знаю. Бывало, сяду к нему в карету, а утром просыпаюсь в своей постели. И рядом никого. Он власть имеет страшную бесовскую.

– Он не был с тобой груб, Власта?

– Не помню. Не могу сказать.

– А помнишь о нашей с тобой встрече?

– Это было когда я остановила твою карету? Как того не помнить? – она улыбнулась. – Мне тогда выпал редкий случай встретить красивого мужчину. С которым в постели не было бы противно. А то меня всегда заставляли притворяться. И я всегда притворялась. С тобой того было не нужно.

– Мы были с тобой в постели, Власта? – спросил Иван Карлович.

– Я должна тебе ответить, что мы были вместе.

– Должна?

– Но я скажу правду. Мы не были с тобой вместе. Хотя я и хотела того. Вначале он приказал мне остановить карету и сделать так, чтобы ты послушал меня. Затем мы должны были провести вместе ночь. Но ты пожелал вернуться в канцелярию предупредить свое начальство о засаде разбойников. Помнишь?

– Помню. А потом я вышел и не нашел тебя в карете.

– Он приказал мне уходить.

– Он?

– Мой неведомый хозяин.

– И как он мог отдать тебе приказ? Он сел в мою карету?

Но там был мой слуга. Он бы увидел.

– Мой хозяин отдает приказы мысленно, барин. Он велел уходить, и я ушла.

– Но скажи, как получилось, что проснулся в постели иной женщины?

– Ты проснулся в постели женщины? Значит вот для кого они тебя готовили! Я только привлекла твое внимание.

– Что это значит? – спросил Тарле.

– Так он делает. До меня была у него девушка, которая также называлась Власта. Хотя может она и не Власта была. Про это мне трудно вспомнить. Все как в тумане в моей голове.

– И что эта девушка?

– Хозяин использовал её, как и меня. И однажды она смогла мне рассказать историю о том, как она завлекла одного

знатного господина к себе. А когда он уснул, под воздействием сонного зелья, его доставили в кровать одной женщины. И утром ни он, ни она не могли понять, как это произошло.

– Похоже! – сказал Иван Карлович. – Не просто похоже, а именно так все и было со мной!

– Так сие мой хозяин и устроил, – ответила Власта. – Но только тебя, барин, забрали не из моей кровати.

– А сейчас ты не боишься мне про это рассказывать?

– Боюсь, барин. Я всегда выполняла его волю. Но потом захотела тебя спасти. Когда он далеко, он не властен надо мной. Я больше не хочу к нему.

– Я помогу тебе, Власта. Или это не твое имя?

– Меня зовут Власта. Иного имени я не знаю. Но дело не в имени. Главное, чтобы он нас не нашел. Сейчас я убежала, а ты «умер». Он наверняка так думает. Ты должен был в снегу замерзнуть.

– Вот как?

– Но я спасла тебя. И ныне мы вместе. Я не хочу больше служить ему.

– Я помогу тебе, Власта.

– Если мы затаимся, то он может и не узнает о нас. Ты его не знаешь, барин. Он страшный человек.

– Повидал я на своем веку страшных людей, Власта. Я ведь служу в юстиц-коллегии.

– Но он страшнее иных. И я видела разбойников разных. И даже знала Ваньку Каина. Но что Каин в сравнении с ним?

У Каина было лицо. Я видела его глаза. Они были злые и колючие, но они были. А у хозяина нет лица. Только темный провал капюшона.

– Значит, в первый раз он велел тебе меня спасти. Так?

– Да. Я упредила тебя о засаде атамана Сильвестра Кольцо.

– А в последний раз он хотел меня убить?

– Тебя и того человечка, что сидел рядом с тобой в санях.

– Порфирия Кузьмича?

– Так он сказал. Я была в его комнате. И он сказал, что ты и тот маленький чиновник умрете. Я спросила его, неужели я должна это сделать сама? Но он ответил, что нет. Это делают другие.

– Тогда зачем он посвятил тебя в это, Власта?

– Я должна была показать место разбойникам, что напали на вас. Место для засады. Так он приказал. Он сказал мне, что ты выпадешь из саней в сугроб. И не велел тебя спасать.

– А почему он не приказал просто перерезать мне горло?

– Он сказал, что ты должен замерзнуть в сугробе. Его приказы не выполнять нельзя.

– А ты убивала сама по его приказу? – спросил чиновник.

– И не один раз, – призналась она.

– И как ты это делала?

– При помощи яда, барин. Есть растение такое, что зовется «Красавка». Еще сие зовется у наш «бешеницей».

– Я знаю, о чем ты говоришь, Власта. Это «Белладонна»,

что в переводе с итальянского означает «красивая женщина». Смерть от этого яда страшна.

– Я видела, как умирают люди от «бешеницы». Но это был его приказ. Главное, чтобы он не появился рядом с нами. Тогда он почувствует меня. И тогда спасения не будет...

***

Москва.

Канцелярия юстиц-коллегии.

Волков вернулся в Москву и дома его застал приказ от начальника канцелярии – сразу как прибудет незамедлительно явиться на службу для доклада.

– Давно сие принесли? – спросил он слугу.

– Вчера, барин. Курьер из канцелярии принес. Мне велено было сразу передать барину, как только вы вернетесь, Степан Андреевич.

Степан не стал даже переодеваться и отбыл на службу. Статский советник Зотов встретил его холодно. Был он в вицмундире при орденах.

– Здравствуйте, Иван Александрович. Вы наряжены словно собрались во дворец.

– А вы изволили вернуться, Степан Андреевич? – спросил Зотов.

– Был по делам службы.

– В имении?

– В имении Знаменское, – ответил Волков.

– Которое вам принадлежит?

– Моей жене, Иван Александрович. Но вы словно недовольны этим?

– Еще бы! – прорвало Зотова. – Здесь в канцелярии был граф Остерман! Именем государыни!

Волкова это удивило:

– Остерман?

– Вице-канцлер империи Российской. Вот куда занесло, господин надворный советник. А вас на месте не оказалось.

– А что случилось?

– Снова в имении Кантемиров вурдалаки!

– В имении? В Архангельском?

– Там, господин надворный советник. А вы изволили в свое имение отъехать в такой час.

– Но я был там по делу.

– И что вы там искали? – спросил Зотов.

– Свою жену, господин статский советник. Моя жена пропала и связано сие с делом в доме Кантемиров.

– Значит, в Знаменском вашей жены нет?

– Нет.

– Но где она? – спросил Зотов.

– Этого я пока не узнал, господин статский советник.

– Но отчего же вы тогда были в Знаменском столь долго? Жены вашей там нет. Однако назад в столицу вы не спешили. Оно и понятно, господин Волков, что в имении проводить дни много приятнее чем на службе.

– Господин статский советник! Я больше вашего хочу най-

ти свою жену! И сразу как смог вернулся в Москву! Но давайте перейдем к делу, ваше высокоблагородие! Что там за история с вурдалаками? Вы так и не сказали.

– Пришло письмо от капитан-исправника Осипова. Вот! Зотов достал из папки лист бумаги и протянул Волкову.

– Извольте полюбопытствовать, господин надворный советник.

Волков развернул лист и прочитал:

«Господину начальнику канцелярии юстиц-коллегии, статскому советнику и кавалеру Зотову.

Доношу до Вашего сведения, как лица сим делом занимающегося по повелению вседержавнейшей государыни императрицы Анны.

Я, капитан-исправник Осипов, был вызван в дом барский, имения Архангельское в связи со случившимся.

Нашли несколько дней назад солдаты Гаврилин и Смирной тело управителя местного Тит Ипатыча. Тело задубело на морозе, и пролежало в сарае холодном не менее двух дней. На теле была рана от ножа, и я понял, что скончался управитель не сам. Помогли разбойники сердешному. Много у нас развелось их.

Но сие дело обычное в сию пору года. Убили и ограбили управителя. Я к дому своих людишек приставил, и приказал холопам князя Константина Кантемира беречься от воров.

Тело Ипатыча хоронить я не приказывал. Метель на погосте, да и мороз крепкий. Не выроют мужики могилу как

надобно. Велел я оставить тело в сарае, где нашли его.

Но спустя три дня слуги в доме барском переполошились. Равно как переполошились крестьяне в деревне Архангельское. Явился померший управитель в дом.

Видели его холопы на кухнях. Напужал он их страшно.

Мертвяк есть просил.

Я сразу, как прознал про сие, отправился к тому сараю, где тело было положено. И там мертвяка нашел. Лежал он, как и был, в той же позе. И тело дубовое от мороза словно деревяшка.

Я снова в дом. Померещилось холопам не иначе. Но пять человек твердят, что видали помершего управителя. И люди не тараруи, а поведения трезвого и работающие. Николи за ними никаких шалостей замечено не было.

Я с их слов сказки составил и к моему докладу прилагаю.

Пусть ваше высокоблагородие примет меры безотлагательные.

Капитан-исправник Осипов».

Волков вернул лист Зотову.

– И что скажете на сие, Степан Андреевич?

– А то и скажу, что нет никакого вурдалака.

– Но во дворце думают иначе!

– Дак сие потому, что некто желает, чтобы так думали, господин статский советник. Ведь вурдалака не видал никто!

– И по чему сие видно, господин Волков? – спросил Зотов.

– По сему письму все и видно, господин Зотов. Написал

его капитан-исправник то ли по недомыслию, а, возможно, и за вознаграждение.

Зотов снова взглянул на лист и спросил:

– Вы хотите сказать, что сие обман?

– Именно, господин статский советник. Ипатыч помер. И сие сам капитан-исправник подтвердил.

– Но вурдалака видели несколько человек.

– Ипатыч был убит. И «воскресшим» его никто не видел.

А если холопам и показали «мертвяка», так сие ряженный был. А может они просто набрехали за деньги. Сказали то, что им было сказано велено. Вот и все. Кое-кому сия паника выгодна, господин статский советник. А сие значит, что я на верном пути, коли они мне помешать желают.

– Кто они? – спросил Зотов.

– Пока не знаю, господин статский советник.

– Этот ответ я уже неоднократно слышал от вас, господин Волков. Но что мне доложить во дворце?

– Вас вызвали ко двору?

Зотов жестом показал на свой костюм.

– Так и скажите, что де нет никакого вурдалака. Все сие проделки живого человека. И скоро мы будем знать кто он...

***

Волков отправился в свой кабинет. На столе лежал лист мятой бумаги.

Степан взял его и увидел надпись:

«Трактир «У бочки».

Спроси слугу по имени Семен.

Он кое-чего о стряпухе дома Кантемиров знает».

Подписи не было...

***

Зотову доложили, что девку именем Марфа в тайный за-
стенек доставили. Он сразу спросил:

–хлопот с тем не было?

–Нет. Девка вышла из дома и отправилась в трактир. Там
она имела встречи с любовником своим. Сие мы устано-
вили. Споймали быстро и без шума.

–Что за трактир? –спросил Зотов.

–«У бочки». Места для похищения лучше и придумать
нельзя.

–Она цела?

–Волос с головы не упал, ваше высокоблагородие. И в слу-
чае чего у нас есть любовник её. Коли надобно то и его
возьмем.

–Он-то мне зачем?

–А коли девку хоронить придется? То виноватый в её
смерти понадобится.

–Возможно! –сказал Зотов и положил на стол четыре се-
ребряных рубля.

Прислужник заграбастал их и усмехнулся. Ведь и у девки
тайно взяли они с приятелем пять рублей.

Зотов отправился в застенек. Поначалу решил он пытку
не применять. Сия девка ему и так все поведает. Служанки

крепкими не бывают. Это тебе не ямские слуги и не разбойники.

Марфа оказалась дородной девицей с широкими лицом и пышными волосами, которые заплетала в косу.

Зотов сел на табурет и посмотрел ей в глаза. Та страшно испугалась его взгляда, упала на колени и схватила руку статского советника:

– Барин! Прости!

Зотов оттолкнул её:

– Ты, девка, сие брось. Садись на стул и отвечай на вопросы.

Марфа всхлипнула и вернулась на место.

– Ныне я не велел звать сюда плача. Но коли не получится у нас с тобой разговора, то в другой раз я не один приду.

– Я все скажу, барин! Никакой вины за собой не знаю.

– Ты Марфа крепостная в доме гишпанца де Лириа?

– Не крепостная я, барин. Мне уже два года тому дали вольную грамотку. И с тех пор я служу по вольному найму.

– В доме де Лириа ты давно служишь?

– Меньше года, барин. А вот брат мой Максим все еще в крепости в доме барина Кантемира.

– Про него и станем с тобой говорить, Марфа. Прознал я о том, что ты принесла на Москву слух об ожившем вурдалаке в имении князя Кантемира. Сие так?

– Да я про сие от братца слыхала. Говорил он мне держать язык за зубами, но разве такое удержишь? Страсть как

рассказать захотелось.

– И кому ты рассказала про сие?

– Дак почитай всем слугам в доме гишпанского дюки (испанского герцога).

– А как тебе самой про сие рассказали?

– Дак братец Максим был на Москве три дни. Привозил сено и дрова на торг. Жил у меня в каморке и про все, что делается у них, мне и поведал.

– Поведал и сказал держать язык за зубами? Так?

– Точно так, барин.

– Али брат не знает тебя? – спросил Зотов уже не Марфу, но сам себя. – Знает. Но рассказал. А с чего рассказал? Надобно ему было, чтобы о сем на Москве узнали. Но разве сие конюху надобно? Нет. Тому, кто стоит за конюхом...

***

Москва.

Трактир «У бочки».

Слуга Семен действительно был среди трактирной obsługi. Волков нашел его и заставил сесть рядом. Даже водки налил.

Был тот Семен росту среднего, в плечах широк, руки имел могучие, лицо плоское с бородой и усами.

– Ты от Каина, барин? – спросил тот.

– От Каина? – не понял Волков.

– Сказал мне Ванька, перед тем как из Москвы убер, что придет к тебе барин. И я должен тебе рассказать кое-что.

– Стало быть, сие Каин мне записку оставил?

– Того не знаю, барин. Но все чего тебе надобно про стряпуху знать – скажу.

– Стряпуху? – не понял Волков.

– Стряпуха именем Дарья. Из дому Кантемиров на Москве.

– И ты про сию стряпуху знаешь?

– Токмо то, что она сама мне сказывала.

Волков заинтересовался.

– Ты говорил с ней?

Семен молчал. Ждал. Надворный советник все понял и вытащил из кошелька три рубля серебром. Положил на стол.

Семен рубли сгреб и спрятал в кушаке.

– Говори.

– Та самая стряпуха со мной была после того, как из дому Кантемиров сбежала.

– С тобой?

– Дак баба крепкая и ядреная. С такой чего не поиграть?

– Я не о том знать хочу, Семен. Что говорила она о смерти своей? Ведь уже после «смерти» она к тебе попала?

– А то и сказала, что не помирала никогда...

***

Стряпуха испугалась словам этого странного человека.

– Али не знаешь ты, Дарья, что коли вурдалак явился, но не отстанет от тебя.

– Но я ничего не сделала, барин.

– А того вурдалаку и не надобно. Ты смотри сколь людешек вокруг. А он к тебе пришел. Стало быть, твой черед скоро.

– Помирать? – вскричала стряпуха.

– Все под богом ходим. Знать пришло твое время.

– Но я еще не старая, барин. Помилосердствуй!

– Дак я чего могу? Я разве власть над нечистью имею?

– Но ты знаешь, что делать, барин. Век за тя стану бога молить.

Барин спросил:

– Стало, спастись желаешь?

– Желаю, барин. Очень желаю!

– Тогда слушай! Дабы не помереть взаправду, ты помрешь на время.

– Помру?

– Жизни тебя никто лишать не станет. Но ты прикинешься мертвой. Сие спасет тебя от вурдалака.

– Дак рази смогу я прикинуться?

– Я тебе зелье дам одно. «Мертвая вода» зовётся. Ты примешь его, и все сочтут тебя мертвой. Но сие токмо казаться будет, что ты мертва. Затем я дам тебе «Живую воду» и ты снова будешь жить, Дарья.

– Боязно, барин.

– Боязно тебе здесь оставаться. Боязно жить, коли вурдалак на тебя охотится. Но я не неволю тебя, Дарья. Коли не желаешь помощь мою принять, то прощай.

– Погоди, барин. Не уходи. Я согласна. Давай зелье свое...

***

Волков выслушал и спросил Семена:

– И сие тебе сама Дарья поведала?

– Она и поведала. А кто же еще?

– А сказала она тебе, что был за барин?

– Того она не помнит.

– И ты поверил ей?

– Божилась она, что не помнит. Станный господин. Вроде и есть он, а вроде и нет его.

– И как это понимать?

– А поди разбери баб? Что у них на уме? Но не врала она мне, барин. Слишком напугана была.

– Больше она не говорила о встречах с тем господином?

– Нет. Сказала, ничего про него не знает.

– И ты молчал про то, Семен?

– Дак боязно мне, ваше благородие. Я и ныне бы ничего не сказал. Даже за рубли твои. Но Каин велел, а Каина я боюсь больше всего.

– Но он ушел из Москвы.

– А коли вернется? Сколь раз уже уходил он, а всегда возвращался. Сколько раз говорили в народе, что нет больше Каина. Дескать, поймали его и повесили в Вологде. Иные говорили, в Рязани казнили его на площади. А он все живой...

***

Придорожный трактир.

Тарле и Власта.

Иван Карлович Тарле думал. Хотели или не хотели разбойники его смерти? Ведь нападения в последнее время на кареты и купеческие обозы стали частыми.

Напали на них с Дурново, и выбросило его в снег. Пролежи он без чувств час, то замерз бы. Вроде спасла Власта его от смерти. Но говорит ли она правду или лжет?

Тарле стал задавать себе вопросы.

А если все было подстроено? Как узнали разбойники о том, что он вместе с Дурново поедет в Архангельское?

Знал о задании только он сам, его начальник Зотов и Порфирий Дурново. Да еще он имел разговор с господином Карповым накануне путешествия.

Дурново с ним в одних санях сидел и к сему нападению отношения иметь не мог. Ведь пуля, как известно дура, и могла и в него попасть. Даже если и не хотели тати никого убивать, всякое случиться могло. Зотов? Но он сам его в сие путешествие отправил. Хотя мог статский советник кому-то и проболтаться. Не сильно умен начальник канцелярии. Карпов? Этот мог свой интерес защищать, коли он у него был.

Получалось, что кто-то из них мог сие подстроить.

Скрипнула дверь. Вошла Власта.

– Я принесла поесть, барин.

Она поставила тарелку перед ним. Он взялся за ложку. Она расположилась рядом с ним.

– Ты, барин, не думай плохо про меня, – сказала она. – Я

ничего плохого не хотела тебе. В том могу клятву дать.

Тарле ответил:

– Чего ныне стоят клятвы?

Она обиделась:

– Мое слово крепкое. Хоть и не дворянка я.

– Ныне и дворянское слово стоит не столь дорого.

– Стало быть, не веришь мне?

– Слишком рассказ твой на сказку смахивает. Отчего не помнишь того человека, что приказы тебе отдавал. А ведь он приказал тебе прыгнуть в постель незнакомого человека. Ты всегда так делаешь?

– Коли он приказ отдает, то ему противиться нельзя. Колдун он. Настоящий колдун.

– Ты его боишься? – спросил Тарле, отставив тарелку в сторону.

– А его все боятся.

– Все?

– Разбойнички-душегубы и те дрожат перед ним. Говорят, что это сам черт.

Тарле засмеялся.

– А ты не хохочи, коли не знаешь! – обиделась она.

– Не обижайся, Власта. Я хочу тебя о другом спросить.

– О чем?

– Ты слышала про Воду жизни?

– Да, – ответила она. – И про Воду смерти слышала.

– И веришь в то, что они существуют?

– А как не верить в это? Вода смерти убивает человека, а Вода жизни может его воскресить. Ты говоришь, что сие сказки? Но я видела темный провал капюшона колдуна. Там была тьма.

– Тьма?

– Там жил страх. Я словно в омут черный опускалась. И все внутри меня дрожало от ужаса...

Глава 21

Архив чиновника Шубина.

1733 год. Январь.

*Хроника событий: января, 27 дня, года 1733 от РХ.
Москва.*

Дом Кантемиров.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир был в отчаянии. Он получил послание от графа Бирена, обер-камергера двора, в коем указывалось на неудовольствие императрицы.

«Государыня недовольна! Про сие узнали при дворе, и князь Черкасский окончательно повернется ко мне спиной. Кому надобен жених, вызвавший неудовольствие императрицы? Как выбраться из этого?»

Он схватил серебряный колокольчик и позвал слугу.

– Прибыл господин Волков?

– Уже здесь, ваше сиятельство.

– Я же сказал сразу доложить!

– Но его благородие прибыли только что. Он поднимается к вам, ваше сиятельство.

– Хорошо. Ты можешь идти!

– Слушаю, ваше сиятельство.

Слуга удалился, а Степан Волков вошел в кабинет князя. Тот бросился к нему с мольбой:

– Степан Андреевич!

– Здравствуйте, князь. У вас неприятности?

– У меня горе, Степан Андреевич. Получил письмо.

– От графа Бирена? – предположил Волков.

– Вы знаете?

– Я догадался, князь. Слухи об управителе вашего имения дошли до государыни.

– Именно так граф и сообщает. Государыня мною недовольна! И все из-за сего вурдалака. Но имение Архангельское не мне принадлежит. Это собственность моего брата, а он ныне за границей. Есть у вас хорошие новости, Степан Андреевич?

– Я только вчера вечером вернулся, Антиох Дмитриевич. Но ничего определенного сказать не могу. Только мои семейные дела странным образом переплелись с вашими.

– Как так, Степан Андреевич?

– А так, князь. Моя жена связана с Кассандрой Кантакузен, вашей матушкой.

– Как может сие быть, Степан Андреевич? – удивился Кантемир.

– Скажите, князь, что вам известно о Воде жизни?

– Господин Волков! Какая Вода жизни?

– Я, князь, по делу спросил. Скажите мне вам известно что-то о Воде жизни?

– Но это сказки, Степан Андреевич. Время ли сейчас их пересказывать?

– Князь! – настаивал Волков. – Скажите, что вы про это знаете?

– Про это говорили многие в царствование Петра Великого. При дворе любят поговорить. Сплетни дело известное. Говорили, что моя мать владеет секретом эликсира молодости. Но сие не так, Степан Андреевич. Сие были лишь домыслы малограмотных людей. Образованный человек не может в сие верить.

– Иногда может. Доктор де Генин верит в Воду жизни, князь. И моя жена, очевидно, верит в неё. Только вот я не знаю, где она.

– Не могу вас понять, Степан Андреевич.

– Антиох Дмитриевич, я сколь бьюсь с этим делом, а толку нет. Мне намеренно вставляют палки в колеса. Все что-то скрывают и все что-то недоговаривают. Тишка холоп ваш переполошил многих на Москве. Поползли слухи о вурдалаке. Мне было приказано те слухи пресечь и найти виновного. Но как его найти, когда истории с ожившими покойниками множатся? Помер при весьма странных обстоятельствах управляющий Тит Ипатыч. С телом стряпухи Дарьи все еще сложнее, князь.

В двери кабинета постучали. Князь разрешил войти. Вбежал коллежский секретарь Карпов.

– Беда, Степан Андреевич!

– Что еще могло случиться, Петр Антипович?

– На наших напали разбойники! На Дурново и на Тарле!

Их Зотов в Архангельское послал. Но до места они не добрались.

– Кто сообщил? – Волков вскочил с кресла.

– Один из полицейских чинов возвратился. Сказал, что напали разбойники. Стало быть, знали о цели их поездки!

Волков посмотрел на Кантемира.

– Вурдалаки своего дела не завершили, князь.

– Да, разбойники напали, Степан Андреевич. Не вурдалаки, – поправил Карпов начальника.

– А в сём деле разбойники и вурдалаки связаны, Петр Антипович.

Кантемир воскликнул в отчаянии:

– Степан Андреевич! И так мною недовольны. А если и это еще станет известно царице? Ведь они в имение моего брата ехали! Что делать?

– Странные дела в вашем имении творятся, князь. Кто-то не желает, чтобы истина о том деле раскрылась.

– Да, не мое сие имение, Степан Андреевич. Там хозяин мой брат Константин.

– Но то, что в вашем доме происходит, странным образом переплелось с тем, что происходит в имении вашего брата. Разве не так? Подумайте, князь.

– Мне из имения прислали старика Войку, дабы он помог в сём деле. Сказал братец, что Войку знающий в такого рода делах. И вот она помощь от старика.

– А где Войку сейчас, князь? – спросил Волков. – Вы ведь

выполнили мою просьбу? Я просил вас приставить слуг следить за ним. Я даже приказал прислать двух соглядатаев из канцелярии для сего.

– Я так и сделал. Слуг приставил, Степан Андреевич.

– А люди из канцелярии?

– Этих никто в мой дом не прислал, – ответил Кантемир.

– Как не прислали? – Волков был удивлен. – Но я лично просил про это начальника канцелярии статского советника Зотова! Я говорил как это важно!

– Степан Андреевич, могу ли я знать, что происходит в вашей канцелярии?

– А ваши слуги?

– Приставил самых сметливых, Степан Андреевич.

– Сейчас он под строгим надзором, князь?

– В комнате, которую я отвел ему. Там за ним присматривают. Всё как вы и говорили, сударь.

– Нужно подняться к нему! Проверим!

Кантемир поспешил исполнить приказ Волкова и повел за собой чиновников сысского ведомства.

– Где же ваши люди, князь? – Волков отметил, что у комнаты нет никого.

– Должно отошли. Но давайте зайдем в комнату.

Они вошли. В небольшой комнате была лишь кровать и столик с двумя табуретами. На кровати лежал старик. Его открытые глаза были устремлены в потолок.

– Вон он лежит на своем месте, Степан Андреевич. С этой

стороны как раз все в порядке. Если, конечно, не считать бездействия сего человека, которого братец прислал мне помогать.

Волков подошел к старику. Потрогал лоб.

– Старик жив? – спросил Карпов.

– Жив. Но не в себе. А кто из слуг присматривает за ним? – спросил Волков у князя.

– Данило-лакей, да служанка Мария, А с той стороны Прошка и Захарка. Силой их бог не обидел.

– Где они нынче?

Кантемир пожал плечами. Он сам судьбой Войку интересовался мало.

– Я распоряжусь, чтобы нашли.

Князь вышел из комнаты и кликнул лакея:

– Прохор! Прошка!

– Здесь я, барин.

– Ты почему не на месте, сукин сын? Тебе где быть велено?

– Дак почитай цельную ночь здесь торчал, барин, – ответил слуга. – А чего его охранять, коли лежит словно покойник? Куды он денется?

Кантемир спросил:

– Мария где? Отчего в комнате нет её? И где Данило? Отчего я должен искать их, коли они здесь были приставлены?

Лакей ответил:

– Дак в доме они где-то, барин. Куда им отсель деваться?

– Разыскать немедля!

– Иду, барин!

Князь вернулся к Волкову и Карпову.

– Не могу я понять вашей просьбы, Степан Андреевич.

Вы моих двух холопов у комнаты держите, еще двое внутри за телом сим наблюдают, и еще своих людей хотели сюда поставить. Зачем это?

– У меня были на то основания, князь. Но сейчас я хотел бы поговорить со слугами, что были при теле.

– Как угодно, Степан Андреевич. Сейчас разыщут их!

***

Служанка Мария была полной женщиной лет сорока с крупными чертами лица. Она робела перед чиновником, боялась, что станут её ругать. Но Волков голоса не повышал. Предложил сесть на стул и успокоиться.

– Ты есть Мария? – спросил Волков.

– Мария, – ответила она.

– Давно в доме Кантемиров?

– Да больше десяти годочков, барин. Всегда служила исправно господам, и они были мною довольны.

– То похвально, Мария. Но мне знать надобно, как ведет себя старик, за которым ты наблюдала.

– Войку?

– Да.

– Дак он ума лишился. Лежит и стонет.

– И ничего не говорит?

– Бормочет иногда что-то. Но что не разобрать.

– И не вставал никогда Войку за время, что ты сидела с ним?

– Да не могёт он вставать, барин. Потому и приставили меня и Данилку к нему. Ведь надобно кормить сердешного...

– Мария! – прервал её Волков. – Ты только на мои вопросы ответ давай. Не вставал никогда Войку за время, что ты сидела с ним?

– Никогда, барин. Когда я была подле него не вставал.

– Стало быть, ничего странного ты не видала?

– Нет. Только сны мне стали сниться.

– До снов нам дела нет, – сказал за Волкова Карпов.

– Погоди, Петр Антипович. Ты говори о снах, Мария.

Служанка рассказала, что трижды видала один и тот же сон. В нем была молодая женщина, которая превращалась в старуху. Затем старуха обращалась обратно в молодую женщину.

– Ладно, иди Мария. И не покидай больше Войку, когда рядом с ним нет никого. А то больно худо вы пригляд за больным держите.

– Все исполню, ваше благородие, – сказала она и вышла из комнаты.

– Магнетизм, – прошептал Волков.

– Что? – спросил его Карпов.

– Магнетизм, Петр Антипович. Явление почти научное и почти магическое. Мало знающие люди именно сие и назо-

вуд колдовством. Вишь, как дела вести надобно? А у нас все к пытке людишек ставят, и говорят, что нет средства вернее, чем жилы мотать. А на пытке чего только человек не наклепает на себя.

– Ты давний противник пытки, господин Волков. Про то всем известно.

– А вот при помощи сего магнетизма можно истину узнать, не прибегая к пыткам. И в отличие от пытки сия истина настоящая, а не та, которую дознавателю надобно знать...

***

Старый лакей Данило знал Войку давно.

– Дак почитай лет двадцать знаю. Я ведь в доме барина моего служу лакеем и мною господа Кантемиры много довольны. У нас ведь как? Коли барин прикажет, то исполнить надоть. Я ведь помню еще его сиятельство князя Димитрия Кантемира...

– Данило! Нам надо знать лишь то, что касательство к делу имеет. Я вопросы задавать стану, а ты давать ответ будешь.

– Как прикажете, барин.

Волков спросил:

– Что про Войку можешь сказать?

– Колдун он и есть колдун.

– Колдун? И в чем его колдовская сила?

– Дак повидал я, силушку его. В прежние годы. Это было когда служанка Анна пропала.

– Анна? Кто такая? – спросил Карпов.

Лакей ответил:

– Это было еще когда померла старуха Кантакузен.

Волков заинтересовался:

– Померла госпожа Кассандра в 1713 году. А ныне 1732 год.

– Верно сказали, барин. Тогда это и было. Когда померла старая барынька. И тогда при барыне покойной была служанка Анна. Сидела она у кровати покойной старухи с иными бабами-плакальщицами. Да умом и рехнулась. Говорить стала, что старуха не мертва.

– А с чего она это взяла?

– Дак сказывала, что сама видала, как та глаза открывала. Правда никто из иных баб и девок сего не видал.

– И что?

– Дак чего еще? Твердила, что мол жива старуха. Её по приказу старого барина Дмитрия Кантемира от тела убрали. И запрели в комнатке на чердаке. А утром обнаружилось, что девки служанки там нет! И более никто не видал её.

– И куда она девалась?

– Дак колдун Войку отдал её нечистой силе. Вот и пропала баба. И чиновник был там сыскного ведомства и тоже сказал.

– Чиновник? – спросил Волков. – Какой чиновник?

– Дак сыскного ведомства. Был там и все выпрашивал и вынюхивал.

– А как его имя?

– Имя?

– Ну да, как звали сего чиновника?

– Дак я разве упомню? Вроде фамилие его такое странное.

– Что в нем странного? Иноземная фамилия?

– Вроде того. На дурака схоже.

– На кого? – не понял Волков.

– Вроде дурака.

– Дурново? – подсказал Волков.

– Да! Да, барин! Именно так! Дурново!

Степан хлопнул себя по колену.

– Ай да Порфирий! Ай да Кузьмич!

Волков больше с лакеем говорить не стал.

– Иди с богом, Данило. Более нет вопросов к тебе.

Лакей вышел.

Карпов ничего не понял и спросил надворного советника:

– И что сие значит, Степан Андреевич? С чего отпустил ты холопа? Мы не узнали ничего.

– А что он еще нам скажет? Про дела колдовские? Про то нам слушать – только время терять, Петр Антипович. Но Дурново в те годы был в доме Кантемиров.

– И что с того, Степан Андреевич? Умерла Кассандра Кантакузен и чиновник сыского ведомства прибыл в дом, где она смерть произошла. Что такого?

– Только я Порфирия Кузьмича знаю. Он приехал бы в дом и все бумаги бы аккуратно заполнил. Мол померла барыня свою смертью, и никто на жизнь её не покушался и так

далее. Но он занялся делом служанки, которая пропала. За-
чем?

– Дак сие давно было, Степан Андреевич. В году 1713-ом!
Дурново тогда моложе был. Да и государь тогда правил Петр
Алексеевич!

Волков лишь усмехнулся на слова Карпова.

– Не могу понять, что ты задумал, Степан Андреевич?

– Нужно о том деле узнать.

– Это о пропаже служанки? Да нет никакого дела, Степан
Андреевич. Холопка Кантемиров пропала в имении, где сам
князь Дмитрий был полновластным владельцем.

– Ты это о чем, Петр Антипович?

– Об исключительном праве, Степан Андреевич.

– Подробнее?

– По указу государя Петра Алексеевича было дано князю
Дмитрию Кантемиру право исключительное «жизни и смер-
ти» своих слуг. А значит, что сам князь был волен свое след-
ствие учинять или не учинять. Друново к тому отношения
иметь не мог. По делу служанки никаких указаний от князя
Дмитрия не поступало.

– Но я все же попробую потянуть за эту ниточку, Петр
Антипович.

– Бесплезное дело. В архивах его нет.

– Но я знаю, кто может помочь, Петр Антипович...

***

Хроника событий: января, 27 дня, года 1733 от РХ.

Москва.

Архив Шубина.

Степан Андреевич сразу из дома Кантемира отправился к дьяку Гусеву в Разбойный приказ. Тот выслушал чиновника.

– Не просто так всплыла фамилия господина Дурново. Был он тогда в имении Архангельское. Был! Но ведь никогда о том ни словом не обмолвился.

– Но это не говорит ни о чем, Степан. Был молодой тогда чиновник по казённой надобности в Архангельском. И что?

– Но ведь когда я дело это начал Дурново про то не сказал! Почему? Вел себя так, словно и не был в имении Кантемира никогда.

– Думаешь, что в сем давнем деле и есть разгадка, Степан?

– А почему нет? Ты мне скажи только, кто может знать про сие дело давнее?

– Такой человек есть, Степан.

– И кто?

– Архивариус из ведомства прокурорского. Некто Шубин Иван Иванович. Человек он ума невеликого и турусоват весьма. Потому карьеры не сделал. Но есть у чего человечка одна слабость.

– Какая?

– Любит он дела разные со странностями и подробные отчеты про них пишет. Над тем все смеются, но тебе как раз сие и может пригодиться. Ныне ему уже за шестьдесят лет, и он давно от дел отошел. С тобой говорить он не станет.

– Не станет?

– Дак дураком прикинется, Степан Андреевич. Сие у него хорошо получается. Скажет, что де умом слаб и не помнит ничего. И дела тебе не даст почитать.

– И что делать? Помогги, Ларион Данилович! Сделай милость. Никогда того не забуду.

– Тебе он все равно ничего не скажет, Степан. Но вот ежели я поеду с тобой, то может оно и по-иному повернется. Шубин мне должен кое-что.

– Так поспешим, Ларион Данилович. Время не терпит!

Гусев позвал своего помощника и отдал приказ:

– Разбойников по делу Каина пытать, как и было намечено! И опрос чтобы вели! А мне надобно отъехать!

– Не сумлевайся, все сделаем как надобно. Не первый раз.

– И пусть покажут, где Каин схоронился.

– Все скажут, Ларион Данилович. Уж коли в мои руки попали, то скажут. Куда им деваться-то?

Гусев отпустил чиновника.

– Сие великий искусник, Степан Андреевич. С пытки у него мало кто языка не развяжет. И пытает он не как иные.

– Не сторонник я пыток, Ларион Данилович.

Гусев одел кафтан. Степан набросил ему на плечи плащ и подал меховую шапку.

– Пытка, Степан, она также искусство великое. Не каждому сие дано. Много у нас тех, кто может терзать тело человеческое. Но тех, кто токмо угрозами может сломать крепкого

разбойника – мало! Да что там мало! Их нет вовсе. Вот сей токмо и остался.

Они вышли из хорошо натопленной приказной избы на мороз и сели в сани. Гусев хорошо знал, где жительство имеет отставной чиновник прокурорский Иван Шубин...

***

Дом у Шубина был небольшой, но сразу бросалась в глаза добротность и ухоженность.

– Ты, Степан, сначала более помалкивай. Я сам говорить стану. А то мы с тобой и за три дня не управимся.

Волков кивнул.

В доме, куда чиновников проводил старый слуга в простом деревенском овчинном тулупе, их встретил хозяин. Это был небольшого роста старичок с бритым подбородком и лысой головой.

– Ларион Данилович! Вот гость дорогой!

– Здравствуй, Иван Иванович.

– С чего так величать меня? Я чай персона невеликая. Иван я, Ларион. Так и зови. А сие кто с тобой?

– Друг сердешный Степан Волков, – представил надворного советника дьяк.

– Волков? – насторожился старичок. – Тот самый Волков? Степан не понял, о чем говорит старик. А Гусев ответил:

– Тот, Иване, тот самый, что следствие ведет в дому Кантемира.

– Так ведь я что, Лариоша? Я умом ныне слаб стал. Ве-

ришь ли, не могу вспомнить, что вчера делал? Слуги и те дивятся. Старость.

– Веди в горницу, хозяин. Али и выпить не предложишь?

– Отчего же! – вострепнулся старичок. – Сие никогда не помешает! Я хоть и стар, но от гданской водки не отказываюсь. А вот романею более не могу пить. Нутро потом от сего выворачивает.

– Так вели водки подать.

Старик распорядился. Степан и Гусев скинули в прихожей плащи и вошли в теплую горницу. В большом камине весело трещали дрова, и пахло еловой смолой.

– Сейчас все принесут, гости дорогие. А пока согрейтесь.

Волков подошел к огню и стал греть руки. Он не говорил ничего. Ждал когда начнет Гусев. Степан сразу понял, что за чиновник перед ним. Из такого и слова лишнего вытянуть сложно, а не то, что заставить его о деле говорить.

– Ты, Ваня, ранее все тайны на Москве собрал? Так ли? – спросил Гусев.

– Тайны? Ах, ты про дела с заковыкой молвить изволишь, Лариоша? Так грешен. Те дела любил. Но давно сие было. Молод был, а ныне стар. Все перегорело.

– Но бумаги ведь остались, Ваня?

– Вспомнил, Лариоша! Давно нет никаких бумаг. Сам ведаешь, что бумаги натворить могут. От бумаг надобно в нынешнее время далее держаться. Свои архивы я вот в сем камине давно пожег.

– Пожег? – усмехнулся Гусев.

– Пожег. Нет более ничего. А память у меня стариковская.

Сам ведаешь, ничегошеньки вспомнить не могу.

– А про смерть Кассандры Кантакузен? – вдруг спросил Гусев.

– Про состав старинный? Зелье сатанинское. Про сие не забыть мне до часа смертного! – выпалил, но тут же спохватился. – Хотя... и про сие мало что могу вспомнить, судари мои.

– Зелье? – вставил свой вопрос Волков. – Вы сказали про Зелье сатанинское?

– Дак кто ныне вспомнит? Памяти нет совсем. Дело давнее.

Старик стал божиться, что де ничего не помнит и ничего более не знает. Но Гусев напомнил ему о старой услуге, и старик сдался.

– Хорошо, я расскажу.

– А бумаги? – спросил Волков.

– Бумаг не дам. Да и нет их в этом доме. Кто станет такой архив здесь хранить? Но про сие дело я помню всё. Мне нет надобности в бумаги смотреть. Что хотите знать?

– Всё что произошло в имении Кантемиров в 1713 году от Рождества Христова, – сказал Гусев.

– Много всего там было. После того как померла госпожа Кантакузен в имение отправился чиновник по фамилии Дурново. Он признал смерть госпожи смертью обычной. При-

звал госпожу Кассандру к себе господь. С сей стороны там всё в порядке было. Но волновал всех один предмет из имущества Кассандры. Это был старинный ларец. Крышка золотая и камнями украшенная.

– Ценный ларец? – спросил Волков. – Работы старинной?

– Работы он был удивительной. Но не это привлекало людишек к ларцу.

– А что? – спросил Волков.

– Мертвая вода внутри него в сосуде серебряном.

– Мертвая? – переспросил Волков. – Но я слышал, что Кассандра владела тайной Живой воды.

– А вот сие зависит от пропорций, сударь! – сказал Шубин. – Запомните, молодой человек, что лекарство есть яд, а яд есть лекарство! Малая доза лечит, а большая убивает! Но в том кинжале состав Мертвой воды был особенный. Говоривали, из древних времен сохранился сей состав. И чудеса мог творить.

– И что это за чудеса? – спросил Гусев.

– Свойства у состава того были такие, что коли принять несколько капель напитка, человек впадает в состояние близкое к смерти. Ни один врач его от покойника отличить не умел. А затем человек к жизни возвращался.

– И нашли тогда сей ларец с серебряным сосудом внутри? – спросил Волков.

– В листах, которые записал чиновник по фамилии Дурново сказано, что никакого ларца обнаружить не удалось. Хотя

сам князь Дмитрий Кантемир, бывший господарь Молдавии, соратник Петра Великого, тот ларь искал. Дочь его Мария Кантемир много времени потратила на его поиски. Был даже слух, что сам государь тем ларем интересовался.

– И его никто не нашел?

– Нет. Дурново записал, что все слухи о старинном ларце есть выдумки, ибо никто его своими глазами не видал. Но я тогда понял, как ларец сумели выкрасть. Никто окромя меня сего понять не смог. И свой собственный отчет о сем деле оставил...

***

Отчет чиновника для особых поручений при прокуроре Сысского приказа, Шубина И.И.

Год 1713-й от Рождества Христова.

Я Шубин Иван, пишу сии строки, после того, как все листы опросные изучил со всем тщанием.

Чиновник розыскных дел канцелярии Дурново прибыл в имение Архангельское для выяснения обстоятельств смерти госпожи Кассандры Кантуакузен.

С чего сие канцелярии сим дело заниматься? Муж Кассандры князь Дмитрий Кантемир, персоне при государе Петре Алексеевиче важная. Больше того по именному указу государя князь Дмитрий имел право жизни и смерти над всеми молдаванами, что с ним российский рубеж пересекли.

Но пошли слухи, что сильно не ладили помеж собой супруги князь и княгиня, и потому сысской приказ следствие

учинил. Но на дело послали самого хитрого чиновника Порфирия Дурново.

Велено было ему все разузнать и отчет составить. Я же тот отчет прочитал по приказу прокурора Сыского приказа Хвощинского. Сказал он мне, что де надобно отчет Дурново проверить.

Я спросил тогда, а с чего проверять? Али что плохое за сим Дурново числится. Прокурор сказал мне, что сильно самого государя интересуеет некий предмет, что в имуществе Кассандры найден быть мог. Дурново мог сей предмет найти и для себя спрятать. Удивило это меня тогда. Мелкий чиновник канцелярии осмелился утаить ценность такой персоны как княгиня Кантемир? Но Хвощинский сказал, что сия вещь кого угодно может в искушение ввести.

Разболтали слуги князя про то, что была у княгини одна ценность деревня, которую она пуше всего берегла. Скрыта сия ценность была в ларце, и ключ от него имелся лишь у самой княгини. Что было в ларце, доподлинно никто не знал. Но говорили, что там лежит сосуд из серебра. И сильно хотел князь Дмитрий тот сосуд заполучить (Возможно, что по приказу самого государя Петра Алексеевича). Слышали слуги как говорил Дмитрий по-молдавански своей супруге, дескать желает иметь сей сосуд.

Но что сие за сосуд и с чего вдруг он всем был так надобен Дурново не сообщает. Оно и понятно, что ежели дело касаете «Мертвой воды», то кто про сие станет писать?

Потому я про сие дело сам стал узнавать, и оказалось, что в сосуде имелся особый состав, прозванный «зельем фараоновым» или «Мертвой водой».

Дурново тогда сей сосуд сумел найти и захотел завладеть им. Управитель кантемировский тогда обвиноватил чиновника в краже. И князь Дмитрий велел вещи Дурново обыскать. Но в его вещах ничего обнаружено не было.

Однако я выяснил одну странность. В день, когда обыск у Дурново учиняли, некая девица Анна из имения исчезла. Именно так Дурново тогда сумел ларец с сосудом из имения вывезти...

***

Волков задумался. Получалось, что это Порфирий Кузьмич тогда завладел ценным артефактом. Хотя все слова Шубина не более чем слова. Никаких доказательств.

–И следов ларца более не было? – спросил Волков.

–Нет, – ответил Шубин. – Нигде более не всплывал он. А после смерти князя Дмитрия Кантемира в 1723 году никто более и не мог сказать, бы ли на деле тот ларец, или все сие не более чем выдумка.

–А ныне тот ларь с сосудом снова появляется в деле о вурдалаке. Или что-то путаю, Степан? – спросил Гусев у Волкова.

– Все так и было, Ларион Данилович.

– Стало быть, кто-то в доме Кантемира решили свойства того состава в ларце опробовать, – подсказал Шубин.

– Но кто? Ведь ларь был похищен? – спросил Волков.

– Всё указывает на то, что ларец был! – сказал Шубин.

– А что указывает? Кто видел сей ларь? Возможно, что некто специально заставил нас про сей ларец вспомнить. И мы про него вспомнили. Но если то самое зелье внутри ларца жизнь продлить способно, отчего Кассандра свою не продолжила? Отчего сам Дурново им не воспользовался. Он уже не столь молод.

– Возможно, что не знали они как правильно им пользоваться, – предположил Шубин. – Точно вам мог бы рассказать князь Дмитрий Кантемир. Но он помер. А вот Порфирий Кузьмич жив...

Глава 22

Смерть старухи.

1733 год. Январь.

*Хроника событий: января, 27 дня, года 1733 от РХ.
Москва.*

Степан Волков и Шарль де Генин.

Степан вошел в комнату к лекарю Шарлю де Генину.

Тот читал медицинский трактат в кожаном переплете. Когда скрипнула дверь, он поднял голову.

– Степан Андреевич? Рад тебе, друг дорогой. Ты хорошие вести принес? По глазам вижу, что принес!

– Нет более дела о вурдалаке, Карл Карлович!

– Как нет? – Генин подскочил в кресле.

– Не знал я точно кому верить могу. Не знал и подозревал каждого. И тебя, Карл Карлович. Не знал, кто стоит за сим делом. А ныне знаю!

– Знаешь?

– Знаю. И простой холоп мне ключ к сему делу дал.

– Какой еще холоп?

– А лакей князя Кантемира именем Данило. И ныне я почти все узелки связал.

– Не понял тебя. Что за Данило такой? Расскажи, Степан Андреевич.

– Но хочу тебе сказать в самом начале, Карл Карлович, что нет никакой Воды жизни.

– Вот как? – де Генин побледнел. – Но сего быть не может! Сколько упоминаний есть об этой воде.

– А вот мне только что, один человек поведал о Мертвой воде.

– Как ты сказал?

– «Мертвая вода», или «Вода смерти».

Волков рассказал доктору все, что слышал от Шубина.

– Так это она и есть, Степан Андреевич! – вскричал де Генин. – Вода жизни и вода смерти! Как верно заметил твой Шубин, малое количество лечит, а большое убивает!

– Но самого ларца и сосуда серебряного никто не видел!

– И что с того? Никто не видел, не означает, что его нет.

– Сказка, да и только! Как все сложилось, Карл Карлович. Я прибыл в дом Кантемира, и он мне историю с Тишкой поведал. Затем я был у тебя дома, и ты мне рассказал о валашском замке рода Кантакузенов.

– Все верно, Степан Андреевич. И там я слышал историю про старика, восставшего из могилы. В деревушке неподалеку от замка помер старик и через два дня после похорон явился он ночью к своему сыну. И просил дабы ему поесть дали. Старика накормили, и он ушел. Но спустя неделю снова явился и сына его нашли утром мертвым.

– Именно! Но не стану спорить за ту историю в далеком замке. А вот на Москве у нас все по-иному было!

– И как же это было?

– Да не было вурдалака! Не было. Стряпуха Дарья соврала о том, что приходил Тишка. И ей за ту ложь заплатили. И это её потом и сгубило. Не захотел тот, кто за всем стоит, допустить, чтобы она мне правду рассказала.

– Но следы на шее у стряпухи? – спросил де Генин. – Вспомни, Степан Андреевич. И тебе на это твои начальники укажут, коли надобно будет про вурдалка вспомнить.

– Это подстроено, Карл Карлович! И попытка Дарьяна со смертельным исходом была подстроена. И смерть Тишки была подстроена.

– Но тогда получается, что в вашем ведомстве некто стоит за сим? Так?

– Так, Карл Карлович. И стоит нам с тобой навестить старуху, что деньги в рост дает!

– А она какое касательство к делу имеет? – спросил лекарь.

– Идем со мной и узнаешь!

– Я готов, Степан Андреевич...

***

Хроника событий: января, 27 дня, года 1733 от РХ.

Москва.

Дом процентщицы.

Старуха сидела у камина. Огонь ярко пылал и поленья, осыпаясь на решетку, выдавали целые снопы искр. Она не одергивала руки.

Рядом стоял небольшого роста мужчина в теплом на меху плаще.

– Зима стоит холодная ныне, – сказала старуха.

– Да, – согласился мужчина. – Зима как по заказу.

– С чем пришел? – спросила она. – Погреться?

– Пришел сказать тебе, что твой час пробил.

– Ты про что? – спросила она.

– Я вестник смерти.

Старуха засмеялась:

– Неужели пришел пугать меня смертью? Я живу уже слишком долго. В моей голове словно сошлись два человека. Тяжело. Они разрывают меня на части. Иногда я просто жадная старая процентщица. Я дрожу за свое серебро и боюсь, что у меня его захотят отнять. Но сия мерзкая старуха противна мне.

– Ты ведь и вправду стара. Дни твоей молодости прошли безвозвратно.

– Что такое внешняя сторона? Это ничто.

– Значит, смерти ты не боишься?

– Нет, – сказала она.

– Врешь! Ты желаешь начать все снова! Разве не так?

– Начать? – усмехнулась старуха. – Что я могу начать, если пришел мой конец?

– Некогда получила ты ценную вещь на хранение. И за то тебе заплачено было!

– Мне дали вот этот дом и много денег. Я стала богатой.

Но я вчетверо умножила серебро, которое получила. И ныне могла бы отдать свой долг с процентами.

– Никто не требует с тебя долга деньгами! Кому нужно твое серебро? Я о том предмете, который вывезла ты тогда из дома Кантемиров. Смотри в мои глаза!

Мужчина «впился» глазами в глаза старухе. Она смотрела на него, не мигая и не шевелясь. Затем он произнес:

– Мы встретимся снова у двери. Перед тем часом, когда двери суждено отвориться. Твой час пробил, и твоя дверь скоро будет открыта.

Старуха очнулась и сказала:

– Я знаю, что тебе нужно!

– Где ларец? Кому ты передала его на хранение?

– Я спрятала его там, где он мог быть спрятан. В московском доме князя Кантемира. Там есть тайник!

– Но ларца там нет! – вскричал мужчина. – Тайник пуст.

– Я перенесла его в дом Кантемира. Я положила его в тайник, – повторила она.

– Но в тайнике ларца нет! – сказал мужчина. – И хватит со мной играть! Ты ведь знаешь, что ларца в кантемировском особняке нет.

– Знаю, – ответила старуха.

– Тогда, где он? – вскричал мужчина. – Отчего его нет там, куда ты его положила?

– Ты нарушил основное условие, господин Дурново. Сам нарушил то, чего нарушать нельзя, – сказала старуха.

– Я ничего не нарушал!

– Но это ты послал за ларцом человека. Под видом простого холопа тот человек проник в дом князя Антиоха Кантемира. Ты хотел достать его раньше срока.

– Все верно. Я решил забрать ларец к себе. Слишком много охотников появилось в игре! Никому веры не дал! Все мошенники.

– И ты, господин Дурново, подсунул им Тишку.

– Пришлось. Хотя не могу понять откуда тебе про это известно! Но это так. Я подменил холопа боярского. Узнал через капитан-исправника Осипова что посылает князь Константин Кантемир несколько слух в дом московский князя Антиоха Кантемира. Простое дело – холопа подменить.

– И потом ты убил его?

– Обоих Тишек приказал убить. И настоящего, и подставного. Настоящий слишком близко к Волкову приблизился. Мог многое рассказать. Но подставной Тишка ничего не нашёл в тайнике. Он по моему приказу ведь дом перерыл! Ничего!

– Он не нашел его, – сказала старуха. – Не нашел, ибо его там не было.

– Ты, старая карга, перепрятала ларец? Вот ведьма!

Старуха ответила:

– Этот предмет здесь.

– Что?

– Но здесь, Порфирий Кузьмич.

– Здесь?

– Он в этой комнате.

– Не может быть!

– Но это так.

– И ты вот так про это говоришь? В чем подвох?

– Он более мне не нужен, Порфирий. Никакого подвоха нет.

– Ты я могу его взять?

– Да.

Мужчина не поверил:

– И ты отдашь его сама?

– Он твой.

– Где он?

Она рассказала, где искать. Мужчина сломал перегородку стенового шкафа и нашел то, зачем пришел.

– Это он! Я снова получил его!

Старуха спросила равнодушно:

– И что теперь?

– Тебе придется умереть.

– Я знала это. Они уже идут сюда. Не так ли?

– Волков и доктор де Генин. Скоро будут в твоём доме. Я опередил их ненадолго.

– Значит, пришел мой час! Я давно ждала его. И что сделать мне напоследок? – спокойно спросила она.

– Рассказать ему то, что сей чиновник знать желает.

– Рассказать? – спросила она.

– Да.

– Но он и про тебя спросит, Порфирий.

– Думаю, что про меня он уже знает.

– И ты не боишься? – спросила она.

– Нет, – усмехнулся Дурново. – Пусть себе Волков узнает правду. Но мне пора. Прощай.

– Прощай, Порфирий. Увидимся в другой жизни.

Он знал, что она исполнит все. А ему было пора уходить.

Волков был уже близко...

***

Степан Волков и Шарль де Генин прибыли к дому старухи.

– Ты, Карл Карлович, более помалкивай и в суть вникай. А я говорить стану!

– Как прикажешь, сударь.

Волков постучал.

– Кого бог принес? – послышался старческий голос из-за двери.

– Чиновник сыскаго ведомства надворный советник Волков. Именем государыни! Приказываю открыть!

Старуха двери отворила сразу.

Мужчины вошли.

– Али не ждала нас, бабушка? – с усмешкой спросил Волков.

– Ждала! Знаю, кто ты таков, Степан Волков, – произнесла старуха твёрдым голосом. – Знала, что докопаешься до

истины.

– Вот как? И скрывать ничего не станешь?

– Не стану! Ибо тебе бояться стоит, а не мне. Вижу не один пришел. Пусть будет так. Поднимайтесь за мной в гостиную. Там будем говорить!

Они прошли. Де Генин был заинтригован. Он еще не понимал, что происходит.

Старуха села в большое кресло и величественным жестом пригласила мужчин располагаться на стульях.

– Вы ведь пришли узнать правду? Я готова вам сообщить её. Но для вас, де Генин, нет в ней ничего хорошего. Ваши поиски Воды жизни тщетны.

– Как? – спросил Карл Карлович.

– Нет Воды жизни. Не придумали еще люди эликсира, который способен продлить жизнь человеческую.

– Но Кассандра Кантакузен владела...

– Кассандра Кантакузен не смогла продлить свою жизнь и свою молодость! – заявила старуха. – А это было её самое горячее желание.

– Но вам лет по виду много больше, чем Кассандре.

– На мне Кассандра впервые испытала эликсир жизни. Тот самый, что содержался внутри сосуда. Я всё равно с годами стала стареть!

Волков ничего не сказал и посмотрел на доктора де Генина.

Старуха продолжила:

– Я живу долго. И моя жизнь меня утомила. Но смогла сыграть с вами последнюю шутку. Одна старуха смогла так напугать вашу столицу, господа. Ваших придворных и вашу императрицу.

– Но ради чего? – повторил вопрос лекарь.

– Ради того, чтобы показать вам как всё хрупко и ненадежно в вашем мире. Ведь история вурдалака Тишки практически была выдумана самими невежественными жителями вашей столицы.

– Значит, вы прислали под видом вурдалака некоего человека в дом Кантемиров? – спросил Волков.

– Я всего лишь была хранительницей ларца, Степан Андреевич. Остальное придумали другие.

– Дурново? Я распутал его интригу!

– Слуги в ваших домах так продажны и глупы. Они могут за рубль рассказать, что видели чудовище о трех головах.

– Но я не поверил в вурдалака.

– Господин Волков! – сказала она. – Вы до сих пор блуждаете в тени. Хотя вам удалось ухватиться за ниточку, и вы стали разматывать клубок.

– Я сумею его размотать до конца.

– Нет, господин Волков!

Старуха поднялась с кресла, и сделал шаг вперед. Затем упала лицом вниз.

Доктор подскочил к ней и перевернул тело.

– Она мертва! – заявил он.

***

Хроника событий: января, 27 дня, года 1733 от РХ.

Москва.

Дом Антиоха Кантемира.

В доме князя в эти часы было тихо. Словно замерло все по колдовскому навету. Слуги боялись вурдалаков и колдунов. Боялись они страшного Войку, которому разные могущественные возможности приписывали.

Конюх говорил служанкам:

–И тот вурдалак жалости никакой ко своим близким не имеет. Коли придет то именно близкого мучить и станет.

–И кого? – спросила одна из горничных.

–А хошь и тебя, Марфа.

Молодуха побледнела как полотно.

–А меня почто? В моей родне вурдалаков нету.

–Так и нету? А ты смекни, кто был кузнец Лукьян? А кто была жена племяша Лукьяна? Твоя тетка родная!

–Дак враки сие! – возмутилась Марфа. – Николи тетка не была родней ихней.

– Дак имя то как тетки твоей? Не Аксинья?

– Мария.

– Мария? Тогда спутал я все.

– Стало не придет вурдалак?

– За тобой? – спросил конюх. – Може и придет. Кто его знает?

– Дак не родня мне Лукьян-то.

—А они и иных пользуют.

И снова конюх пустился в разговор о вурдалаках...

***

Князь Антиох Дмитриевич сии разговоры слышал. Но ныне в них не встречал. Пусть себе слуги болтают. Запрещать смысла не было. Люди невежественные и темные. Чего с них взять?

Сватовство его к княжне Варваре Черкасской расстроилось. Слишком матушка-государыня была недовольна происшествиями в его доме. А князь Черкасский известный лизоблюд. Сразу ловил конъюктуры придворные...

***

Степан Волков прибыл в дом Кантемира в санях. Кучер быстро домчал барина, ибо видел, что надворный советник спешит.

Дворецкий встретил чиновника у ворот с радостью.

— Барин! От радость-то! Давно ждут вас их сиятельство. Уже почитай в пятый раз интересовались.

Волков выпрыгнул из саней и приказал кучеру ехать по своим делам. Ныне он был Волкову не надобен.

— Прошу вас в дом, барин! Не прикажете ли водочки с морозца?

— Давай.

— Сей момент сделаем.

Надворный советник сбросил в передней плащ и шляпу на руки лакея. Второй лакей уже держал в руках поднос со

стопкой водки и закуской. Волков водку выпил, но закусы-
вать не стал.

– Где барин?

– В кабинете вас ожидают.

Волков быстро поднялся на верхний этаж.

– Степан Андреевич! Здравствуй! – Антиох ждал Волкова
как своего спасителя.

– Здравствуй, Антиох Дмитриевич.

– Ждал тебя, яко спасителя своего! Выяснил чего, Степан
Андреевич?

– Да.

– Неужто? – вскричал князь. – Не шутишь надо мной, гос-
подин надворный советник?

– Я выяснил все о вурдалаке в вашем доме, князь, – офи-
циальным тоном сказал Волков.

Князь не знал, что и сказать. Он лишь развел руками.

– Я все понял, князь, – повторил Волков. – Вы слышите
меня?

– Да, Степан Андреевич. Но я не понимаю. Неужели этот
разговор с лакеем дал вам все ответы?

– Разговор с лакеем поставил точки. Все нити связались
благодаря ему.

– Но как? Неужели вурдалак...

– Никакого вурдалака здесь нет.

– Нет?

– И никогда не было.

– Но я все еще ничего не понимаю, Степан Андреевич.

– Я все вам объясню, князь. Хитрый и весьма опасный человек затеял рискованную игру. Для сцены ему нужен был знатный дом в Москве. И ваш дом подходил как нельзя лучше.

– Но отчего мой?

– Вы потомок Кантакузенов и Кантемиров. Ваши родители прибыли сюда издалека. И древние легенды о вурдалаках должны были сыграть роль.

– Но что стало с Войку? Я не могу этого понять Степан Андреевич.

– С Войку всё в порядке, Антиох Дмитриевич.

– Как?

– А вот так. Вы же слышали о животном магнетизме?

– Что-то слышал.

– Вот это и есть главное в этом деле! Магнетизм! Способность внушать! И ваш Войку обладает такой способностью. Вот отчего приставленные к нему слуги говорили не то, что было, а то, что их заставили видеть.

– Заставили?

– Иначе внушили им то, чего не было.

– Но как сие возможно?

– Я не могу вам объяснить, как действует магнетизм. Я и сам этого не понимаю, но знаю, что подобная сила есть и основа её не в магии. Это область знаний еще не доступная широким ученым кругам. С ней экспериментируют немно-

гие в Европе.

– И Войку такой?

– Нет, князь. Войку лишь орудие в руках того, кто стоит за его спиной.

– А ваша жена, Степан Андреевич?

– Моя жена?

– Она как-то связана со всем этим!

– С моей женой произошли некие странные вещи. Войку к ней являлся и пытался запутать меня через жену. Ведь это он приходил к ней, а не его дух.

– Войку был в вашем доме?

– И не один раз, князь. Он хотел заставить меня поверить в вурдалака. Но сейчас дело не в моей жене. Сейчас дело в том, что старуха умерла.

– Старуха?

– Это бывшая служанка вашей матери Анна.

– Анна? Та, что пропала в год смерти матери? В 1713-ом году?

– Это она, князь.

– И она умерла?

– Да.

– Когда?

– Сегодня. Во время моего с ней разговора.

– Во время разговора? Значит, вы поставили её на пытку? – спросил Кантемир.

– Нет. Какая пытка. Я не стал её подвергать даже аресту.

– Но отчего она умерла?

– Умерла во время разговора. Но в вашем доме есть тот, кто знает многое. Потому я сразу прибыл к вам. Поднимемся к Войку и заставим его говорить.

Они поднялись в комнату, где лежал Войку. Никакой охраны у комнаты не было. Слуги князя покинули свой пост.

– Где это они снова? – возмутился Кантемир. – Ведь говорил, двоим сразу поста не покидать. Надобно розог не жалеть, как иные делают! Нельзя с этими людьми по-доброму! Не понимают они языка человеческого! Токмо лупить надобно как скотов!

– Успокойтесь, князь! Может, и нет в том вины ваших слуг. Внутри ведь с Войку кто-то есть?

– У его тела дежурит Данило, – сообщил Кантемир.

– Это хорошо.

Они вошли в комнату.

На полу лежало тело лакея с проломленной головой. На кровати Войку не было. Волков был готов завывать от досады.

– Ушел! Отчего я разу его не арестовал и не отправил в казематы сыскного департамента!

– Степан Андреевич!

– Войку сбежал! Вы видите, князь? Зотову нужно было прислать сюда полицейских для охраны комнаты, как я и просил! Хотя смогли бы разве они удержать Войку?

– Его можно поймать, Степан Андреевич? В этом мое спасение. Может государыня сменит гнев на милость.

– Не думаю, что ныне это возможно, князь. Войку же далеко...

Глава 23

Расторопность господина Зотова. 1733 год. Январь.

*Хроника событий: января, 28 дня, года 1733 от Р.Х.
Москва.*

Канцелярия юстиц-коллегии. Зотов действует.

После визита во дворец начальник канцелярии юстиц-коллегии господин Зотов был совершенно уничтожен. До государыни его не допустили. С ним говорил обер-гофмейстер фон Левенвольде. И содержание того разговора было предельно ясно.

– Государыня велела сие дело расследовать со всем тщанием и все слухи вредные на Москве пресечь. Прошло столько времени, а воля её величества так и не исполнена. Усматривает государыня в том преступный умысел или же преступное небрежение. Вы, господин статский советник, довели до того, что послы иностранные в письмах своим государям, о никчемности нашей повелительницы заявить посмели. Не исполняются её приказы! Чиновники достаточного усердия к службе не имеющие определяются к производству в следующий чин. Ведь вы намечены к чину действительного статского советника, сударь? Так вот, сроку вам дано – неделя! И до окончания сего срока сие дело должно быть окончено.

но к чести нашей государыни! А если не будет того, то обещан вам лично гнев императрицы Анны!

Иван Александрович сник под грозным взглядом обергофмейстера. Он хорошо понимал, что все его возражения сейчас приняты не будут. Потому возражать не стал. Он молча снес волну негодования царедворца и низко склонился, когда тот, не прощаясь, повернулся к Зотову спиной и ушел.

Все на него хотят повесить. Зотов ответит за все. А здесь не токмо лишение чина и отставка, но лишение дворянства, состояния и отправка в Березов! Туда где князя Меншикова и князей Долгоруких сгноили. А то и голову снимут.

Надобно свою головушку спасать. Но спасти её можно лишь одним способом – найти для плахи иную. Это Зотов хорошо умел делать. Главное, чтобы Волков не мешал. Вступить сейчас с ним в спор дело опасное. Слишком высокие люди стоят за его спиной – Бирен и Прокопович.

Для начала он решил с Волковым переговорить, а затем принять решение...

***

Статский советник вернулся в канцелярию и приказал найти господина Волкова.

– И пусть явится ко мне!

– Так точно, ваше высокоблагородие! – ответил посыльный.

Надворного советника нашли быстро. Он как раз прибыл на место службы и находился за своим столом, перебирал

бумаги.

Посыльный постучал, распахнул двери и по-военному доложил:

– Ваше благородие! Его высокоблагородие, господин Зотов, требует вас к себе!

– Сейчас?

– Спехом требует!

– Случилось что? – поинтересовался Волков.

– Прибыл его высокоблагородие из Анненгофа мрачнее тучи. Сразу видно, что без милости его там приняли. Я таким его еще не видел, сколько здесь служу.

– Значит дело серьезное. Сейчас буду у его высокоблагородия.

Степан спехом собрался и вскоре вошел в кабинет начальника канцелярии.

– Здравия желаю, господин статский советник!

– Ах, вот и вы, Степан Андреевич. Вас я и ждал.

– Прибыл по вашему приказу.

– Что скажете по делу о происшествии в доме Кантемира?

– Следствие ведется, господин статский советник.

– Это возмутительно!

– Это как же понимать прикажете, ваше благородие? Вы недовольны тем, что я веду следствие по делу?

– Я недоволен тем, что следствие идет медленно! – заявил Зотов. – Времени прошло слишком много! А только и слышу от вас – следствие идет. Куда оно идет? К моей ссылке в Си-

бирь? С этим я не согласен, господин надворный советник.

— Но я потерял несколько недель из-за неприятностей с тайной канцелярией. Сие не моя вина, господин статский советник! И не я отправил господина Тарле и господина Дурново в Архангельское! А именно нападение на них и стало последней каплей гнева императрицы!

— Я в этом вас и не виню, господин Волков. Но я хочу знать, как долго вы еще будете разбираться в деле?

— Я многое узнал, господин статский советник.

— Тогда говорите! Говорите все! Прошу вас сесть!

Волков сел на стул.

— Говорите! — приказал Зотов. — Ибо мне обер-гофмейстер такого наговорил! Иностранные послы из-за сего дела в письмах своих многие напраслины возвели на нашу государыню. Мол дикая у нас страна! Варварская.

— Могу сказать, что никаких вурдалаков и оживших покойников не было, господин Зотов. В доме Кантемира все сие было устроено нарочно.

— Это как?

— Со смерти холопа Тишки все началось. Поползли по Москве слухи вредные о вурдалаках и колдовстве Кантакузенов. Стряпуха дома Кантемиров показала, что видела мертвого холопа, который якобы в дом своего господина явился.

— Я это знаю! И та стряпуха, потом сама в бега подалась.

— Она наврала о том, что видела вурдалака. Ей заплатили за сие. Но сделал это совсем не лекарь де Генин.

– А кто? – спросил Зотов.

Степан хотел сказать о своих подозрениях относительно Дурново, но передумал. Это напугает Зотова.

– Старуха, которая промышляла ростовщицеством.

– И кто сия старуха? – недоумевал Зотов. – При чем здесь какая-то старуха? Что я доложу? Кто она?

– Бывшая служанка в имении Кантемиров именем Анна.

– Крепостная? – спросил Зотов.

– Нет. Свободная. Имеет собственный дом на Москве и занимается...

– Дает деньги в рост. Сия я понял. И она сейчас на Москве?

– Да.

– Нужно срочно арестовать её.

– Но она умерла, господин статский советник! Однако многое мне рассказала перед своей смертью.

– Пыточные сказки не составлены по форме?

– Нет, – ответил Волков. – Я не арестовывал старуху.

– И что она сказала?

– Что это она стоит за сим делом о вурдалаке. Она действовала через Войку, который и внушал холопам Кантемиров разные страхи, и рассказывал им сказки про упырей.

– Сей Войку в доме Кантемира ныне?

– Нет.

– Как нет? Он лежал там в беспамятстве!

– Уже не лежит.

– А где он?

– Он бежал.

– Это черт знает что, Степан Андреевич! А у меня здесь был сам вице-канцлер! Сам Остерман! И многими бедами грозил и мне и вам! Затем я был во дворце и наслушался грозных слов от самого Левенвольде. А у нас есть мертвая старуха Анна и сбежавший Войку. Пропали Дурново и Тарле.

Статский советник продолжал:

– И никто не знает где они! Охрана вернулась обратно. А ни Тарле, ни Дурново нет! И пропали они по пути в Архангельское!

– Я разберусь с этим в ближайшее время, господин статский советник.

– Нет! Теперь я сам стану вести сие дело!

Зотов принял решение. Надобно все самому обделать.

– Вы? – удивился Волков.

– Я! Мне надобно первому доложить о его окончании!

Первому!

– Но я почти...

– Хватит Степан Андреевич! Если я сего не сделаю, то мне конец. Понимаешь? Лишат чинов и наград. И самое лучшее отправят в имение в отставку без пенсионна. А худшее – лишат не токмо чинов, но и имения и спровадят в далёкий Березов. Потому я беру все в свои руки.

– Но что вы можете?

– Я знаю, как сие дело завершить. Твое следствие я закончу. Или мне конец.

– Но не поймать вам настоящего виновника, господин Зотов!

– Сейчас не до того, Степан Андреевич. Сейчас голову спасать надо. Так что не обижайся. Тебе поручаю дело купца Лаптева. И быть тебе сегодня в доме Лаптева и там доподлинно узнать, кто сего купца упокоил.

– Господин статский советник...

– Всё! Я сказал свое слово, господин надворный советник! И более повторять не стану!

Волков поклонился и покинул кабинет Зотова. Его удивила решимость начальника все делать самому. Хотя он знал, что Зотов вынудит некоторых людей низкого звания дать нужные ему показания...

***

После ухода Волкова Зотов приказал слуге разыскать фискала Тайной канцелярии Кауфмана, с которым ранее имел дела. Он передал, что фискал немалую выгоду за сей визит получит. Знал Зотов жадность фискала до золота. Такой мать родную продаст за кошель.

Кауфман скоро прибыл к нему. Он вошел в кабинет Зотова и нагло развалился в кресле. Затем мерзко ухмыльнулся (знал мерзавец, что нужен Зотову) и произнёс:

– Звал, господин статский советник?

– Звал. Ты мне надобен.

– А меня просто так не зовут. Но даром я ничего не делаю, ты знаешь.

– Даром и не надо, Яган. Я тебе пятьсот рублей пожалую.

– Пятьсот?

– Пятьсот.

– И что надобно тебе за пятьсот рублей серебром?

– Надобно знать, кто ныне на Москве есть, кто во врагах матушки-государыни числиться.

– А дело о вурдалаке?

– Я сказал тебе, что мне надобно. Мне нужен враг государыни. Тот, против кого дело именное уже заготовили. Я сего человечка к своему делу привяжу крепко. Итак?

– Измена?

– Государственная измена, – поправил Зотов.

– Таких людишек много. Хоть десяток можно найти.

– Но мне не всякий подойдет. Ты ведь знаешь, Яган, о бедах, что свалились на мою голову?

– Как не знать? Под топором голова твоя, сударь.

– Под топором? Не ссылка? – изумился Зотов.

– Нет. Ты ведь думаешь, что вместо тебя Волков ответит?

Ошибаешься. Волкова тебе подставить под топор не дадут.

– Как же так? – вскричал Зотов. – Но Волков сие дело вёл!

– Волкова уберут из-под топора. Для него уже новое дело нашли. Отправят его вскорости за границу.

– Куда?

– В Польшу.

– А мне пропадать?!

Кауфман засмеялся.

– Зачем пропадать? Ты ведь мастер дела стряпать. Я знаю, кто тебе надобен, господин Зотов!

– Говори имя!

– Тысяча пятьсот рублей серебром!

– Побойся бога! – вскричал Зотов.

– Ты, Иван Александрович, сам бога бойся. Ты богат, и твоя голова стоит под ударом. Я могу тебе помочь голову спасти. И за сие тысячи пятисот рублей не жалко.

– Тысяча двести!

– Не торгуйся. Я тебе такого человечка найду, что тебе лишь спасибо скажут. Но ни копейки не уступлю.

– Идет! – согласился Зотов.

– Деньги!

Зотов выложил два кошелья с серебром.

– Здесь точно тысяча пятьсот рублей! Не считай.

Фискал убрал кошельи в карман камзола.

– Говори! Только сведения должны быть такие, что стоят этих денег.

– Будешь доволен. Прибыл из-за границы молодой князь Голицын Михаил.

– И что с того? – спросил Зотов. – Это я и без тебя знаю. И ста рублей сие не стоит.

– Но не знаешь ты, что женился он там.

– За границей? И что?

– Женился на иностранной подданной. И, главное, признали мы, что для женитьбы тайно принял сей князь католичество и от веры православный отресея.

«Вот так подарочек!» – мысленно воскликнул Зотов. Но вслух только спросил:

– А ты сам разве православный, Кауфман?

– Я не русский, а немец, про сие помни. А Голицыны веры русской и Голицыны враги государыни...

***

Зотов понял, какой подарок преподнес ему Кауфман. Этот Голицын был сыном того самого любовника царевны Софьи Алексея Васильевича Голицына. И был он врагом государю Петру Алексеевичу.

Только вернулся из-за рубежа. Веру сменил. На иностранной подданной женился. Род Голицыных обижен Анной, а стало быть, он может мстить...

***

На следующее утро узнал Степан Волков, что сам Зотов нагрянул к Кантемиру и арестовал пять его холопов. Все они попали в пыточные подвалы, где сам начальник канцелярии проводил допросы.

Затем обыскали дом старухи процентщицы, где все перевернули вверх дном...

***

В пыточном подвале были составлены многие листы опросные.

– Ты, мил человек, не так все записал, – упрекнул Зотов писаря. – Сей холоп не то молвил!

– Дак я точно писал, ваше высокоблагородие, с его слов!

– А я те приказываю сие предписать набело! Сей холоп совсем иное сказал. Был он подкуплен барином за золото.

– Так и написал я, ваше высокоблагородие! – оправдывался писарь.

– А надобно имя указать сего барина.

– Но пытаемый имени не назвал!

– Назвал! Но назвал тихо, и ты того слышать не мог. И теперь перепиши все набело, и имя барина укажи, ибо названо оно, и мы точно знаем, кто сие сделал!

Писарь все понял и больше спорить не стал. Он смял исписанный лист бумаги и бросил его в огонь. Затем придвинул чернильницу и взял чистый лист.

– Что прикажете писать, ваше высокоблагородие.

– Пиши так. Сказал пытаемый: «Был я подкуплен барином из дома Голицыных. И вернулся сей барин недавно из немецких земель и меня прельстил золотом...»

Писарь заскрипел пером.

– «Сказал мне оный барин Михаил, что государыня императрица у нас дура»...

Писец остановился:

– Так и писать?

– Так и пиши! «...императрица у нас дура и надобно оную дуру выставить перед послами иноземных государей как осо-

бу неученую». Записал ли?

– Записал, но не слышал я таких слов от пытаемого. Не обозвал он её величества «дурой».

– Сии порочащие нашу императрицу слова произнес сей холоп тихо и потому ты их не слышал.

– Что далее писать?

– Пиши так «Было мне приказано от барина Михаила Голицына разносить слухи по городу о том, что де видел я в доме моего господина, князя Антиоха Кантемира, ожившего мертвеца...»

***

Хроника событий: января, 28 дня, года 1733 от РХ.

Москва.

Дом госпожи Юшковой. Зотов действует.

После подвала Зотов оделся понаряднее и отправился в дом госпожи Юшковой. Был у него к ней важный разговор, ибо знал начальник канцелярии, какой вес имела сия женщина при дворе.

Юшкова принимать Зотова поначалу отказалась. Слишком много никчемных людишек в последнее время таскались к ней. И все с просьбами.

– Гони его в шею! – ответила Юшкова слуге.

Но Зотов слугу подкупил (дал десять рублей!) и просил на просьбе настоять.

– Приняла бы ты его, матушка. Больно человек убивается. Такой может и благодарным быть.

– Думаешь?

– Верно тебе говорю, матушка.

– Ну, коли так, зови!

Зотов вошел.

– Чего пожаловал? – строго спросила Юшкова. – Не упомяну, чтобы мы состояли в дружбе.

– Просьба у меня, матушка.

– Просьба? А с чего мне помогать тебе, батюшка?

– Да не просто так я прошу. В том деле и твоя выгода будет. И делать то тебе почти ничего не надобно. Только словечко замолви перед государыней.

– Словечко перед матушкой-царицей дорогого стоит. Сам, поди, знаешь.

– Знаю, матушка.

– И где приношение?

– В моих карманах кошель с серебром.

– Чай не поспешил на серебро?

– Никак нет, матушка.

– Тыщу рублей серебром! – сказала цену Юшкова. – И скажу, что надобно!

Зотов торговаться не стал. Сразу заплатил. Юшкова сгребла серебро и спросила:

– Чего надобно?

– Сказать надобно, при матушке-царице, что де дело о вурдалаке раскрыто.

– Чего?

– Дело о вурдалаке в доме Антиоха Кантемира.

– И ты сие дело раскрыл?

– Да. Я, статский советник Зотов, все разузнал и приказ государыни исполнил.

– Говори подробнее. Мне страсть как про сие знать хочется. А то Буженинова, калмычка неумытая, все новости перехватывает и все первая матушке рассказывает.

– А сие ты, матушка, первая и поведаешь государыне. И будет тебе и от ея величества награждение.

– Ты рассказывай. Что в дому Кантемира произошло?

– Я получил повеление от его светлости графа Бирена провести следствие по делу вурдалака в доме князя Кантемира. И писано было на мое имя, что есть именное повеление государыни сие дело расследовать со всем тщанием.

– Сие я и сама знаю. Далее рассказывай...

***

Через три дня Зотов все дело завершил...

***

Хроника событий: января, 31 дня, года 1733 от Р.Х.

Москва. Анненгоф.

Аудиенция.

Статский советник Зотов был вызван во дворец к самой государыне. Юшкова дело сделала.

Анна приняла статского советника в своем будуаре, где в утренние часы собирались шуты и шутихи государыни.

Императрица сидела в кресле в халате и пила кофе.

Юшкова показала на Зотова, который ждал в сторонке.

Она позвала его.

Статский советник, наряженный в роскошный малиновый камзол с золотом и красный кафтан с позументами и драгоценными камнями, приблизился к царице и низко поклонился. Локоны его завитого и напудренного парика коснулись начищенного паркета.

– Ты есть начальник канцелярии юстиц-коллегии на Москве? – строго спросила Анна, словно впервые Зотова видела. Хотя прекрасно знала, кто он такой.

– Я матушка-государыня! Твой верный раб Ивашка Зотов.

– Сказывала мне Юшкова, что, дескать, ты дело о вурдалаке распутал? Так сие?

– Так, матушка-государыня! Узнал я о том, что повелела ты дело раскрыть быстро и сам за него взялся. Иные людишки усердия к твоей службе не проявили. Пришлось самому.

– Так говори! Я не забуду твоего усердия. А коли рассказ интересен будет, сразу генералом отсюда выйдешь и кавалером!

Зотов пал на колени.

Императрица велела ему подняться:

– Встань! Чай не валяться сюда пришел! Говори!

Статский советник начал рассказ:

– Все сие дело было холопами задумано, матушка-государыня. И во главе сих холопей стоял слуга Кантемиров именем Войку, родом валах. Он был привезен сюда еще Дмит-

рием Кантемиром. И был сей Войку в большой чести у своих господ. О чем показали холопы на дознании, которое я лично для них учинил. Сей Войку подкупил двух слух – лакея Тишку и стряпуху Дарью. Они и стали распускать слухи про вурдалака. А сам Тишка себя за вурдалака выдавать стал. Вот и пошли слухи по Москве непотребные.

– Дак сей холоп оживший и не помер вовсе? – спросила царица.

– Нет, матушка-государыня. Был жив и здоров. По моему приказу его споймали, но вороги удавили его.

– Как? – вскричала императрица.

– Все Войку подстроил. Он подкупил темных людишек и они Тишку порешил. И заплачено было за сие 10 рублей серебром. А стряпуха в доме Кантемира Дарья за ту же сумму рассказала, что умерший Тишка явился в дом. Хотя знала, что тот не помирал.

– Но зачем холопы сие задумали? – спросила императрица.

– Задумали они сие дабы барина своего очернить и тебя, матушка, показать в ином свете перед государями иноземными.

– Постой-ка, статский советник! – прервала Зотова императрица. – Ты сказал, что сие холопы затеяли? Тишка и Дарья? Всю сию каверзу два простых малограмотных холопа завели? И мою столицу возмутили? И стало, государыня все-российская, холопов испугалась?

–Что ты, матушка-царица. Разве это я молвил?

–Ты сказал, что сие дело холопы затеяли!

Зотов был опытный интриган и на сию реакцию царицы и рассчитывал. Пришло его время выложить все о Голицыне.

–Дело говори! – строго приказала Анна.

–За сие дело было получено холопами серебра от некой процентщицы.

–И с чего процентщица за сие платить стала? – спросила императрица.

Зотов повторил:

–За сие получили они серебром от некой процентщицы, для которой средства прибывший из иноземщины князь Голицын дал.

–Голицын?

–Голицын, матушка.

–Это какой Голицын? – строго спросила Анна.

Зотов знал, что императрица ненавидела голицынский род еще со времен кондиций.

И он сказал главное:

– Князь Михайло Голицын, матушка-государыня.

– Михайло?

– Точно так, матушка-царица. И было мною выявлено, что сей Голицын знал старуху, что деньги давала в рост. Про то показала служанка Кантемиров Мария с пытки. Сказала она, что сама ходила за теми деньгами.

– А сама служанка где? У тебя в застенках?

– Нет, матушка. После того, как все поведала она, я велел её отпустить.

– Стало быть, и я могу её послушать?

– Служанку убили холопы Кантемира Иван и Влас. Испугались они, что выболтает она тайну, и свершили человекоубийство. В том холопы с пытки огнем признались. Затем эти же холопы убили и саму старуху процентщицу.

Зотов распахнул бархатную папку с бумагами и прочитал вопросные листы, где холопы Кантемира во всем сознавались.

– Читать ли государыня?

– Читай! – приказала царица.

Зотов начал:

– Показывает Влас, слуга из дому Кантемира.

«Велено мне было от барина Голицына убить старуху. Ибо могла она выдать барина и нас. Для сего дела призвал я моего товарища именем Иван, что состоит при доме конюхом.

Получили мы за сие сто рублей серебром. И кошель с оным серебром был при мне найден чинами полиции...»

Анна жестом приказала прекратить читать.

Зотов убрал листы.

– Стало быть, сие Голицын решил мне вредить? – строго спросила она.

– Точно так, матушка. Вернулся он из иноземщины и говорил, что де царица несправедливо поступила с родом Голицыных. Вот и решил он отомстить. И для того с Войку связался. И деньги ему через старуху передал.

– И сему есть доказательства? – спросила Анна.

– Есть, матушка.

Зотов вытащил бумаги и показал царице.

– Читать ли?

– Нет. Но надобно с сим дело разобраться.

– Сие уже мною делается, матушка-государыня.

– А ты молодец, Зотов. Не ты ли при дядюшке моем императоре Петре в фискалах служил? – Анна слышала это вчера от Юшковой.

– Я был верным слугой императора Петра Великого. И ради службы никого не щадил. На самого Меншикова я донос подал!

– На Меншикова?

– Когда тот еще в фаворе был. Не забоялся я, матушка. И тебе тако служить стану.

– Не забуду твоей услуги, Зотов. Награду получишь! Иди! И делай свое дело так, как долг велит! И помни – не забываю верной службы!

Она протянула ему руку для поцелуя:

Зотов припал к руке государыни, и, пятясь задом, покинул покои императрицы...

***

Через неделю статский советник Зотов получил чин действительного статского советника, орден Андрея Первозванного и пять тысяч рублей от императрицы Всероссийской.

Эпилог

Новое дело Волкова.

Хроника событий: февраля, 2-го дня, года 1733 от Р.Х.

Москва.

Дом Волкова.

2 февраля Степан был разбужен рано утром.

Слуга доложил о приходе посетителя.

– В такую рань? – спросил Волков. – И кто пришел?

– Тот человек сказал, что ты, барин, захочешь его видеть.

– А имя?

– Он не сказал.

– Хорошо. Веди его в гостиную.

Степан оделся и вышел к гостю. Тот грелся у камина, протянув руки к огню.

– Кем имею честь? – спросил Волков.

Тот повернулся и Волков узнал Ивана Карловича Тарле.

– Иван Карлович?

– Я, Степан Андреевич!

Они обнялись.

– Я думал, тебя и в живых нет! Дурново-то вернулся. А тебя нет и нет. Он сказал, что потерял тебя во время нападения разбойного.

– Я скрывался до времени, Степан Андреевич. Думаю, что

ныне ты станешь мне доверять? Ты ведь не верил мне. И я был у тебя на подозрении.

– Был, Иван Карлович. Каюсь в том.

– А чего каяться, Степан Андреевич? И я всего тебе не рассказал. Я ведь и правда прибыл сюда за *Augum potabile* или за Водой жизни, Степан Андреевич. Много я Петербурге терся около княжны Марии Кантемир. И узнал, что сия Вода здесь в Москве.

– И не ты один, Иван Карлович. И де Генину Вода жизни занадобилась. Да только нет её.

– Не нашли, Степан Андреевич. А она существует. Ради неё и историю сию с вурдалаком придумали.

– Дело с вурдалаками завершено, Иван Карлович. Наш действительный статский советник Зотов дело завершил. Что скажешь, господин Тарле?

– От Зотова того и ждал. Ныне он в милости великой у самой государыни императрицы.

– Я ведь сам ему дело о Тишке и Дарье преподнес на тарелочке! Не думал, что хватит у него ума все увязать! А он как ловко все провернул, – с горечью произнес Волков. – И Михаила Голицына под удар мастерски подставил. А опросные листы, что с пытки холопы говорили? На каждое слово есть свой лист. Знает, как дела в нашем сыском ведомстве вести господин Зотов.

– Дак Зотов дела не сделал. Только видимость одна.

– А ты поди и докажи сие, Иван Карлович. У Зотова след-

ствие! У него листы опросные. У него заговор против государыни. У него имена тех, кто сей заговор замыслил. Скажи, пойдешь, что Михайло Голицын не виноват? Зотов тебе десяток бумаг представит, в коих писано, что де платит князь холопам золотом за то, чтобы порочили они имя государыни! А у нас с тобой что? Домыслы про Воду жизни или эликсир философов? Да что сие стоит против заговора Зотова?

– Ты погоди, Степан Андреевич.

– Садись, Иван Карлович, в ногах правды нет.

Тарле сел на стул.

– Что с тобой случилось? Вначале расскажи. Ведь Зотов сказал, что и в живых тебя нет.

– Напали на нас с Дурново, Степан Андреевич по пути в Архангельское.

– Дурново уже всем рассказал, как разбойники на вас набросились.

– Напали, Степан Андреевич. И меня тогда едва не упокоили.

Степан усмехнулся.

– Не сам ли Дурново сие и подстроил?

– Степан Андреевич, мой немецкий добрый пистоль работы матера Кухенрейтера разорвался в моей руке словно не в Германии, а в Тамбове сработан. Оглушило меня и выбросило в сугроб, но спасла меня одна девица.

– Что за девица, Иван Карлович?

– Я тебе о ней уже рассказывал. Она себя Властой назы-

вает.

– Власта? Та самая, что не одну жизнь прожила?

– Нет, Степан Андреевич. Она молода и никакого эликсира жизни не принимала никогда. Некто специально сие подстроил.

Тарле рассказал Волкову о человеке без лица.

– Думаю, что я знаю, кто сей человек, Иван Карлович.

– Знаешь?

– Это Порфирий Кузьмич Дурново. Тот самый коллежский регистратор, что с тобой в одних санях ехал.

– Нет! Больно мелок он для такого, – возразил Тарле.

– Плохо ты его знаешь, Иван Карлович.

– А за Дурново стоит Зотов? Так, Степан Андреевич?

– Нет, Иван Карлович. Дурново им прикрылся. И все что в доме барском в Архангельском происходит – его рук дело. Дурново через управляющего все делал. И там есть для пригляда за управляющим его человек.

– Капитан-исправник? – спросил Тарле.

– Именно, Иван Карлович. Капитан-исправник Осипов. Только так все нити связать можно! Дурново со многими людишками воровскими на Москве связан. Многие на него спину гнули. Он же человек Ушакова, начальника Тайной канцелярии. Кто посмеет ему отказать? И обо всех действиях наших именно Дурново знать мог, ибо при Зотове он доверенный человек.

– Но ответ на главный вопрос, Степан Андреевич, есть у

тебя?

– Зачем Дурново сие надобно?

– Именно! Так ты знаешь?

– Нет, Иван Карлович. Дурново создал вурдалаков. Стало быть, нужны они ему для чего-то. Но более сим дело заниматься не могу, сударь. Строгий запрет имею. Жду гнева монаршего за свою нерасторопность в деле...

***

***

Хроника событий: февраля, ночь со 2 на 3 день, года 1733 от Р.Х.

Москва.

Дом Волкова.

Степан Волков увидел через окно, как в ворота въехала карета, поставленная по случаю зимнего времени на полозья. Кто это мог быть? Он никого не ждал в этот час. На дверцах кареты не было гербов, но четверка лошадей вороной масти была отменной. Неужто Зотов пожаловал? Но Степан сразу отмел эту мысль. Иван Александрович мог удостоить его посещением только в случае самой крайней надобности, а ныне такая надобность возникнуть не могла.

Но еще большим его удивление стало, когда из кареты вышла его жена Елизавета Романовна.

«Что это? – подумал он. – Лиза? Это Лиза! И это мне не кажется! Она приехала!»

Он сбежал по лестнице вниз и выскочил на крыльцо, не

накинув кафтана.

– Лиза!

– Степан!

Елизавета Романовна поцеловала мужа.

– Степанушка! Как давно я не видела тебя.

– Лиза! Где ты была? Я искал тебя!

– Но я писала тебе, дабы ты не волновался, Степан. Ты получил мои письма?

– Получил. Но где ты была?

– Пряталась, Степан. Ныне безопасно в Москве и я вернулась.

– Ты сказала безопасно, Лиза?

– Идем в дом, Степан. Чего стоять на холоде.

– Прости, Лиза. Я потерял голову от радости.

Они вошли, и Волков помог жене снять шубу.

– Войку более не сможет меня побеспокоить, Степан.

– А ты знаешь, где он? Я ведь хотел его поймать, но...

– Он умер, Степан. Его больше нет.

– Умер? – удивился Волков.

– Умер и мне это точно известно. Ныне не сможет он меня беспокоить своими визитами. Взялся он за меня крепко, думая к тебе подобраться, Степан. И вынуждена я была бежать, никому не сказав ничего. Ты сам ведаешь, кто был сей Войку.

Волков провел жену в гостиную и усадил её у огня. Сам он сел у ног женщины.

– Владел тот Войку странным даром магнетическим, – сказал он.

– Именно, Степанушка. И стояли за ним лица некие властью облечённые. Поняла я, что они через меня решили тебе вредить и приняла решение – уехать тайно.

– Ты все верно сделала, Лиза.

– Я даже слугам ничего не объяснила. Мало ли что. Умная у тебя жена, Степанушка?

Волков поцеловал руку Елизаветы Романовны.

– Верно, Лиза. Слугам веры не имею более. Некто среди них продался ворогам моим.

– Возможно, Степанушка. Ныне людишкам веры нельзя давать. Но ты сие дело завершил?

– Не я, Лиза. Господин Зотов его завершил. И даже награжден за сие был чином следующим.

– Зотов? – удивилась Елизавета Романовна.

– Удивительно тебе?

– Но ведь не завершил он дела, Степан?

– Нет. За его спиной стоял господин Дурново Порфирий Кузьмич.

– Дурново? А это не письмоводитель ли вашей канцелярии? – спросила Елизавета.

– Он самый, Лиза.

– Но сей Дурново только коллежский регистратор, чиновник 14-го класса! Как может он стоять за спиной статского советника!

Волков ответил жене:

– Порфирий Кузьмич Дурново птица полета высокого. Хоть и чин имеет малый, но за его спиной стоит сам генерал Ушаков. Среди людишек воровских он многих на Москве знает. И только богу известно скольких он на тот свет при помощи разбойников спровадил.

– И он все дело в доме Кантемира затеял?

– Думаю, что он, Лиза. И думаю, что он получил то, что хотел.

– А что он хотел, Степанушка?

– Сего не знаю, Лиза. Приказано мне от имени главы Святейшего синода Феофана Прокоповича собираться в дальний путь.

– Ссылка? За что?

– Не ссылка сие, Лиза. Феофан о моей особе печётся. И дело для меня нашёл. Мне ныне подалее от столицы быть нужно.

– И что за дело?

– Польский король просил графа Бирена прислать человека для следствия по важному делу. Некий казак по прозвищу Мацапура обвиняется в колдовстве и принесении жертв человеческих. И изловить сего Мацапуру никак не могут.

– И тебе сие поручили?

– Это дело стало моим спасением от опалы, Лиза.

– Когда тебе ехать, Степан?

– Через пять дней...

***

Владимир Андриенко

***

Декабрь 2022 г.